

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
В. С. СОЛОВЬЕВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
КУЛЬТУРА
ТОХАРИСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. Дониша

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
В. С. СОЛОВЬЕВ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
КУЛЬТУРА
ТОХАРИСТАНА

В СВЕТЕ РАСКОПОК
В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Ответственный редактор
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

Книга посвящена истории и культуре средневекового Тохаристана (юг Средней Азии и север Афганистана) и его историко-культурным связям. Приводится детальное описание раскопок археологических памятников. В работе исследуются материальная культура, архитектура, искусство. Значительное место занимает проблема города, а также сельского поселения и замка.

Л $\frac{4402000000-108}{013(02)-85}$ 136-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом настоящей книги являются история, культура и связи средневекового Тохаристана, которые рассматриваются главным образом через призму материалов, полученных авторами при раскопках, проведенных в Вахшской долине (Таджикская ССР).

Вахшская долина является частью Юго-Западного Таджикистана. В меридиональном направлении она вытянута на 170 км, в широтном — на 18—25 км. С севера и востока долина огорожена невысоким хребтом Терекли, с запада — хребтом Аруктау. По всей длине ее перерезает Вахш, самая крупная река Южного Таджикистана [Шульц, 1965, с. 368—371], имеющая пять террас [Керзум, 1957, с. 26—46].

Вахшская долина лежит в субтропической сухой зоне Советского Союза [Николаев, 1957, с. 9], в июле температура здесь достигает $+46^{\circ}$, абсолютный минимум зимней температуры доходит до -24° ; среднегодовое количество осадков — 203 мм [Леушина, Семенова, 1963].

В пойме р. Вахш, в заповеднике Тигровая балка, сохранились участки камышово-кустарниковых зарослей — тугаев, которые некогда покрывали значительную часть долины. В них встречаются олени, дикие кабаны, шакалы, гиены полосатые, фазаны. Выше, на четвертой и пятой террасах — низкотравные полусаванны, вершины гор покрыты зарослями фисташки и миндаля, сменяемых местами арчой. Здесь распространены степная черепаха, дикобраз, заяц-толай, лисица и др. [Атлас, 1968, с. 105; ЭСТ, 1974, с. 33—39]. В настоящее время в Вахшской долине высоко развиты промышленность и сельское хозяйство. Почвы орошаемой ее части типа сероземов [Грабовская, 1957, с. 72—74] дают высокие урожаи хлопка, фруктов и овощей.

Изучение археологических памятников Вахшской долины началось сравнительно недавно. Для дореволюционного периода известны лишь упоминания о них путешественников, офицеров, чиновников, побывавших здесь в разное время после присоединения Средней Азии к России [Маев, 1876; Маев, 1879; Жуков Ф., 1880; Минаев, 1879, с. 26; Косяков, 1884, с. 600; Логофет, 1909, с. 56—57; Логофет, 1913, с. 278—279; Гаевский, 1924, с. 14—29]. В 20-е годы некоторые из них упоминал в своей сводке А. А. Семенов [Семенов А. А., 1925, с. 143]. В 30—40-е годы здесь проводили разведки и раскопки незначительного масштаба краеведы А. Е. Маджи и В. Р. Чейлытко [Чейлытко, 1936; Чейлытко, 1945; Чейлытко, 1946; Чейлытко, 1947].

После организации Таджикской археологической экспедиции в 1946 г. был образован специальный отряд во главе с А. М. Беленицким, который в процессе работ в 1947 г. произвел научную регистрацию, топографическую съемку, сделал описание всех основных археологических объектов в долине [Беленицкий, 1950в, с. 140—146]. На большое значение и перспективность этих работ указывали А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов [Якубовский, 1950, с. 49; Дьяконов, 1951, с. 19—35].

Начиная с 1951 г. работы продолжались под руководством Б. А. Литвинского сотрудниками сектора археологии и палеонтологии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, сотрудниками Института востоковедения АН СССР и Государственного Эрмитажа. В процессе этих работ было обнаружено много археологических памятников различных эпох

(см. карту — рис.1). Самые ранние из них датируются концом нижнего палеолита [Окладников, 1958, с. 46—48] и мустьерским периодом [Рапов, 1959, с. 21—22; Рапов, 1961, с. 16; Рапов, 1965, с. 50—81; Костенко и др., 1961, с. 31—34].

К эпохе бронзы относятся отдельные находки [Рапов, 1959, с. 32], стоянка у совхоза им. Кирова [Литвинский, Соловьев, 1972, с. 46], серия могильников в низовьях р. Вахш [Литвинский, 1967а, с. 121—127; Литвинский, 1967б, с. 111—112; Пьянкова, 1974, с. 165—180; Литвинский, 1973б, с. 9—12; Пьянкова, 1981, с. 33—45]. V—IV веками до н. э. датируются первые ирригационные каналы в долине и связанные с ними поселения [Зеймаль Т. И., 1971а, с. 80—100; Зеймаль Т. И., 1971б, с. 50—52] (рис.1).

К раннему, развитому и позднесаканскому периоду относятся городища Кухнакала и Кумтена [Литвинский, Давидович, 1954, с. 53—60; Литвинский, 1956а, с. 68—74; Литвинский, 1956б, с. 77—88]. Ранне-средневековые памятники Вахшской долины изучены гораздо полнее [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 83—93; Зеймаль Т. И., 1959б, с. 143—152; Зеймаль Т. И., 1962, с. 35—47; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964, с. 84—92; Зеймаль Т. И., 1969, с. 7; Зеймаль Т. И., 1971а, с. 37—55].

Особую важность имеют раскопки буддийского монастыря Аджина-тепа, проведенные в 1960—1975 гг. [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1975; Литвинский и др., 1977, с. 66—76 и др.]. Ключевым ранне-средневековым памятником Вахшской долины является городище Кафыркала — столица области Вахш. Раскопки здесь были начаты в 1956—1957 гг. Т. И. Зеймаль [Литвинский и др., 1959, с. 145—152; Зеймаль Т. И., 1959а; Зеймаль Т. И., 1959б] и продолжены затем Б. А. Литвинским и под его руководством В. С. Соловьевым в составе Южнотаджикской археологической экспедиции.

Исследовались, хотя в значительно меньшем масштабе, и средневековые памятники более позднего времени [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 83—84; Гулямова, Зеймаль Т. И., 1956, с. 98—100]. Особое внимание при этом уделялось городищу Лягман близ Узуна (средневековый Хелаверд). Средневековая историческая география Вахшской долины изучалась на основании арабо-персидских письменных источников такими выдающимися востоковедами, как В. Томашек [Tomaschek, 1877], П. Маркварт [Marquart, 1901; Marquart, 1938], Ле Стрэндж [Le Strange, 1905], Э. Шаванн [Chavannes, 1903], В. Ф. Минорский [Minorsky, 1970], особенно В. В. Бартольд [Бартольд, 1963а, с. 119; Бартольд, 1965, с. 514—515, с. 555—557]. Большое значение для ее понимания имеет работа А. М. Беленицкого «Историко-географический очерк Хутталя», опубликованная им в 1950 г. [Беленицкий, 1950б, с. 109—127]. Некоторые частные вопросы рассмотрены Б. Я. Стависким [Ставискый, 1957].

Нумизматические находки с территории Вахшской долины впервые наиболее полно были изучены Е. А. Давидович [Давидович, 1954, с. 71—76; Давидович, 1956а, с. 103; Давидович, 1959а, с. 175—176; Давидович, 1959б, с. 153—154; Давидович, 1965б, с. 261—263; Давидович, 1979а и др.]. Проблемы истории и истории культуры области Вахш получили освещение в монографии Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль «Аджина-тепа» (1971 г.), в обобщающих трудах по истории Таджикской ССР [ИТН, т. 1, 1963, т. 2, 1964], в работах А. Джалилова [Джалилов, 1973; Джалилов, 1975], в книге Б. Г. Гафурова «Таджики» [Гафуров, 1972, с. 225—246]. История Вахшской долины конца XIX — начала XX в. посвящена специальная работа Ш. Т. Юсупова [Юсупов Ш. Т., 1975].

Большой фонд материалов для изучения средневекового Тохаристана получен в других районах Южного Таджикистана, в Южном Узбекистане, Северном Афганистане. Так, в Южном Таджикистане памятники раннего средневековья помимо Вахшской долины изучались в низовьях Кафирнигана [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 310—318], в Гиссарской до-

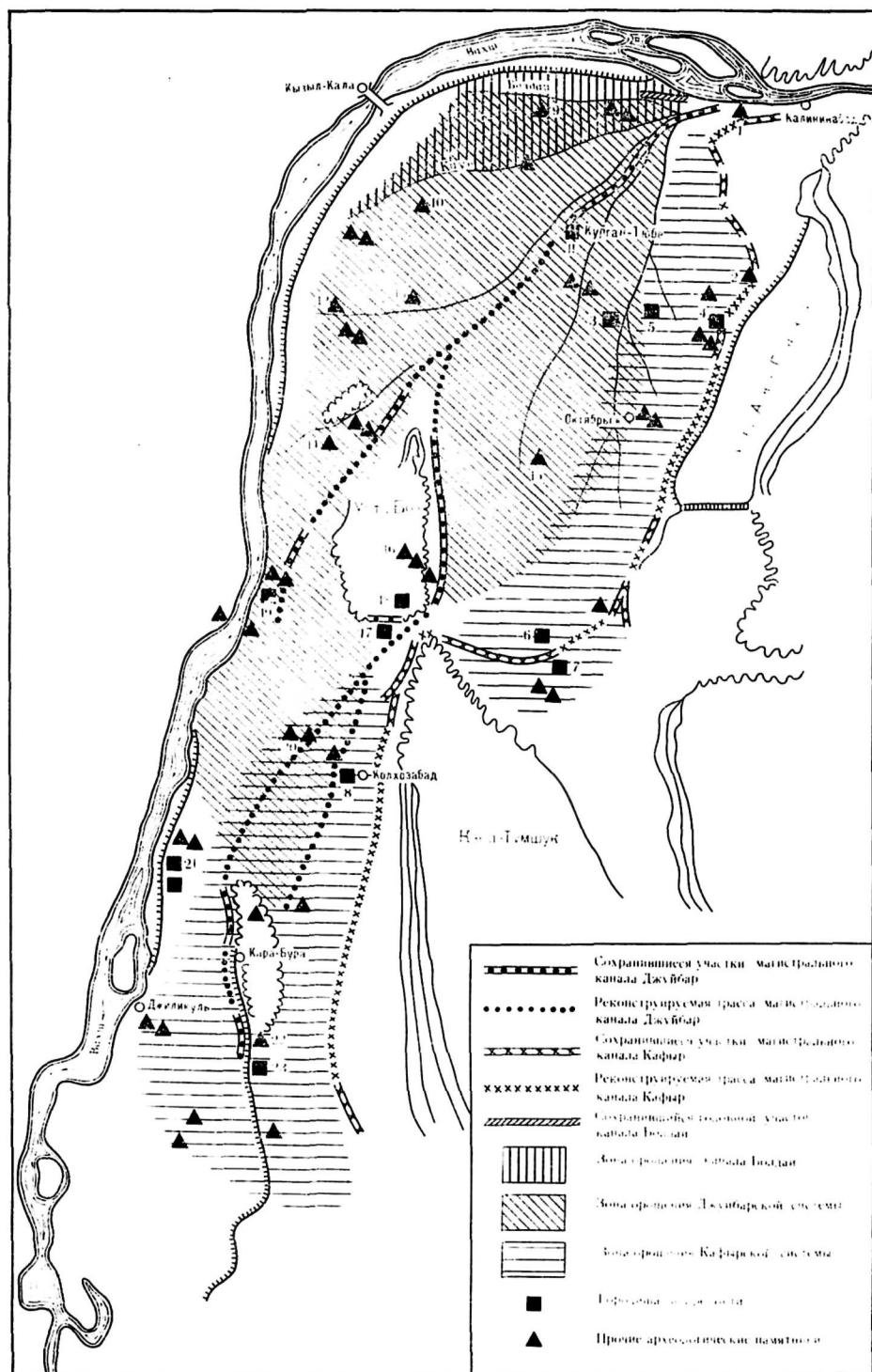

Рис. 1. Карта археологических памятников Вахшской долины
(по Т. Н. Зеймаль — Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971, рис. 1):

1 — поселение; 2 — Мардатсай; 3 — «Комнитер»; 4 — Чоргультепа; 5 — Аджикиштепа; 6 — Кухнашахр; 7 — Кафиртепа; 8 — Кафиркала; 9 — Болдайтепа; 10 — Кауштепа; 11 — Курган-Тюбинское городище; 12 — Заргартена; 13 — Шуртепа; 14 — Таштепа; 15 — Шортена; 16 — Урта-Боз VII; 17 — Урта-Боз I; 18 — Урта-Боз I; 19 — Лигман; 20 — Искитена; 21 — Утенкала; 22 — Кумтепа; 23 — Кухнакала

Рис. 2. Карта средневековых памятников Средней Азии

лине [Давидович, 1956б; Зеймаль Е. В., 1961; Зеймаль Е. В., 1979], в долине Кизылсу [Денисов, 1977] (подробнее историю изучения см. [Литвинский, 1954; Литвинский, 1967б; Литвинский, 1973б]).

Большие работы осуществлены по вскрытию раннесредневекового кроющего слоя на городище Калаи-Кафирниган под руководством Б. А. Литвинского в 1974—1980 гг. [Литвинский, 1976; Литвинский, 1977б; Литвинский, 1979а; Литвинский, 1979б; Литвинский, 1981; Litvinskij, 1981] Памятники Сурхандарьинской области начали изучаться во второй половине 20-х годов под руководством Б. П. Денике (1926—1928), а позже М. Е. Массоном (1936—1938), но специально изучался лишь один раннесредневековый памятник — «Курган» [Шишкин, 1945]. Широкое изучение раннесредневековых памятников здесь было начато в 1949 г. Л. И. Альбаумом: Балалыктепе (1953—1955), Джумалактепе (1956—1957), Зангтепе (1961—1962) и ряд других [Альбаум, 1960; Альбаум, 1963; Альбаум, 1964; Нильсен, 1966]. Эти работы были затем продолжены, главным образом по линии Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Х. Х. Ниязи, Бактрийской экспедиции Института истории АН УзССР и ЛОИА АН СССР и Сурхандарьинской комплексной экспедиции.

Таким образом, накоплен огромный фонд археологических материалов, памятников архитектуры и искусства, а также других источников по истории и культуре раннесредневекового Тохаристана. В этом фонде велик удельный вес материалов из Вахшской долины и — шире — Южного Таджикистана.

Средневековые памятники Тохаристана изучались также во всех частях этой историко-культурной области. Необходимо прежде всего отметить успешное изучение исторической топографии Термеза, раскопки дворца термезских правителей; изучалась историческая география и средневе-

ковые памятники Чаганиана [Пугаченкова, 1963а; Ртвеладзе, 1977; Ртвеладзе, 1978]. Большое значение имеют раскопки Хульбука, начатые Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским в 1953 г. и продолженные с 1957 г. Э. Гулямовой, которая, кроме того, осуществляет раскопки на городище Саёд. При раскопках получены поразительные по своим художественным достоинствам резной штукатурки и настенная живопись, богатейший и разнообразнейший набор предметов материальной культуры X—XII вв. Изучалась и средневековая архитектура [Беленицкий, 1950а; Литвинский, 1953; Немцева, 1969а, и др.].

Следовательно, и по средневековой археологии Тохаристана накоплен очень большой фонд материалов.

В настоящей книге использованы наблюдения и разработки, сделанные на протяжении ряда лет ее авторами и опубликованные в предварительных отчетах и статьях (они перечислены в списке цитированной литературы). В главах, посвященных Кафыркале, использованы также материалы кандидатской диссертации В. С. Соловьева [Соловьев, 19776]. В книге наряду с археологическими использованы иконографические материалы и разнообразные письменные источники, результаты исследования новой серии средневековых монет, осуществленного В. А. Лившицем, Е. В. Зеймалем, Е. А. Давидович.

Цель предлагаемой вниманию специалистов книги — детальная публикация результатов и материалов раскопок двух столиц владения Вахш: раннесредневековой — городища Кафыркала и эпохи развитого средневековья — городища Лягман. Авторы попытались осмыслить полученные ими материалы не только в плане истории и культуры Вахшской долины, но и Тохаристана в целом.

В раскопках на Кафыркале и Лягмане участвовал большой коллектив археологов, архитекторов, художников, студентов-практикантов, шоферов, рабочих — все они внесли определенный вклад в изучение этих памятников, всем им мы приносим свою благодарность. Искреннюю признательность мы выражаем также М. И. Воробьевой-Десятовской за дешифровку найденных на Кафыркале памятников письменности, А. А. Иванову за советы по изучению лягманской бронзы. Художник Т. П. Удыма и архитектор И. Ф. Силин провели большую работу по оформлению иллюстративного материала книги, авторы выражают им глубокую благодарность.

ГОРОДИЩЕ КАФЫРКАЛА (РАСКОПКИ. СТРАТИГРАФИЯ. ДАТИРОВКА)

Городище Кафыркала является одним из наиболее крупных археологических памятников Вахшской долины. Оно расположено на западной окраине пылепесчаного райцентра Колхозабад. Местное население связывало это городище с мифическим Золи Зардом. Согласно преданиям, Кафыркала была резиденцией его дочери, в цитадели же якобы располагался *зиндон* (записано Б. А. Литвинским в 1956 г.). Впервые памятник был обследован в 1947 г. Вахшским отрядом во главе с А. М. Беленицким во время рекогносцировки Вахшской долины. В отчете А. М. Беленицкого дано его краткое, но четкое описание, отмечена скудность подъемного материала. Описание было снабжено схематическим планом, снятым в мелком масштабе (1:4000). Датировка памятника не была установлена [Беленицкий, 1950в, с. 143, табл. 71/2]. В 1954 г. городище было осмотрено Б. А. Литвинским и Е. А. Давидович. Тогда же Б. А. Литвинский, перечисляя памятники Вахшской долины, представляющие значительный интерес, назвал и Кафыркалу [Литвинский, 1954, с. 38].

В 1956 г. Т. И. Зеймаль произвела зачистку одного из бугров на территории города и начала первые раскопки, продолженные в следующем, 1957 г. Площадь заложенного раскопа достигала 150 м². В нем последовательно было вскрыто три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни на городище: «Кафыркала I» (КФ-I), «Кафыркала II» (КФ-II), «Кафыркала III» (КФ-III). Характер строений, относящихся к периодам КФ-I, III, не удалось выявить, так как они были разрушены. К периоду КФ-II относятся строения большого парадного зала, вскрытого за два сезона примерно на две трети его величины. На основании найденных монет и керамики Т. И. Зеймаль предварительно датировала кроющий слой (период КФ-I) VII—VIII вв., промежуточный слой (период КФ-II) — III—IV вв. и подстилающий слой (период КФ-III) — II—III вв. Затем датировка периода КФ-II была уточнена — VI — середина VII в. [Литвинский и др., 1959, с. 133, 134, рис. 3; Зеймаль Т. И., 1959а, с. 83—93; Зеймаль Т. И., 1969, с. 10—11; Зеймаль Т. И., 1971б, с. 46—47].

В 1965 г., во время планировочных работ, проводимых на городище районными организациями в хозяйственных целях, сильно пострадали цитадель и часть северной оборонительной стены города. В некоторых местах цитадель была срыта на 2—3 м. При этом все впадины на ее верхней площадке были засыпаны снятым грунтом.

Раскопки на Кафыркале были возобновлены в несравненно более широких масштабах через одиннадцать лет, в 1968 г. На этот раз они велись преимущественно на цитадели. Общее руководство раскопками осуществлял Б. А. Литвинский. Работу в отдельные периоды раскопочного сезона этого года возглавляли Ю. Я. Якубов, М. А. Бубнова (Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР) и Г. А. Брыкина (Институт археологии АН СССР).

С 1969 по 1981 г. (с перерывами в 1972 и 1977 гг.) раскопки на городище продолжались, но уже в меньшем объеме. В течение двадца-

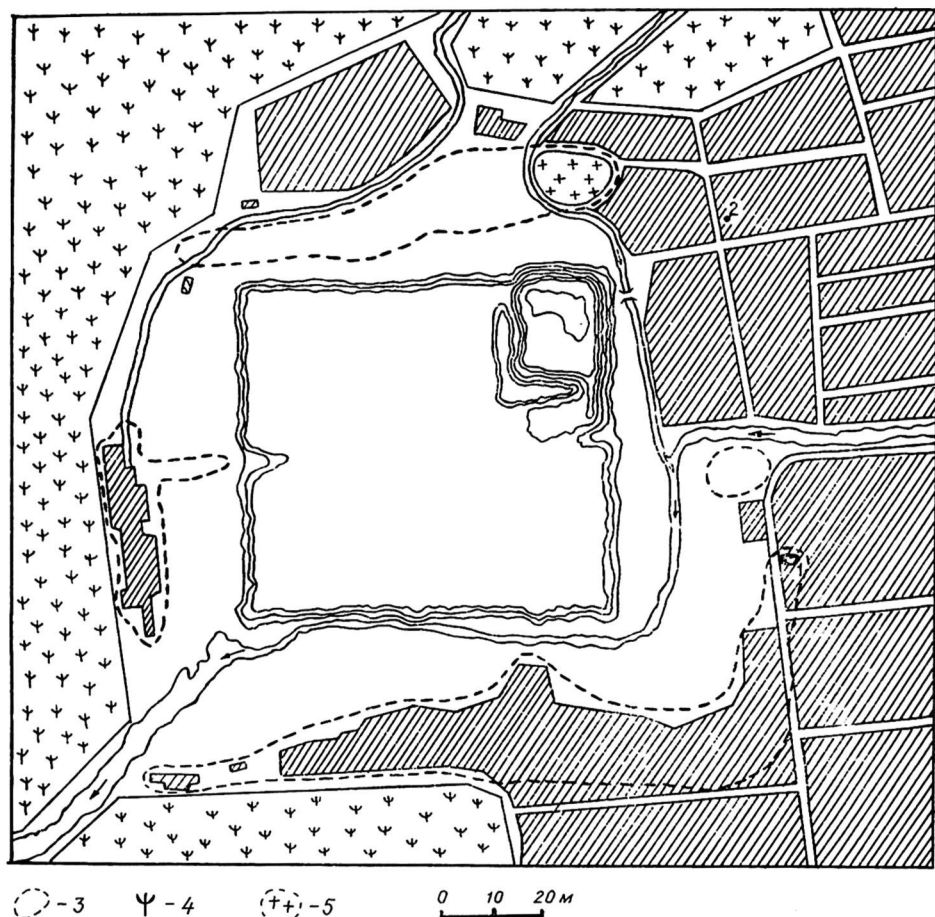

Рис. 3. Кафыркала. Схема окрестностей городища

1 — остатки загородной усадьбы; 2 — захоронение в хуме; 3 — остатки пригорода; 4 — хлопковые поля; 5 — современное кладбище

дцати полевых сезонов их возглавлял В. С. Соловьев, один сезон (1970 г.) — Е. П. Денисов (под руководством Б. А. Литвинского). В раскопках разных сезонов принимали участие сотрудники сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР: Д. Абдуллаев, Т. М. Атаханов, Д. Даутов, Х. Ю. Мухиддинов, С. С. Никитина, Е. Д. Салтовская, Л. Т. Пьянкова, а также реставраторы Л. П. Новикова, М. П. Страдомская, Н. В. Турлыгин, Г. А. Коротаева; сотрудники Института востоковедения АН СССР: Е. В. Антонова, И. С. Ключков, И. Н. Медведская, Д. С. Раевский, А. В. Седов. В извлечении памятников письменности принимал участие В. А. Лившиц.

Археологические планы и разрезы делались Б. А. Литвинским, Е. П. Денисовым, Х. Ю. Мухиддиновым, В. С. Соловьевым; архитектурная фиксация — С. Б. Неумывакиным, Г. Соломиным, С. Шитухиной, В. Амосовым, Е. Вейс, А. М. Карамышевым. В 1968 г. была снята топографическая основа плана городища, на базе которой затем Б. А. Литвинский составил детальный археолого-топографический план (масштаб 1:500) (рис. 4).

Большую помощь в осмыслении материалов из Кафыркалы оказали положения, которые были изложены Т. И. Зеймаль при раскопках памятника в 1956–1957 гг. и в кандидатской диссертации (1969 г.). Это прежде всего касается стратиграфии городища и его датировок. Мате-

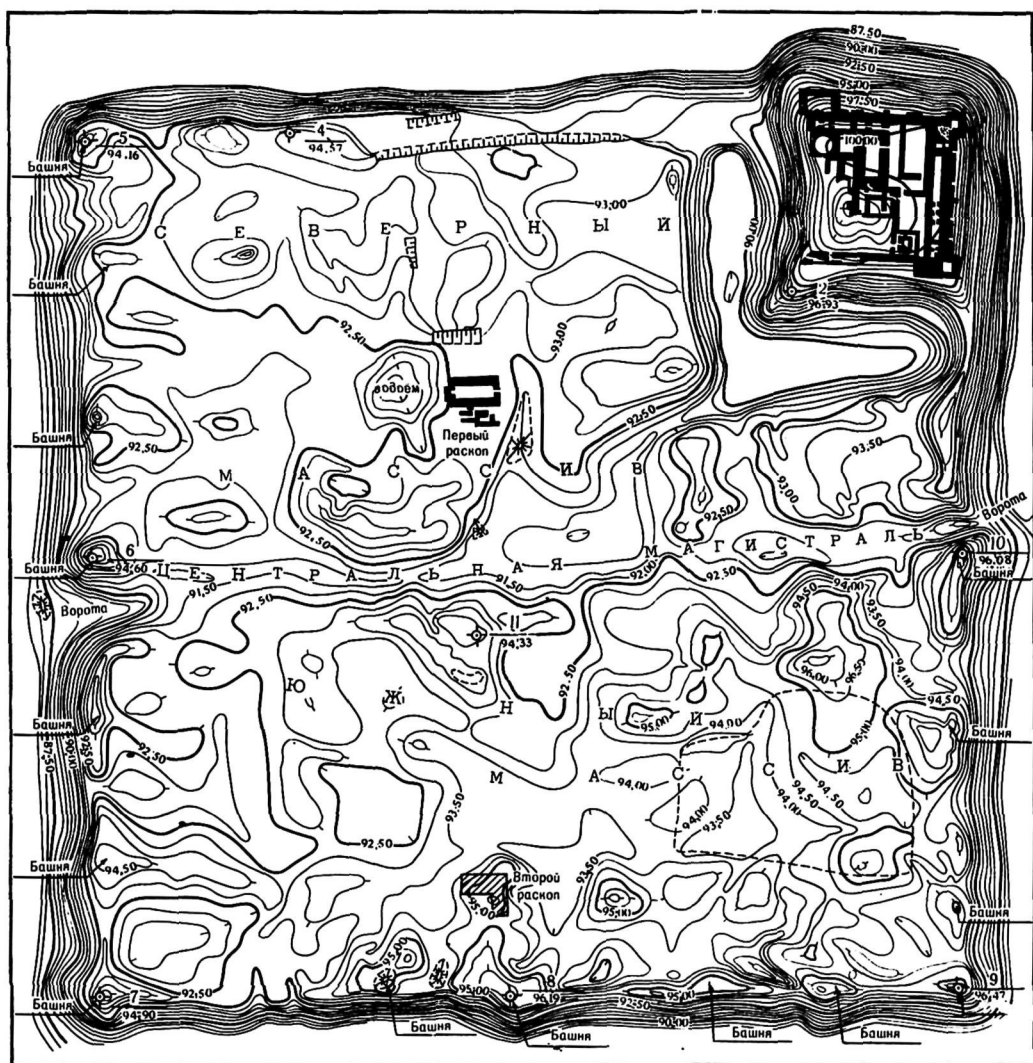

Рис. 4. Кафыркала. План городища

риалы из Кафыркалы частично опубликованы (см. указанные выше работы Т. И. Зеймаль, а также [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973, с. 155–163; Литвинский, Денисов, 1973, с. 165–170; Соловьев, 1974а, с. 205; Соловьев, 1974б, с. 518; Соловьев, 1975а, с. 3–4; Соловьев, 1975б, с. 545–546; Соловьев, 1976, с. 571–572]). Они использованы в сводных работах по археологии и истории Таджикистана [ИТН, т. 1, 1963, т. 2, ч. 1, 1964; А. Джалилов, 1975], а также в обобщающих трудах некоторых зарубежных авторов [Frumkin, 1970, с. 62–66; Mizuno, 1970, с. 121, табл. 65].

Городище Кафыркала делится на три обособленные части: цитадель, город и пригород. Город с цитаделью образуют правильный четырехугольник со сторонами длиной 360 м, которые ориентированы по странам света. Со всех сторон он окружен мощным рвом шириной 50–60 м, глубиной 5 м и оборонительными стенами с башнями (рис. 3–4).

Цитадель располагается в северо-восточном углу города. Она квадратная в плане (70×70 м), над окружающей местностью возвышается на 12 м. До раскопок были видны валы оплывших стен и выступы угловых

башен. В юго-западной части цитадели находилась впадина глубиной до 6 м. С западной и южной стороны (т. е. внутри города и к северо-востоку от него) цитадель отделена от города рвом, ширина которого на юге достигала 25 м, на западе 15–18 м. Ложе рва находится на 3,5–4 м ниже уровня прилегающих частей города. Снаружи, у юго-западного угла цитадели — выступ, глубоко выдающийся в ров. В этом месте, очевидно, располагался подвесной мост, связывавший цитадель с самим городом (рис. 4).

Городские постройки, имеющие сейчас вид холмов и впадин различной величины, занимают основную часть городища — около 12 га. Они имеют отметки над уровнем окружающей местности порядка 6–8 м. С запада на восток через весь город, разделяя его на две равные части — северную и южную, тянется главная уличная магистраль, которая упирается своими концами в ворота — западные и восточные. К главной магистрали со всех сторон подходят улочки, связывающие между собой отдельные постройки или целые строительные массивы.

Южная часть города является более высокой, с четко выраженными буграми — всхолмлениями, в микрорельефе которых порой прослеживается П-образная форма. Рельеф северной половины более сглаженный, хотя также состоял из бугров.

Кроме этих двух городских частей есть еще третья — восточный изолированный массив, который с восточной стороны примыкает к городской стене. Онжат между рвом цитадели (на севере) и центральной магистралью (на юге). На северо-западе этот массив ограничен понижением, отходящим на юго-запад от рва и переходящим в неправильно-четыреугольную ложбину со сторонами 35–40 м (городская площадь?). Верхняя площадка этого массива вытянута с востока на запад (110×60–70 м). Площадка довольно ровная, со значительным понижением в западной половине. В системе городской планировки этот участок занимает особое место. Для него характерны изолированность и близость к цитадели.

Городская стена в виде широкого 5–10-метрового вала видна совершенно отчетливо. Через определенные интервалы вал резко упирается и повышается — это башни. На восточном отрезке как будто было шесть башен, причем две из них, близ юго-восточного угла, располагались очень близко друг от друга, на расстоянии 20–25 м. Если это действительно столь близко посаженные башни, то, возможно, здесь был дополнительный проход в городской стене, который они прикрывали. На южном фасае было семь башен (между центрами их — 55–60 м). На западном фасае уверенно различаются шесть башен, но почти с полной уверенностью можно утверждать, что и здесь их было семь, ибо расстояние между угловой северо-западной башней и первой, четко выступающей, — 120 м, что заведомо больше обычного расстояния между башнями. Угловые башни, судя по оплывам, были значительно крупнее. Откосы наружных стен — 30–35°, редко круче (скаты цитадели — 40–50°) (табл. 1).

Поверхность городища засолена. При хозяйственных работах в 1965 г. была разрушена половина северной стены и снята на 3–3,5 м поверхность цитадели (за исключением восточной стены, снятой на 1–1,5 м).

Постройки пригорода начинаются сразу за городским рвом. Остатки их в виде небольших холмов прослеживаются к северу, западу и югу от города. В 100 м к югу от юго-восточного угла города, во дворе жилого современного дома находится почти полностью сохранившаяся загородная усадьба в виде круглого холма диаметром 27 м, высотой до 2 м. В обресе холма видны две стены: одна пахсовая, другая из сырцового кирпича (52×52×10 см). В толщине пахсовой стены летом 1969 г. был найден керамический сосуд с 200 анэпиграфными монетами VII–VIII вв.

Некрополь находился к востоку от городища, на территории, занятой современными жилыми домами. В 1962 г. во дворе одного дома, недалеко от городища, было найдено хумное захоронение; по словам

местных жителей, человеческие кости вместе с разными вещами встречаются здесь при рытье ям.

Раскопки на Кафыркале велись одновременно на территории города и на цитадели.

а) ГОРОД

В городе было заложено два раскопа, один — в северной части (первый раскоп), второй — в южной (второй раскоп). Основным является первый раскоп. Подстилающий слой (КФ-III) вскрыт здесь на небольшой площади раскопа шурфом (2×3 м), доведенном до 5 м глубины, если считать от дневной поверхности (реальная глубина шурфа — 2 м, он был заложен на полу зала, см. ниже). Остатки строений, прорезанных этим шурфом, не дали ясного представления об их характере.

Наиболее интересные результаты получены при вскрытии построек периода КФ-II.

Помещение 1 представляет собой большой прямоугольный зал (17×7 м), вытянутый с запада на восток (пом. 1). Стены его сложены комбинированной кладкой из пахсы и кирпича-сырца: ряды пахсы, прорезанной швами на блоки, были проложены двумя-тремя горизонтальными рядами сырцової кладки. Поверхность стен была оштукатурена саманной штукатуркой и покрыта слоем обмазки, состоящей из зеленой глины. Вход в зал располагался в его северо-восточном углу. Ширина входа равна 1,30 м (рис. 5).

В зале было расчищено два пола, разница в уровнях которых составляет 10–15 см. Верхний пол выстлан двойным слоем пахсы. На него вдоль северной, южной и западной стен зала были поставлены суфы, сложенные из кирпича-сырца (52×26×8–9 см). Высота суфы — 0,48–0,50 м, ширина — 1,10 м. К южной стене была приставлена стенка-контрфорс (1,70×0,85 м). Верхний пол и все, что было устроено на нем, — результат крупного ремонта (рис. 6А, Б).

Нижнему полу по времени соответствует ниша, устроенная в узкой западной стене. Глубина ее — 2 м, ширина — 3,5 м. Внешние углы ниши были украшены трехчетвертными колонками, сделанными из тонкоотмученной глины, возможно, на деревянном каркасе (рис. 28/1). Во время ремонта зала колонки были сверху заштукатурены. Основание ниши было на 0,50 м выше пола зала (рис. 6В). По оси зала, недалеко от входа были найдены остатки глиняной базы колонны, оформленной в виде четырех полушаров, каждый диаметром 40 см. В плане же вся база имеет форму квадрата (1×1 м).

В завале и на верхнем полу зала были найдены фрагменты настенной живописи с орнаментальным мотивом. Т. И. Зеймаль установила, что роспись на стены была напесена после ремонта зала. Над полом в кирпичном завале была найдена серебряная эфталитская монета типа *Napki Malka*. В западной части зала, на верхнем полу найдены обломки нескольких раздавленных хумов, а в нише — скопление битой керамики. Между верхним и нижним полами встречена переотложенная монета «безымянного царя».

К периоду КФ-II относятся хозяйственные помещения, вскрытые полностью или частично у внешнего фасада южной стены зала. Стены этих помещений возведены из пахсы, сохранились они на небольшую высоту. Помещения были забиты строительными остатками — развалом стен помещений периода КФ-II. Эта забутовка, достигающая толщины 1,70 м, являлась платформой для построек периода КФ-I, которые в этом месте не сохранились даже частично.

Помещение 2 являлось вестибюлем парадного зала, который связывал зал с другими помещениями дома. Оно вскрыто частично траншеей длиной 5,7 м, шириной 1,1 м, заложеной вдоль восточной стены зала.

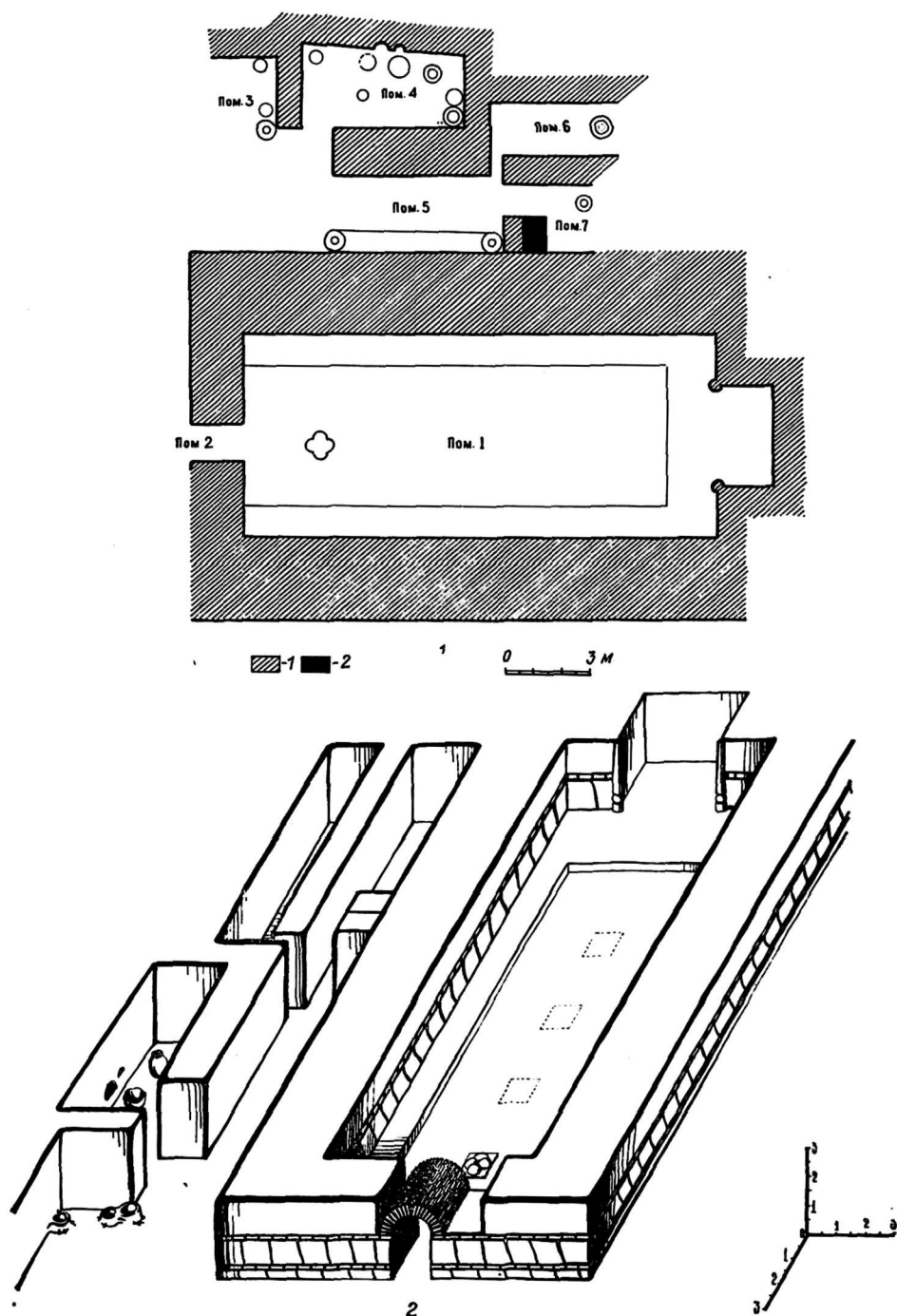

Рис. 5. Кафыркала. Жилой дом в городе:
1 — план: (1) — основные стены; (2) — ремонтные стены; 2 — аксонометрия

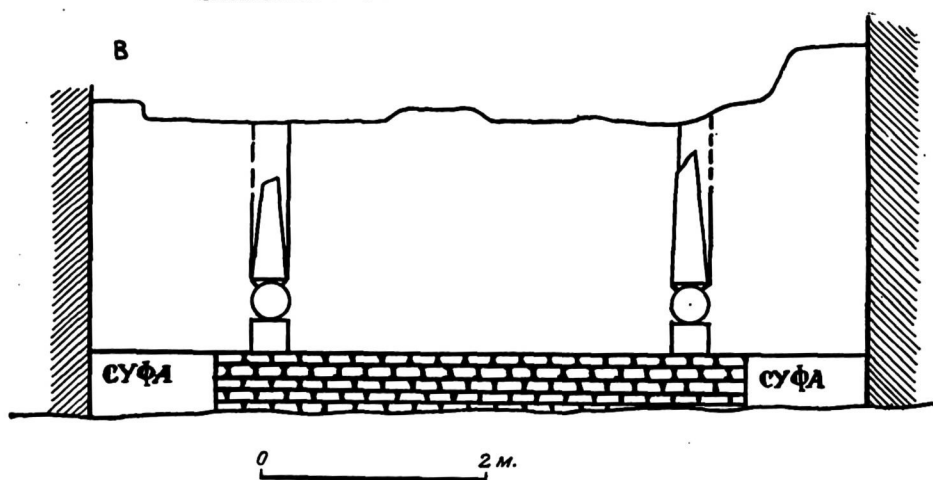
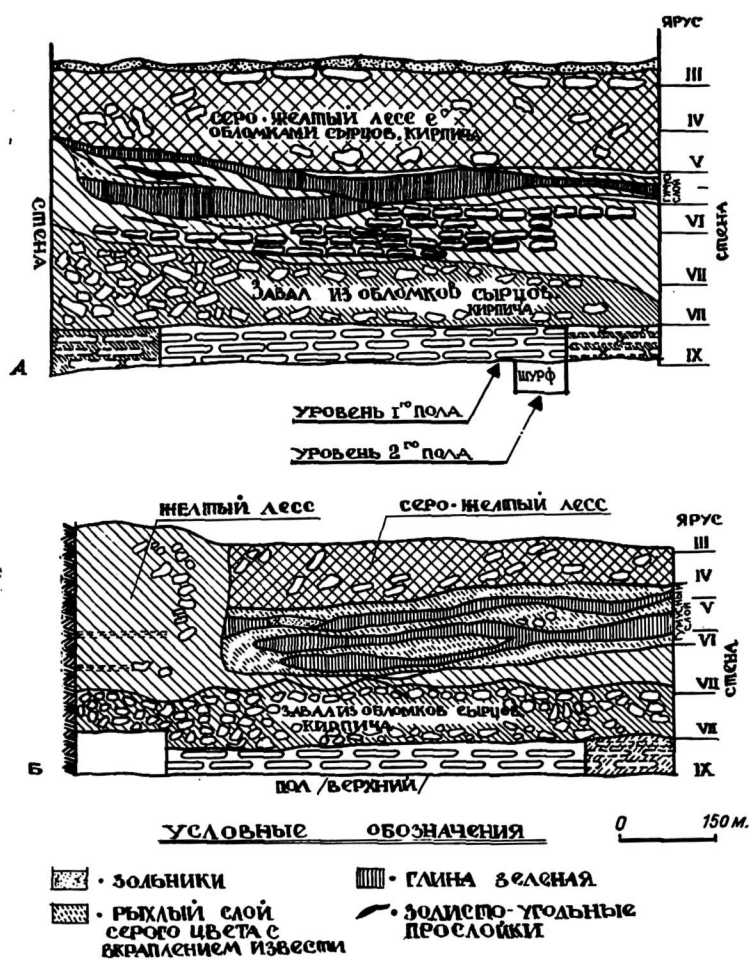

Рис. 6. Кафыркала. Жилой дом в городе:

А, Б — поперечные разрезы парадного зала; В — ниша-айван в западной части парадного зала (по Т. И. Зеймаль)

Помещение 3 (рис. 5/1) находилось к югу от вестибюля. Вероятно, оно представляло собой небольшой открытый внутренний дворик. Вдоль западной его стены располагались несколько тануров. Два из них сделаны специально. По форме и размерам они почти одинаковые. Стенки их почти прямые, немного суживающиеся кверху, сохранились на высоту до 42 см, толщина их равна 1,5 см. Максимальный внутренний диаметр тануров у дна — 46—48 см.

Третий танур изготовлен из хума, который перевернули горлом вниз и отбили дно. Диаметр его тулова равен 68 см, горла — 30 см. Все тануры были поставлены на пол и для устойчивости обложены снаружи у основания комьями глины и обломками сырцового кирпича. Камеры тануров сильно обожжены. Изнутри они заполнены золой, фрагментами стенок.

Помещение 4 (рис. 5/1) располагалось к западу от помещения 3, их связывал между собой проход шириной 1 м. Оно имеет неправильно-прямоугольную форму и вытянуто с запада на восток. Длина его равна 5,8 м, ширина — 2,5 м (западный торец) и 3,0 м (восточный торец). Стены помещения сложены из пахсы, сохранились на высоту до 2 м. На них имеется штукатурка толщиной 2 см со следами двукратной побелки.

В южной стене были устроены две нишки. Они имеют арочный потолок и ровный пол. Глубина меньшей нишки 15 см, длина по фронту — 32 см, высота — 20 см. Изнутри стенки нишки побелены толстым слоем ганча. Глубина второй нишки равна 20 см, длина по фронту — 50 см, высота — 30 см. Она также имеет арочный потолок и ровный пол. Снаружи, сверху и с боков нишка была обведена рельефным валиком шириной 4—5 см, высотой — 2 см. Стенки нишки, а также валик были покрыты слоем ганча.

Вдоль южной и западной стен стояли шесть хумов. Все они разбиты упавшим перекрытием. Хумы имели разные размеры. Высота наиболее крупных из них достигала 100 см, диаметр тулова — 80 см. Один хум был вкопан в пол недалеко от входа; диаметр его венчика равен 36 см. У северной стены помещения найдено четыре однотипных биконических пряслица, один светильник и железный нож.

Помещение 5 (рис. 5/1) было связующим для хозяйственных помещений: оно соединялось с помещениями 4, 6, 7. Помещение 5 вытянуто параллельно южной стене зала. Длина его равна 6 м, ширина — 2,75 м. Вдоль северной его стены идет суфа шириной 0,70 м, высотой 0,25 м. По краям суфы располагались два танура — перевернутые вниз горлом хумы с отбитыми днищами. Диаметр тулова равен 0,70 м, диаметр горла — 0,25—0,30 м.

Помещение 6 (рис. 5/1) расположено в юго-западной части комплекса хозяйственных построек. Оно представляет собой узкий (ширина — 1,80 м), вытянутый с запада на восток отсек. Помещения 5 и 6 связаны проходом шириной 0,45 м. В центре помещения на полу стоял хум высотой около 1 м, с диаметром тулова 80 см, венчика — 35 см.

Помещение 7 (рис. 5/1) находится между залом и помещением 6. Оно также было вытянуто с запада на восток. Из помещения 5 в него вел проход шириной 0,9 м. В помещении зафиксирован ремонт: пилон прохода изнутри подперли кирпичной стенкой толщиной 0,8 м. В пол вкопан хум, диаметр венчика которого равен 25 см.

Верхний слой (КФ-I) является кроющим. Он был вскрыт на всей площади раскопа. Внутри этого слоя удалось выделить два горизонта (верхний и нижний). К верхнему горизонту относятся остатки оснований стен высотой до 1 м, сложенных из прямоугольного кирпича (50—52×25—26×10—12 см). Стены обнаружены в северной и южной частях раскопа. В западной части раскопа сохранился участок двора с тапуром, относящийся к нижнему горизонту. Из-за того что стены сохранились очень плохо, не удалось выявить планировку и характер строений периода КФ-I.

Строительные сооружения периода КФ-I и КФ-II разграничивает мощный мусорный слой (толщина — 0,8—1,3 м), образовавшийся в промежутке времени между разрушением здания КФ-II и возведением здания КФ-I. В этом слое (рис. 6А, Б) встретились основная масса находок: восемь бронзовых монет с центральным отверстием, железные наконечники стрел, части поясного набора, керамика и др.

Таким образом, между периодами КФ-I и КФ-II лежит промежуток времени, соответствующий некоторому запустению на городище. Как долго оно длилось, сказать сейчас еще трудно, но, судя по толщине мусорного слоя, запустение было довольно длительным. Строения периода КФ-I возводились на предыдущих развалинах.

б) РАСКОПКИ НА ЦИТАДЕЛИ

В 1968 г. были начаты большие по масштабам раскопки на цитадели, где, как выяснилось, находились дворцовые постройки. В последующие годы работы здесь продолжались, но в значительно меньшем объеме. К 1975 г. вскрыто более двух третей ее площади — 3600 м² (рис. 7). При проведении раскопочных работ в верхних постройках дворца осуществлялось тщательное изучение истории функционирования и разрушения различных помещений или их групп с коррекцией этих наблюдений между собой. С целью получения полной стратиграфической картины производились наблюдения как по горизонтали, так и по вертикали раскопов,

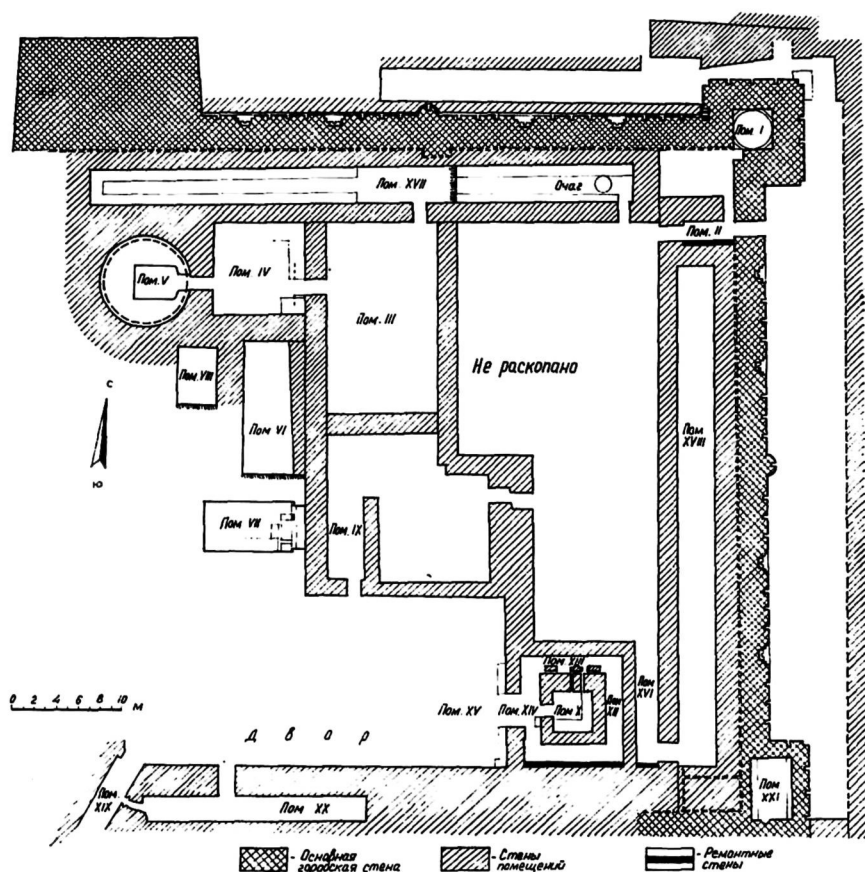

Рис. 7. Кафыркала. План дворцовых построек на цитадели (период КФ-II)

что позволило выявить помещения, не функционировавшие в период КФ-I или же на отдельных его этапах¹.

Сложная задача увязки всей системы наблюдений над верхними ярусами помещений и фортификационных сооружений, располагающихся у внешних фасадов цитадели, потребовала проведения целой группы мероприятий: зондажей, шурфов и широких раскопок, нивелировочных работ и непрерывного анализа получаемых данных с графической фиксацией их на планах по уровням, которые увязывались друг с другом, и особенно разнообразных разрезов и профилей. При углублении на ряде участков удалось выявить полностью или частично помещения предшествующих периодов. В ходе работ выяснилось, что стратиграфическая схема, предложенная Т. И. Зеймаль для города, оказалась верной и для цитадели.

ПЕРИОД КФ-III

Самые ранние постройки (период КФ-III) здесь, как и на территории города, не сохранились. Удалось только установить, что они были возведены на невысокой лессовой платформе (около 2 м). При возведении дворцовых построек периода КФ-II ранние строения были почти все разрушены, частично их, видимо, включили в новую платформу, высота которой теперь была не менее 6 м.

ПЕРИОД КФ-II

Исследование помещений этого периода производилось с помощью шурфов, заложенных внутри ряда помещений периода КФ-I на площади около 50 м² (рис. 7). Эта работа является чрезвычайно трудоемкой и сопряжена со значительными сложностями. Полное выяснение планировки дворца периода КФ-II потребовало бы спуска помещений верхнего яруса на всей площади цитадели, что явно нецелесообразно. Исходя из всего этого, основные усилия были на данном этапе исследования сконцентрированы на выявлении системы планировки КФ-I, а для периода КФ-II — лишь отдельных ее частей.

Для сооружения построек периода КФ-II была использована вся внутренняя площадка. Композиционным центром дворца являлся прямоугольный зал (пом. III), площадь которого достигала 200 м². Вокруг него располагались залы меньших размеров (пом. IV—VII), а также хозяйственные помещения. В южной части дворца находились буддийская часовня (пом. X—XV) и двор. Вдоль северной, восточной и южной стен цитадели шли коридоры, соединявшие между собой помещения соответствующих частей дворца. Из северного коридора можно было, кроме того, попасть в предстенные оборонительные сооружения у внешних фасадов цитадели; в юго-западном углу коридор вел из цитадели в сторону города, где, по-видимому, находился подвесной мост, переброшенный через ров.

В период КФ-II проводится по крайней мере двукратный ремонт помещений. Причем если первый ремонт был чисто «косметическим», то второй сопровождался небольшим повышением уровней полов почти во всех помещениях, сооружением приставных стен, дополнительным оштукатуриванием суф. Описание помещений дается по порядку их нумерации (см. план). В том случае, если они образуют более или менее обособленную группу, то описываются совместно.

Помещение I является внутренним помещением северо-восточной башни. Оно имеет квадратную в плане форму (3,6×3,5 м). Его стены сложены из пахсы, разрезанной на блоки косыми швами. Высота стен равна 5 м. Помещение было перекрыто куполом, который сохранился почти полностью. В юго-западном углу располагается сводчатый проход в виде коленчатого коридорчика, в выходящем углу которого устроен перспективно-арочный трюп. Длина первого отрезка коридора равна 1,7 м,

ширина — 0,9—0,95 м, длина второго отрезка, поворачивающего на запад, — 1,5 м.

Через внешнее (по отношению к помещению башни) колено перекинута клинчатая несимметричная арочка. Другое колено перекрыто сводом из наклонных поперечных отрезков. На полу помещения лежал стерильный натечно-надувной слой толщиной до 1 м. Находок при вскрытии пола не обнаружено. Вход в помещение вскоре после его сооружения был заложен кирпичным сегментом.

Помещение II расположено по соседству с северо-восточной башней. Оно подпрямоугольное в плане (2,75×2,15 м), длинными сторонами направлено перпендикулярно восточной стене цитадели. Сверху помещение заполнено натечно-надувным слоем. Под ним идет сплошной слой кирпичных обломков и натеков.

Стены сложены из пахсы и сырцового кирпича (52×26×8 см). Кирпичная кладка состоит из десяти ложковых рядов, положенных вперевязку. Начинается она сразу же под полочкой свода. Ниже степы пахсовые. На поверхности стен в некоторых местах сохранилась глино-саманная штукатурка толщиной 2 см. Поверхность ее покрыта слоем копоти.

Из помещения ведут два прохода. Один, шириной 1,74 м, ведет наружу, к предстенным оборонительным сооружениям. Проход располагается несимметрично торцовой стене. Сверху его перекрывает клинчатая ползучая арка. Правое ее крыло опирается на пилоу, левое встроено в стену. При расчистке выяснилось, что проход сверху донизу заложен горизонтальными рядами сырцовых кирпичей (52×26×8 см) и их обломками. Второй проход шириной 1,5 м располагался в западном торце помещения. Он связывал его с северным коленом обходного коридора. Этот проход был перекрыт клинчатой аркой.

Пол в помещении хорошо утрамбован и покрыт глино-саманной штукатуркой толщиной 4 см. На полу найдены остатки камышовой или соломенной циновки, от которой остался желтоватый, рыхлый слой толщиной 3 см. Культурный слой, лежащий над ней, имеет толщину 3—5 см. Он состоит из фрагментов керамики, костей, угольков. У южной стенки вскрыто очажное пятно диаметром 25—30 см. В обломке одного из кирпичей свода найдена кушанская монета.

Помещение ремонтировалось: к южной стене на всю высоту была приставлена кирпичная стеночка толщиной 0,40 м. Кирпичи приставной стены немного заглублены в основную стену.

Помещение III являлось композиционным центром раннего дворца. Площадь его достигала 200 м². Вход в помещение располагался в его северо-восточном углу. Он был перекрыт клинчатой аркой, которая просела под тяжестью выпележащих пахсовых блоков. Ширина входа равна 1,20 м.

Каким было внутреннее устройство помещения, пока еще не выяснено, так как при перестройке зала в нем сделали подсыпку. На вскрытом шурфом участке стен около входа зафиксирован ремонт. Основание восточной стены, пострадавшей от сырости, было обведено кирпичами; отремонтировали одновременно и правую щеку прохода: к ней приставили кирпичную стеночку толщиной 10 см.

Помещение IV в плане имело квадратную форму (8,20×8,20 м). Проходами, расположенными на одной прямой, оно было соединено с помещениями III и V. Проход, который вел в помещение III, имеет ширину 1,40 м. Он был перекрыт клинчатой аркой, выложенной в один обкат прямоугольными кирпичами обычного формата. Второй проход, в помещение V, имеет ширину 1,1 м. Он также был перекрыт клинчатой аркой. При перестройке дворца оба прохода были заложены кирпичом.

К щекам прохода в помещение III подходили суфы шириной 1,10 м, высотой 0,16 м. Они вскрыты на небольшом участке. При ремонте помещения в юго-восточном углу на более раннюю суфу была поставлена

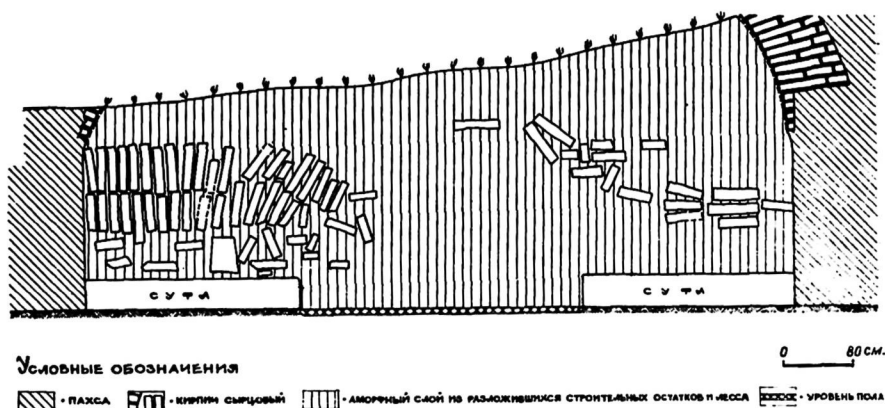

Рис. 8. Кафыркала. Поперечный разрез помещения V

обособленная суфа (2,12×1,5 м, высотой 0,46 м). Суфу, идущую вдоль восточной стены, расширили до 1,44 м, высота ее стала равняться 0,46 м. При этом уровень пола был поднят на 0,16 м, т. е. он достиг первоначального уровня верха суф. В течение всего периода стены помещения дважды подновлялись: они покрыты двумя слоями штукатурки общей толщиной 4 см. Первый слой ремонтной штукатурки был обмазан тонким слоем зеленой глины.

Помещение V (табл. 2; рис. 8) имеет в плане форму круга диаметром (на уровне суф) 7,95–7,98 м. Снаружи его охватывает квадратный пахсовый кожух со сторонами длиной около 10 м. С внутренней стороны к этому кожуху примыкает круговая кирпичная кладка толщиной 0,90 м. Между кожухом и кирпичной кладкой обнаружены два слоя саманной штукатурки. Стены сохранились на высоту до 2,4 м.

Вход в восточной стене, шириной 1,05 м. Вдоль всех стен — суфы; обвод суф оставляет внутри помещения прямоугольник углубленного пространства (3,0×3,6 м), скошенный и суженный в сторону прохода, куда от этого прямоугольника отходит короткий (метровый) отрезок. Таким образом, в помещении имеется единая суфа, возвышающаяся над полом на 0,35 м. Боковые сегменты этой суфы имеют хорды максимум 2,5 м, фронтальная — 3 м.

Пахсовая стена поднимается на высоту 1,55 м. Выкружка стены на эту высоту незначительна, она, вероятно, образована подрезанием. Затем начинается кирпичная кладка: в северо-восточном углу, где она наиболее высокая, — 18 рядов кладки (здесь стены имеют высоту 3,25 м над полом). Эта кладка — с разворотом, «на купол». Стены оштукатурены дважды, оба слоя штукатурки зеленого цвета (общая толщина — 4–5 см).

В западной части помещения, на западной суфе и вплотную к стене, был заложен шурф (хорда — 1,95 м, ширина — 3 м), доведенный до глубины 1,8 м. Шурф показал, что суфа была возведена одновременно со стенами, затем, уже после того, как стены помещения были оштукатурены, суфа была наращена на один кирпич. В центре зала, на полу — обгорелое докрасна пятно. Все это относится к первому этапу существования зала. На втором этапе здание было перестроено и имело суфу лишь с одной стороны, притом другого очертания.

В помещении был очень мощный завал из кирпичей (в том числе стоящих вертикально), высота его около 1 м над уровнем пола. На полу помимо керамики были кости мелких животных, обломки сырцового кирпича. Интересны красноангобированные фрагменты керамики с рифлеными стенками, монета с обломанным краем, без отверстия и другая — с отверстием, найденные на высоте 15–20 см от пола.

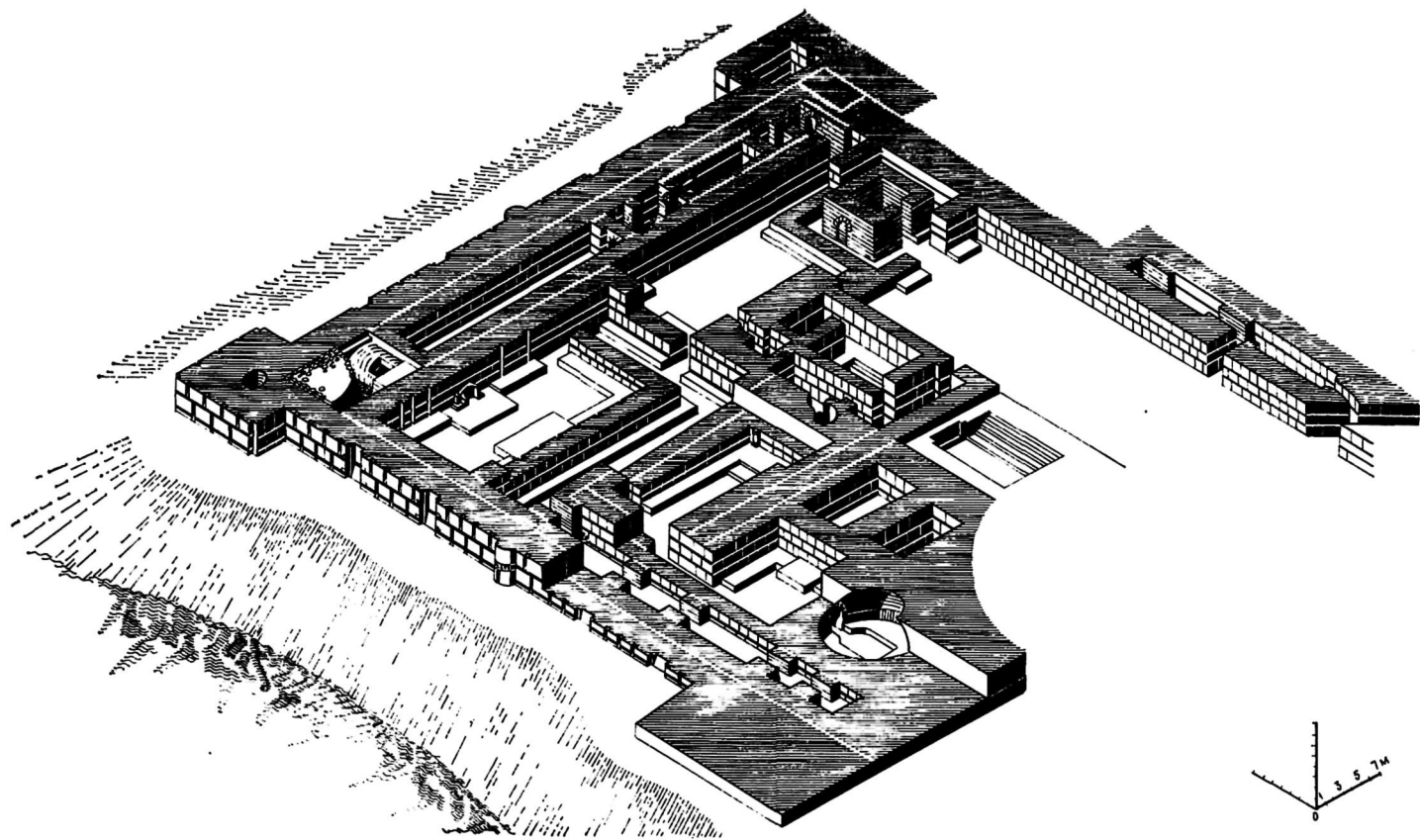

Рис. 9. Кафыркала. Аксонометрия дворцовых построек на цитадели

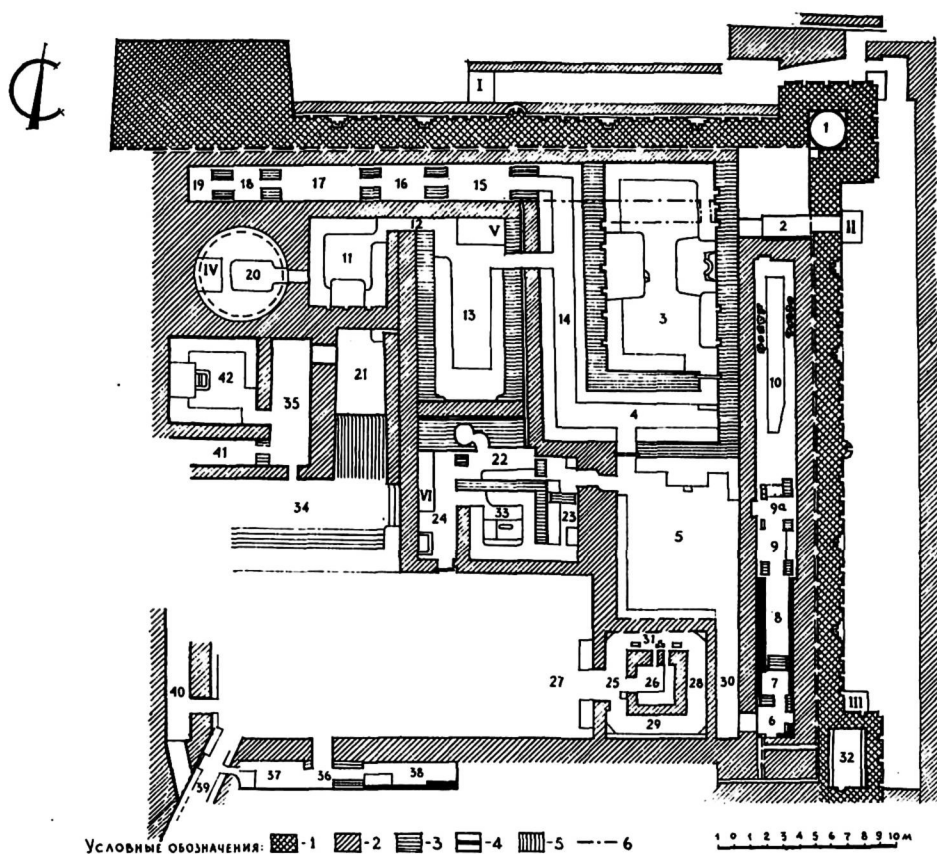

Рис. 10. Кафыркала. План помещений периодов КФ-II—I:

1 — оборонительные стены; 2 — стены помещений периода КФ-II; 3 — стены помещений периода КФ-I; 4 — ремонтные стены периода КФ-I; 5 — закладка из кирпичей периода КФ-II; 6 — контуры стен периода КФ-II, скрытые строениями периода КФ-I (римскими цифрами обозначены номера зондажей)

Последующая история здания представляется так. Вначале здание запустело, в нем, после частичного промыва купола, образовались натечно-падувные слои, затем купол обрушился, образовался очень плотный слой из стоящих вертикально кирпичей. Все это произошло в то время, когда помещение было покинуто, а вход в него был заложён стеной расположенного с востока помещения II (рис. 9—10).

Помещение VI располагалось южнее помещения IV, полностью оно еще не вскрыто. Помещение представляло собой прямоугольный зал длиной около 13 м, шириной 5,5 м. Стены сохранились на высоту до 2,5 м. К восточной стене при ремонте была приставлена клиновидная стенка (ширина стены — 1,40—1,0 м). После ремонта в северо-восточном углу помещения была устроена небольшая суфа (1,5×1,0 м). Южная часть помещения сверху донизу заложена сырцовыми кирпичами, поставленными вертикально на торец. Эта закладка была, видимо, платформой для нового помещения, построенного позже.

Помещение VII вскрыто не полностью. Вдоль ниши, которая имела глубину 0,70 м, шла кирпичная полочка шириной 0,40 м и такой же высоты. Снаружи она оштукатурена, толщина слоя штукатурки — 2 см. Почти в центре бровки, с небольшой асимметрией в северную сторону, обнаружен очаг открытого типа. Справа от очага расчищена кирпичная перегородка шириной 0,30 м, длиной 0,50 м, которая направлена пер-

пендикулярно нише. Эта перегородка образует в юго-восточном углу прямоугольный отсек (0,70×0,95 м) непонятного назначения. Второй отсек (1,40×0,95 м) открыт в сторону очага. Перегородка, примыкающая к ним с западной стороны, является для них смежной.

С внешней стороны к этой перегородке приставлена небольшая суфа (1,20×0,54 м, высотой 0,15 м). Южным торцом она соединяется с суфой покрупнее, которая подходит с западной стороны к перегородке. Она имеет ширину 1,20 м, высоту 0,40 м.

Пол помещения этого периода отделен от верхнего пола прослойкой толщиной 0,50 м, которая состоит из мусора, перемешанного с лессом. Он хорошо утрамбованный, ровный. Находок на нем, не считая двух черепков, не обнаружено.

Помещение VIII представляло собой вестибюль помещения VII. Оно еще не вскрыто полностью. Длина его около 11 м, ширина — 3,60 м.

Помещение IX имело в плане прямоугольную форму (7,30×3,20 м). Оно связывало помещения восточной части дворца со двором.

Помещения X—XV составляют буддийскую часовню, которая располагалась в юго-восточном углу дворца. Она имеет центральное святилище (пом. X), обходной четырехколенный коридор (пом. XI—XIV) и айван (пом. XV), выходящий во двор [Литвинский, Денисов, 1973].

Помещение X представляет собой в плане квадрат (3,4×3,4 м) с входным проемом шириной 1 м. На западе этот проход смещен на север от оси симметрии помещения, его северный пилон имеет длину 0,93 м, а южный — 1,28 м. Обнаружен и второй, уже заложённый сырцовым кирпичом входной проем в середине северной стены (ширина его также 1 м). Возможно, что северный проход был более ранним, хотя и не исключено, что оба функционировали одновременно (как это имело место, например, в одном из поздних сурх-котальских храмов, где одновременно действовали восточный и южный входные проемы).

Стены помещения сложены из сырцового кирпича размерами 50×25×10 см кладкой вперевязь, на растворе из глины (толщина слоя — 1—2 см). Никаких конструкций купола не уцелело. Стены помещения сохранились на высоту до 1,8 м. Вдоль южной и восточной стен в помещении были расчищены суфы. Вероятно, они относятся ко времени функционирования заложённого прохода и этим объясняется отсутствие суфы вдоль северной стены.

Южная суфа имеет ширину 0,9 м, восточная расширяется с юга на север от 0,93 м до 1,06 м. Суфы эти сложены из кирпича обычного для памятника размера — 50×25×10 см. Эти кирпичи местами образуют только борт суфы, остальное же представляет собой закладку из целых кирпичей, фрагментов и строительных остатков.

В помещении выявлено два строительных периода, причем при перестройке попали в кладку фрагменты живописи синего и оранжевого цвета.

В основном же живопись была обнаружена на штукатурке, упавшей на поверхность южной суфы. Верхние слои заполнения помещения состояли из натечных образований. Далее шел плотный кирпичный завал, свидетельствующий о том, что помещение имело купольное перекрытие. Слой, лежавший непосредственно на полу, включал наряду с плохо сохранившимися кирпичами некоторое количество фрагментов керамики.

Как говорилось выше, помещения XI—XIV образуют обходной четырехколенный коридор (длина колена — 8,90—9,10 м, ширина — 1,5—1,6 м). Лучшее всего сохранилось южное колено коридора (помещение XI). Его внешняя стена сложена из пахсы. Сверху на ней лежит полочка, состоящая из семи рядов положенных вперевязку кирпичей. Два верхних ряда выступают внутрь помещения на 5,5 см. В выходящих углах сохранилось два перспективно-арочных трюма и основание свода, выложенного в технике наклонных отрезков (свод опирался на западную щипцовую стену).

Помещение XIV одновременно являлось своеобразным вестибюлем, связывающим святилище с айваном. Оно было перекрыто между двумя торцами пилона аркой с широким пролетом (до 2,80 м). Границы айвана точно не установлены. К внешней стороне пилонов были приставлены прямоугольные суфы (2,70×0,70 м; 3,40×0,70 м) со следами ремонта. На полу айвана найдены части обгоревшего деревянного перекрытия, бронзовая монета с квадратным отверстием, железный трехгранный наконечник стрелы.

Помещение XVI огибало святилище с востока и соединяло восточный отрезок обходного коридора с остальными помещениями дворца. Своим устройством оно похоже на коридор, длина его равна 11,50 м, ширина — 2,0 м.

Помещение XVII — это северный обходной коридор (4,8×2,6 м). Вдоль стен коридора шли суфы шириной 0,8–0,95 м, высотой 0,35–0,50 м, которые прерывались недалеко от входа в помещение III.

Стены не были вертикальными, они несколько расходились вверх (на 0,22 м при сохранившейся высоте 3,3 м). Эти стены были, вероятно, украшены. На северной стене отсека (соответствующего пом. 17 периода КФ-I) над суфом *in situ* сохранился кусочек (2×1 см) малорельефной лепнины в виде наклонных ложков, слабовыпуклых и покрытых красной краской. Между суфами в восточном конце коридора находился очаг — пахсовая подушка. Рядом с очагом лежала зола. В юго-восточном коридоре был проход, соединявший его с периферийными помещениями дворца, а через помещение II — с предстенными оборонительными сооружениями.

Помещение XVIII являлось восточным обходным коридором (43,5×3,20 м). С другими помещениями оно было связано проходом, который находился в его юго-западном углу.

Помещение XIX находится в юго-западном углу цитадели (11×2,20 м). В отличие от других помещений оно ориентировано не с севера на юг, а с северо-востока на юго-запад. Помещение вело со двора к выходу из цитадели.

Помещение XX располагалось внутри южной стены цитадели. Проходом дугобразной формы шириной 1,15 м оно соединено с помещением XIX, другим проходом шириной 1,5 м — со двором. Длина помещения равна 20 м, ширина — 2,2 м. Оно представляло собой обходной коридор, автономный для южной части дворца.

Помещение XXI является внутрибашенным помещением, находится в юго-восточной башне. Оно имеет прямоугольную форму (3,5×5,4 м), вытянуто с севера на юг. Вдоль его длинных стен идут узенькие (0,50 м) суфы-скамеечки, в южном торце — неглубокая ниша (0,60×0,40 м). Помещение было перекрыто кирпичным сводом. Выхода из него не обнаружено. Видимо, в помещение попадали с башенной площадки по приставной лестнице через люк, оставленный в своде.

Двор занимает всю юго-западную часть дворцового комплекса, вытянут с запада на восток (около 35×15 м). Раскопками вскрыта та часть двора, которая примыкает к южной оборонительной стене. Верхний слой заполнения двора составляют рыхлые отвалы, образовавшиеся в 1965 г. во время выравнивания площадки. Мощность этих отвалов от 1 до 3 м. Под ними идут натеchno-надувные слои темно-коричневого цвета толщиной 5 см, в которых найдены отдельные предметы: две железные пластинки, фрагмент медного изделия, кусочек ганча.

Пол во дворе более или менее ровный. На его поверхности найдены многочисленные (всего около 800 фрагментов) обломки хумов, как лепных, так и гончарных, почти целый железный серп. В восточной части двора, у стены расчищен круглый танур. Диаметр его равен 0,52 м, сохранившаяся высота стенок — 0,56 м. Стенки сильно прокалены. В 2,5 м западнее танура обнаружен разбитый хум.

Период КФ-I характеризуется кардинальной перестройкой дворца и жилых помещений города. Часть построек предыдущего периода сносится почти до основания. На их месте возводятся новые постройки, планировка которых совсем непохожа на планировку предшествующих построек. Другая часть — неразрушенные помещения — перестраивается, уменьшаясь при этом в размерах; стены, пришедшие в ветхость, подпираются толстыми приставными стенами; старые проходы закладываются, новые пробиваются в стенах в других местах. Почти во всех помещениях северной половины дворца была сделана лессовая подсыпка, перемежающаяся со строительными остатками строений периода КФ-III. Толщина подсыпки достигает в некоторых помещениях метра (рис. 11; табл. 3, 4). Она была сделана, очевидно, для защиты от сырости.

Обходные коридоры, идущие вдоль крепостных стен цитадели с внутренней стороны, были разделены пилонами на отдельные помещения — отсеки. Часть вновь образованных помещений использовалась для хранения припасов, другая часть служила жильем. Значительно изменился рисунок суф в помещениях. Для периода КФ-I также зафиксировано два ремонта, сводившихся преимущественно к дополнительному оштукатуриванию стен и суф. В конце периода КФ-I дворец приходит в упадок. В некоторых помещениях рухнули перекрытия, которые не восстанавливались. В провалы, образовавшиеся на их месте, сыпались различный мусор. Некоторые парадные помещения стали использоваться для помола зерна. Разгром дворца во время боя, сопровождавшегося сильным пожаром, лишь довершил его гибель.

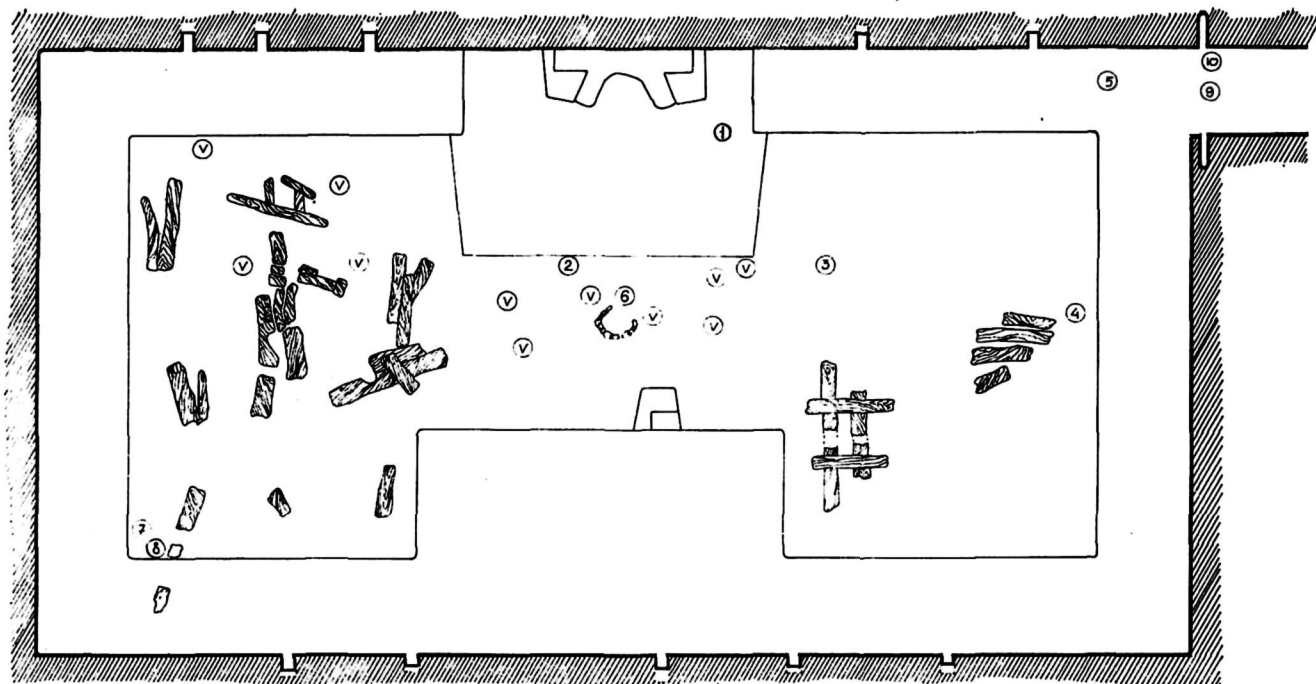
Впоследствии некоторые дворцовые помещения частично восстанавливаются в их старых пределах. Разравниваются и утрамбовываются остатки упавших внутрь горевших перекрытий, над помещениями возводятся новые легкие перекрытия. В помещении 3 в южную стену был врыт танур диаметром 0,40 м. Дворец в это время не имел парадного облика. Верхний горизонт периода КФ-I характеризует самый последний этап жизни на цитадели, как, очевидно, и в городе. Он был недолгим. Вскоре вновь возведенные постройки были опять сожжены и жизнь здесь прекратилась совсем.

Дворец периода КФ-I изучен наиболее полно. Для его строений использовался весь полигон, обнесенный крепостными стенами. Композиционно дворцовые постройки как бы делятся на две группы — северную и южную. В северной группе находятся помещения 3, 4, 14, 13, 12, 11, в южной продолжает функционировать буддийская часовня — помещения 25—31, помещения 5, 22—24, 33, а также двор, который, как и прежде, представлял собой ничем не застроенную площадку (рис. 9—10; табл. 6). Вдоль трех стен цитадели вскрыты помещения, образованные парными приставными пилонами, которыми были перегорожены коридоры предыдущего периода. Входы в эти помещения располагаются на одной прямой, образуя анфилады.

Описание дворцовых помещений северной и южной групп и анфилад дается отдельно, независимо от порядка их нумерации. В том случае, если несколько помещений в одной из групп образуют более или менее обособленный комплекс, они описываются вместе. Поскольку часть помещений раннего дворца во время его перестройки была отъединена и не функционировала, их описание, естественно, опускается.

СЕВЕРНАЯ ГРУППА ПОМЕЩЕНИЙ

Помещение 3 было главным помещением дворца. Оно прямоугольное (19,05×10 м) в плане, вытянутое с севера на юг. Стены его, сложенные из пахсы, сохранились на высоту до 1,5 м. Поверхность стен покрыта глино-саманной штукатуркой толщиной 2—5 см. В результате

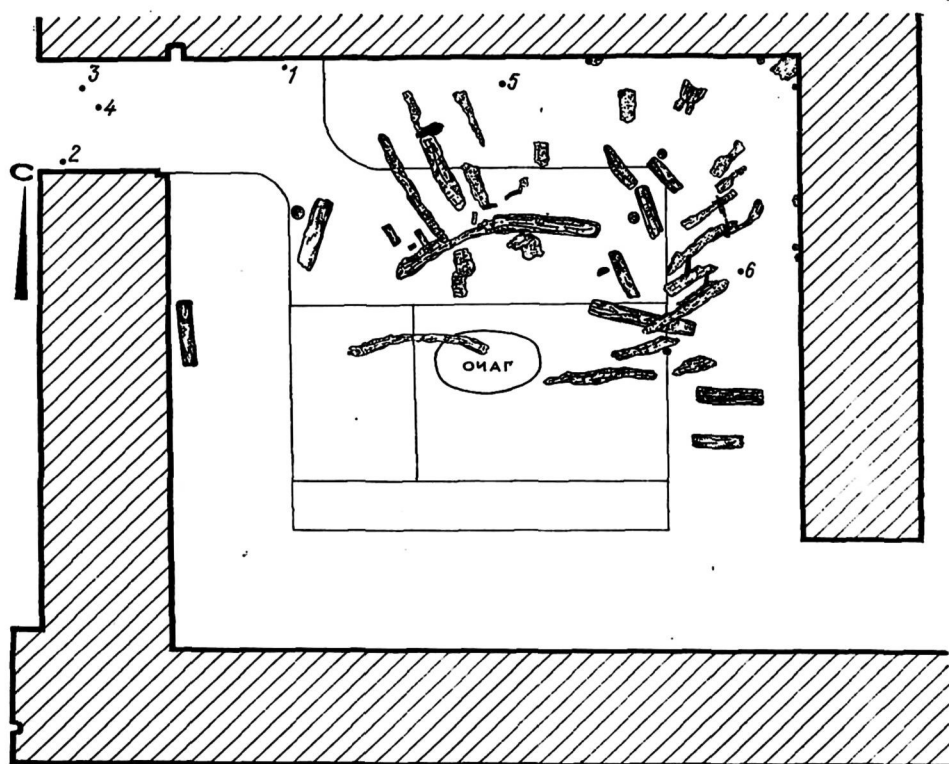

0 2 4 6 м.

КОЛХОЗОВИД. 1968 г. *Кафир-кала*
ПОМЕЩЕНИЕ № 3. ПЛАН НАХОДОК НА ПОЛУ.

- УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
1	МОНЕТЫ	7	МОНЕТЫ
2	МОНЕТЫ	8	ЖЕЛАЗНЫЕ РЕЛКИ
3	БУБЕНЧИК	9	ОСКОЛКИ КЕРАМИКИ
4	СТАВЯЩИЕ ПОДВЕСКИ	10	ОБОГРЕВШЕЕ ДЕРЕВО
5	ПРЯСЛО	11	ОСКОЛКИ РУКОПИСИ НА БЕРЕСТИ
6	ЦЕПЬ	12	ЧЕРЕПОК С ИРИЗСКОЙ НАДПИСЬЮ

Рис. 11. Кафиркала. Цитадель. План помещения 3 и находки на полу

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ :

- 1 - КОСТЬ 2 - КОИНА 3 - ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ 4 - НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ 5 - ЖЕРНОВ 6 - РАЗДАВЛЕННЫЙ ГОРШОК
 - ОБЪЕДЫВАЮЩИЕ ЧАСТИ ПЕРЕКРЫТИЯ

0 20 40 60 80 100 см

Рис. 12. Кафыркала. Цитадель. Помещение 33. План находок на полу

сильного пожара, который прокалил не только штукатурку, но и на некоторую толщину стены, штукатурка приобрела серовато-коричневый цвет.

В юго-восточном углу помещения находится вход шириной 1,34 м. В щелях входа видны пазы, оставшиеся от деревянного порога. Вдоль всех стен зала лентой тянутся суфы (ширина суф — 1,45 м, высота — 0,40 м), обрываясь только у прохода. В ходе раскопок выяснилось, что при устройстве суф были прочерчены углем две строго горизонтальные линии (толщина линий — 0,8 см).

В середине каждой из длинных сторон внутрь зала выступают, выходя далеко за плоскость суф, две трапециевидные в плане площадки. Площадка, примыкающая к восточной стене (3,45×5,25 м), на 0,20 м ниже прилегающих суф. В центре стоит большой пристенный очаг-алтарь (длина его по фронту — 2,61 м, выступание за плоскость стены — 0,84 м, сохранившаяся высота — 0,85 м) (табл. 3).

Изнутри и снаружи очаг был тщательно оштукатурен глино-саманной штукатуркой. Камера внутри сильно прокалена. Внутри камеры кроме золы обнаружены один астрагал, три куса угля, обломки обожженных сырцовых кирпичей и штукатурки. Рядом с очагом найден скульптурный рельефный валик дугообразной формы. Основа валика вылеплена из простой глины, а верх покрыт хорошо отмученной глиной с примесью речного песка. Он, видимо, входил в декоративное оформление очага. Неподалеку от очага найдена также медная монета с отверстием.

Вторая площадка, расположенная напротив, имеет длину 6,20 м, ширину 3,95 м, высоту 0,55 м. С подходящими к ней с боков узкими суфами она соединена валиками высотой 10 см. На площадку вел двухступенчатый подъем. Нижняя ступень имеет трапециевидную форму. Широкой стороной (0,70 м) она примыкает к площадке, узкой (0,60 м) — выведена в зал, длина ее равна 0,68 м, высота 0,18 м. Вторая ступень меньших размеров (0,32×0,46 м, высотой 0,09 м). Все суфы и площадки сложены из сырцового кирпича и тщательно оштукатурены глино-саманной штукатуркой. С ее же помощью скруглены их углы.

При раскопках зала было найдено большое количество частей сгоревшего перекрытия: обломки балок, прогонов, ветвей кустарника и куски глино-саманной штукатурки, покрывавшей крышу сверху. В длинных стенах расчищены гнезда для утопленных в плоскость стен деревянных стоек, которые поддерживали деревянные прогоны, идущие вдоль стен (в западной стене расчищено шесть гнезд и в восточной стене — пять) (рис. 11; табл. 13).

Пол помещения — хорошо оштукатуренная (слой глины с самапом) поверхность пахсовой подушки, толщина которой 20 см. Эта подушка предотвращала просадку пола. На полу зала была найдена монета с отверстием, бронзовый бубенчик, керамическое пряслице, железный наконечник стрелы, в центре помещения — железная цепь с вильчатым завершением.

Наиболее важные находки сделаны в проходе. Вся его площадь на высоту от 5 до 15 см оказалась забитой плотным завалом, состоящим из золы, угольков, кусков обожженной глины, штукатурки. Здесь же имеются фрагменты костей, волокнистого вещества, в том числе от витой веревки. В этом завале на высоте 5—15 см от пола были найдены мелкие фрагменты бересты с надписью (см. гл. IV), выполненной черной тушью. Они оказались рассеянными на площади 0,70×0,80 м. Среди них найдены также две сердцевидные бронзовые бляшки. У восточной щеки прохода, на этом же уровне обнаружен черепок с арабской надписью.

На высоте около 1,5 м над полом находится верхний культурный слой. Он отделен от нижнего толщей, образовавшейся в результате обрушения сгоревших частей перекрытия (некоторые из них лежат на полу, другие значительно выше) и строительных остатков. По-видимому, в период вторичного обживания зал, может быть снабженный легким перекрытием, уже не выполнял парадных функций. Близ южной стены был сооружен и функционировал бытовой очаг (диаметр — 40 см, сохранившаяся глубина — 5 см). Вокруг него и на всей площади зала было много золы, угля, обломков стенок и венчиков хумов.

Помещения 4 и 14. Эти помещения образуют Г-образный коридор, огибающий тронный зал с юга (пом. 4) и запада (пом. 14). Помещение 4 имеет в ширину 4,4 м, помещение 14 — 4,3 м. Этот коридор связывал все основные постройки двора. Вдоль продольных стен его шли суфы шириной 1—1,2 м, высотой 0,4—0,5 м, прерываемые проходами. Напротив входа в помещение 3 суфа является верхней ступенью, на которую вела нижняя ступень длиной 1,5 м, шириной 0,35 м. Суфы и ступень тщательно оштукатурены глино-саманной штукатуркой.

Коридор был забит плотным завалом из пахсы и кирпича-сырца. На высоте 0,7 м от пола начинают попадаться обожженная земля, зола и угольки. Перекрытие коридора было плоским. От него осталось несколько обуглившихся, круглых в сечении балок (диаметр их — 8—13 см), упавших на пол при пожаре (табл. 4—5/1). В помещении 4 на южной суфе найдено два веретенообразных железных наконечника стрел, на повороте в помещение 14 — россыпь обуглившихся зерен пшеницы, обломки ручного жернова и медная монета с отверстием.

Помещение 14 связывало помещения 3 с другими помещениями дворца, расположенными в северной его части, прежде всего с помещениями 13 и 11.

Помещение 13 представляет собой большой прямоугольный зал (15,2×6,3 м), вытянутый с севера на юг, с проходами в северной части, ведущими в помещения 14 и 11. Стены его сохранились на высоту 1,8–2,2 м. Они сложены из прямоугольного кирпича-сырца (50×25×8–10 см), положенного плашмя с чередованием ложковых и тычковых рядов, вертикальной перевязкой швов. Стены тщательно оштукатурены несколькими слоями штукатурки общей толщиной 4–5 см.

Вдоль всех стен помещения тянется лента суф, имеющая П-образную форму. Суфы, идущие вдоль длинных стен, имеют ширину 1,2–1,3 м, высоту 0,64 м. Суфа-«эстрада», идущая вдоль южной стены, была двухчастной. К широкой пристенной суфе (ширина — 2,8 м, высота — 0,64 м) со стороны помещения примыкала другая, более низкая суфа (ширина — 1,6 м, высота — 0,15 м). Эта двухступенчатая суфа-«эстрада» отличалась шириной, но не высотой — верхняя ее плоскость на той же высоте, что и суфы продольных стен.

Архитектурно-планировочной особенностью этого помещения помимо «эстрады» является наличие в той торцовой стене, к которой она примыкает, широкой и неглубокой ниши (по фронту — 4,7 м, глубина — 0,4 м). Внешние уголки боковых пилонов оформлены в виде трехчетвертных колонок (хорошо сохранилась правая, юго-западная) (рис. 28/2).

В завале над полом найдены фрагменты хумов, венчики кувшинов и тонкостенной красноангобированной чаши. В юго-западном углу помещения найдена медная монета без отверстия, в юго-восточном углу — фрагмент бронзового зеркала.

Помещение 12 — это проход, соединявший помещения 13 и 11. Длина помещения — 4,6 м, ширина — 1,14–1,17 м. Стены его сохранились на высоту 1,7–2,1 м. В восточной части помещения, у поворота в помещение 13 расширены гнезда деревянного порога, концы которого были заглублены в стены. На полу были найдены куски обожженных кирпичей, обломки сгоревших балок.

Помещение 11 (табл. 5/2) было небольшим, почти квадратным залом (7,35×8,15 м). Стены зала сохранились на высоту 2,5 м. Три из них: восточная, западная и южная — возведены из сырцового кирпича, северная — из пахсы. Стены были оштукатурены толстым слоем тщательно заглаженной глино-саманной штукатурки (толщиной до 4–5 см), которая при пожаре сильно обгорела и имеет коричневатокрасный цвет.

Вдоль всех стен шла лента суф, обрывающихся лишь у прохода в северо-восточном углу помещения. У южной стены суфы образуют «эстраду», длина которой 2,9 м, ширина — 2,4 м, она выделена еще и тем, что выше остальных суф на 7–10 см.

Суфа, расположенная на противоположной от «эстрады» стороне, имеет ширину 1,55 м, ширина боковых суф — 1,45 м, высота всех трех суф одинаковая — 0,40–0,45 м.

Пол помещения выстлан сплошным слоем сырцового кирпича, положенного плашмя, и тщательно оштукатурен. Обмазка пола, как и обмазка стен, сильно обгорела. Помещение было забито сверху обломками сырцовых кирпичей, пахсы. На высоте 0,5 м от пола стали попадаться части обгоревшего перекрытия. Вдоль южной суфы лежала балка длиной около 3 м.

На южной суфе найдены два целых сосуда, какой-то железный предмет, на полу в северо-западном углу помещения — жернов, в других частях помещения, также на полу — фрагменты хумов, дно маленького толстостенного стеклянного сосуда.

При снятии штукатурки с поверхности южной стены в ней обнаружено три вертикальных гнезда от деревянных стоек (диаметр — 18–20 см, углубление в стену — до 16 см). Недалеко от края восточной суфы, у прохода, в полу расширено углубление диаметром 0,40–0,45 м, глубиной около 0,40 м. Оно заполнено обгоревшим деревом. Однако уверенности в том, что это основание вертикальной стойки, нет.

Как указывалось, помещения 13 и 11 связаны коленчатым коридором — собственно проходом — с помещением 12. Он проходит вдоль южной стены анфилады и соединяет помещения 13 и 11 в их северных частях. Длина коридора (и соответственно стенки между помещениями 11 и 13) — 4,6 м, ширина — 1,14—1,17 м.

Оба помещения (11 и 13), в том виде, как они дошли до нас, — результат позднейших перепланировок. Стена между ними имеет толщину 4,6 м, что кажется невероятным. Ключ к раскрытию истории этих помещений дает проход, их соединяющий, т. е. помещение 12. На его южной стенке имеется выступ-лопатка (ширина ее — 0,75 м, выступает на 0,15 м), суживающая этот проход. Лопатка, находящаяся в 0,9 м от входа в помещение 13, совершенно нелогична. После снятия штукатурки удалось обнаружить, что стена между помещениями 11 и 13 состоит из четырех стен, толщина которых (если считать от помещения 13 к помещению 11, т. е. с востока на запад) следующая: «стена а» — 1,40 м, «стена б» — 1,55 м, «стена в» — 0,75 м, «стена г» — 0,90 м.

Первоначальной является «стена б», остальные пристроены к ней. Торец «стены в» выступает внутрь коридора, образуя вышеупомянутую лопатку. Совершенно очевидно, что «стена г» — восточная стена современного помещения 11 — является позднейшей. Об этом же свидетельствует сквозной шов, четко отделяющий «стену г» от «стены в». На каком-то этапе именно «стена в» была восточной стеной помещения 11, которое тогда было почти квадратным: 8,25×8,15 м. Косвенным подтверждением этому служит и расположение гнезд от деревянных стоек на южной стене. Их всего три, причем крайнее восточное расположено на расстоянии 0,74 м от этой стены, тогда как «шаг» между остальными стойками (и стойками и западной стеной) равен 2,0—2,35 м. Если «убрать» приставную стену, то и здесь расстояние несколько приблизится к обычному, оно будет равно 1,64 м (90+74 см). Следует вместе с тем считать, что на предыдущем этапе, когда не было приставной «стены г», планировка помещения была совсем иной. Во всяком случае, симметрия в расположении суф позволяет утверждать, что время их устройства синхронно времени возведения приставной «стены г» или более позднему. Возможно, к предыдущему этапу, когда функционировала «стена г», относится колонна (столб?), предполагаемое основание которой найдено в северо-восточном углу помещения, — она должна была отстоять на 2,3 м от северной стены и восточной «стены в». Именно тогда торец «стены в» сужал проход, что было вполне логично. Однако не исключено, что помещение 11 существовало и на более раннем этапе, когда с востока его ограничивала «стена б», а южная стена была прежней (именно в таком случае «шаг» стоек будет совершенно одинаковым). Современная западная стена была воздвигнута на позднейшем этапе, первоначально же здесь, возможно, располагалось совсем иное здание со «стеной б» на востоке и стеной, общей с круглым помещением 20 на западе, хотя не исключено, конечно, что тогда, в период КФ-II существования цитадели, здесь было не помещение, а дворик. Во всяком случае, проход из круглого помещения выводил в это гипотетическое помещение или дворик.

Помещение 13 также в сохранившейся планировке синхронно последнему, т. е. второму, этапу периода КФ-I. По-видимому, на первом этапе этого периода оно было больше. Тогда не было приставной «стены а» (толщина — 1,4 м) и на западе оно было ограничено «стеной б». Восточная стена помещения 13, отделяющая его от помещения 14, также составная (ее толщина — 3,3—3,6 м, она на 1,45—1,5 м толще стены пом. 3). Таким образом, вполне возможно, что на первом этапе помещение 13 было на 1,4 или даже на 2,5—2,85 м шире позднейшего. Возможно, что тогда на южной стене не было уступа — приставной стены и в таком случае этот зал был бы длиннее на 1,1—1,2 м. Разумеется, и планировка суф должна была быть иной.

ЮЖНАЯ ГРУППА ПОМЕЩЕНИЙ

В южной половине дворца самым крупным являлось помещение 5. Помещение 5 расположено к югу от помещения 4. Их разделяет массивная пахсовая стена. Длина помещения — 14,5 м, ширина — около 11,20 м. Оно вытянуто с севера на юг. Восточная стена — общая с восточной анфиладой. Южная стена почти разрушилась. В целом сохранившаяся высота стен не превышает 1,5 м; сделаны они из пахсы.

В помещении имеется три прохода. Один из них соединял его с помещением 4. В этом проходе расчищен обгоревший деревянный порог, утопленный в пол прохода примерно на две трети и вставленный в углубления щек. Второй проход (ширина — 2,10 м) связывал помещение 5 с помещением 30, третий (ширина — 1,40 м) вел в помещение 23.

Вдоль всех стен помещения имелись суфы. В середине северной стены располагалась главная суфа-«эстрада» длиной 3,70 м, шириной 2,45 м, высотой 0,60 м. Более узкая суфа (1,22—1,27 м) высотой 0,60 м примыкает к южной и западной стенам. Суфа, примыкающая с западной стороны, доходит до щeki прохода в помещении 4, а суфа, примыкающая к «эстраде» с восточной стороны, доходит до северо-восточного угла помещения, поворачивает под прямым углом и продолжается вдоль восточной стены еще на 2,39 м. На главную суфу поднимались при помощи ступеньки (54×46×15 см), приставленной к центру фасада суфы.

Вдоль западной и южной стен идут суфы шириной 0,70 м, высотой 0,27 м. Проход от суф к стенам осуществляется при помощи выкружки, выполненной штукатуркой. Эти суфы прерываются только у проходов. И суфы, и стены зала были тщательно оштукатурены.

В помещении вскрыто два пола, отделенных друг от друга прослойкой натеchno-надувного грунта толщиной 5—7 см. Верхний пол имеет ровную, плохо утрамбованную поверхность. Тонкий культурный слой, лежащий на нем, состоит из угольков, костей и черепков битой посуды. Нижний пол — ровный, хорошо утрамбованный. На нем были найдены фрагменты керамики и обгоревшие зерна пшеницы. При расчистке помещения обнаружено несколько монет с отверстиями. Недалеко от суфы-«эстрады», на верхнем полу найдены оселок из красного камня, веретенообразный железный наконечник стрелы и обломок трех лепных горшков.

Следы деревянного перекрытия имеются лишь в северной части помещения. Здесь, у главной суфы, лежали обломки обгоревших балок. Видимо, перекрытие было только над главной суфой. Об этом говорит и тот факт, что главная суфа и примыкающие к ней части второстепенных суф сохранились значительно лучше, чем остальные суфы; натеchno-надувные слои в северной части помещения значительно тоньше. В южной части помещения, кроме того, встретились отдельные керамические плитки, которыми здесь был выложен пол. Возможно, помещение 5 представляло собой айваный зал, который мог быть обжит только в теплое время года.

Помещения 22—24, 33 образуют несколько обособленный от других дворцовых построек комплекс, расположенный к западу от помещения 5. Три из них — это первоначальный П-образный обходной коридор вокруг помещения 33. К концу существования дворца этот коридор был разделен на три помещения.

Помещение 22 — северное в этой группе. Оно прямоугольной формы (8,35×2,95 м), вытянуто с востока на запад. Его стены сохранились на высоту 1—1,5 м. Северная стена сложена из кирпича, южная — из пахсы, разрезанной на блоки шириной 0,75 м. Штукатурка на стенах не сохранилась.

Сверху помещение было забито плотным завалом, состоящим из строительных остатков. Под ним вскрыто два пола с культурными слоями на них. Расстояние между ними — 0,30 м. Культурный слой, лежащий на

верхнем полу, сильно нарушен. Он состоит из мусора и битой керамики, перемежающихся с натечными слоями.

На нижнем полу, вдоль южной стены, стоит суфа длиной 5,50 м, шириной 0,95 м, высотой 0,35 м. Она сложена из сырцового кирпича и обмазана глиняной штукатуркой толщиной до 1 см. Над полом лежит слой мусора зеленого цвета, выше — натечные слои. Здесь найдены два железных наконечника стрел: один — плоский двухжальный, другой — трехлопастный. Кроме того, встречены обломки хумов, лепных сосудов и столовой керамики. В северо-западном углу вскрыта хозяйственная яма, ее глубина 2,15 м, диаметр вверху — 2,1 м, внизу — 1,81—1,1 м. Яма была заполнена разложившимися органическими остатками.

Помещение 23 расположено к востоку от помещения 22. Оно прямоугольной формы (9,10×2,60 м), вытянуто с севера на юг. В него вели два прохода из помещений 33 и 5. Проход из помещения 5 имеет коленчатую форму. Его длина — 3,95 м, ширина — 1,75—1,50 м.

Как и в помещении 22, здесь вскрыто два пола с культурными слоями. В северо-восточном углу помещения, на верхнем полу расчищена суфа (0,90×0,90 м) высотой 0,23 м. На полу найдены небольшие обломки столовых сосудов. На нижнем полу вдоль западной стены шла длинная суфа (36,2×1,05 м) высотой 0,4 м. Параллельно ей, вдоль восточной стены шла суфа поменьше (1,70×1,05 м) высотой 0,4 м. При расчистке нижнего пола найдено керамическое пряслице, железный изогнутый нож, медная монета с отверстием, обломки различных сосудов.

Помещение 24 является в этой группе крайним с западной стороны. Оно прямоугольное в плане (9,65×3,20 м), вытянуто с севера на юг. Стены его максимально сохранились на высоту до 1 м, к югу они выклиниваются. Они были аккуратно оштукатурены слоем глиняной штукатурки толщиной до 4 см. В одном месте на западной стене имелся небольшой фрагмент живописи, состоящей из линий желтого, коричневого, красного и черного цвета. Характер живописи установить не удалось.

Двумя проходами шириной 1,10 м и 1 м помещение 24 было соединено с помещениями 22 и 33, проходом шириной 1,3 м — со двором. Последний проход запирался дверью. От них сохранились следы деревянного бруса, концы которого были вставлены в щеки основания прохода.

В помещении вскрыто два пола, отделенных между собой промежутком шириной 0,30 м. На верхнем полу найдены обломки нескольких хумов; в юго-западном углу на нем стоит «кормушка», имеющая прямоугольную форму (1,98×0,82—0,88 м). Длинной стороной «кормушка» идет параллельно западной стене помещения, которая образует ее четвертую стену. Глубина «кормушки» — 0,75 м. Она сделана из сырцового кирпича (52×26×8 см). Внутри «кормушки» найдены обломки хума, каменное точило, ядро пращи. На всей площади пола были встречены небольшие обломки упавшего сгоревшего перекрытия: балок, прогонов, камыша с глиняной обмазкой. Нижний пол вскрыт частично. Он имеет ровную, хорошо утрамбованную поверхность. Находок на нем обнаружено мало: обломки хума и столовой посуды.

Помещение 33 является центральным в группе. Оно квадратное в плане (6×6 м). Стены его сложены из пахсы и разрезаны вертикальными швами на блоки. Наибольшую высоту имеет северная стена — 1,0 м, к югу стены выклиниваются до 0,20 м. Стены были очень тщательно оштукатурены двумя слоями штукатурки. Первый слой, толщиной 1 см, был снаружи, он покрыт тонким слоем декоративной зеленой глины с примесью мелкого песка. Второй слой — ремонтный, толщиной 1,6 см — был побелен.

С другими помещениями это помещение соединяют два прохода, расположенных по диагонали в северо-западном и юго-восточном углах. Про-

ход, ведущий в помещение 24, имеет ширину 1,14 м. В этом проходе стоял дверной косяк. На левой щеке прохода от него осталось вертикальное углубление шириной 9 см, глубиной 10 см. На противоположной щеке, почти напротив, была сделана уступчатая врезка глубиной 3 см, шириной 8 см. Второй проход шириной 1,9 м соединял помещения 33 и 23.

Все околостенное пространство внутри помещения занимает сложная система суф, которая образовалась не сразу, а постепенно. Первоначально вдоль всех стен (с перерывами у проходов) была поставлена единая суфа шириной 1,10—1,20 м. Углы суфы около прохода скруглены. Высота ее равна 0,40 м. Сверху и с боков суфа покрыта слоем штукатурки толщиной 1,8 см.

Впоследствии к южной суфе с фасада была приставлена дополнительная ступень, сделавшая ее похожей на «эстраду». Высота площадки равна 0,30 м, ширина — 1,80 м. Потом к фасаду расширенной суфы приставили площадку шириной 1,20 м, высотой 0,20 м. На этой площадке был устроен очаг — углубление диаметром 0,50 м, глубиной 5 см. Стенки его сильно обожжены.

Над полом лежит натечно-надувной слой толщиной 7—10 см. На поверхности этого слоя были расчищены части обгоревшего перекрытия: балок, прогонов и глиняной обмазки с отпечатками камыша. Прогонны были круглые (диаметр — 14—16 см). Балки имели более разнообразную форму: круглую (диаметр — 10 см), прямоугольную (3×6 см), квадратную (7×7 см), полукруглую (9×2 см). Судя по найденным остаткам, балки были положены по линии З—В, а прогоны — по линии С—Ю. Удалось установить, что расстояния между прогонами равнялось 10—20 см. На настил из балок был положен слой камыша и мелкого кустарника, после чего крыша была покрыта саманной обмазкой толщиной около 4 см. Штукатурка, покрывавшая потолок изнутри, имеет толщину 2,5—3 см. Она, видимо, была разделена глубокими желобами на квадраты или прямоугольники. Пол помещения хорошо утрамбован, поверхность его очень ровная. На полу, рядом с входом в помещение 24 найдена сердоликовая бусина с гравированным орнаментом, в проходе — монета с отверстием (рис. 12).

Помещение 34 располагается к западу от описанной группы помещений. Оно раскопано пока лишь частично. Помещение представляет собой вытянутый с запада на восток большой зал. Восточная стена его оформлена в виде ниши, которая первоначально имела глубину 0,70 м. Затем ее частично заложили, глубина ее стала 0,30 м. По краям ниша фланкирована уступами, имитирующими колонки.

Южная стена оформлена ступенями, вырубленными в ее толще, которые тянутся вдоль всей стены. Сохранились три ступени. Верхняя ступень имеет ширину 0,40 м, высоту 0,20 м, вторая ступень соответственно 0,40 м и 0,25 м, третья ступень — 0,50 м и 1,18 м. Вероятно, ступеней было больше.

Недалеко от юго-восточного угла расчищен напольный очаг диаметром 0,40 м. Пол имеет неровную, плохо утрамбованную поверхность. Культурный слой, лежащий на нем, состоит преимущественно из обломков хумов, горшков, реже — обломков столовой посуды. Из находок нужно отметить железную серьгу с разомкнутыми концами.

Помещение 35 примыкает с западной стороны к группе залов, расположенных в центре двора. Оно также еще не раскопано до конца. Очевидно, помещение представляет собой коридор, северный торец которого глухой, а южный соединяется с помещением 34. Ширина его — 2,50 м, вскрытая длина — 5 м. Восточная стена, общая с помещением 21, сложена из пахсы. Западная стена — кирпичная, сохранилась очень плохо (высота не более 1 м). Пол утрамбованный, ровный. На нем лежит незначительный культурный слой, состоящий преимущественно из обломков тарной посуды.

ПОМЕЩЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АНФИЛАДЫ
(ПОМЕЩЕНИЯ 15—19)

Эти помещения, как и помещения восточной анфилады, образованы из обходного коридора, который был вытянут с запада на восток вдоль северной оборонительной стены цитадели на 30,11 м и имел ширину 3,25—3,35 м. При перестройке дворца коридор был разделен двусторонними приставными кирпичными пилонами на пять помещений, имеющих разную длину.

Кирпичные пилоны, отделяющие помещения, неодинаковые, северный пилон шире южного (соответственно 1,30—1,40 м и 1,00—1,10 м). Исключением являются одинаковые по величине пилоны прохода, ведущего из помещения 14 в помещение 15, т. е. входные пилоны анфилады. Глубина прохода — 2—2,20 м, ширина — 0,9—1,15 м. Пилоны приставлены к стенам и не связаны с ними. До самого верха (сохранившегося) кладка в пилонах горизонтальная, никаких намеков на переход к аркам нет. Отмечается лишь некоторое выдвигание кирпичей в сторону проема. В результате этого нависания при высоте 2 м сужение достигает 12—15 см с каждой стороны. Зрительно оно ощущается очень хорошо, ибо подчеркивается расширением коридора снизу вверх (примерно на такую же величину) (табл. 6). В щеках пилонов между помещениями 14 и 15, а также 16 и 17 есть отверстия для деревянных порогов. Вдоль стен имелись невысокие суфы.

Самыми маленькими являются помещения западного конца анфилады (помещения 18 и 19), длина их соответственно 2,45 м и 2,25 м. Наиболее крупным является помещение 17 (длина его равна 7,05 м), далее по величине следуют помещения 15 (длина — 5,45 м) и помещение 16 (длина — 4,20 м). Попасть в анфиладу можно было только с востока, из помещения 14. Северная стена помещений анфилады является крепостной стеной, она сложена из пахсы, разделенной на два ряда строчкой горизонтально лежащих кирпичей. Стена несет не менее пяти слоев штукатурки (общая толщина — 7—8 см). Штукатурка парезана желобками на квадраты.

Помещения анфилады доверху были заполнены рыхлым завалом, состоящим из обломков сырцового кирпича и кусков пахсы. В помещении 15 в этом завале, на глубине 0,7 м от поверхности, найдено пять балок длиной до 1,5 м. Они прямоугольные в сечении (17—20×12,5—15 см). У северной и южной стен на глубине около метра — скопления камышового тлена. В помещении 16 в завале найдено три балки длиной до 2,55 м; у южной стены этого помещения — слой камышового тлена. Следов горения на балках нет. Они, видимо, относятся к перекрытию этих помещений.

На полах помещений анфилады был вскрыт незначительный культурный слой, состоящий из обломков хумов и костей животных. В помещении 17 на высоте 1,5 м от пола, у южной стены, найден разбитый хум, неподалеку от него и несколько глубже (на 8—10 см) — скопление фрагментов стеклянного сосуда, в том числе венчик с золотой заклепкой. Здесь же найден завернутый в ткань сильно корродированный железный предмет яйцевидной формы.

В северо-восточном углу помещения 18 кроме фрагментов хумов обнаружено шесть астрагалов. В проходе из этого помещения в помещение 19 лежал фрагмент каменной зернотерки, два каменных оселка, арбузные и дынные семочки, вепчик кувшина с профилированной ручкой. На полу помещения 19, в юго-западном углу и у середины северной стены, стояли хумы, от которых на месте сохранились лишь нижние части. В одном из них найдены три астрагала и ножевидный железный предмет, на полу встречаются совершенно истлевшие зерна пшеницы (табл. 7).

Помещения северной анфилады в отличие от помещений восточной анфилады служили только как хранилища. Здесь не обнаружены суфы

и очаги, которые почти всегда имеются в жилых помещениях. Расположение проходов на одной прямой подтверждает это предположение. Все помещения северной анфилады функционировали до конца второго периода, т. е. до гибели дворца.

ПОМЕЩЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АНФИЛАДЫ (ПОМЕЩЕНИЯ 6—10)

Эти помещения также образованы с помощью приставных пилонов при перестройке восточного обходного коридора дворца.

Помещения 6 и 7 — самые южные в восточной анфиладе. Помещение 6 представляет собой небольшой ($1,50 \times 1,90$ м) прямоугольный в плане отсек. При перестройке дворца к южной и восточной стенам в пределах помещения 6 были приставлены кирпичные стены толщиной 0,50 м. В центре каждая приставка была прорезана нишей высотой 1,5, шириной 1,05 м. Ниши перекрыты арками, выложенными четырьмя рядами тычковых кирпичей, положенных плашмя. Кирпич — прямоугольный ($50 \times 25 \times 9$ см). Замок арок не сохранился. Основания их покоятся на пяти рядах горизонтально лежащих кирпичей.

Ниши были оштукатурены тремя слоями штукатурки. Первый слой неравномерной толщины (1—1,5 см) грубо нанесен рукой на поверхность кирпичей. Затем тщательно был нанесен выравнивающий слой штукатурки толщиной 3 мм с примесью мелкорубленной соломы — самана. Сверху ниши покрыты слоем штукатурки толщиной 1 см, также с примесью соломы. Внутренняя поверхность ниш, кроме того, была еще покрыта слоем зеленой декоративной штукатурки толщиной 1 мм. На левой щеке восточной ниши сохранились остатки декоративного убранства в виде направленных вниз ступеней.

Проход в помещение 7 расположен в северо-восточном углу. Ширина прохода равна 0,64 м. Он был перекрыт аркой, которая не сохранилась. Одним концом арка опиралась на пилон, приставленный к западной стене, другой конец ее был встроен в кирпичную приставку восточной стены.

Помещение 7 — прямоугольное в плане ($1,50 \times 1,90$ м), т. е. оно такое же, как помещение 6. В завале помещения удалось расчистить большой кусок упавшего свода, который был выложен в технике поперечных наклонных отрезков. Свод опирался на южную стену помещения 6. Следовательно, помещения 6 и 7 имели общий свод. На полах этих помещений находок не обнаружено.

Помещение 7 отгорожено от помещения 8 глухой стеной, которая сложена из крупных обломков сырцового кирпича длиной 40 см, шириной 25 см и толщиной 9 см.

Помещение 8 ($7,40 \times 2,55$ м) отделено от предыдущего глухой кирпичной стеной, которая уже описана. В северной стене, образованной двумя приставными пилонами, сделан проход в помещение 9. Вдоль восточной стены идет кирпичная ремонтная приставка толщиной 0,5 м. Помещение доверху было забито обломками кирпичей рухнувшего кирпичного свода, выложенного поперечными наклонными отрезками. Стены сохранились на высоту 2—2,5 м.

Через все помещение вдоль восточной стены идет уступчатая суфа, выложенная из прямоугольного кирпича-сырца ($50 \times 25 \times 9$ см). Максимальная ширина суфы в середине — 1,40 м, минимальная у прохода — 1 м. Уровень пола в этом помещении располагается на одном уровне с полом помещения 7, но на 0,60 м выше уровня пола в помещении 9. Эта разница ликвидирована прямым пандусом, который начинается у южного торца помещения 9, идет через проход и кончается у северного торца помещения 8.

Пол помещения 8 имеет плотно утрамбованную, но неровную поверхность. Примерно в середине помещения, у западной стены, устроен очаг,

представляющий собой углубление длиной 0,55 м, шириной 0,30 м, глубиной 8 см. Стенки очага сильно обожжены, внутри его — зола и угольки. Стена, у которой расположен очаг, закопчена. На полу найдено много костей, фрагменты толстостенных сосудов. В кладке ремонтной восточной стены была найдена медная монета с отверстием.

Помещения 9 и 9а находятся в центре восточной анфилады. Помещение 9 (3,20×2,70 м) связано с помещениями 8 и 9а проходами, перекрытыми арками, которые опираются на кирпичные приставные пилоны. Более или менее хорошо сохранилась арка прохода в помещение 8. Длина его — 1,60—1,80 м, ширина — 1,20 м. Пилоны прохода сделаны из сырцового кирпича (50×25×8 см). Арка была выложена четырьмя рядами кирпичей, облегающих кривую плашмя.

Вдоль восточной стены помещения 9 шла суфа длиной 2,50 м, шириной 0,80 м, высотой 0,45 м. У западной стены было сделано углубление длиной 1,50 м, шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. В это углубление собирался мусор, кости, черепки разбитых сосудов.

Помещение 9а (3,20×2 м) связано проходами с помещениями 9 и 10. Вход в помещение 10 на одном из последних этапов жизни во дворце был заложен горизонтальными рядами обломков сырцовых кирпичей, сделанных из темной илистой глины. В западной стене помещения была вырублена ниша глубиной 0,60 м, шириной 1,20 м, высотой 1,65 м. Ниша была перекрыта выложенной из обломков сырцового кирпича аркой, которая сохранилась фрагментарно. На полах помещений 9 и 9а был вскрыт тонкий слой зеленоватой золы. В этом слое найдено небольшое количество костей и керамики.

Помещение 10 — это часть восточной анфилады длиной 21 м без поперечных перегородок. Его северная стена толщиной 1,60 м — общая с помещением 2. Она сделана из сырца (50×25×9 см). Восточная стена сложена из пахсовых блоков, лежащих в два яруса, которые отделены друг от друга горизонтальным рядом сырцовых кирпичей (50×25×9 см), выступающих внутрь помещения тычками. Пахсовая кладка стен разрезана на блоки. При этом швы нижнего и верхнего рядов пахсы расположены в шахматном порядке.

На верхнем ярусе пахсы — девять рядов кирпичной кладки. Самый нижний ряд положен ложком на пахсу. Остальные восемь рядов положены тычком. В этой кладке каждый вышележащий ряд кирпичей выступает внутрь помещения на 1—1,5 см по сравнению с нижележащим. Вся метровой высоты кладка выступает внутрь помещения на 10 см. Это, видимо, обычная полочка свода, но на противоположной стене, на этой же высоте ее нет (рис. 13—14).

Внизу, на полу помещения, была расчищена часть упавшего свода, состоящая из двух параллельных рядов сырцового кирпича (50×25×9 см), которые лежат на торце, параллельно длинным стенам.

Вдоль восточной и западной стен цепочками стояли хумы. Дно их было врыто на 5—10 см в невысокую (10 см) и неширокую (95 см) суфу, с плавной выкружкой к полу. Вдоль восточной стены вплотную друг к другу и к стене стояли шесть хумов. Три хума потрескались, но сохранили первоначальную форму и размеры, которые были стандартны. Три других хума раздавлены упавшим сводом. На противоположной стороне стояли пять хумов. Все они раздавлены упавшим сводом. Но здесь обломки хумов не упали вниз, а «прилипли» к стене. Это случилось потому, что на цепочку хумов, стоящих вдоль восточной стены, упала только небольшая часть свода. Хумы прикрыла нависающая над ними полочка. То, что фрагменты хумов, стоявшие у западной стены, «прилипли» к ней, объясняется, видимо, тем, что свод начал разваливаться вдоль шельги. Западная дуга свода, отсоединившись от восточной, опиралась дугой и ударила по хумам. Удар был направлен не вертикально, а почти горизонтально. Кирпичи свода снесли хумы почти до дна и вдавили их в стену.

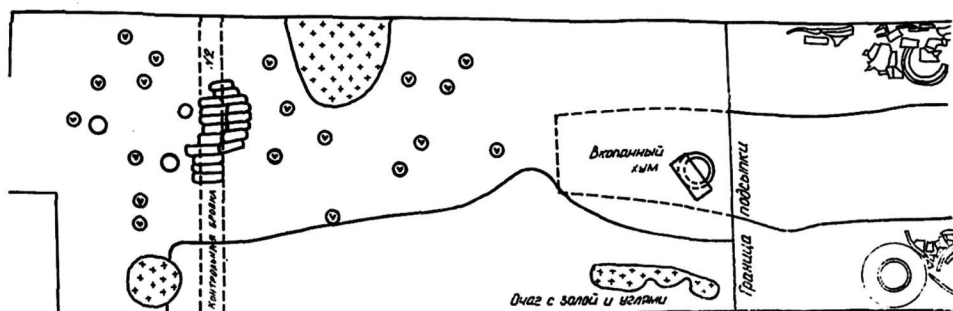

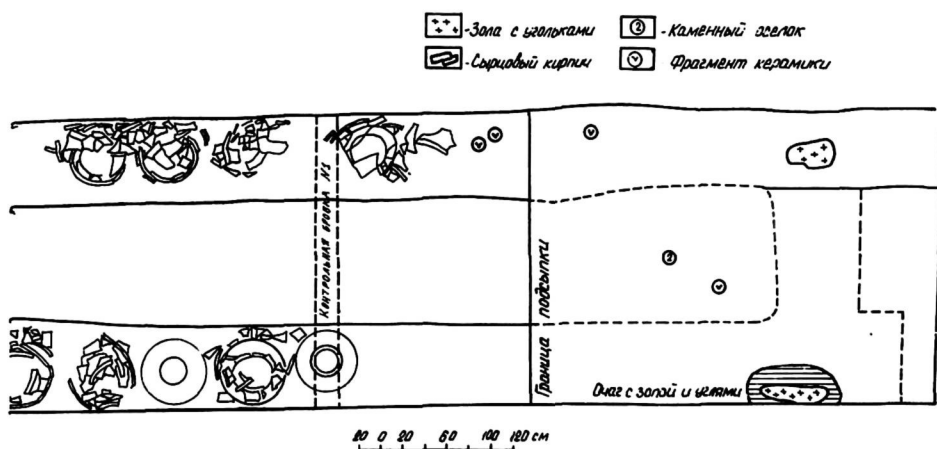
Рис. 13. Кафыркала. Цитадель. План находок в помещении 10

В помещении 10, которое, судя по находкам и внутреннему устройству, служило как для жилья, так и для хранения продуктов, выявлено два периода жизни. После того как это помещение было образовано, вдоль его стен соорудили суфы, которые имеют форму буквы «П». Суфы шли вдоль восточной, западной и северной стен. Суфы, идущие вдоль длинных стен, имеют ширину 0,95 м, высоту 0,10 м. Западная суфа в северной части помещения повышается на 0,20 м. В середине помещения в пол по горло был вкопан хум. Пол с обеих сторон понижается к горлу хума. Диаметр горла равен 0,28 м. Оно было закрыто обломками обожженного кирпича ($45 \times 23 \times 4$ см). Кирпич закрывал горло хума неплотно, поэтому сосуд был наполовину заполнен землей. Кроме того, в хуме были найдены кости грызунов. Очевидно, этот хум служил для сбора мусора.

Ко второму периоду относится лессовая подсыпка, сделанная в помещении. С южной стороны она подходит вплотную к хумам, а в северной части перекрывает суфу. У восточной стены, в центре подсыпки был устроен очаг длиной 0,60 м, шириной 0,13 м, глубиной 0,12 м. Стена и пол вокруг него были сильно обожжены. Очаг заполнен золой и угольками. Вдоль восточной стены на подсыпку была поставлена суфа длиной 6,05 м, неправильно вытянутой формы. У северного конца суфы был вырыт П-образный очаг длиной 1,30 м, шириной 0,20–0,21 м. Рядом с очагом был найден раздавленный лепной горшок с законченными спаружки стенками.

Другой очаг сделан на южном конце суфы из хума, у которого отбили венчик и плечико. Сверху очаг имеет диаметр 0,65 м, сохранившаяся высота его — 0,60 м. Очаг заполнен угольками и золой, а также кусочками развалившихся стенок, напротив очага лежала кучка золы — выброс из топки. Стена напротив этой кучки закопчена: видимо, иногда зола вынималась из очага горячей. Неподалеку от него также найдены кости, зола и черепки. Неизвестно, к какому периоду жизни относится ниша, вырубленная в северной стене. Ширина ниши равна 1 м, глубина — 0,4 м, высоту ее определить не удалось (рис. 13–14).

История возведения, функционирования и, наконец, разрушения восточной анфилады очень сложная. Анфилада возникла во время перестройки дворца в результате разделения восточного обходного коридора приставными кирпичными пилонами на отдельные помещения. Восточные стены помещений южной части анфилады были отремонтированы. К первоначальной пахсовой кладке приставили кирпичную шириной в 0,50 м. Ремонт был сделан аккуратно. Соблюдено строгое чередование ложковых

и тычковых рядов и перевязка между ними. Вертикальные и горизонтальные швы между кирпичами имеют одинаковую толщину (1–2 см). Ремонтная кладка прижата к стене и никак с ней не связана. Кирпичи держатся благодаря тому, что пахсовая стена имеет не вертикальную, а наклонную поверхность. Ремонт, устройство суф, очагов и ниш, придававших помещениям уют и создававших нормальные условия для жизни, свидетельствуют о том, что в них жили. Помещение 10 одновременно служило для жилья и хранения съестных припасов. К концу второго периода значительная часть восточной анфилады выпадает из комплекса — частью помещений перестали пользоваться.

Во время раскопок удалось выявить последовательность, в которой эти помещения прекращали свое существование. Первым было оставлено помещение 10. Причиной было, видимо, обрушение свода. Свод, очевидно, упал неожиданно, так как хумы, которые представляют хозяйственную ценность, не были вынесены из помещения. Проход, соединявший помещение 10 с другими помещениями, был заложен. Через некоторое время, вероятно по этой же причине, вышли из употребления помещения 9 и 9а.

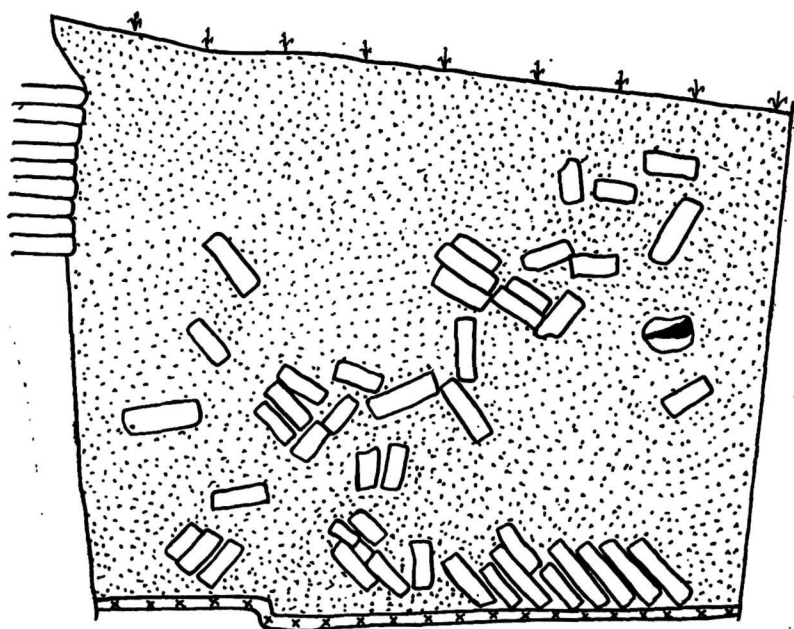
После того как была поставлена глухая кирпичная стена, отделявшая южную часть анфилады от центральной и северной ее частей, образовались помещения 7 и 8. Вернее, помещением, как таковым, было помещение 7, помещение 8 названо же так условно, ибо оно являлось на самом деле глухим отсеком, где никто не жил и где ничего не хранили. До этого помещения 7 и 8 представляли единое помещение длиной 14,30 м.

Помещения 7 и 6 функционировали вплоть до гибели дворца. В провалы, образовавшиеся на месте других заброшенных ранее помещений анфилады, сверху бросали мусор, битую керамическую посуду, золу, угли. Это было время упадка дворца.

ПОМЕЩЕНИЯ ЮЖНОЙ АНФИЛАДЫ (ПОМЕЩЕНИЯ 36–38)

Южная анфилада гораздо меньше северной и восточной, в ней всего три помещения.

Помещение 36 — прямоугольное в плане (4,60×1,5 м). Своими длинными стенами оно направлено перпендикулярно к южной стене цитадели. Помещение образовано торцами двух стен, идущих параллельно стене цитадели, и пилонами, приставленными к этим торцам изнутри. Оно играло роль своеобразного вестибюля для двух других помещений

Условные обозначения:

Уровень пола

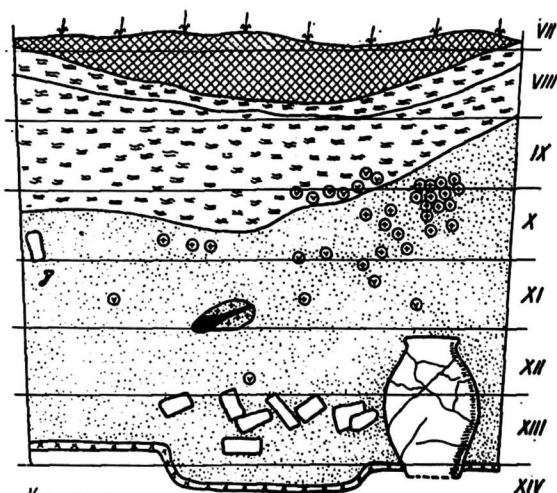

Сырцовый кирпич

Зольно-угольная прослойка

0 20 40 60 80 100 см

Условные обозначения:

Уголь

Зольно-угольная прослойка

Сырцовый кирпич

Кости

Зольно-угольная прослойка

Уровень пола

0 50 100 см

2

Рис. 14. Кафыркала. Цитадель. Помещение 10:

1 — поперечный разрез в южной части; 2 — поперечный разрез в северной части

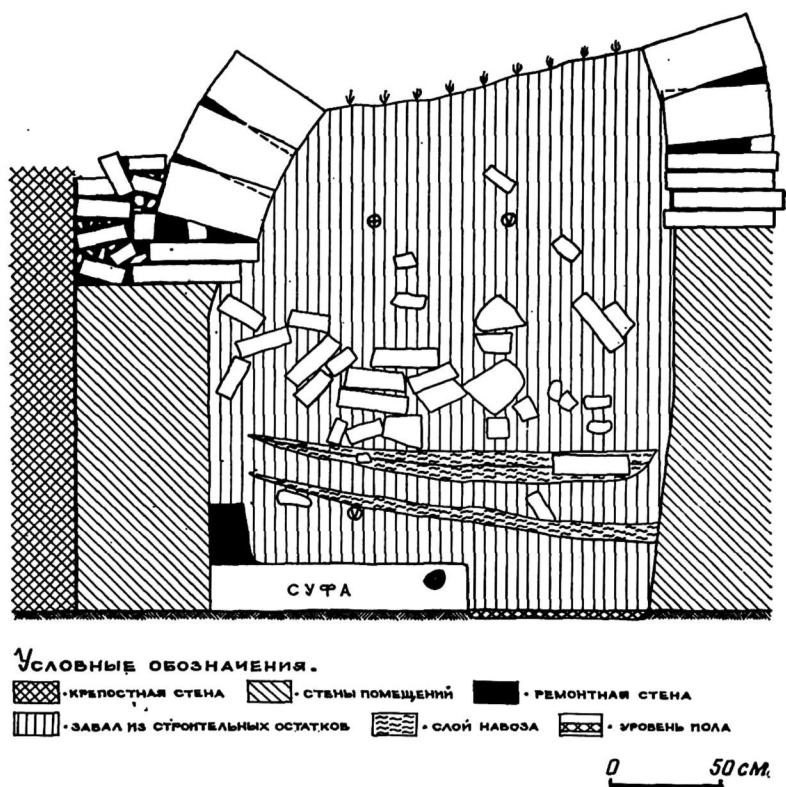

Рис. 15. Кафыркала. Цитадель. Помещение 38. Поперечный разрез

(пом. 37 и 38) и было связано с ними проходами, а входом шириной 1,5 м — со двором.

Помещение 37 ($6,8 \times 2,20$ м) располагается к западу от вестибюля, из которого в него ведет проход шириной 1,75 м, образованный приставленным к северной стене пилоном ($1 \times 0,70$ м). Стены сохранились на высоту до 3 м. Северная стена толщиной 2,40 м сложена из сырца, южная — из пахсы. Помещение вытянуто с запада на восток, к западному торцу оно суживается до 2,0 м.

Перекрытие было сводчатым, выложенным из поперечных наклонных отрезков (кирпич $52 \times 26 \times 8$ см). Исходной при кладке была западная торцовая стена. В помещении вскрыто четыре пола с культурными слоями (рис. 15). В центре помещения на верхнем полу найдены обломки двух стеклянных сосудов, в северо-восточном углу — монета с отверстием и бронзовая обоймочка в виде розетки.

Второй пол отделен от верхнего слоем, состоящим из лесса и измельченных строительных остатков толщиной 17 см. На полу лежит слой разложившегося навоза толщиной 2 см. Находок на нем не обнаружено. Третий пол от второго отделен забутовкой толщиной 0,42 м. На нем лежит слой гумуса толщиной 5 см. Четвертый, нижний пол отделен от предыдущего полуметровой толщью культурного слоя. Он пока еще не вскрыт. В западной части помещения на нем стоит Г-образная суфа высотой 0,26 м, здесь же находится вход в помещение 39.

Помещение 38 расположено к востоку от вестибюля. Проход, которым они соединены, имеет ширину 0,80 м. В плане помещение имеет прямоугольную форму ($8,33 \times 2,2$ м), вытянуто с запада на восток. Стены сохранились на высоту до 3 м. Северная стена — кирпичная, с небольшим расширением внизу, южная стена — пахсовая, приставленная к стене цитадели.

Помещение было перекрыто ползучим сводом, выложенным из поперечных наклонных отрезков ($38 \times 25 \times 8$ см), исходной при его выкладке была западная торцовая стена. Южная ветвь свода с полочкой, состоящей из двух рядов нависающих кирпичей, опиралась на специальную пахсовую стенку толщиной 0,61 м, высотой 1,5 м. Верхняя часть поверхности этой стенки сделана в виде выкружки и несколько нависает внутрь помещения, сокращая вместе с полочкой пролет свода. Во время ремонта южную ветвь свода подперли снизу кирпичной стеной длиной 2,85 м, шириной 0,65 м.

Полочка северной стены состоит из четырех рядов кирпичей, выпущенных торцами наружу. Нависание над стеной — 4 см, причем нависают первый и третий снизу ряды, два других положены со стеной заподлицо. Верхний уровень этой полочки на 0,4 м выше, чем верхний уровень полочки на противоположной стене.

В помещении вскрыто четыре пола с культурными слоями над ними. Верхние два слоя сливаются в один толщиной 15 см. Выше и частично в них самих — обломки рухнувшего свода. Третий пол отделен от выше лежащего аморфным слоем разложившихся строительных остатков толщиной 13—20 см. На полу лежит слой гумуса, толщина его достигает 10 см. Полы эти очень ровные. Четвертый, нижний пол хорошо утрамбован, поверхность его ровная. От выше лежащего пола он отделен слоем завала толщиной до 0,40 м.

В юго-западном углу на полу расчищена суфа, которая западным торцом доходит до прохода. Длина суфы — 2,50 м, ширина — 1,0 м, высота — 0,21 м. Она сложена из сырца. Стенка за суфой отремонтирована приставной стеночкой высотой 0,29 м, шириной 0,26 м. В северо-западном углу расчищено очажное пятно длиной 0,40 м, шириной 0,22 м. Около него найден разбитый хум, каменное точило и целый светильник — плочка.

Помещение 39 представляет собой длинный (11 м) коридор, который вел к выходу из цитадели, располагавшемуся, как и предполагалось, в юго-западном ее углу. В отличие от других помещений оно вытянуто не в меридиональном направлении, а с северо-востока на юго-запад, внося тем самым некоторый диссонанс в стройную схему дворца. Дугообразным проходом шириной 1,15 м помещение 39 соединено с помещением 37, одним торцом помещение 39 выходит во двор. Ширина помещения — 2,20 м. Стены сохранились на высоту до 3 м. Они сложены из пахсы. Западная стена несет следы ремонта, отремонтирован большой участок длиной 6 м почти на всю высоту. Ремонт был вызван тем, что часть стены рухнула. Образовавшийся проем заложили кирпичной кладкой. Ремонт выполнен небрежно. Несмотря на то что кирпичи лежат вперевязь, ряды их очень неровные, швы между ними имеют ширину 1—6 см. Не всегда соблюдено чередование ложковых и тычковых рядов. Строителям при этом пришлось восстанавливать и свод помещения. Хронологически ремонт относится к началу периода КФ-I.

В помещении вскрыто пять полов с культурными слоями, отделенными друг от друга прослойками лесса толщиной от 12 до 26 см. Верхние три пола плохо утрамбованы и неровны, четвертый и пятый полы утрамбованы лучше, поверхность их ровная. На верхнем полу найдены фрагменты стеклянной посуды, косточки персиков и миндаля, на пятом полу — монета с отверстием.

К началу периода КФ-I относится постройка кирпичной суфы ($2,45 \times 3,80$ м), расчищенной в северо-восточной части помещения у северо-западной стены. По мере того как изменялся уровень пола в помещении, суфа надстраивалась и к концу существования помещения достигла высоты 0,62 м. К началу периода КФ-II относится также сооружение вдоль длинных стен кирпичных подпорок шириной 0,40—0,45 м, высотой 0,30—0,35 м, предохранявших низ стен от разрушения.

Помещение 40 является частью обходного коридора, идущего

вдоль западной стены цитадели. Длина его — около 15 м, ширина — 1,8 м. Восточная стена отделяла помещение от двора, толщина ее около 2 м; западная стена примыкала к оборонительной стене. В истории помещения насчитывается несколько этапов. На раннем этапе оно было связано с помещением 39 с помощью прохода, располагающегося в южном торце. Восточная стена была сложена из пахсы и разделена вертикальными аккуратными швами на блоки шириной до 1 м. Помещение было перекрыто сводом, выложенным в технике наклонных поперечных отрезков. Затем восточная стена упала, она разрушилась до основания. Причиной, видимо, послужило то, что внизу, со стороны двора, она сильно намочка от атмосферных осадков.

На втором этапе производился капитальный ремонт помещения. Была восстановлена восточная стена, ее сложили из кирпича, использовали при этом остатки пахсовой стены в качестве фундамента. Новая кирпичная стена сложена аккуратно, с чередованием тычковых и ложковых рядов. Помещение вновь перекрыли сводом, выложенным в технике поперечных наклонных отрезков. Вход, соединявший его с помещением 39, был заложен кирпичом. Новый вход, соединивший помещение со двором, был устроен в восточной стене. Коридор стали использовать как хозяйственное помещение: на полу, который образовался после ремонта, найдены обломки нескольких хумов.

На третьем этапе помещение было подвергнуто ремонту и частично перестройке. Ремонт свелся к тому, что к восточной стене на большом участке была приставлена кирпичная стеночка шириной 0,50 м, которая поднималась до самого свода. Она не была оштукатурена, на кирпичах видны следы копоти. Примерно в центре приставной стены, на высоте около 1 м от пола, в ней была оставлена нишка, имеющая копусовидную форму. Высота ее — 0,62 м, ширина основания — 0,42 м, ширина наверху — 0,20 м, глубина — 0,23 м; пол плоский. Она заполнена натечно-надувными слоями. Одновременно в северном торце помещения поперек него была поставлена пахсовая стена. В северо-восточном углу в сторону двора был пробит еще один вход шириной 1,13 м, перекрытый аркой. Эта перестройка и ремонт были сделаны незадолго до гибели дворца. При этом был приподнят уровень пола.

Помещение до уровня первого (сверху) пола заполнено строительными остатками, кирпичом и кусками пахсы — рухнувшим сводом и верхней частью стен. Пахса имеет светлый цвет, фактура ее очень плотная. Кирпич формован из темной глины. Пространство между строительными остатками заполнено рыхлым светлым лесом. На глубине 1,25 м и 1,50 м от поверхности найдены медная монета и медная пластина. У южного торца помещения, на верхнем полу, найдена фрагментированная керамическая чаша, на лицевой стороне которой изображена рельефная фигурка оленя в окружении концентрической полосы, состоящей из растительного орнамента. На шее у оленя — лента с развевающимися концами. Спереди к ленте привязан бубенчик. К каждой ноге привязано по ленте. Перед оленем и сзади него — крупные цветы.

Помещение 41 располагается к западу от помещения 35. При достатке помещения 35 был найден вход, соединявший его с помещением 41; ширина его — 1,13 м. Вскрыт полностью северный пилоп входа, длина которого — 0,84 м; частично вскрыт также южный пилоп. Заполнение помещения составляет пахсовый завал. Помещение вскрыто частично (3,2×2,1 м).

Помещение 42 располагается к северу от помещения 41, их разделяет кирпичная стена толщиной 1,35 м. В юго-восточном углу помещения — вход, соединяющий его с помещением 35. Траншея (ширина ее — 2,45 м) вскрыта восточная часть помещения. Длина его с севера на юг — 7,20 м. Вероятно, оно имеет квадратную форму. На глубину 1,1 м от современной поверхности помещение заполнено натечно-надувными слоями. Ближе к полу, на глубине 1,1–1,15 м, попадают части обгоревшей

кровли. О том, что в помещении был пожар, свидетельствуют также и сильно обгоревшие стены. В завале найдены кусочки обгоревшего хвороста диаметром от 2 до 12 мм, куски балок и прогонов. Вдоль восточной стены намечается суфа шириной 1,30 м; вероятно, она имела и у северной стены. Стены в помещении сохранились на высоту до 1 м. Они сложены из кирпича. На отдельных участках сохранилась штукатурка толщиной 1,5–2 см.

РАСКОПКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЦИТАДЕЛИ

Для изучения фортификационной системы цитадели было проведено вскрытие внешних фасадов ее северной и восточной стен на всю сохранившуюся их высоту, а также расчистка трех угловых башен². Затем с помощью шурфов было проведено вскрытие предстенных оборонительных сооружений и цоколя, на котором стоят стены. Шурф, заложенный вдоль северного фасада (3×2,5 м), был доведен до глубины 3,80 м, шурф у восточного фасада (2,10×1,70 м) — до глубины 2,70 м (табл. 8).

Наиболее интересные наблюдения были сделаны в северном шурфе. Здесь вскрыта дополнительная стенка — протейхизма, идущая параллельно основной стене. Между ними располагался коридор шириной 3 м. Уровень пола в межстенном коридоре неоднократно менялся. Первоначальный пол был хорошо утрамбован и обмазан глиной. Он имеет наклонную поверхность — для отвода дождевых вод от основания стен.

Затем уровень пола был приподнят лессовой подсыпкой на 1 м. Ему также был придан наклон в противоположную от оборонительной стены сторону. После вторичной подсыпки толщиной 12–32 см появился третий пол. Он имеет горизонтальную поверхность. Поскольку протейхизма на уровне верхнего пола имела незначительную высоту, крепостную стену снаружи загородили кирпичным щитом шириной вверху 1,28 м, высотой 1,17 м, который с ней не был перевязан, но плотно прилегал к ней (рис. 16).

Функциональное определение некоторых помещений Кафыркалы связано с трудностями, вызванными отчасти малочисленностью находок, обнаруженных в них. Однако, используя некоторые данные, например расположение помещений относительно всего комплекса (дворца или жилого городского дома), их размеры, устройство и убранство интерьера, можно с достаточной уверенностью судить об их назначении.

Не вызывает сомнений, что большой зал, вскрытый на территории города, является для жилого дома парадным помещением (*межмонгоной*), которое служило для приема гостей и различных торжеств. Принцип устройства этого зала аналогичен устройству одного из залов на цитадели (пом. 13). И там и здесь имеются в одной из торцовых стен ниши, фланкированные колонками. Перед ними — площадки-«эстрады», к которым подходили суфы меньших размеров.

Вокруг городского парадного зала располагались хозяйственные и жилые помещения значительно меньших размеров. При их вскрытии были обнаружены хумы, различные предметы бытового назначения.

На цитадели, в северной части дворца располагалась обособленная группа залов различной формы и размеров, видимо, собственно покои правителя. Те, что больше (пом. 13, 20), были парадными, помещения меньших размеров (пом. 11, 33) — жилые. Особое, возможно культовое, назначение имел круглый зал (пом. 20). Во всех этих помещениях имелись почетные суфы, а также суфы-лежанки.

Помещение 3 является самым крупным помещением дворца периода КФ-I (площадь — около 200 м²). Представляется, что оно являлось аудиенц-залом. На широкой суфе-площадке, примыкающей к западной стене, вероятно, стоял трон правителя. На противоположной площадке распола-

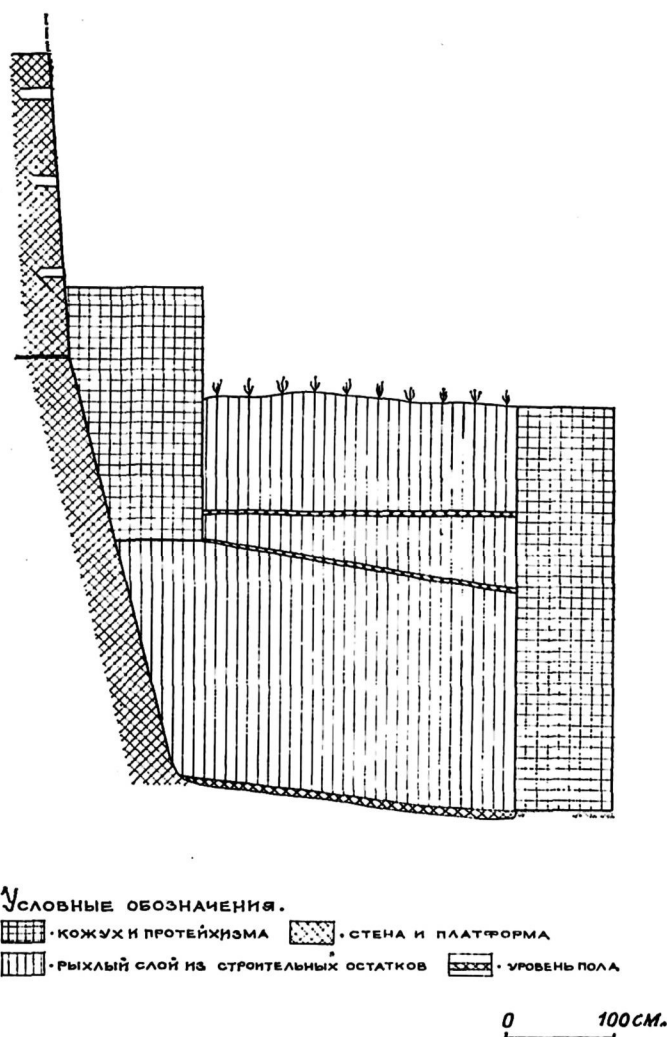
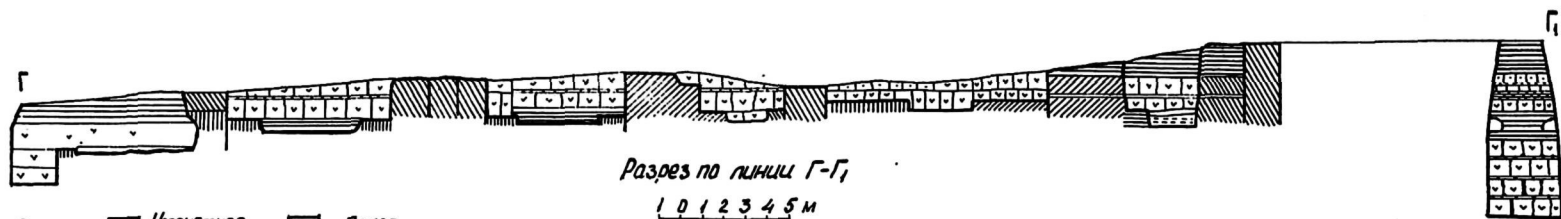
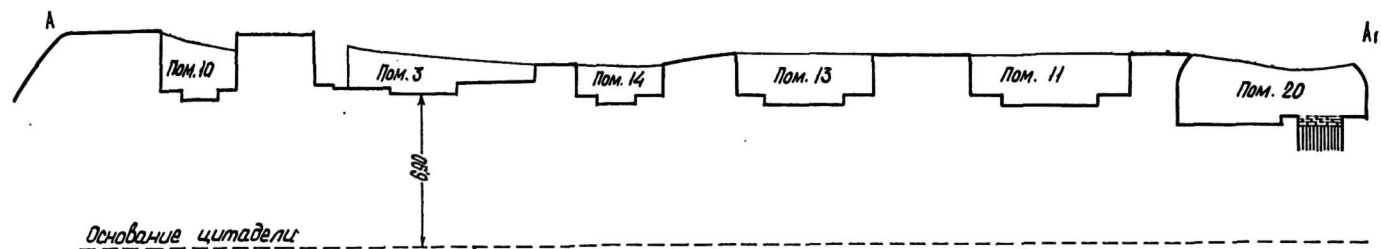

Рис. 16. Кафыркала. Поперечный разрез межстенного коридора у северного фасада цитадели

гался большой очаг. На суфах, подходивших к этим площадкам, могли размещаться приближенные правителя и гости.

Не вызывает сомнений также определение группы помещений (пом. 25—31), находившейся в юго-восточном углу дворца, как буддийской часовни. Ее планировка типична для подобного рода культовых сооружений; здесь имеется центральное святилище, обходной коридор; стены помещений были расписаны сюжетной живописью с изображениями Будды, животных, цветов и др.

Хозяйственные помещения располагались по периферии дворцового комплекса. Для периода КФ-II они обнаружены в его северо-восточной части, в этот период они занимали место предстенных обходных коридоров, перегороденных позже приставными пилонами на отдельные отсеки. Почти во всех найдены хумы, служащие для хранения припасов, кухонная посуда. Часть из них на последнем этапе существования дворца использовалась для жилья (рис. 17).

- 2
	- Нерукотная кладка		- Пакса
	- Платный слой		- Пакса в разрезе

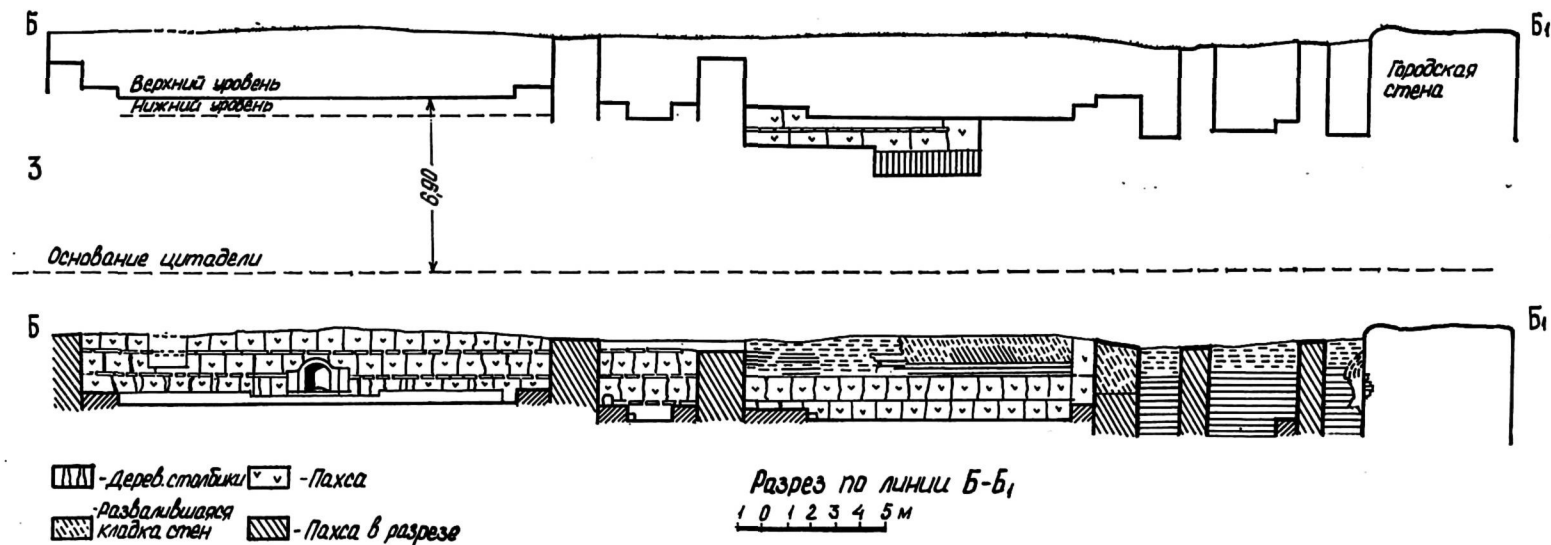

Рис. 17. Кафыркала. Цитадель. Разрезы дворцовых помещений:

1 — с востока на запад, через пом. 10—20 (вид на юг); 2 — с востока на запад, через пом. 1 с выносом на линию пом. 10—20 (вид на север); 3 — с севера на юг, через пом. 3—29 (вид на восток)

Самый ранний период — КФ-III выделен (в известной степени условно) на основании находок, обнаруженных в переотложенном виде, а также вместе со строительными остатками в шурфах на территории города и цитадели. Медная монета кушанского царя Канишки (ша об. ст. — четверорукий бог Виша) [Зеймаль Е. В., 1983, с. 200] найдена в лессовой засыпке одного из помещений северной анфилады дворца; медная, оставшаяся неопределенной кушанская монета — в обломке кирпича свода в дворцовом помещении 2; медная монета безымянного «царя царей, великого спасителя» — в дворцовом помещении 34 на средней ступени. Этим нумизматическим материалам соответствует находка в раскопе 1957 г. (в зале с колонками в городе) еще одной монеты безымянного «царя царей, великого спасителя» [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 90; Давидович, 1959б, с. 153; Зеймаль Е. В., 1983, с. 171—172].

Учитывая тот факт, что обращение кушанских монет было длительным (на протяжении всего периода существования Кушанского царства и позже), а также то, что вместе с ними найдено небольшое количество позднекушанской керамики, можно предположить, что какое-то поселение на месте Кафыркалы существовало уже в позднекушанскую эпоху.

Во время раскопок жилого дома на территории города в 1957 г. в слое КФ-II была найдена эфталтская монета, относящаяся к весьма обширной группе монет, с легендой «Narḱi malka». Определенная тогда же Е. А. Давидович [Давидович, 1959б, с. 153—154], эта монета позволяет датировать слой КФ-II временем до середины VII в. (см. [Зеймаль Т. И., 1971б, с. 46—47]). К сожалению, раскопки на цитадели не дали строго датированных материалов, относящихся к этому периоду; вместе с тем стратиграфические соображения и характер керамического материала позволяют предложить для этого периода дату в пределах второй половины VI — первой половины VII в.

К периоду КФ-I относится подавляющее большинство монетных находок на Кафыркале (всего за время раскопок на цитадели и на городище было найдено около 80 монет, не считая большого клада, обнаруженного при случайных земляных работах в одной из усадеб пригорода). Наиболее многочисленную группу составляют анэпиграфные тохаристанские монеты (литые бронзовые, с изображением на одной стороне обрамляющего центральное отверстие рельефного квадрата с отходящими от него «усиками», а на другой стороне не имеющие пикаких изображений). По мнению В. А. Лившица, название «тохаристанские» для этих монет является условным. Топография находок монет позволяет рассматривать их как более узколокализирующуюся эмиссию одного из тохаристанских владений — Вахш (У-ша). Монеты этого типа, видимо, находились в обращении только на территории левобережья Вахшской долины, хотя не исключены единичные находки их и за пределами указанной территории. Выпуск таких монет осуществлялся в течение длительного времени (монетами засвидетельствовано несколько последовательных этапов схематизации изображения на них), что значительно снижает их ценность как датирующих находок. Для определения даты этих монет решающее значение имеют находки их вместе с другими монетами (в том числе с точно датированными арабскими дирхемами) в надежных стратиграфических условиях во время раскопок на Аджинатепе (в частности, комплекс находок из кельи № 7 на Аджинатепе, относящийся к 30-м годам VIII в.). В целом анэпиграфные тохаристанские (вахшские) монеты могут датировать слой, в котором они найдены, только широко — второй половиной VII — первой половиной VIII в. (или — несколько уже — концом VII — первой половиной VIII в., если найденная монета относится к одному из поздних этапов схематизации изображения).

Все приведенные выше в связи с тохаристанскими анэпиграфными монетами соображения об их датировочных возможностях в полной мере

справедливы и для другой, не столь многочисленной (8 экз.) группы литых бронзовых монет местного выпуска — «тохаристанских монет» с легендой согдийским письмом на лицевой стороне (по чтению В. А. Лившица — *wzwtg MLK' 'wrsk*), и схематичным (нечитающимся) изображением четырех китайских иероглифов на оборотной стороне. Как и в Согде, возникновение этой местной эмиссии вряд ли могло произойти ранее 30-х годов VII в., а по данным совместных находок с датированными монетами на Аджинатапе, они были в обращении в первой половине VIII в.

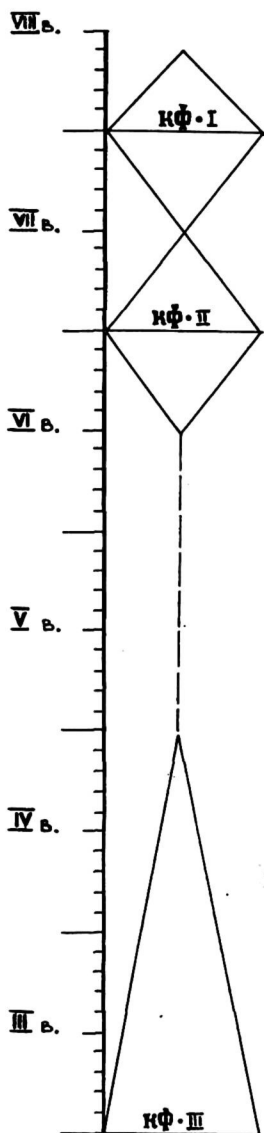

Рис. 18. Кафыркале. Схема датировки периодов жизни на цитадели

Третья группа местных (северотохаристанских) монет, представленная на Кафыркале (4 экз.), имеет одну из сторон гладкую (без каких-либо изображений и надписей), а на другой стороне центральное отверстие обрамлено рельефным бортиком — кругом (в отличие от тохаристанских монет с согдийской легендой, у которых обрамление центрального отверстия имеет очертания квадрата) и по кругу идет, по мнению В. А. Лившица, легенда, выполненная поздним курсивным бактрийско-эфталитским письмом в зеркальном начертании (один из возможных вариантов чтения — *wzwtg MLK*). Первые находки таких монет были сделаны на городище Мунчактепа (правобережье р. Кафирниган)³, чем и объясняется их условное обозначение как монет «мунчакского типа». Их датировка (как и других местных выпусков) пока может быть только широкой: середина VII — середина VIII в., а локализация места их выпуска (наиболее вероятная, но не окончательная) — Кобадиянское владение.

Для периода КФ-I получен обширный комплекс археологических материалов (керамика, оружие, украшения и др.). Анализ этого комплекса (см. гл. III) дает независимую датировку VII—VIII вв., скорее всего от середины VII — до середины VIII в. Таким образом, по монетным находкам и археологическим материалам для периода КФ-I может быть установлена датировка от начала второй четверти VII в. до середины VIII в. Датировка эта в некоторых случаях может быть по стратиграфическим соображениям сужена до конца VII — 40-х годов VIII в., но в целом установление более дробных и узких датировок для этого периода — дело будущего.

Имеются данные, что отдельные помещения, иногда с обрушившимися перекрытиями, использовались позже, скорее всего в конце VIII—IX вв. Городище посещалось и много столетий спустя, вплоть до XVI—XVII вв. — об этом свидетельствуют фрагменты керамики, найденные на уровне бывших перекрытий. Но все это случайные эпизоды, которые относятся ко времени, когда город уже был мертв (рис. 18).

Эта периодизация истории столицы Вахшской долины практически совпадает с периодизацией истории долины в целом и отражает ее.

При разработке периодизации истории раннесредневековой Сурхандарьи Т. Д. Аннаев использовал уже существовавшую трехчленную схему. Наиболее ранний период он обозначил куёвкурганским (вторая полови-

на V — первая половина VI в.), средний — хайрабадским (вторая половина VI — первая половина VII в.), наиболее поздний — кулаглинским (вторая половина VII — первая половина VIII в.). Для датировки раннего и позднего периодов имеются монетные данные. Т. Д. Аннаев отмечает синхронность кулаглинского периода периоду КФ-III [Аннаев, 1984а, с. 9], эту корреляцию следует расширить. На наш взгляд, можно говорить о трехчленной периодизации средневекового Тохаристана, но с другими хронологическими определениями общетохаристанских периодов:

- 1) посткушанский — конец IV — первая половина V в.
- 2) тохаристанско-эфталитский — конец V — конец VI в.
- 3) тохаристанско-тюркский — конец VI — середина VIII в.

АРХИТЕКТУРА И ФОРТИФИКАЦИЯ КАФЫРКАЛЫ

При раскопках городища Кафыркала получен чрезвычайно ценный материал, разносторонне характеризующий строительное дело и фортификацию раннесредневекового Тохаристана.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Судя по сложной, но четкой планировке дворца и жилого городского дома, строители перед началом работ имели, видимо, эскизные планы построек и делали разбивку контуров помещений на местности. Это вытекает, в частности, из строгой геометрической формы многих, особенно ключевых, помещений. Так, например, помещение 20 («Круглый зал») имеет в плане вид абсолютно точного круга с диаметром 7,95—7,98 м. Колебания в 3 см находятся в данном случае в пределах точности измерений, если учесть, что на некоторых участках отсутствует штукатурка. Круг, прямоугольник, квадрат — таковы геометрические фигуры, которые легли в основу планировочных схем кафыркалинских построек. Причем эти фигуры почти всегда имеют правильную форму: помещение 1 — $3,5 \times 3,6$ м; помещение 26 — $3,4 \times 3,4$ м; помещение 33 — 6×6 м; помещение 3 — $10 \times 19,05$ м и т. д. Точно так же обстоит дело и на Аджинатепе. В качестве примера можно привести центральное помещение 1 Аджинатепе, где помещение было точным квадратом (7×7 м), с совершенно одинаковыми (колебания в пределах 1—2 см) диагоналями. Очень четкой и строго геометрической является планировка Балалыктепе: квадратный дом на первом этапе ($14,5 \times 14,5$ м), квадратное помещение 14 ($4,85 \times 4,85$ м) и т. д. [Альбаум, 1960, с. 107, рис. 91, 92; Нильсен, 1966, с. 155, 160] ¹.

Основания стен, плоскости суф, карнизы часто строго горизонтальные. Этого можно было добиться лишь при постоянном осуществлении в процессе строительства нивелировочных работ, реальное подтверждение чему найдено при раскопках Кафыркалы. Здесь, в помещении 3, после снятия пристроенной суфы на восточной стене были обнаружены две строго параллельные горизонтальные линии толщиной 0,8 см, проведенные углом. Одна из них служила отметкой для верха пахсовой подушки, другая показывала уровень верхней поверхности суф.

Некоторые закономерности выявляются и при анализе размеров строительных материалов. Представляется, что сырцовый кирпич употреблялся строителями Кафыркалы в качестве модуля (см. ниже).

Открытие на стенах пенджикентских построек настоящих чертежей, один из которых является разметкой мест опирания деревянного перекрытия, а другой — сложным геометрическим построением [Гуревич, 1977, с. 60; Абдуллаев, Гуревич, 1979], окончательно подтверждает предположение о том, что раннесредневековая Средняя Азия знала архитектурное проектирование и проведение разбивки на местности, что подразумевает наличие профессиональных архитекторов и строителей и, вероятно, серии основанных на вековой практике правил (установлений).

Так как мы не располагаем местными письменными источниками, характеризующими архитектурное искусство и приемы раннесредневековых зодчих Средней Азии, полезно рассмотреть раннесредневековые индийские источники по этому вопросу. Одним из таких источников является «Манасара», время создания которой, согласно П. К. Ачарья, падает на период между 500—700 гг. [Acharya, 1927a, с. 198], но в которой, однако, есть и более поздние интерполяции².

Согласно «Манасаре», строительство осуществляется под руководством четырех лиц: 1) *sthāpati* (стхапати) — мастер-строитель, являющийся главным архитектором; он должен был глубоко и всесторонне знать шастры; 2) *sūtragrahin* (сутраграхин) — проектировщик, чертежник, хорошо знающий шастры; 3) *vardhakin* (вардхакин) — рисовальщик, художник; 4) *taksaka* (такшака) — плотник, столяр (*Mānasāra* II, 17—35) (см. [Architecture of Mānasāra, 1932, с. 6—7]). На основании других источников В. В. Вертоградова установила, что такшака занимался и обработкой строительных материалов, а вардхакин — собственно строительством [Вертоградова, 1975, с. 313]. Существовала и иная (в других письменных источниках) классификация: стхапати — главный архитектор по сооружению гражданских построек; стхапака — архитектор-жрец, специалист по культовым постройкам [Shukla, 1961, с. 44; Вертоградова, 1975, с. 314].

Эти термины встречаются в надписях догутского времени. Позже терминология надписей меняется. В пещере 16 Аджанты есть надпись (по палеографическим данным — конца V в.), сообщающая имя художника, для обозначения которого применен термин «*sutradhāra*» («сутрадхара»). Судя по другим надписям, сутрадхара были знакомы с искусством живописи, скульптуры; они были превосходными писцами и строителями различных сооружений. Один из сутрадхара носил такой эпитет: «прародитель пескольных городов и построек». В поэзии этот термин начиная с VII в. обозначает и руководителя сценического действия и архитектора — строителя храма. Согласно М. К. Дхаваликару, начиная с гутского времени сутрадхара — это главный художник и архитектор, руководитель и координатор строительных работ [Dhavalikar, 1969, с. 301—309]³.

«Манасара» содержит следующие положения: «В этой [работе по возведению зданий] никто в мире не может достигнуть успеха без помощи архитектора и без его руководства. Поэтому она (работа по строительству) должна проводиться с помощью этих архитекторов» (*Mānasāra* II, 36—37) [см. Architecture of Mānasāra, 1932, с. 7].

Близкий, практически параллельный ряд сообщений содержат раннесредневековые среднеперсидские источники. Термины «*gāz*», «*gāz-kir-gōg*» обозначают в них «строитель», «архитектор». Была и более дробная классификация строителей. В одном из текстов есть следующие слова: «Когда человек решает выстроить дом, он выбирает троих людей, один из которых лучше [обучен] кладке фундаментов, другой — возведению стен, третий — сооружению крыши». Для последнего применен термин *āškōb-kardār* — букв. «делатель крыши» [Tafazzoli, 1975, с. 193]. Такая специализация, по-видимому, существовала в древней и средневековой Средней Азии, во всяком случае, в одном из согдийских документов с горы Муг говорится, что некоему лицу было уплачено 100 драхм «за [возведение] крыши» [Лившиц, 1962, с. 182—183]. Кроме того, в среднеперсидских документах фигурирует еще и *piḡārgar* — «живописец», тот, кто «благодаря своему искусству делает картину из различных красок» [Tafazzoli, 1975, с. 195]. Плотник (*durgar*, поздняя форма *drūdgar*) «делает дерево гладким и прямым». Одна из его специфических обязанностей — «изготовление тахтов и дверей (*dar*) из дерева». Со строительством связана также профессия *ṣarūgar* — «работающий со строительным раствором» [Tafazzoli, 1975, с. 193—196]. Разумеется, на практике были случаи, когда одно лицо владело несколькими профессиями. В надписи на

здании в Хатре сообщается о некоем Bar-nanai, сыне Yahbush, который был и архитектором, и каменщиком, и скульптором [Fuad Safar, 1953, с. 8]. О высоком статусе архитектора, о понимании его определяющей роли в строительстве свидетельствуют слова среднеперсидского источника: «Созидание без создателя, решение без решающего столь же невозможны, как написание без пишущего или же как сооружение дома без архитектора и строителя» [Geiger B., 1938, с. 210]. Именно таким, судя по всему, было отношение к архитектору и в Тохаристане и в Средней Азии в целом. Б. А. Литвинский высказал предположение, что раннесредневековый зодчий вначале создавал проект монументального сооружения (хотя бы эскизный), затем уже производилась разбивка на местности [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 55]; причем делать это должен был специалист, аналогичный индийскому сутраграхин.

Индийские источники сообщают подробные правила, которые следовало соблюдать при выборе места для строительства, в них говорится о процедуре подготовки и освящения строительной площадки.

По «Манасаре», перед строительством в центре площадки укреплялся вертикальный шест — гномон (*saṅku*), затем сутраграхин измерял его длину и с помощью шнура, который был в два раза длиннее, чем гномон, из точки, куда он вставлялся, описывал круг. Главный архитектор, наблюдая за тенью, отбрасываемой гномоном, дважды — до полудня и после полудня — отмечал точки пересечения тени с окружностью. Отрезок, соединяющий эти точки, давал направление В — З. С концов этого отрезка проводились две дуги, которые пересекались, линия, проведенная через эти точки, давала направление С — Ю (*Mānasāra* VI, 19–28; VI, 40–47) ⁴. Существовали правила ориентировки различных сооружений.

Разбивка самой постройки осуществлялась очень тщательно — с помощью измерительного шнура и стержня. Измерительный шнур делался из хлопка или джута (впрочем, иногда встречаются указания и на другие материалы). Упоминается и измерительный стержень, но предпочтение отдается шнуру (*Mānasāra* VI, 95) [Architecture of *Mānasāra*, 1932, с. 31]. Колышки должны были быть деревянными (например, из дерева акации); длина колышков примерно 21–25 *aṅgula* (т. е. 40–48 см) ⁵, причем «основание колышка должно быть сделано подобно веретену, а от основания к вершине колышек должен утолщаться». Колышки загоняются в грунт восемью ударами молотка (*Mānasāra* VI, 114–116) [Architecture of *Mānasāra*, 1932, с. 31].

Перед началом строительства архитектор намечал и закреплял с помощью двух колышков центральную линию, с помощью четырех колышков отмечались четыре угла, колышки соединялись шнуром. «Это должно быть сделано, ибо от этого — большая польза» (*Mānasāra* VI, 105–108) (см. [Architecture of *Mānasāra*, 1932, с. 31–32]). Применение деревянных колышков для разбивки плана будущего здания в Средней Азии засвидетельствовано находками, сделанными в Пенджикенте ^{5а}.

Учитывая, что в Средней Азии XIX — начала XX в. в строительстве соблюдались строгие установления, связанные с ориентацией, можно предположить, что так было и в древности и в раннем средневековье.

М. С. Булатову удалось показать, что в IX–XII вв. среднеазиатский зодчий при разбивке здания на строительной площадке оперировал шнуром и колышком. Математические закономерности выражаются в это время производными квадрата [Булатов, 1953; Булатов, 1978, с. 62 и сл.]. Разбивку плана построек на местности с помощью колышков и бечевы делали строители Ферганы в XIX — начале XX в. [Писарчик, 1954, с. 251]. Очевидно, с момента разбивки площадки велись и нивелировочные работы, которые продолжались на протяжении всего строительства. Характер и устройство разного рода нивелировочных приспособлений хорошо известны для Средней Азии и Переднего Востока IX–XII вв. — это отвесы, сосуды с жидкостью, прямоугольная пластина с ушками на короткой стороне и нитью-отвесом, подвешенным вдоль продольной оси, таким же

образом устроенная пластина в виде равнобедренного треугольника с нитью-отвесом, закрепленным в середине основания, снабженного крючками для подвешивания, и др. [Wiedemann, 1907, с. 310; Рожанская, 1976, с. 133—136]. В XIX — начале XX в. народные строители применяли для нивелировки несколько видов приспособлений, часть из которых была аналогична средневековым [Писарчик, 1954, с. 252].

Математические трактаты домусульманской Средней Азии не сохранились. Об уровне математических знаний в Средней Азии того времени могут в какой-то мере дать представления математические сочинения древних индусов, а также «Шульба-сутры» (*śulba-sūtra*) — трактаты о правилах измерений и построений жертвенных алтарей. Слово «*śulba*» (или «*śulva*») означает «веревка», «шнур» или «тетива», а его корень — «*sulb*» означает «измеряющий» или «измерять», поэтому буквальный перевод названия — «Правила веревки (шнура)».

Действительно, шнур применялся при всех измерениях. Он должен был быть тонким, одинаковой толщины, без узлов (см., в частности: Мана-зга II, 69—74). Есть специальные термины для «диагонального шнура», «шнура для измерения длинной стороны» и др. Применялись два способа измерения: с помощью одного и двух шнуров. При измерении использовались центральный круглый колышек и колышек в виде конического штыря для нанесения линий на местности.

Производились различные операции со сторонами квадрата и его диагональю, делением отрезков прямой и т. д. В индийских трактатах даются и многочисленные предписания по построению геометрических фигур, в частности, говорится, как построить квадрат с помощью одного шнура — проводя линии и окружности [Володарский, 1977, с. 16, 136—139; Bag, 1971; Bose, Sen, Subbarayappa, 1971, с. 138—147]. Все эти операции легко можно было осуществить и на местности.

В специальной историко-архитектурной литературе оживленно дебатруются вопросы о модуле, применявшемся в памятниках среднеазиатского зодчества в различные периоды, о строительном газе и их соотношениях. В. Л. Воронина считает, что в доарабское время мера длины колебалась в пределах 100—110 см. Тохаристанские материалы подтверждают это предположение, хотя этот модуль и не был универсальным. Размер модуля складывается из величины двух кирпичей, положенных в длину, и со швом между ними ($50\text{—}52\text{ см} \times 2 = 100\text{—}104\text{ см}$). Этой мерой было легко оперировать при разбивке планов построек. Анализ размеров Аджинатепы показал, что такой же модуль применялся при строительстве этого памятника [Воронина, 1954а, с. 66; Крюков, 1964, с. 159; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 55]. Следовательно, слова знаменитого среднеазиатского ученого XV в. Джемшида Гиййас ад-Дина Каши о том, что здание, колонны и своды в постройках измерялись с помощью сырцового и жженого кирпича [Джемшид Гиясэддин Каши, 1954, с. 135], могут отражать практику не только современного ему, но и раннесредневекового строительства.

При составлении проекта учитывались не только соразмерности отдельных частей, но и вопросы симметрии и ритма. Поясним это на примере Аджинатепы. Это сооружение было построено по законам зеркальной симметрии. Продольная ось монастыря — горизонтальная проекция плоскости симметрии — была закреплена дорожкой, рассекавшей монастырский двор, и двумя лестницами центральной ступы в храмовой части. Одна из половин, а именно монастырская, имела и вторую плоскость симметрии, перпендикулярную первой и проходящую через входные ворота и центр двора, где она пересекалась с первой плоскостью.

Эта зеркальная симметрия всего сооружения сочеталась с осевой (или конгруэнтной) симметрией каждой половины с элементарным углом поворота 90° и четырехкратным порядком⁶. Ось симметрии в храмовой половине была закреплена зонтиком ступы. Эта симметрия была более полной в монастырской половине и ограниченной только частью сооружения,

заключенного в обходные коридоры, — в храмовой половине. Вместе с тем крупнейший и важнейший семантический элемент сооружения, главная ступа, имел все свойства конгруэнтной симметрии четвертого порядка.

Статическим центром масс храмовой части являлась главная ступа с концентрическим расположением помещений вокруг. В целом — это центрическая объемно-пространственная композиция. Контрастное решение представляет монастырская половина с ее пустым пространством двора.

Следует также отметить наличие четкого ритмического строя с контрастно-ритмической композиционной структурой: закономерная повторяемость келий; чередование и контраст вытянутых лент коридоров с разрывающими их перпендикулярными оси двучастными святилищами; гладь стен, разбитая проемами айванов святилищ, и т. д. Вместе с единой пропорциональной системой это создает гармоническое равновесие и единство.

Заслуживают также внимания наблюдения В. А. Булатовой над жилой застройкой Кувы, где варианты планировки жилых домов, по ее мнению, «объединяет продуманная организация пространства, явное стремление к типизации. Это обстоятельство позволяет предположить наличие специалиста-строителя, а может быть, и архитектора, руководящего застройкой поселения» [Булатова, 1972, с. 41].

Застройка пенджикентского шахристана V в., по словам Л. Л. Гуревича, «подчинялась единому градостроительному замыслу. Формирование внутреннего пространства сооружений характеризуется преднамеренно усложненным синтезом тектонических, пластических и символических элементов, с применением различных сочетаний реальных и иллюзорных пространственных эффектов, включая „ложную перспективу“». Для оформления парадных помещений характерно неоднозначное соответствие конструкции и формы, благодаря чему были созданы выразительные образы перехода от массивных опор к парящим перекрытиям» [Гуревич, 1977, с. 60—61] (см. также [Гуревич, 1979, с. 40]).

Таким образом, анализ кафыркалинского материала, взятого не изолированно, а в широком контексте, показывает, что в период раннего средневековья городское строительство в Средней Азии велось не хаотично и произвольно, а на основании определенных принципов, с соблюдением целого ряда правил и предписаний. В крупных центрах оно осуществлялось под наблюдением архитекторов-профессионалов. Это обеспечивало высокий конструктивно-технический и архитектурно-художественный стандарт раннесредневекового среднеазиатского зодчества.

Кафыркалинские постройки возведены из пахсы и сырцового кирпича — основных строительных материалов, применявшихся в зодчестве Средней Азии в доарабский период. На Кафыркале пахса использовалась в большей степени, чем кирпич. Она всегда очень хорошего качества, без добавления примесей. Кирпич изготавливался в формах из глины с примесью мелкорубленной соломы — самана. При его формовке на верхнюю постель кирпича пальцами руки наносились продольные бороздки, предотвращающие сползание раствора с кирпичей при их укладке и служившие для лучшего сцепления между ними. Размеры кирпича: $50-52 \times 25-26 \times 8-10$ см, т. е. применялся кирпич с соотношением сторон 1:2; изредка использовался кирпич другого формата (например, $44 \times 25 \times 11$ см).

Обожженный кирпич применялся для вымостки полов (пом. 5) и суф (например, западный отрезок обходного коридора). Жженые плитки были прямоугольными ($55 \times 32 \times 5$, $57-58 \times 31-32 \times 4,5$ см) или же подквадратными ($46 \times 47 \times 5$ см). В дело шли и обломки жженных плиток.

В отношении употребления для облицовки наряду с сырцовым кирпичом также жженого Кафыркала не является исключением. В V—VIII вв. в Средней Азии он нередко использовался для облицовки поверхностей стен, полов, предохраняя их от сырости и атмосферных осадков [Воронин, 1939, с. 73; Нильсен, 1966, с. 203; Шишкин, 1963, с. 80 и др.]. На Аджи-

натепы, например, им была выложена дорожка, идущая через весь монастырский двор с запада на восток, обложены ступени большой ступы, выстланы полы и проходы некоторых помещений, облицованы основания стен. Обожженный кирпич здесь и в основании колонн, поддерживающих кровлю зала собраний, расположенного на монастырской половине [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 31].

Обожженный кирпич в Средней Азии применялся для выстилки полов и раньше, в античный период⁸ [Пугаченкова, 1949, с. 209; Пугаченкова, 1966, с. 151; Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 166 и др.], и позже, в X—XII вв., когда он шел уже в кладку стен, причем в средневековый период из обожженного кирпича делалась фигурная выстилка полов, великолепные образцы которой представлены во дворцах термезских [Жуков В. Д., 1940а, с. 190—191; Жуков В. Д., 1945, с. 133—162] и хуттаьских правителей [Литвинский, Давидович, 1954, с. 41, 43, рис. 2; Гулямова, 1962, с. 118—126; Гулямова, 1969, с. 34—40].

Дерево применялось для сооружения плоских перекрытий помещений, дверных полотнищ, косяков и порогов. При этом оно обрабатывалось подтеской, пилением, резкой. Деревянными деталям придавалась квадратная, прямоугольная и полукруглая форма.

Штукатурка была обычной, глино-саманной, хорошего промеса. Ее использовали для покрытия стен помещений, суф, полов, крыш и т. д. В качестве декорирующего материала служила обмазка, состоящая из пластичной зеленой глины с примесью мелкого песка. Ее наносили на оштукатуренную поверхность стен и ниш тонким (до 1 мм) слоем. Приобретая нарядный вид, стены после этого не требовали известковой побелки. Точно такую же глину использовали на Аджинатепе для покрытия стен перед нанесением слоя белого ганча — подгрунтовки для живописи; она же являлась здесь скульптурной глиной [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 68, 92].

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ СХЕМЫ ЗДАНИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Городская жилая ячейка Кафыркалы еще полностью не вскрыта, но уже сейчас можно судить о ее устройстве. Композиционным центром аристократического дома был большой прямоугольный зал (17×7 м), вытянутый с запада на восток, который являет собой образец камерного варианта айванной композиции⁹. Перед входом в зал находился вестибюль, или кулуар, вскрытый частично. С южной стороны к залу примыкало четыре небольших хозяйственных помещений (рис. 5). Таким образом, изучаемый жилой дом включал в себя более пяти помещений различной величины и назначения. Очевидно, он принадлежал богатому горожанину. В этом убеждаешься, сравнивая изучаемый кафыркалинский жилой дом с некоторыми жилыми домами, раскопанными в последние годы на Калаи-Кафирнигап, которые дают образец тохаристанской рядовой застройки. Эти дома насчитывают от двух до семи небольших помещений жилого, хозяйственного и производственного назначения. Причем в них нет парадных залов, которые отличались бы от других помещений размерами, декором и т. д.

Своим устройством городской дом Кафыркалы напоминает ранне-средневековое городское жилище других районов Средней Азии [Воронина, 1963, с. 84—96; Булатова, 1966, с. 82—90; Булатова, 1972, и др.]. Особенно близкие параллели дают жилые дома Пенджикента, только здесь парадные залы имеют, как правило, квадратную форму [Воронина, 1957б, с. 88; Воронина, 1964а, с. 58—62; Воронина, 1969, с. 186; Распопова, 1972, с. 161 и др.].

Кафыркалинский дворец представляет большой интерес с точки зрения композиционного построения: и в период КФ-I и в период КФ-II все пространство (кроме двора), заключенное внутри стен, было исполь-

зовано для возведения построек. Соединение в одном здании крепости и дворца повлекло за собой сооружение помещений различного назначения: парадных, жилых, хозяйственных, фортификационных. Планировочная схема дворца продолжает развитие бактрийской архитектурной композиции «двор с обводом из коридора и различных помещений» (классификация Г. А. Пугаченковой) [Пугаченкова, 1973, с. 125]. Однако двор здесь уже не играл роли планировочно-организующего ядра, как, например, в античных памятниках Бактрии — Кухнакале и Саксапохуре. Он лишь выполнял назначение элемента, связывающего все помещения дворца друг с другом (см. рис. 9—10).

Сравнивая планировку кафыркалинского дворца (см. гл. I) с планировкой дворцов других районов Средней Азии, относящихся к раннему средневековью, следует отметить, что она непохожа на них. Во дворце Кафыркалы есть обходные коридоры, идущие вдоль оборонительных стен. В варахшинском, пенджикентском дворцах и дворце уструшанских правителей подобных коридоров нет. Иначе во всех этих дворцах располагались по отношению друг к другу парадные, жилые и хозяйственные помещения, неодинаково было их число, размеры и т. д.

Разнообразную конфигурацию имеют коридоры, соединяющие между собой дворцовые постройки. Обходные коридоры первого строительного периода, вскрытые вдоль четырех стен цитадели, обслуживали соответствующие ее части. Первоначально они, видимо, планировались в виде широкой обходной галереи, такой, как, например, галерея нижних этажей ташкентского замка Актепе, замка Чильхуджра в Шахристане, замка Аултапа и т. д.

При перестройке кафыркалинского дворца в обходных коридорах были сооружены кирпичные пилоны, разделявшие их на отдельные помещения-отсеки, которые использовались для жилья и как кладовые. На ташкентской Актепе при перестройке обходная галерея также была перегороджена на отдельные отсеки приставными поперечными стенами — пилонами с примитивными арками. В. Л. Воронина придает этим стенам конструктивную роль, считая, что они противодействуют деформации стен галереи под влиянием нагрузки вышележащих частей здания [Воронина, 1948, с. 139]. У. П. Пулатов в целом принял ее точку зрения для галерей первого этажа Чильхуджры [Пулатов, 1975, с. 120]. С этой же целью, видимо, были перегороджены обходные коридоры позднекушанской Кумтепа, раннесредневекового Запгтепе [Альбаум, 1965, рис. 7] и раннесредневековой Кафыркалы. В дворцовых постройках второго периода есть коридоры П- и Т-образной формы. Один из них огибает с трех сторон помещение 33, а второй является кулуаром помещения 3.

На Калаи-Кафирниган раскопано сооружение, ядром которого является большой зал (7,35×7,55 м), окруженный (первоначально с четырех сторон) обходным коридором. На последнем этапе существования постройки этот коридор, путем отсечения отдельных отрезков, был превращен в Г-образный [Литвинский, 1979а; Литвинский, 1979б, с. 66; Litvinskij, 1981].

Особо следует остановиться на кафыркалинском буддийском святилище. Для него характерны центральная целла и четырехколенный замкнутый обходной коридор. Иной вариант — центральная часть калаи-кафирниганского буддийского святилища, квадратная целла здесь обведена П-образным обходным коридором [Литвинский, 1979б, с. 65—66]. В этих и других аналогичных буддийских сооружениях обходные коридоры служили для церемониального обхода — *прадакшина*.

Планировочно-композиционной схеме с центральной целлой, окруженной обходным коридором, следуют, однако, не только буддийские сооружения. Уже для ахеменидского времени мы находим храм огня в Сузах, где имеется обходной коридор. Парфянские храмы огня, в частности в Селевкии на Тигре, в Хатре и Кухи-Ходжа и др., также развивают эту схему [Hopkins, 1942; Widengren, 1965, с. 188—189; Schippmann, 1971]. Соору-

жения такой планировки представлены и в сасанидском зодчестве — храм второй половины III в. в Бишапуре [Ghirshman, 1962, с. 150, рис. 151], храм огня в Тахти-Сулейман [Naumann, 1977, рис. 124] и др.

Существенно, что храмы и святилища с обходными коридорами были и в области Гандхары. Мы имеем в виду храм в Джандиале, который Д. Маршалл датирует II или I в. до н. э. [Marshall, 1951, т. 1, с. 225—229]. Позже, уже в III—IV вв., в Хадде, в комплексе Багх-Гаи, встречается обходной коридор, в буддийских сооружениях — вокруг квадратной целлы со ступой и вокруг двухкамерной целлы айванного типа [Barthoux, 1933, с. 159—169 и план]. Такую схему планировки имеют некоторые буддийские сооружения и в самой Индии, например в Сахетхе [Daya Ram Sahni, 1914, с. 119—121, табл. XXXIV, XXXVI].

В Южной Бактрии известна целая группа построек в виде целлы с обходным коридором: храм Диоскуров в Дильберджине [Кругликова, 1974, с. 16, рис. 7—8], сардоба [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 40, рис. 40] и блок центральной зоны Большого дома в Дильберджине [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 8, рис. 1; Пугаченкова, 1976, с. 155—156, рис. 91].

Этой схеме следуют и постройки храма в Сурх-Котале — святилища А, В, D [Schlumberger, 1964, с. 303—333, рис. 1; Schlumberger, 1969, с. 61—69]¹⁰. Все эти южнобактрийские памятники относятся к кушанскому периоду.

В самой Средней Азии древнейшим из пока открытых образцов такой планировочно-композиционной схемы является «Храм Окса» на городище Тахти-Сангин. Его сооружение относится к концу IV—III вв. до н. э. [Литвинский, Пичикий, 1980, с. 126; Litvinskiy, Pichikiyan, 1981, с. 135]. Несколько более поздним временем датируется святилище Мансур-депе [Кошеленко, Пилипко, 1968, с. 30—35, рис. 16—17; Губаев, Кошеленко, 1970, с. 89—91, рис. 29; Кошеленко, Лелеков, 1972, с. 152, рис. 4]. Буддийские сооружения Каратепе [Грек, Пчелина, Ставиский, 1964; Буддийские пещеры, 1969; Новые находки, 1975] развивают тот же архитектурный тип для кушанского времени. Для раннего средневековья помимо указанных выше тохаристанских буддийских сооружений можно назвать небуддийские храмы Пенджикента и буддийские акбешимские храмы [Кызласов, 1959, с. 193, рис. 3; Зяблин, 1961, с. 6, рис. 1; Нусов, 1971, с. 12—13, рис. 7, 9].

В Восточном Туркестане по этой схеме были построены многие буддийские святилища. Они представляют собой квадратную целлу, окруженную с трех сторон П-образным коридором. С входной стороны внешние стены этих коридоров продолжают. В некоторых случаях задний отрезок коридора уширен и образует своего рода камеру, украшенную скульптурой, лепниной и т. д. В других случаях наблюдается усложнение плана: во внешних стенах боковых отрезков коридоров есть проходы наружу, по сторонам от главного входа, вдоль линии двора — маленькие, открывающиеся во двор камеры¹¹.

Типологией такого рода сооружений занималась Г. А. Пугаченкова. По ее классификации, они относятся к двум типам: А. «Зал в обводе коридора или коридорообразных отсеков»; Б. «Зал или группа зал — вестибюль — айван в обводе коридора и разнообразных помещений» [Пугаченкова, 1976, с. 166] (см. также [Пугаченкова, 1973, с. 122—124]). Г. А. Пугаченкова правильно подметила, что вопреки распространенному мнению эта композиционная схема в зодчестве Парфии и Бактрии отнюдь не была связана лишь с культовыми сооружениями, а применялась также в гражданской архитектуре.

Место ее возникновения следует искать в обширном регионе Среднего и Ближнего Востока¹². Очень рано, по-видимому уже в ахеменидское время, эта схема стала применяться в Восточном Иране и Средней Азии. Относительно буддийских сооружений, выстроенных по этой схеме, Б. Я. Ставиский, исходя из наличия ее на Каратепе, полагал, что скорее всего схема святилища с обходными коридорами в буддийских постройках воз-

ника в Бактрии (Тохаристане) кушанского времени [Ставиский, 1965, с. 30]. Б. А. Литвинский выдвинул идею, что место сложения этой планировочной схемы следует искать в более широком регионе, включающем наряду с Бактрией также и Гандхару. Именно в такой обширной области, в обстановке контакта индо-буддийских и ирано-зороастрийских архитектурных идей она могла быть усвоена (а не возникла!) буддийской архитектурой [Litvinsky, 1968a, с. 106—108].

Субструкции. Как жилые постройки города, так и цитадель были возведены на развалинах предыдущих строений, датируемых кушанским временем. На том месте, где находится цитадель, часть этих строений была разрушена, другая часть заложена кирпичом. Сверху новую платформу перекрыли лессом, уложенным ровными слоями. Высота платформы цитадели около 6 м.

В раннесредневековый период монументальные укрепленные здания, как правило, ставились на сплошной цоколь-платформу. Причем пахсовые стилобаты, по мнению В. Л. Ворониной, представляли общее для Средней Азии явление [Воропина, 1953б, с. 4—5].

Действительно, пахсовые платформы встретились в Хорезме [Воропина, 1952, с. 89], Чаче [Воропина, 1949, с. 135], Тохаристане [Альбаум, 1960, с. 114; Нильсен, 1966, с. 215].

Платформа замка Калаиболо в Фергане также преимущественно состоит из пахсы, в меньшей мере — из сырцового кирпича. В эту платформу были замурованы стены раннего монументального сооружения, кирпич частично использовался в качестве строительного материала [Давидович, Литвинский, 1955, с. 83; Давидович, 1958, с. 77].

Однако следует все же заметить, что для Согда пахсовые стилобаты не характерны. Здесь, как отмечает В. А. Нильсен, был распространен прием засыпки внутренних пространств платформы землей, сухой или смоченной [Нильсен, 1956а, с. 68—69; Нильсен, 1966, с. 217] (см. также [Шишкин, 1963, с. 85]). Встречаются в Средней Азии и гравийные стилобаты [Белецкий, 1950а, с. 102; Воронина, 1958а, с. 211; Пулатов, 1975, с. 114]. В предгорных и горных районах для сооружения стилобатов применялся камень, использовались скалистые останцы [Васильев, 1934, с. 20, 23, фиг. 3].

Таким образом, для раннесредневекового периода в Средней Азии можно назвать несколько типов стилобатов, имея в виду при этом только материал, из которого они были возведены. Определенную роль здесь играли, видимо, географические и природные условия отдельных районов, а также наличие тех или иных строительных материалов. Известно, что в Вахшской долине подпочвенные воды находятся близко от поверхности земли. Возможно, поэтому лесс лег в основу стилобата цитадели Кафыркалы, так как он не обладал монопитностью пахсы и не был активным «проводником» влаги к основаниям стен¹³. Чаще всего здания вовсе не имели фундаментов. В этом случае устойчивость стенам обеспечивали их основания, достигающие значительной ширины. Отдельные же помещения монументальных зданий иногда имели фундаменты, но в очень неразвитом виде. Этот факт неоднократно отмечался исследователями [Воронин, 1950, с. 15; Нильсен, 1956а, с. 68—69; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971; Нильсен, 1966, с. 222].

Типологически стилобат Кафыркалы ближе всего стоит к стилобатам Согда, в частности цитадели городища Варахша.

На Кафыркале пока что лишь в основании круглого зала (пом. 20) расчищен фундамент, который состоит из подстилающего монолитного слоя пахсы толщиной 30 см, тонкого слоя песка (5—8 см), отделяющего этот слой пахсы от слоя гувальяков (толщина — 5—10 см), который завершает фундамент.

Полы на Кафыркале преимущественно самые простые, состоящие из утрамбованного грунта или глиняной обмазки. В некоторых парадных помещениях они имеют довольно сложную конструкцию. Так, в помеще-

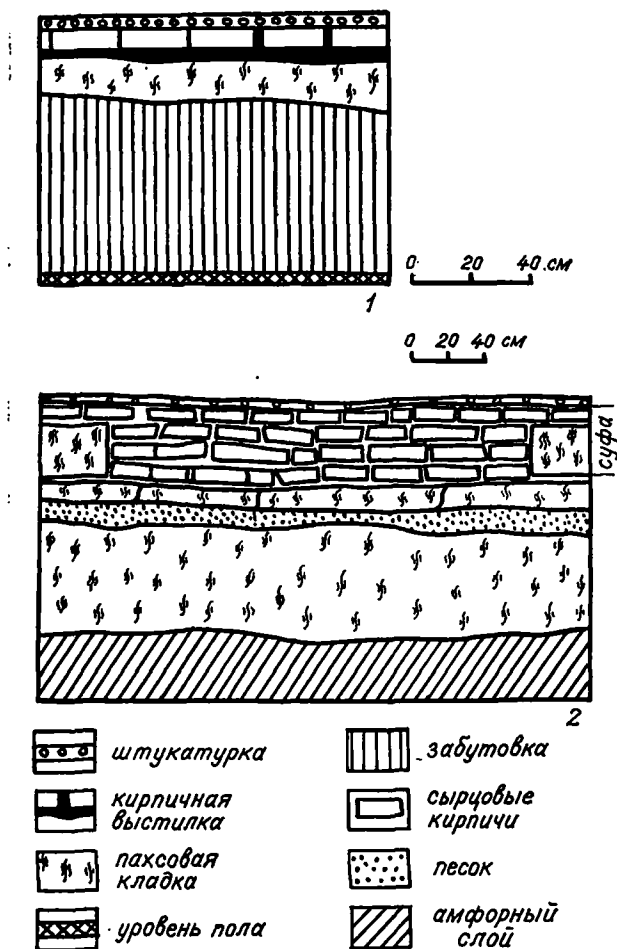

Рис. 19. Кафыркала. Цптадель:

1 — структура пола в помещении V; 2 — структура пола в помещении II

нии 3 основанием для пола служила монолитная пахсовая подушка толщиной 20 см. Сверху она была покрыта ровным слоем штукатурки. Пахсовая подушка предотвращала пол от просадки. В помещении 20 пол выстлан сплошным слоем сырцового кирпича, положенного плашмя на глиняном растворе (рис. 19/1).

Верхний пол помещения 11 имеет еще более сложное устройство. На лессовую подсыпку, отделявшую нижний и верхний пол друг от друга, был положен сплошной слой пахсы толщиной 13—18 см. Верх этого слоя был выровнен глиняным раствором, на который положили плашмя слой сырца. Поверхность кирпичной выстилки покрыта ровным слоем штукатурки (рис. 19/2). В помещении 5 утрамбованная поверхность верхнего пола была выстлана обожженным кирпичом и плитками (55×32×5; 46×47×5 см).

Суфы во всех случаях сложены из сырцового кирпича обыкновенного формата. Сверху они тщательно покрывались слоем штукатурки, края их закруглялись. В помещении 3 верхний уровень суф был отмечен строго горизонтальной линией шириной 0,8 см, прочерченной на стенах углем. Обычно суфы имеют ширину 1—1,45 м, высоту 0,40—0,50 м. В парадных помещениях всегда выделены главные суфы — «эстрады», которые значи-

тельно шире, а иногда и выше второстепенных. Суфы ремонтировались. При этом их иногда надстраивали и оштукатуривали заново.

Стены кафыркалинских построек возведены из пахсы и сырцового кирпича. Имеются примеры, когда строители использовали комбинированную кладку из этих двух материалов. При этом кирпич отделял пахсовые ряды по горизонтали сверху и снизу (рис. 5/2, 9, 22/3).

Образцом комбинированной кирпично-пахсовой кладки может служить восточная стена помещения 10. Основания стен образованы здесь двумя ярусами пахсы. Нижний имеет высоту 1,43 м и разделен швами на блоки шириной 1,10—1,15 м. Верхний ярус высотой 0,90 м нарезан на блоки шириной 0,8—1,0 м. Боковые швы блоков не всегда вертикальны, иногда наклонны, но тогда трапециевидные блоки расположены попарно, так, что пара блоков образует прямоугольник (например, блок, ширина по постели которого равна 100 см, а по наверху — 85 см, примыкает в своем горизонтальном ряду к блоку, ширина по постели которого 85 см, а по наверху — 100 см). Вертикальные швы двух рядов блоков чередуются в шахматном порядке.

Горизонтальный ряд кирпичей положен между блоками пахсы здесь и в продольных стенах помещения восточной анфилады.

В крепостной стене есть элемент комбинированной кладки: между блоками пахсы пущен горизонтальный ряд кирпича. Верхний блок устоев у раскрепованных ниш крепостной стены выложен истинной комбинированной кладкой. На внешнем устое на внешней стороне над лентой сквозной кирпичной кладки — два ряда кирпича тычком, один — ложком. Внутренний устой имеет три ряда кирпича, с толстыми прокладками из пахсы (порядка 4—7 см), так что три ряда кирпича образуют по высоте 34 см, из которых кирпичи составляют всего 23 см. По мнению В. Л. Ворониной, такой строительный прием обеспечивал эластичность кладки, которая была необходима в условиях сейсмичности, и создавал известный архитектурный эффект [Воропина, 1949, с. 105; Воропина, 1950, с. 195; Воронина, 1953б, с. 11].

Несколько иного мнения на этот счет придерживается В. А. Нильсен. Он считает, что такая кладка предотвращала появление сквозных трещин на всю высоту стен, а также выравнивала верхнюю поверхность пахсовых рядов и придавала ей горизонтальность [Нильсен, 1966, с. 228—229]. В данном случае, видимо, эти два мнения дополняют в какой-то мере друг друга, если речь идет не о фортификационном зодчестве.

Кладка кирпичных стен в большинстве случаев аккуратная. Кирпичи укладывались с чередованием ложковых и тычковых рядов на глиняном растворе, ширина швов между ними равна 1—4 см. Поверхность пахсовых стен почти всегда разрезана на блоки вертикальными или наклонными швами, которые в одних случаях представляют собой узкую щель, в других им придана клиновидная в сечении форма.

Поверхность вскрытых под помещением 3 ранних стен была разделена на блоки, размеры которых по горизонтали достигают 0,9—1,3 м, по вертикали — 0,9 м. Вертикальные клиновидные швы имеют глубину 4—5 см, ширину 8—10 см. Поверхность блоков была выровнена и не заштукатурена. В другом случае на толстую штукатурку стен восточной анфилады были нанесены вертикальные желобки, расстояние между которыми по горизонтали 86 см, глубина желобка — 4 см, ширина — 5,5 см. И в первом и во втором случаях — это имитация квадратной кладки (табл. 9).

Толщина стен кафыркалинских построек колеблется от 1,2 до 1,6 м. Стены ремонтировались. Ремонт сводился к дополнительному покрытию стен штукатуркой или частичной замене отсыревших кирпичей и пахсы, лежащих в их основании. Кладка кирпичных стен в большинстве случаев аккуратная. Стены тщательно штукатурились. Так, на участке восточной арки помещения 6 — три слоя штукатурки. Первый слой неровный (1—1,5 см), нанесен грубо на поверхность кирпичей, он затек в кирпичные швы и имеет засоленную, беловатую поверхность. Видимо, уже после того,

как этот слой подсох, на него была тщательно нанесена тонкая штукатурка (толщиной 3 мм) красноватого цвета с примесью соломы. Наружный слой (толщиной 1 см), также с примесью соломы, имеет желто-серый цвет. Внутренняя поверхность ниш поверх этой штукатурки была покрыта еще слоем толстой (толщиной 1 мм) зеленой песчанистой штукатурки.

Обычно ремонтные или приставные стены позднейших периодов клались столь же аккуратно, что и основные. Это относится и к пилонам. Так, в пилонах северной анфилады кирпич разноформатный: от $44 \times 25 \times 11$ до $52 \times 26 \times 10$ см. Кладка велась с перевязкой вертикальных швов. В основном кирпич положен ложком, перевязка облегчается тем, что один кирпич в каждом ряду клался тычком (нередко или в углу, у продольной стены, или же на повороте пилона, в последнем случае он был обращен ложком в сторону щели прохода). Пилоны, отделяющие помещения 8 и 9, — с четкой перевязкой швов. На восточном пилоне (он сложен в $2\frac{1}{2}$ кирпича) кладка производилась по такой схеме: от стены два кирпича ложком, один (на внешнем углу пилона) — тычком; в следующем ряду — кирпич тычком во внутреннем углу, у стены. Однако в позднейших стенах аккуратная, регулярная кладка осуществлялась не всегда. Так, глухая стена между помещениями 7 и 8 выложена из обломков сырцового кирпича длиной до 40 см, шириной до 25 см, при толщине 9—10 см. Основная часть лежит ложком, причем неровно. Кладка произведена почти насухо, горизонтальные швы имеют ширину 0,5—1 см, вертикальные — 1—11 см.

Ремонтные стены, как правило, были приставными. Однако применялись и более совершенные методы. Так, у ремонтной стены в помещении 2 верхний ряд кирпичей вогнали на 6—8 см внутрь основной, чем и обеспечили более прочную связь между стенами.

Иногда применялась квадрово-пахсовая разделка степ. Именно так была оформлена, как явствует из материалов шурфа, восточная стенка помещения 3 на раннем этапе. Блоки по горизонтали имеют размер 0,9—1,3 м, по вертикали — 0,9 м. Вертикальные швы аккуратнейшим образом косо срезаны на глубину 4—5 см, так что образовывался широкий клинчатый шов (ширина его — 8—10 см). Сделано это столь тщательно и так аккуратно подрезана поверхность самих блоков, что получалась исключительно нарядная декоративная поверхность, которую не было никакого смысла штукатурить. Стены выступали именно такими внутрь помещения (табл. 9).

Толстая штукатурка в помещениях восточной анфилады служила для нанесения желобков, рисующих квадровую кладку. Желобки треугольные в сечении, к концам сходящие на нет. Расстояние между желобками (по горизонтали) 86 см, глубина — 4 см, ширина желобка — 5,5 см. Сохранились они плохо (и только вертикальные), прослеживаются в верхней части помещения 17. Совсем иные «квадры» образовывали швы на городской стене снаружи (см. в разделе «Фортификация»). Все это — имитация квадровой кладки.

Проходы на Кафыркале располагались в углах помещений, а также симметрично одной из их сторон, параллельно центральной оси. Иногда (например, в буддийской часовне) дверной проем располагали так, чтобы через него дневной свет попадал в помещение. Ширина проходов колеблется от 1 м до 1,60 м. Проходы жилых и парадных помещений, как правило, закрывались одинарными дверными полотнищами, которые были снабжены выступающими вертикальными штырями: один из них вставлялся в порог, другой — в притолоку.

Судя по следам, оставшимся на щеках некоторых проходов, двери имели косяки. По мнению В. А. Нильсена, они применялись в том случае, если желательно было избежать перекоса дверей [Нильсен, 1966, с. 233]. В целом же косяки для Кафыркалы, как, по-видимому, и для Пенджикента¹⁴, не характерны.

Пороги были деревянными. Почти полностью сохранился обгоревший порог в проходе из помещения 4 в помещение 5. Он представлял собой

Рис. 20. Кафыркала. Деревянный порог в дворцовом помещении 5

цельную плаху длиной около 1,8 м, шириной 0,30 м, толщиной 0,12 м, концы которой заглублены в щеки прохода. Порог был врыт в землю на 8 см, т. е. примерно на $\frac{2}{3}$ толщины плахи. Конец его, вставленный в западную щеку прохода, оформлен в виде уступа, возвышающегося над верхней плоскостью на 9 см. Рядом с этим уступом было круглое цилиндрическое гнездо для штыря (оси полотнища двери) диаметром 10 см, глубиной 2,2 см (рис. 20).

Другой деревянный порог найден в восточной части прохода, соединяющего помещения 13 и 11. Деревянный брус был вставлен в щечные стены на глубину 25 см. В северной части (правой, если идти из помещения 13 в помещение 11) бруса есть чашевидное углубление диаметром 7–8 см — для вставления штыря дверного полотнища.

Рядом с деревянным порогом-плахой в проходе из помещения 4 в помещение 5, но уже внутри последнего много обгорелых кусков плах, лежащих под разными углами, — может быть, это части дверного переплета. Тут же фрагменты досок с выступающими бортиками. Самый крупный фрагмент имеет размеры 30×14 см, на краю его — бортик шириной 4 см, нависание бортика над плоскостью — 2 см. Внешняя грань не вертикальная, она аккуратно срезана под углом. Не исключено, что это части дверного полотна.

Пороги зафиксированы и в помещениях северной апсиды. В южной щеке проема, связывающего помещения 16 и 17, — углубление для деревянного порога (12×16 см).

Деревянные пороги были уже в бактрийских постройках кушанского времени. Так, например, в помещении II Хирмаштепа в полу сделана выемка-капавка, несколько заглубленная в щеки прохода.

Аналогичные пороги были и на Калаи-Кафирниган, в Пенджикенте (см., например, [Беленицкий и др., 1979, с. 284]), в Гардони-Хисар и др. В связи с Гардони-Хисар Ю. Якубов справедливо писал, что дверные конструкции начиная с раннего средневековья и вплоть до современной пародной архитектуры Средней Азии почти не изменились [Якубов, 1977, с. 157]¹⁵.

Арки. На Кафыркале встречаются арки двух типов: 1) клипчатые (рис. 21) в один и два обката; 2) выложенные из кирпичей, положенных плашмя к архивольту, которые выступают наружу тычками, в четыре обката¹⁶. Причем арки первого типа встретились только в постройках периода КФ-II, а арки второго типа — в постройках периода КФ-I¹⁷ (табл. 10).

В обходном северном коридоре частично вскрыта клипчатая арка, выложенная из сырцового кирпича ($50 \times 25 \times 9$ –10 см). Архивольт арки выложен в один кирпич. Четвертый снизу кирпич положен у тыльной стороны архивольта тычком, так что он служит клином, резко усиливающим разворот кирпичей, а следующий за ним — ложком (табл. 11; рис. 22/1).

Арка проема, ведущего со стороны цитадели в северо-восточное внутрибашенное помещение, — также клипчатая. Оба ее устоя находятся внутри крепостных стен. Замок состоит из четырех кирпичей: внизу двух наклонных (один ложком, другой тычком) кирпичей, пространство меж-

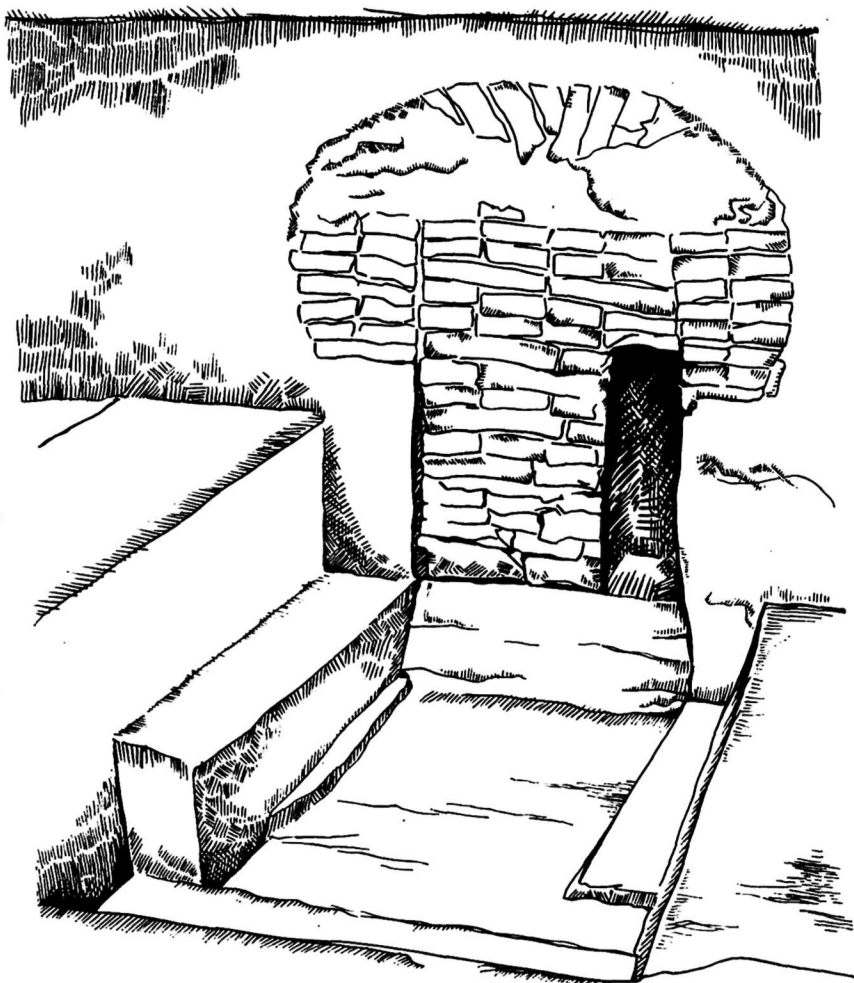

Рис. 21. Кафыркала. Цитадель. Помещение IV. Заложешная арка входа (период КФ-I)

ду и над которыми заполнено кирпичным треугольным клином и вышележащим горизонтальным кирпичом (рис. 22/3).

В помещении 2 расширены клинчатые ползучие арки, опирающиеся одной ветвью на пахсовые устои, другой — впущенные в перпендикулярную продольную стенку. На пахсовых устоях лежит кирпичная полочка, нависающая внутрь и таким образом сокращающая пролет прохода. Выше, благодаря расclinке швов, арка получает быстрый разворот. Кирпичи в кладке этих арок лежат вперевязь (рис. 22/2).

В помещении 6, в его восточной и южной стенах, расширены ниши глубиной 0,52 м, шириной 1,05 м. Основанием для пип служили блоки пахсы, над ними лежат вперевязку по пять рядов сырцовых кирпичей с каждой стороны. Кирпичи положены горизонтальными рядами с нависанием внутрь ниш, что суживает их пролет до 90 см.

Арку образуют четыре ряда положенных плашмя к архивольту, тычком наружу кирпичей. При этом три нижних ряда утоплены внутрь стены на 5 см, а верхний ряд находится в ее плоскости, т. е. является внешним архивольтом.

Из этих арок полностью сохранилась арка восточной стены (табл 10/1). Нижний обвод образующих ее архивольт кирпичей состоит из пяти, второй — из шести, третий — из восьми (в том числе одного неполного), верх-

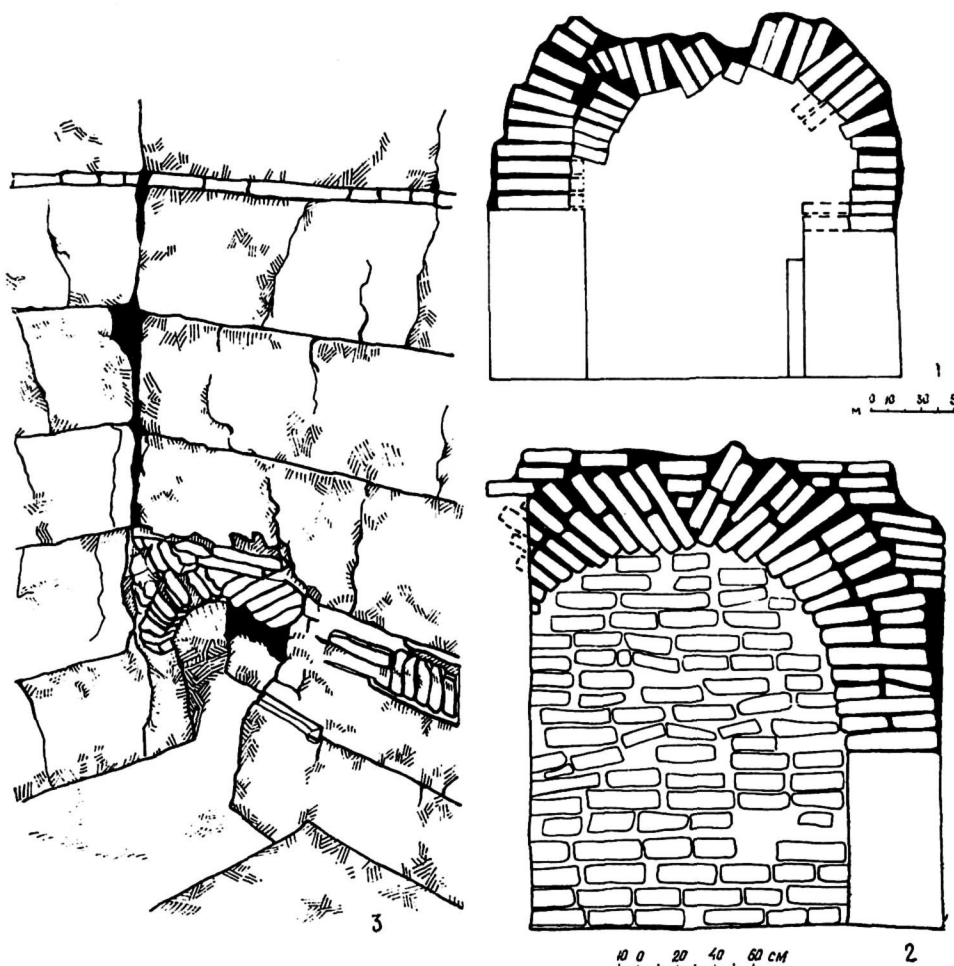

Рис. 22. Кафыркала. Цитадель:

1 — арка входа в помещение III. Вид со стороны помещения III; 2 — арка входа в помещение 2; 3 — арка входа в помещение I (все — период КФ-II)

ний, четвертый — из девяти рядов кирпича. На левой щеке арки сохранились остатки ступенчатой рельефной декоративной глиняной лепнины. Обе арки и ниши были покрыты тремя слоями глино-саманной штукатурки и сверху — зеленой глиняной обмазкой толщиной 1 мм. В такой же технике выложены арки проходов помещений периода КФ-I (табл. 10/2).

Этот прием выкладки арок был, видимо, менее популярен в Средней Азии, чем прием выкладки клинчатых арок. Некоторые его варианты демонстрируют арки проходов Варахши [Шишкин, 1963, с. 92]. На Зангтепе обкат похожих арок сделан в один-три ряда кирпичей [Нильсен, 1966, с. 238—239, рис. 83—84]. Наиболее близкие аналоги кафыркалинским аркам дают арки ташкентской Актепе [Воропина, 1948, с. 151, рис. 9] и Калаи-Кафирниган. Арки подобного типа имеются и в архитектуре сасанидского Ирана [Reuter, 1967, с. 513, рис. 140], Казахстана [Агеева, 1962, с. 123, рис. 6] и Киргизии [Кожемяко, 1963, с. 163, рис. 7].

Тромпы на Кафыркале применялись при сооружении куполов над квадратным основанием помещения, на поворотах сводов и в углах уступчатых проходов. Лучше всего сохранились тромпы в помещении 1. Они располагались здесь по всем четырем углам. Тромпы — перспективно-

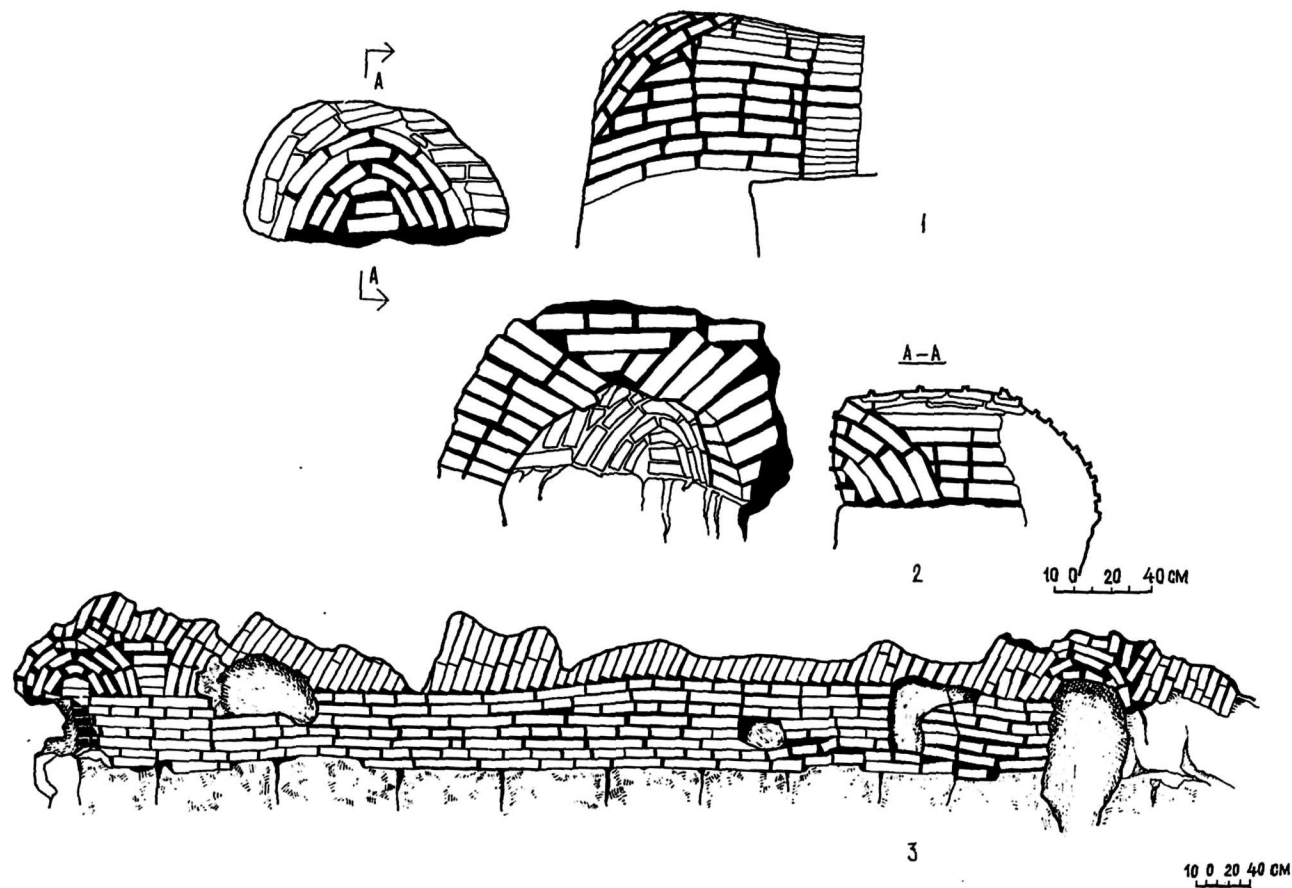

Рис. 23. Кафыркала. Цитадель:

1 — угловой тропи во входе в помещение 1; 2 — арка входа и угловой тропи в помещении 1;
3 — тропи в обходной галерее буддийской часовни (все — период КФ-II)

арочные. Они состоят из пяти вписанных друг в друга дуг. Размер внешней дуги по фронту — 1,14–1,19 м, высота — 0,65 м. Каждая из дуг опирается на полочку, причем внешняя дуга выступает на 3–4 см, нависая над обрезом полочки. Все кирпичи дуг положены тычками наружу. Внешняя арка образована семью кирпичами: на вершине — горизонтальный кирпич. Утопленная глубже следующая арка состоит из шести кирпичей; вершина ее — угол смыкания двух кирпичей. Третья дуга состоит из пяти кирпичей; замковый, центральный кирпич обрублен или сделан таким специально, фронтальная сторона его — 18 см. Четвертую дугу составляют четыре кирпича, причем один из двух верхних — маломерный (18 см). Последняя дуга образована тремя маломерными кирпичами. Щипец последней, внутренней арки образован двумя кирпичами, положенными плашмя друг на друга (табл. 12; рис. 23/1).

Таким образом, арки тромпов сложены из обычного кирпича тычком (фронтальная сторона — 23–26 см) с применением (в меньшей степени) специального маломерного кирпича (фронтальная сторона — 18 см). Произведена своеобразная перевязка швов, в том числе в замковой части, где чередуются арки, вершина которых образована плашмя положенным плоским кирпичом, и арки, вершина которых состоит из двух кирпичей, положенных под углом друг к другу. Соответственно сдвинуты и другие швы. Таким образом осуществлялось еще более равномерное распределение сил распора и взаимная компенсация нагрузок.

Такая кладка, безусловно, имела чисто конструктивное значение, ибо снаружи была тщательно оштукатурена, со скруглениями по линиям сочленения арок (толщина штукатурки — 0,7–1,0 см, на скруглениях — до 2 см). Таким образом, тромп в период функционирования башни имел вид мягких, плавно переходящих друг в друга, хотя и очень рельефных арок. Вершины тромпов выложены заподлицо с кладкой, а в юго-восточном углу кладка даже несколько нависала (на 2–3 см) — это естественно, ибо кирпичный пояс, в который вставлены тромпы, дает нависание, хотя и незначительное. Примыкание кирпичей кладки стены башни к тромпу — ступенчатое, плотное.

Тромп, расположенный во входящем углу коленчатого прохода помещения 1, состоит из четырех перспективных арок; в остальном он идентичен описанным выше тромпам. Длина большой дуги по фронту — 1,0 м, высота — 0,5 м (рис. 23/2).

Оригинальную конструкцию имеют перспективно-арочные тромпы, сохранившиеся почти целиком в южном колене обходного коридора буддийского святилища. Щипец состоит из положенного через угол обычного кирпича, выступающего наружу тычком, и лежащего над ним фигурно стесанного кирпича, который имеет форму треугольника со срезанными углами (нижнее основание — 25 см, верхнее — 5 см, высота — 9 см). Огибающая этот «сердечник» арка состоит из трех кирпичей, положенных тычком, вторая — из четырех кирпичей, третья — из пяти (четвертая неясна). Длина тромпа на каждой ступе — 0,70–0,73 м, высота — около 0,65 м (рис. 23/3).

Кафыркалинские тромпы сооружены в традициях раннесредневекового зодчества Средней Азии. Подобная конструкция считается архаичной, так как для сейсмичных районов Средней Азии более практичными были стрельчатые тромпы, которые стали применяться в IX–X вв. [Пугаченкова, 19586, с. 153]. География распространения перспективно-арочных тромпов в последние годы значительно расширилась. Если недавно В. Л. Воронина отмечала наличие тромпов на поворотах галерей и пандусов только в Согде и Чаче [Воронина, 1969, с. 193], то теперь они открыты также в углах галерей, пандусов и отдельных помещений на Аджинатепа [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964, с. 83–84; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 36–38], Калаи-Кафирниган, Кафыркале (Тохаристан); в Тирмизактепе [Негматов и др., 1973, с. 121, рис. 52], Мунчактепа [Гайдукевич, 1947, с. 103, рис. 52], Чильхуджре (Уструшана) [Пулатов,

1975, с. 135–136]; Кала Баба (Сеистан) [Fischer, 1973, с. 207–209] и т. д.

В коленчатом коридоре (помещения III–V) Аджипатепа трюп располагался над кирпичной полочкой, на выходящем углу. Над полочкой было выложено пять-семь вписанных друг в друга концентрических арок. Внутренняя арка состояла из трех кирпичей, у следующих арок крылья становились все более пологими. Кирпичи, образующие арки, положены тычком, что давало возможность их большего выступания за плоскость стены. Длина трюпа — 1,25–1,30 м, высота — 0,75–0,9 м. Трюп в квадратном помещении VIII на каждой из стен занимает 0,85 м. В центре основания трюпа несколько горизонтально положенных кирпичей, на них опирались вписанные друг в друга арочки [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 36, 38]. Для перспективно-арочных трюпов Калаи-Кафирниган характерно наличие «сердечника» из четырех кирпичей, положенных в самом углу тычком. Этот «сердечник» отбали две (иногда — неполные три) дуги арок — как в квадратном (2,55×2,6 м) помещении 3 объекта V [Литвинский, 1979б, с. 66]. Другой вариант представлен в помещении 9 объекта V. Само помещение почти квадратное (4,5×4,6 м). Трюпы состоят из шести-семи дуг. В центре нижней дуги — кирпич, поставленный вертикально, — он служил для опоры нижней дуги. Перспективно-арочные трюпы в помещении 1 объекта VII (3,8×3,9 м) состояли из трех завершенных и двух незавершенных дуг. Поверхность арок покрыта трехслойной штукатуркой.

Таким образом, мастера-строители Кафыркалы, как и мастера из других местностей Тохаристана, могли сооружать несколько вариантов перспективно-арочных трюпов, в том числе весьма совершенные. Это наводит на мысль, что к VI–VIII вв. эта конструкция была уже достаточно совершенной, имела определенный, может быть, длительный период развития. К более раннему периоду относятся трюпы в помещении 4 буддийского святилища на Дильберджине. В этом помещении (3,45×3,30 м) каждый трюп состоял из четырех арок, причем внешняя была вписана в прямоугольную раму. Датировка сооружения в публикации не приводится. Мы не располагаем подробной характеристикой найденных вещей и керамики. Имеющиеся дапшы [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 76–79, рис. 56, 71–72], в том числе о моветных паходках, делают возможным заключение: здание уже функционировало в III–IV вв. н. э.¹⁸ К близкой, но более поздней дате относятся перспективно-арочные трюпы Гульдары [Fussman, Le Berge, 1976, табл. 37–38].

Сейчас мы не располагаем достаточными материалами для суждения о том, где, когда и как возникли перспективно-арочные трюпы. Свод «балхи» в квадратном (9×9 м) помещении сардобы в Дильберджине, функционировавшей в кушанское время, демонстрирует наличие уже вполне выработанной и совершенной перспективно-арочной конструкции на углах помещения [см. Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 57, рис. 51–52]¹⁹. Оставалось лишь применить эту конструкцию для заполнения углов купольных сооружений, что и было сделано, причем, как справедливо отметила Г. А. Пугаченкова, в виде «угловых вырезок свода балхи, доведенных до фигуры восьмигранника» [Пугаченкова, 1976, с. 134]. Как она подчеркивает, для хронологии особенно важен тот факт, что такие трюпы имеются в келье буддийского святилища на Дильберджине (раскоп VI) и в монастыре близ Кундуза — оба памятника не могут быть моложе IV в. [Пугаченкова, 1976, с. 131, 133]. Таким образом, конструкция купола с перспективно-арочными трюпами должна была существовать в Бактрии — Тохаристане уже в конце кушанского времени.

В заключение скажем, что география раннесредневековых перспективно-арочных трюпов очень широка: Хорезм, Согд, Уструшана, Фергана, Южная Туркмения (перечень см. [Пулатов, 1975, с. 136]) и, разумеется, Тохаристан (см. выше). К этому следует добавить Иран [Godard, 1964, фиг. 153], афганский Сеистан [Fischer, 1976, т. 1, с. 228, т. 2,

табл. 98], Баиан [Tarzi, 1977, т. 2, табл. 11, 16, 37]²⁰, Восточный Туркестан [Stein, 1921, т. 1, с. 535; Grünwedel, 1905, с. 29–31, 144–145, фиг. 22].

Своды. Для выкладки сводов применялся обычный прямоугольный кирпич. По технике сооружения их можно разделить на два типа: 1) своды, выложенные поперечными наклонными отрезками; 2) клинчатые своды. Сводами первого типа на Кафыркале перекрывались помещения, пролет которых не превышал обычно 2,20–2,40 м. Клинчатыми сводами перекрывались помещения с пролетами шириной около 3,5 м.

Своды первого типа хорошо иллюстрирует сохранившийся целиком свод в помещении 2. Над пахсовыми стенами помещения лежит полочка, состоящая из трех рядов сырцовых кирпичей, уложенных плашмя, тычком. Внутри помещения она выступает на 8 см, снаружи полочка уступчатая. У исходного, западного торца выложены четыре неполные кирпичные дуги: в первой — два кирпича, во второй — три, в третьей — четыре, в четвертой — шесть кирпичей, пятая дуга уже полная (табл. 14).

Наклон кирпичей у исходного торца составляет 25°. Поскольку между наклонными кирпичами первой дуги и торцом свода образовалось свободное пространство, его пришлось закладывать специально подогнанными кирпичными клиньями. По мере приближения свода к противоположному торцу угол наклона кирпичей увеличивается до 35–40°. Примыкание к противоположному торцу в данном случае затрудняется большим наклоном последнего кольца свода и образованием в результате значительной щели. Для заполнения этой щели горизонтальные кирпичи торцевой стены над полочкой клались с выступанием, так что на замыкающем торце образовалось 12 рядов нависающих горизонтальных кирпичей. На верхний ряд этой «полочки» поставлено еще два-три кольца. Так у южной части торца. У северной стены выступание кирпичей торца начинается выше; здесь нижняя часть щели заполнена тремя незамкнутыми кольцами, а примыкание их к торцу осуществляется с помощью клинчатых кирпичей. Кольца свода сложены из обычных прямоугольных кирпичей, на одной из постельных сторон которых имеются бороздки, проведенные пальцами (для лучшего сцепления с раствором). Нижний кирпич кольца клался не горизонтально, а с наклоном (за счет шва или небольшого клина); выше наклон осуществлялся за счет расшивки швов. У щелыги центральный кирпич был клинчатый или же с двух сторон по бокам от центрального кирпича ставились кирпичные клинья. Очертания свода повышено-параболические — они встречаются и в других областях Средней Азии.

В юго-восточном углу помещения, на стыке длинной стены, обращенной к восточной анфиладе, и торца, обращенного к городской стене, ступы в верхней части связаны кирпичами, положенными под углом, т. е. впущенными и в длинную и в торцовую стенки. В результате образуется нечто вроде трюмпа.

Расчистка свода снаружи показала, что его оболочка выполнена в один обвод кирпича. Основание свода — полочка снаружи имеет уступчатый характер, верхние кирпичи отступают внутрь помещения. У исходного торца — четыре неполные (незамкнутые) кольца-дуги, выложенные по схеме: плечи первой дуги — по одному кирпичу, второй — по три, третьей — по четыре, четвертой — по шесть кирпичей, вслед за этими неполными дугами начинаются полные (замкнутые) дуги. У замыкающего торца, как выяснилось при осмотре снаружи, две дополнительные дуги, пущенные для заполнения щели, не смогли ее заполнить в верхней части, и там вновь пришлось заполнять ее напуском кирпича торцевой стены. Итак, здесь мы видим уступчатое заполнение щели у торца²¹.

Проблема заполнения щели, образующейся у замыкающего торца, могла быть решена в случае применения свода, обнаруженного Г. А. Пугаченковой в нижней галерее Джабартепе. Здесь кладка свода наклонными отрезками велась от двух торцов, место смыкания в центре было

оформленно кладкой «в елочку» [Пугаченкова, 1976, с. 158, рис. 94]. Это давало и другое преимущество: давление свода уменьшалось, распределяясь на два торца.

В VI—VII вв. в Средней Азии, как и на Ближнем Востоке [Creswell, 1958, с. 55, 102—104], появляются, а в VIII в. широко распространяются своды и арки со стрельчатыми очертаниями кривых, которые постепенно вытеснили арки других типов²². В средние века полуциркульные своды были столь прочно забыты, что в XV в. Джемшид Гиййас ад-Дин Каши писал о том, что арок и сводов, являющихся половинами круглого полого цилиндра, т. е. полуциркульных, он не видел ни в древних, ни в новых зданиях [Джемшид Гиясэддин Каши, 1954, с. 203].

Н. М. Бачинский выдвинул идею о практичности стрельчатых сводов в активно сейсмичных зонах [Бачинский, 1949, с. 33]. Г. А. Пугаченкова применила ее к стрельчатым trompes [Пугаченкова, 1958б, с. 226]. Действительно, полуциркульные арки, не имеющие излома, рассматриваются как двухшарнирные, арки же с изломом (стрельчатые) — как трехшарнирные [Асапов, 1974, с. 93]. При этом, видимо, пужно учитывать еще некоторые другие положительные качества стрельчатых арок. Так, Б. Н. Засыпкин считает, что стрельчатую форму легче уложить без кружал [Засыпкин, 1961, с. 139]. М. С. Булатов добавляет к этому, что сводам стрельчатых очертаний можно было перекрывать помещения гораздо большего пролета, чем полуциркульными сводами [Булатов, 1974, с. 37].

Среди клинчатых сводов есть как симметричные, так и асимметричные, ползучие. Некоторое представление о конструкции ползучих сводов дает частично сохранившийся свод в помещении 38 на цитадели. Полочка одной его пяты состоит из двух положенных плашмя кирпичей, которые выступают внутрь помещения на 40 см. Кроме того, верх уступа стены, на который опирался свод, выступает с помощью выкружки на 5 см. Полочка противоположной стены состоит из четырех кирпичей с напуском в 3—5 см, уровень ее соответственно выше уровня первой полочки. Из-за существенной разницы уровней противоположных полочек свод имел форму пологой параболы²³ (рис. 15).

Клинчатым сводом было перекрыто помещение 10 на цитадели. Восстановить его конструкцию удалось лишь частично: свод рухнул. На полу лежали звенья рухнувшего свода, остатки его встречались и в завале, над полом. Пролет помещения достигает 3,5 м. На восточной стене сохранилась часть полочки, насчитывающая восемь рядов положенных тычком кирпичей. Вся метровой высоты полочка нависает внутрь помещения на 10 см. Кирпич обычного формата (50×25×9 см).

Другой пример клинчатого свода дает хорошо сохранившееся сводчатое перекрытие прямоугольного (5,45×2,30 м) помещения юго-восточной башни цитадели (пом. 32). Свод здесь выложен в один обкат, кирпичи положены наклонно тычком, вперевязку. Для образования перевязки чередуются отрезки, у одного из которых на полочку положен не целый кирпич, а кусок кирпича шириною 10—12 см, и другой отрезок, где в основании лежит целый кирпич тычком. Полочка проходит вдоль всей продольной стены, по основанию свода до замыкающей торцевой стены не доведено. Последний отрезок находится на расстоянии 0,27 м от нее. Наклон ветви очень большой, так что на высоте 0,8 м от полочки щель достигает 0,60 м, а у щелыги, по-видимому, больше метра.

Заполнение этой щели осуществлено с помощью уступчатой кладки с введением дополнительных отрезков. Внизу щель заполнена двумя кирпичами, положенными плашмя, тычком. Верхний из них служит основанием для дополнительного отрезка свода; в результате у основания этого отрезка щель суживается до 23 см. Затем вновь кладутся два горизонтальных кирпича тычком, и на верхний опирается второй дополнительный отрезок свода; потом один неполный горизонтальный кирпич и на его верхней плоскости третий дополнительный отрезок свода — щель суживается до 16 см; наконец, кладется еще один горизонтальный кирпич и на

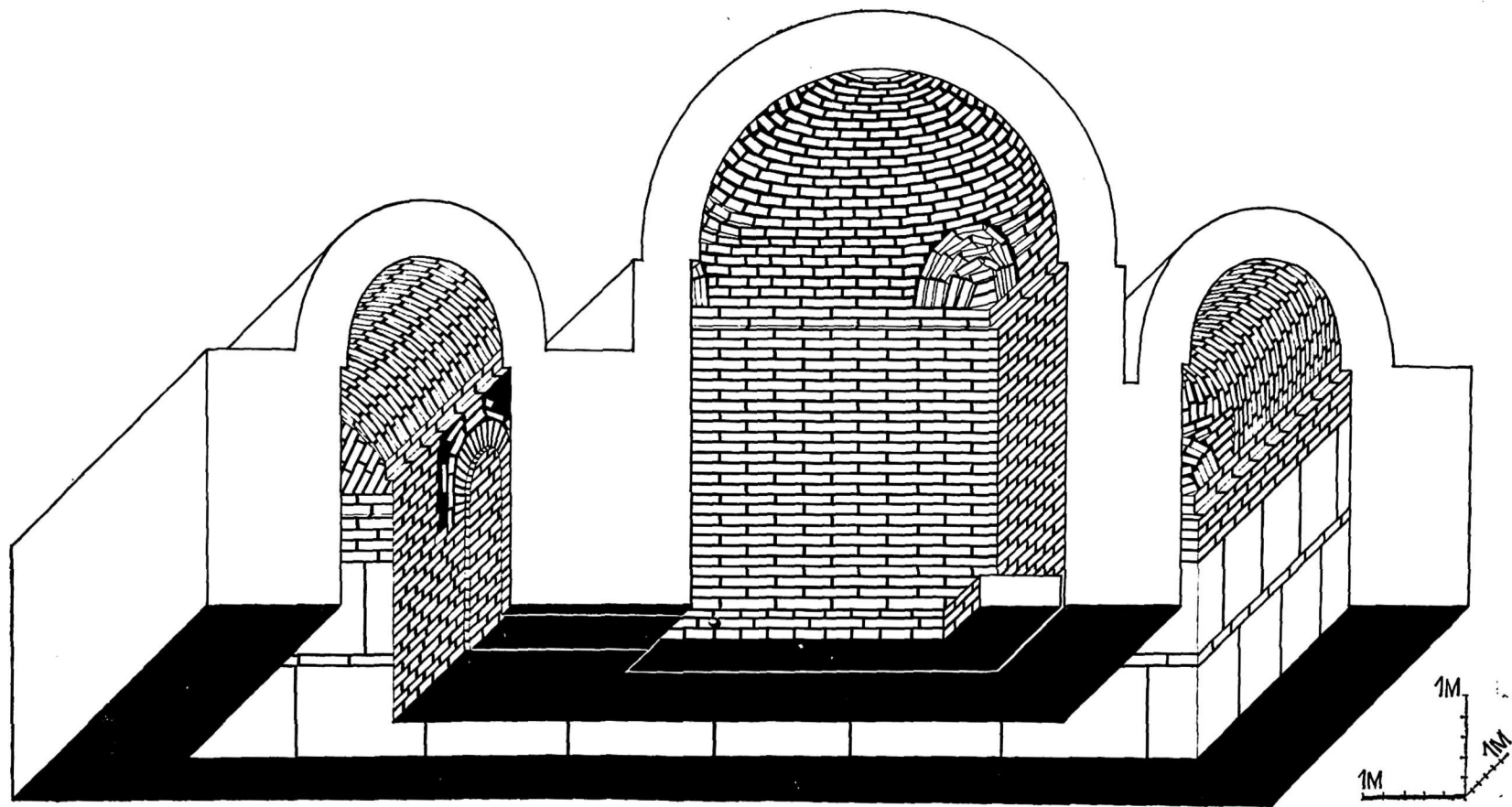

Рис. 24. Кафыркала. Аксонометрическая реконструкция буддийской часовни

его верхней плоскости начинаются две дополнительные ветви свода — на высоте 80 см от полочки. Эти ветви в своем основании начинаются непосредственно от торца, замыкая щель. Выше свод разрушен, но можно себе представить, что по мере подъема последнего отрезка вновь образовывалась щель, которая заполнялась аналогичным образом²⁴.

Обходной коридор буддийской часовни Кафыркалы (рис. 23/3) является образцом четырехколенного замкнутого сводчатого пространства. Все особенности устройства свода в связи с его разрушенностью освещены быть не могут. Отметим лишь, что создание замкнутого кольца свода позволяло наиболее целесообразно распределить нагрузки, улучшая статику сооружения. Остановимся также на одной детали: сочетании свода с тромпом. К восточному тромпу южного колена коридора свод подходит как к замыкающему, поэтому наклон у подходящего к тромпу свода и обращенной к нему части тромпа — противоположный. Сочетание их осуществлено по тому же принципу — уступами, — что и у свода с замыкающим торцом. Опишем конкретно данный случай. Свод не доходит до тромпа, если измерять по полочке, на 22 см. Пространство между последним отрезком свода и внешней аркой тромпа заполнено тремя горизонтальными рядами кирпичей, на верхний опирается основание дополнительного отрезка свода. Затем положены еще два горизонтальных ряда кирпичей, и на верхнем — четыре отрезка свода, крайний из которых вплотную подходит к арке. Затем пять отрезков свода опираются уже непосредственно на внешнюю дугу, напоявая на нее (рис. 24).

У тромпа противоположащего, западного угла отрезки свода идут с наклоном в ту же сторону, что и у дуг тромпа. Здесь в отличие от противоположащего угла свод вплотную подходит к тромпу, без повышения его основания. «Наполнение» свода на тромп осуществлялось подъемом пяти отрезков свода, с опиранием их на внешнюю арку тромпа. В аналогичном случае, в коридоре III—V Аджинатепе, сочленение иное — основание свода повышается на подходе к тромпу.

Как указывалось выше, для выкладки кафыркалинских сводов применялся обычный прямоугольный кирпич. Интересно при этом отметить, что на соседней — синхронной — Аджинатепе в кладку сводов шел также и трапецеидальный кирпич [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964, с. 82; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 35—43]. Этот прием известен и на Куёвкурбане [Аннаев, 1984б, с. 191, 193]. Такие примеры для раннего средневековья едипичны, хотя в античный период на изучаемой территории своды, выложенные из трапецеидального кирпича, были, очевидно, не редкостью [Литвинский, 1956а, с. 73; Литвинский 1956б, с. 84; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1960, с. 73; Пугаченкова, 1976, с. 128].

Применение трапецеидального кирпича на Аджинатепе и Куёвкурбане, вероятно, следует рассматривать как продолжение античных бактрийских традиций в архитектуре Северного Тохаристана. В то же время для сводов раннесредневекового Хорезма он был традиционным [Воронина, 1952, с. 94]; в Пенджикенте также применялся трапецеидальный кирпич [Воронина, 1953б, с. 19]. Для большинства же сводов архитектурных памятников раннего средневековья Средней Азии обычным являлся прямоугольный кирпич.

Наличие полочек в основании сводов — явление, характерное для всей среднеазиатской раннесредневековой архитектуры. Они различаются только числом рядов кирпичей и степенью нависания. В кафыркалинских помещениях с большими пролетами (до 3,5 м) их было больше, чем в помещениях с малыми пролетами (до 2,5 м). Задача, которую должны были решать многорядные полочки, общеизвестна — сокращение пролетов.

Сводь, выложенные в технике поперечных наклонных отрезков, к раннесредневековому периоду имели уже многовековую традицию [Шуази, 1935, с. 11—12]. На Кафыркале они возведены с большим мастерством, с эмпирическим пониманием статики. Применение клинчатых сводов следует рассматривать, очевидно, не только как дань эллинистическим тради-

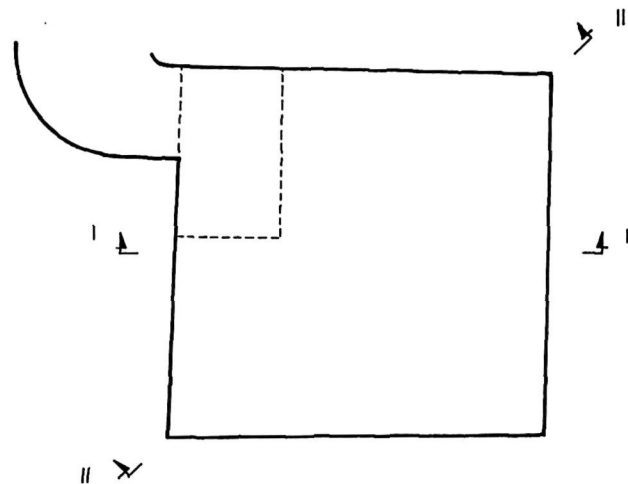
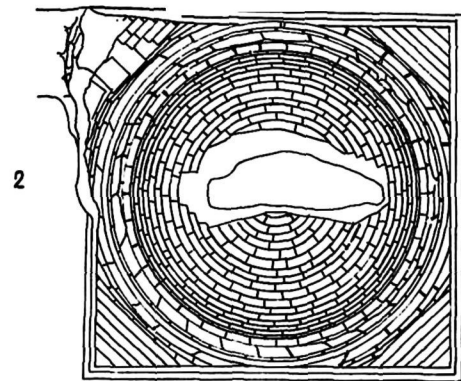
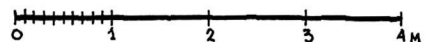
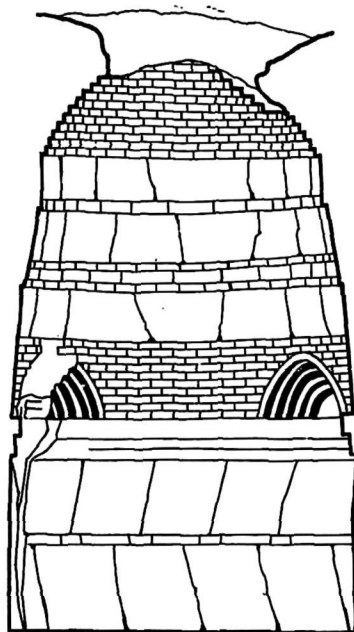
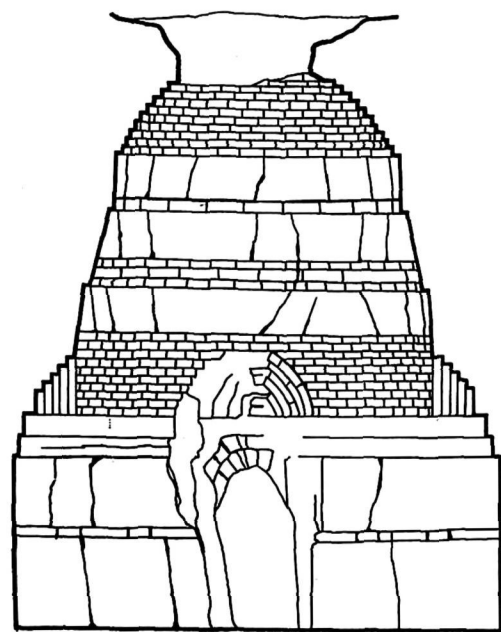

Рис. 25. Кафыркала. Цитадель:
1 — разрезы помещения 1; 2 — план помещения 1 и купол его перекрытия

циям [Нильсен, 1966, с. 247], но еще и в связи с тем, что ими можно было перекрывать помещения с более значительными пролетами, чем те, которые перекрыты сводами из поперечных наклонных отрезков.

По принципу своего устройства кафыркалийские своды ничем не отличаются от сводов раннесредневековой Средней Азии. Отметим, что максимальный угол наклона отрезков к вертикали, составляющий 40° , был наиболее целесообразен. Лишь в частных случаях на поворотах допускался наклон отрезков до 45° [Воронина, 1953б, с. 17].

Купола. На Кафыркале пока вскрыто три помещения, которые были перекрыты куполами. Все они расположены на цитадели: в помещении 1 купол сохранился целиком, в помещении 20 — частично, а в помещении 26 он полностью разрушен. Конструкция куполов различна. Помещение 20 (=V) — круглое в плане (диаметр его — 7,95—7,98 м), имеет паховые стены высотой 1,54 м. Над стенами начинается кирпичная кладка купола (рис. 26). Первые ряды кирпичей лежат горизонтально с напуском внутрь, т. е. кладка велась в технике ложного купола. Затем за счет клиновидной расшивки горизонтальных швов начинается постепенный наклон кирпичей внутрь помещения. Выше наклон кирпичей усиливается, в результате для отрезка купола, равного по высоте 1,57 м, нависание достигает 0,5 м.

Купольные постройки этого типа в архитектуре Средней Азии встречаются редко. Аналогии ему находим в памятниках, отстоящих от рассматриваемого времени на 800—1000 лет назад. Круглый зал дворца в Старой Нисе имеет снаружи квадратные очертания, интерьер же круглый (диаметр—17 м). Г. А. Пугаченкова считает, что перекрытием для него служила строительно-шатровая конструкция с черепичной кровлей [Пугаченкова, 1958а, с. 100—101; Пугаченкова, 1967, с. 40], и отвергает предлагаемое С. П. Толстовым [Толстов, 1962, с. 178] для этого зала купольное перекрытие.

Купольным было и круглое центральное помещение погребального сооружения Баланды-2 в Хорезме, которое датируется IV—II вв. до н. э. В основании его находятся кирпичные стены высотой 1,5 м, диаметр здания в основании — 5,5 м. Кирпичный купол образован путем напуска верхних рядов над нижними, т. е. он был ложным [Толстов, 1962, с. 174—178; Толстов и др., 1963, с. 68—69].

Истинные купола на круглом (цилиндрическом) основании известны и для эпохи, близкой ко времени сооружения здания с круглым куполом на Кафыркале. Такой купол перекрывал крупные башенные сооружения крепости Тепаи-Зохак в Афганистане, где и стены и сам купол выложены из сырцового кирпича. К. Фишер датирует эти сооружения IV—V вв. [Fischer, 1974, рис. 118, 124]; согласно Д. В. Макдоуэллу и М. Таддеи, это, вероятно, VI—VII вв. н. э. [The Archaeology of Afghanistan, 1978, с. 278].

Имело купольное перекрытие и круглое в плане помещение угловой башни первого этажа замка Актепе [Воронина, 1948, с. 136, рис. 1]. В Восточном Туркестане, в Миране, есть группа круглых в плане святилищ, вписанных в квадратное сооружение. Таково, например, святилище М. V. Квадратное сооружение сырцовой постройки имеет размер $12,2 \times 12,2$ м. Проем находится на восточной стороне. В центре круглого помещения стояла ступа диаметром 3,8 м. Пространство между ступой и стеной образует обходной коридор. Все помещение было перекрыто куполом с пролетом 8 м. Внутренняя поверхность купола была, по-видимому, расписана. Целиком были расписаны и стены. Отсюда происходит основная часть живописи Мирана [Stein, 1921, т. 1, с. 512—513, т. 3, план 22], которую принято датировать III—IV вв. Купольное перекрытие имели внутренние помещения тех ступ Восточного Туркестана, которые мы относим к группе «полые ступы». Перекрытое куполом внутреннее помещение чаще всего было круглым или квадратным, реже полигональным²⁵.

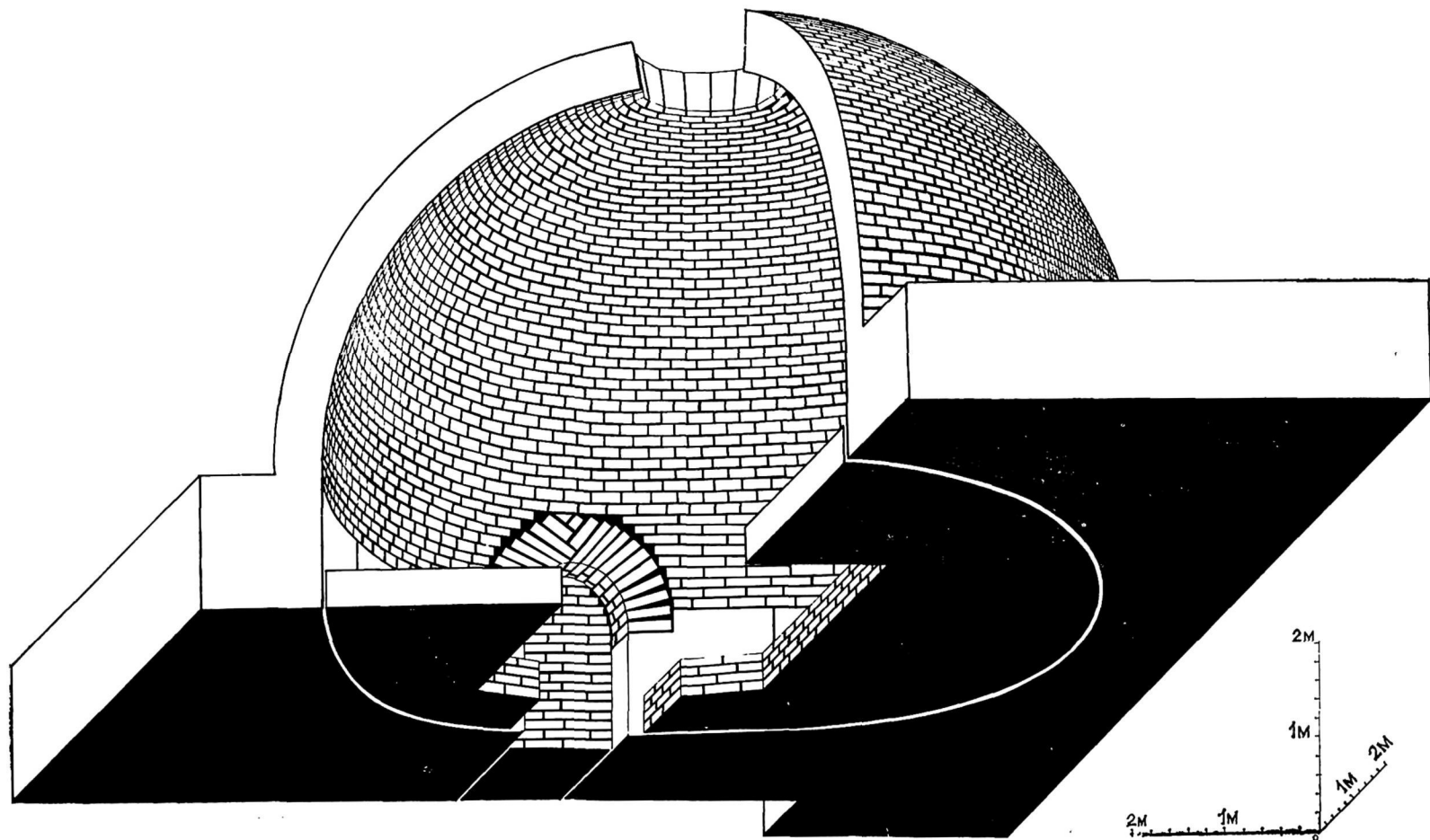

Рис. 26. Кафыркала. Цитадель. Аксонометрическая реконструкция помещения V

Купола другого типа представлены на Кафыркале куполом внутри-башенного помещения (пом. 1). Оно квадратное в плане ($3,6 \times 3,5$ м), стены сложены из двух ярусов пахсы, разделенных между собой по горизонтали строчкой положенных плашмя кирпичей. Пахса разрезана на блоки косыми швами в шахматном порядке. Над стенами по периметру помещения проходит двухступенчатая кирпичная полочка с общим нависанием в 15–20 см. В углах на нее посажены тромпы, каждый из которых состоит из пяти перспективных арок. В щипце меньшей арочки — два положенных плашмя друг на друга кирпича.

Пространство между тромпами заполнено шестью-семью рядами горизонтальной кладки (все кирпичи лежат тычком). Причем в плане отрезок кладки на каждой из сторон имеет вид слабой дуги, по концам она расположена заподлицо с тромпами, в центре же заходит внутрь от внешнего обреза полочки на 7–8 см (но с учетом выступания полочек все же нависает на 8–12 см)²⁶. Затем следуют два ряда кирпичей (уже над вершинами тромпов), образующие над тромповой частью замкнутое кольцо — основание купола. Нижняя часть купола возведена комбинированной кладкой, которая состоит из трех ярусов пахсы, отделенных друг от друга по горизонтали рядами кирпича. Для придания куполу гладкой круглой поверхности производилась подрезка пахсы и кирпича.

Верхняя часть купола — кирпичная. Первые четыре-пять рядов кирпича уложены в технике ложного купола, с постепенным их нависанием. Близ замковой части кладка велась с постепенным разворотом кирпичей по вертикали, а начиная с десятого ряда, т. е. уже в замковой части, — с резким разворотом. Высота купола от основания до замка — 3,85 м. Вход в помещение располагался в юго-западном углу, тромп здесь размещался непосредственно над аркой входа.

Кафыркалинские купола этого типа относятся к ранним среднеазиатским образцам подобного рода архитектурных сооружений. Купол помещения 1 имеет некоторые особенности, свидетельствующие об оригинальности и архаичности его конструкции. При сравнении этого купола с другими куполами обращает на себя внимание прежде всего то, что он сильно вытянут кверху. Это несколько гипертрофированное удлинение обеспечили три яруса комбинированной пахсово-кирпичной кладки. Оно было необходимо для того, чтобы боевая площадка, располагающаяся непосредственно над куполом, могла находиться на одном уровне с валгангом (рис. 25).

Об архаичности рассматриваемого купола свидетельствует тот факт, что его диаметр хотя и незначительно, но больше квадрата стен и основания купола впущено внутрь стен (строго говоря — карпиза) на 7–8 см. Наиболее яркой специфической чертой этого купола является сочетание в нем принципов ложного купола (именно так построена основная часть его оболочки) и истинного купола (тромпы, венчающая часть оболочки)²⁷.

Та же черта характерна и для некоторых куполов Калаи-Кафирнигана, где в помещении 9 объекта V (размер $4,5 \times 4,6$ м) выявлены также детали устройства купола. К внешней дуге тромпа подходят горизонтально лежащие кирпичи. Они подвинуты к арке вплотную и примыкают к дуге арки, выпележащие нависают над нижележащими. На расстоянии 25 см от тромпа сохранился участок поверхности купола. Она образует в основании дугу, концы которой примыкают к тромпу, выходя за край полочки, а центр заглублен, отступая за плоскость полочки на 17–18 см. По высоте этот отрезок свода имеет наклон 78° , кривизна же незначительная — при хорде в 72 см стрелка равна 3 см. Оболочка купола была кирпичной, обмазанной четырехсантиметровым слоем штукатурки. В помещении 1 объекта VII (размер $3,8 \times 3,9$ м) оболочка купола выложена в один кирпич тычком. Кирпичи каждого выпележащего ряда сдвинуты по отношению к нижележащему, так возникает перевязка швов. Через ряд швы совпадают. В нижней части купола кирпичи каждого выпележащего ряда более наклонные, чем нижележащие (примерно на 2°).

На территории Тохаристана известны еще более архаические купольные конструкции. В Кобаданском оазисе, на Мунчактепа, под слоем Мунчак I было раскрыто помещение (5,2×5,4 м). «Купол был поставлен на квадрат стен без переходных частей. Нижний диаметр его несколько больше расстояния между стенами, вследствие чего у пяти имеются сегментовидные полочки. Такая система позволила сделать свес купола на углах меньше длины кирпича; купол при этом опирается на две стены, образующие угол» [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 312]. Очевидно, что типологически эта конструкция в какой-то степени равнозначна конструкции купола над круглой ротондой.

Введение тромпов было подлинной революцией, но «родимые пятна» начальной типологически ступени, когда диаметр безтромпового купола неизбежно превышал пролет помещения, остались и на первой фазе существования куполов на тромповом поясе. Эта черта характерна для куполов ряда раннесредневековых памятников. Укажем на купола, обнаруженные на Афрасиабе В. А. Шишкиным в 1928 г. [Шишкин, 1940], акбешимский купол [Кызласов, 1959, с. 169, рис. 17/6, 18/3—5], купольную комнату второго этажа кёшка Актепе [Воронина, 1955, с. 144, 150, рис. 4], а также купол помещения 7 во дворцовом здании городища Актобе-2 в Казахстане (I—IV вв.). Этот купол, как отмечают исследователи, аналогичен актепинскому куполу и является его предшественником [Максимова и др., 1968, с. 26—27]. Переходные варианты известны на Аджинатепа — помещение 45 [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973, с. 153]; на Калаи-Кафирниган и др.

Вообще купольное перекрытие — одна из характерных черт зодчества раннесредневековой Средней Азии. Но купола не были специфичными лишь для Средней Азии. Обратимся в качестве примера к Восточному Туркестану. В раннее средневековье купольные перекрытия встречались здесь почти повсеместно. В Шикшине, по наблюдениям С. М. Дудина, купола применялись для небольших помещений. Для их выкладки использовался обычный сырцовый кирпич. Кладка велась на глиняном растворе; развод рядов достигался за счет швов, иногда в них вставлялись куски камней. Кроме того, применялись трапецеидальные кирпичи. В маленьких купольных помещениях через углы стен были положены балки, на которых покоились свисающие части купола. В других случаях, когда пролеты были большие, купола покоились на тромпах [Дудин, 1916, с. 10, 31—32]. Купольные перекрытия известны и в других центрах Восточного Туркестана. Так, в Миране, в башенном сооружении М. Х., внутри находится квадратная камера (2,13×2,13 м). Она перекрыта полусферическим куполом. Над четвериком здания, через углы, перекинуты перспективно-арочные тромпы, над образовавшимся восьмериком высится купол. При этом стены сложены из сырцового кирпича, купол — из жженого [Stein, 1921, т. 1, с. 535].

Нередко встречаются «средние» по размерам купола с пролетом свыше 3—4 м. Так, ступа в Сенгимаузе имеет внутри камеру размером 4,9×4,9 м при высоте 1,2 м. В западной стене находится широкий вход. На углах — «раковинообразные» тромпы (так старые немецкие исследователи называли тромпы из перспективно-уменьшающихся арок). Диаметр купола на 0,5 м больше пролета помещения, так что посередине каждой из сторон основание купола на 0,25 м заходит в глубь стены, образуя сегментные полочки. Купол очень высокий, он, как и стены, расписан [Grünwedel, 1905, с. 144—145].

В Идикутшари много купольных помещений, в том числе больших и весьма больших. Часто встречаются тромпы в виде вписанных друг в друга перспективно-уменьшающихся арок²⁸, хотя есть и простые арочные тромпы.

В ступе О Идикутшари переход к куполу от четверика стен, судя по эскизному рисунку (очень суммарному), осуществляется с помощью тромпов из перспективно-уменьшающихся арок. Этот купол диаметром

7,6 м и высотой около 6 м — самый большой (из сохранившихся) в Идикутшари [Grünwedel, 1905, с. 29—31, фиг. 22].

В Идикутшари, в монастыре К, купольные помещения, судя по фотографии, имели по верху стен карниз из одного нависающего ряда кирпичей. На углах были арочные тромпы из кирпичей, обводящих архивольт как будто ложком [Le Coq, 1979, табл. 69/с].

В монастыре β два помещения (I и J) размером 15,65×15,65 м и с «могучими толстыми стенами» перекрыты куполами на угловых нишевидных тромпах. Планы и разрезы этих помещений отсутствуют. Насколько можно судить по эскизным зарисовкам А. Грюпведеля, над стеной был узкий карниз. Переброшенные через углы тромпы имели арки почти полукруглого очертания. Основание купола на середине сторон входило внутрь стены, образуя сегментную полочку [Grünwedel, 1905, с. 85, фиг. 74—76].

Очень интересны и разнообразны также раннесредневековые купола Афганистана и Ирана [Gullini, 1964, с. 372—378; Klinkott, 1982, с. 132—134]. Приписывая во внимание все разнообразие раннесредневековых куполов указанного ареала, разработка их типологии представляет сложную проблему. На наш взгляд, должны учитываться следующие признаки: а) план помещения (круглый, квадратный, многоугольный); б) несущая опорная конструкция (степы, столбы); в) стеновой материал и материал оболочки купола (пахса, сырцовый и жженный кирпич, камень); однородность и разнородность материала стен и оболочки купола; комбинированная кладка оболочки; г) соотношение диаметра купола и пролета помещения; д) отсутствие или наличие тромпов и техника, в которой они выполнены, их форма; е) сочленение купола и опорных стен — непосредственное или с промежуточным ярусом тромпов, характер этого яруса [Литвинский, Шеркова, 1977, с. 147].

Общая история купола в рассматриваемом регионе еще остается недостаточно разработанной. Нет ясности в вопросе о времени появления купола, этапах его развития²⁹. Большой интерес представляет и семантическая сторона вопроса — представления, связанные с куполом [Литвинский, Шеркова, 1977].

Плоские перекрытия применялись для помещений с большими пролетами и некоторых обходных коридоров. Они делались из деревянных прогонов, балок, закладки из хвороста, осоки и глино-саманной обмазки. В помещениях 3 и 33 удалось расчистить куски обгоревших прогонов с фрагментами балок. Расстояние между прогонами равно 26 см, между балками — 72, 20 и 10 см. Прогоны в сечении имели круглую (диаметр — 14—16 см), прямоугольную (15×10 см), квадратную (15×15 см) форму. Балки также имели различную форму: круглую (диаметр — 10 см), прямоугольную (3×6 см), квадратную (7×7 см), полукруглую (9×2 см). Для лучшего сочленения прогонов с балками в последних иногда делались специальные пазы (рис. 27; табл. 4)³⁰.

В помещении 3, в частности, обращает на себя внимание небольшой пролет между балками и между прогонами. Вероятно, это было вызвано тяжестью кровли. На поверхности суффлежит пепел сгоревшего камыша, осоки и гребенчука, а на нем лежат балки и прогоны. Это объясняется тем, что легкие деревянные части перекрытия сгорели быстрее и упали, естественно, раньше. Затем упали прогоны и толстые балки. В центре зала обгоревшего дерева почти нет; оно сконцентрировано в северной и южной частях зала. Это говорит о том, что в центре кровли, наверное, был световой люк.

Так как подобные перекрытия были очень тяжелыми, особенно при больших пролетах зала (19,05×10 м), перед строителями стояли сложные задачи, в частности, не допустить, чтобы верхние части стен обвалились под тяжестью перекрытия.

Для реконструкции перекрытия большое значение имеют сильно обгоревшие гнезда в стенах помещения. Эти гнезда были вырублены в пах-

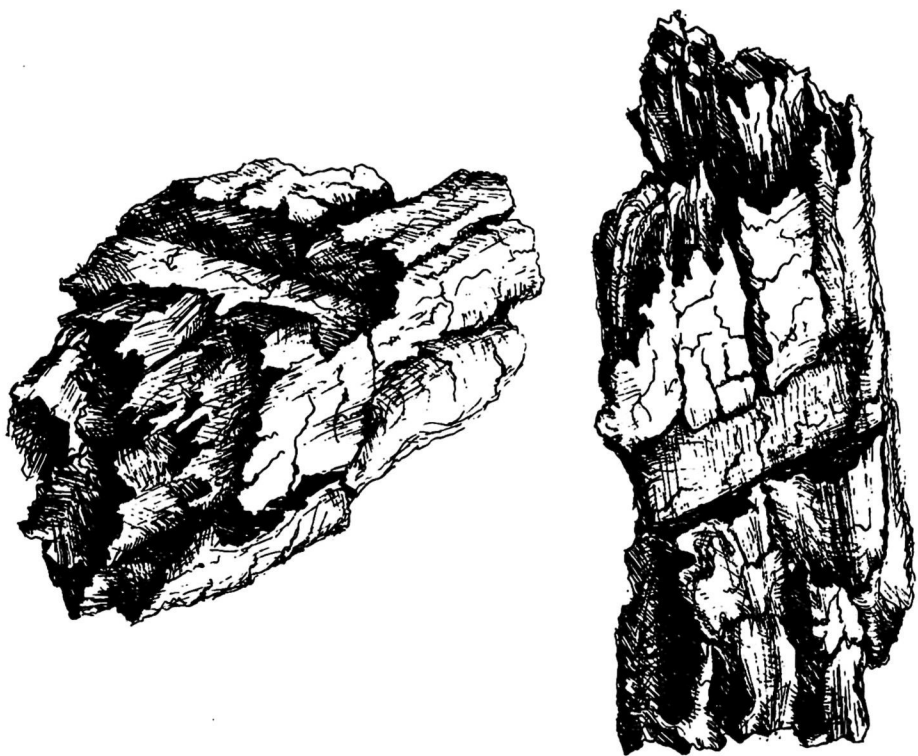

Рис. 27. Кафыркала. Конструктивные элементы деревянного перекрытия

совых стенах. Они подпрямоугольные в поперечном сечении (от 16×25 до 20×26 см). Нижняя часть гнезд уширяется. В восточной и западной, т. е. в длинных, стенах помещений по шесть гнезд, отстоящих друг от друга на 1,75–2,1 м. Судя по всему, деревянные стойки были утоплены в этих гнездах и снаружи оштукатурены (табл. 13).

Каково же назначение этих стоек? Заметим, что: 1) гнезда противоположных стен находятся не друг против друга; 2) «шаг» их различный; 3) на коротких сторонах гнезд нет. Поэтому маловероятно, почти исключено, чтобы они служили для поддержки балок — прогонов. По-видимому, они применялись для укрепления несущей стены. Эти стойки поддерживали лежащее вдоль края стен продольное бревно, на которое уже клались балки. Именно поэтому стойки имеются лишь на длинных сторонах.

Этот прием восходит к античности. Так, в помещении 3 дома богатого горожанина (ДІ-5) на Дальверзинтепе в теле одной из стен через 2–2,3 м имелись вертикальные гнезда для стоек. Стойки скреплялись друг с другом положенными горизонтально вверху и внизу балками, от которых также сохранились гнезда. Конструкция была утоплена в стену из кирпича-сырца и оштукатурена.

Более сложной была система в помещении 1 (центральный зал) того же дома. Здесь стойки располагались на расстоянии от 1,2 до 3,2 м в два яруса, причем разбивка верхних и нижних ярусов не совпадает [Пугаченкова и др., 1978, с. 33, 195, рис. 16–17, 128].

Присм укреплению несущих сырцовых стен утопленными в них вертикальными деревянными стойками отмечен в эпоху раннего средневековья помимо Кафыркалы также для троиного зала пепджикентских правителей³¹, для дворца на Афрасиабе [Альбаум, 1975, с. 14], Акбешима [Кызласов, 1959, с. 188–189]³². В Средней Азии он применялся

вплоть до настоящего времени, в частности в жилых домах Каратегина и Дарваза [Кисляков, 1939, с. 155; Писарчик, 1970, с. 31].

Следует отметить, что в некоторых случаях в раннесредневековом Тохаристане обходились без вертикальных стоек. На Балалыктепе межэтажное плоское перекрытие покоилось на бревнах, положенных на уступы стены и дополнительно закрепленных с помощью загнанных в стену колышков [Альбаум, 1960, с. 108—110, рис. 87; Нильсен, 1966, с. 161—162].

Ни в одном из помещений Кафыркалы, в том числе и с большими пролетами, не было найдено никаких следов баз или углублений для колонн. В таких случаях археологи обычно предполагают для квадратных помещений дарбазное (рузанное) перекрытие.

Существенно, что уже в кушанское время такое перекрытие на территории Северной Бактрии зафиксировано на Дальверзинтепе [Пугаченкова и др., 1978, с. 195—197]. Перекрытие дарбазного типа очень широко применялось в архитектурных сооружениях Центрального Афганистана [Tarzi, 1977, т. 1, с. 84—87, т. 2, табл. D22—D33] и Восточного Туркестана [Grünwedel, 1912, с. 129—130, табл. 1, 3, 5; Le Coq, 1977, с. 31—32, фиг. 234—236] позднее, в раннем средневековье. Не отрицая вероятности его применения и на Кафыркале, отметим, что существуют и иные возможные типы перекрытий. Дело в том, что в народной архитектуре Средней Азии, например в Фергане и Ура-Тюбе, известен и другой способ перекрытия без колонн. Здесь он называется «хашт» — «восемь» или «восьмиугольный», «чорбурчак» — «четыреугольный». Идея этого протодарбазного (или проторузанного) перекрытия заключается в том, что в квадрат помещения вписывается квадрат меньших размеров, состоящий из четырех главных балок, который затем перекрывается второстепенными балками с «васа» или оформляется в виде фигурного дощатого потолка [Писарчик, 1954, с. 271; Воронина, 1959а, с. 41]. Такой рациональный способ перекрытий квадратных помещений мог существовать и в период раннего средневековья.

Особые сложности возникают при попытке реконструировать перекрытие зала 3 периода КФ-I. Размеры этого зала, как указывалось, $19,05 \times 10$ м, следы баз колонн отсутствуют. Можно ли было осуществить над ним плоско-балочное безколонное перекрытие? Среднеазиатские народные мастера-строители в XIX — первой половине XX в. считали, что балки потолка при прогоне, превышающем 3,75—4 м, не могли выдержать нагрузки тяжелого земляного настила кровли [Писарчик, 1954, с. 270; Писарчик, 1974, с. 73]. При размерах квадратных помещений, превышающих указанный, безколонное перекрытие осуществлялось типом «хашт» или «чорбурчак», так можно было перекрыть помещения с пролетом до 10 м [Воронина, 1959а, с. 41].

Но зал 3 не квадратный, а прямоугольный, состоящий из двух квадратов. Можно представить себе поперечный прогон, делящий помещение на две части, и предположить, что существовала не оставившая следов стойка, на которую он опирался. Тогда каждый из этих квадратов (собственно, прямоугольников, $9,5 \times 10$ м) мог быть перекрыт рузанной или проторузанной конструкцией. Для квадратных зданий Пенджикента реконструируются деревянные перекрытия в виде «вспарушенных стержневых строений пролетом до 12×12 м» [Гуревич, 1977, с. 60]³³. Они, как известно, воспроизведены и в пещерах Бамиана [Tarzi, 1977, т. 2, табл. 28]. Исключить возможность применения варианта такого перекрытия также нельзя.

Так как мы не имеем доводов для предпочтения какого-либо из вариантов, вопрос о перекрытии помещения 3 остается открытым. Плоско-балочное перекрытие коридоров, по-видимому, весьма широко применялось на последних этапах жизни Кафыркалы. Об этом свидетельствуют находки в восточном углу коридора 4. Отрезок коридора длиной 5,5 м здесь целиком заполнен скоплением упавших обгоревших балок. Основная часть их лежит вдоль помещения, хотя есть и лежащие поперек.

На полу между суфами и частично на суфах лежат продольные балки длиной до 2,3 м. Легко насчитать семь балочек, с учетом разрушившихся — девять-десять. Они овальные в сечении (диаметр — 10—14 см). Одна из поперечных балок лежит у восточной торцевой стены коридора, на расстоянии 6,7 м от нее — вторая поперечина, на расстоянии 1,3—1,4 м от второй — третья поперечная балка. Поперечные балки более массивные, по преимуществу подпрямоугольные (12×15 см). Один из обломков балки, лежащий впрыток к стене, но вдоль коридора, имеет трапецеидальный сужающийся внутрь паз (глубина паза — 3,2 см, ширина у поверхности — 3,2 см, в глубине — 2,1 см). Сечение подпрямоугольной балочки с пазом — 11×12 см.

Итак, перекрытие может быть представлено следующим образом. На расстоянии около 1,5 м поперек коридора были уложены параллельные подпрямоугольные балочки, над ними был настил из овальных в сечении жердей, положенных, очевидно, не впрыток, а на некотором расстоянии друг от друга. Это обычная для современной среднеазиатской народной архитектуры практика: продольные балки называются «болол», поперечные жерди — «васа». Сверху кладется камышовая плетенка, которая видна в промежутках между поперечными жердями [Писарчик, 1974, с. 72—73] (см. также [Писарчик, 1954, с. 268—269; Воронина, 1959а, с. 40—41]). Истоки народной архитектуры и в этом случае уходят в глубокое прошлое³⁴.

Колонны на Кафыркале найдены пока только декоративные. Внешние углы в зале, вскрытом Т. И. Зеймаль на территории города, были украшены трехчетвертными колонками (рис. 28/1), вылепленными из специально приготовленной глины, возможно, на деревянном каркасе. Северная колонка сохранилась на высоту 1,55 м, южная — 1,42 м. Колонки опирались на пирамидальные базы. В верхней части диаметр фуста (промеры по южной колонке на высоте 1,20 м от поверхности базы) составлял 0,23—0,24 м. Внизу фуст колонок опирался на слегка уплощенный полный шар диаметром 0,32—0,35 м. Капители колонок не сохранились. Возможно, они имели колоколовидную форму [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 89].

Хорошо сохранились две колонки, фланкирующие гишу в помещении 13. Они трехчетвертные, вырубленные в пахсовой кладке пилончиков, оштукатурены зеленой обмазкой. Колонки четырехчастные. Основанием для них служил блоковидный, более широкий внизу постамент. Сужение основания хорошо заметно со стороны ниши. Основание двухчастное — почти вертикальное в нижней половине на высоту до 0,13 м и более наклонное вверх. Высота постамент — 22—24 см, ширина — 35 см (рис. 28/2). Вторая часть — суживающийся кверху фуст с уплощенными, скругленными на углах гранями. Высота его равна 0,89 м, диаметр внизу — 0,27 м, вверху — 0,18 м. Затем идет отделенная сверху и снизу узкими желобками слабоогнутая шейка — основание капители (высота с желобками — 0,11 м). Над нею — колоколовидная капитель высотой 0,16 м, кверху она резко расширяется, достигая длины по фронту 0,23 м. Общая высота колонок — 1,38—1,4 м.

Таким образом, на Кафыркале обнаружены глиняные колонки двух типов: 1) с базой и шаром, 2) без шара со сплошным суживающимся кверху фустом.

При раскопках Аджинатена были найдены колонки нескольких типов. По углам храмовых обходных коридоров располагались декоративные колонны, высота которых равна 3,60 м. Фуст колонны постепенно суживается, идя кверху (диаметр его у основания равен 0,52 м, вверху — 0,25 м). Он имеет энтазис. Переход от фуста к капители оформлен в виде глубокого желобка. Капитель сохранилась не полностью, нижняя ее часть имеет гранено-ромбическую форму.

Иначе выглядят трехчетвертные колонки миниатюрных ступ Аджинатена. Они имеют двухчастную базу. Нижняя часть ее блоковидная, суживающаяся кверху. Над основанием — валик, отделенный от него ско-

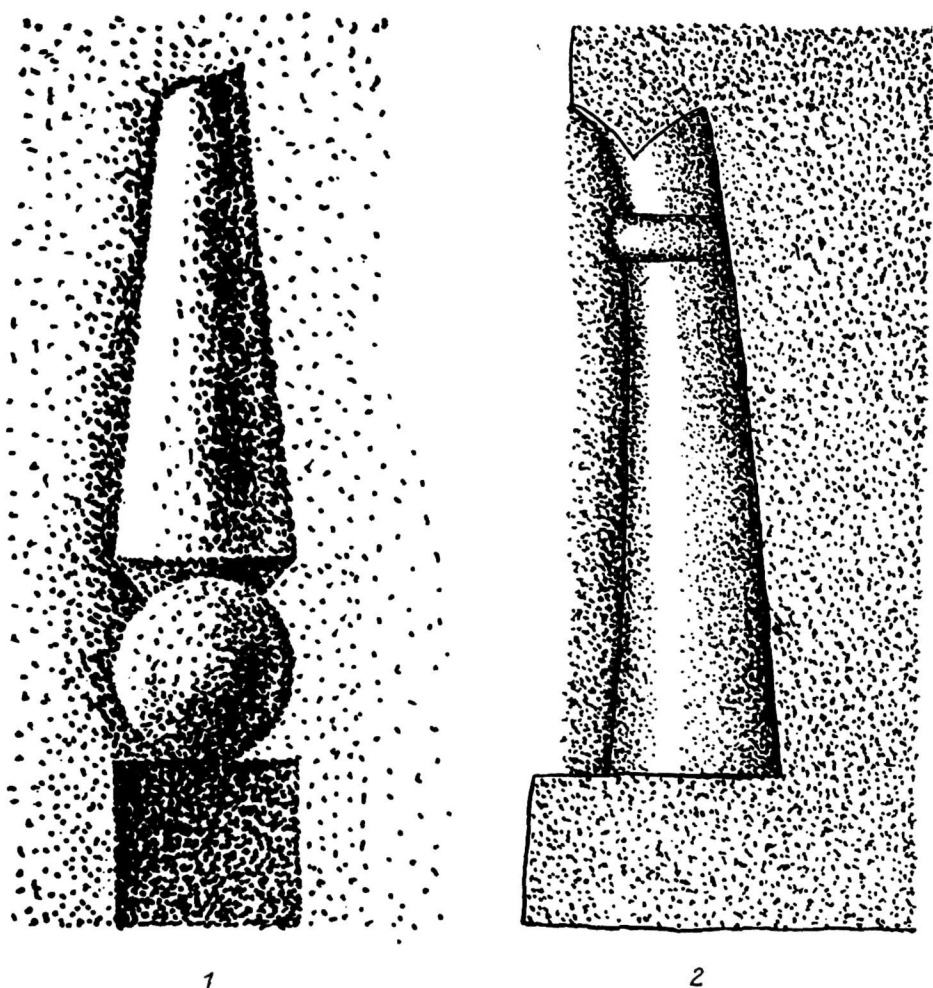

Рис. 28. Кафыркала:

- 1 — декоративная колонка ниши парадного зала в городе;
2 — декоративная колонка ниши в помещении 13 на цитадели

цией, затем следует еще один валик, после чего начинается суживающийся кверху ствол. На нем лежит валик, служащий опорой для капители, нижняя часть которой имеет форму шаровидного или грушевидного сегмента или же колоколовидно-округлую. Верхняя, широкая часть капители оформлена в виде плоской прямоугольной плиты — абаки. На Аджинатепа найдены и антропоморфные капители [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 48—49].

На Калаи-Кафирниган ниша одного из помещений (объект VI) была фланкирована с двух сторон глиняными трехчетвертными колонками. Колонка начинается на высоте 0,12 м над основанием ниши. В стенах вырезаны вертикальные желобки, которые постепенно суживаются вверх. Так как они при этом и сближаются, то и фуст ограниченной ими колонки сужается с 0,12 до 0,11 м (при высоте 0,6 м). Округлость фуста образована накладыванием штукатурки.

Колонка на алебастровой облицовке миниатюрной ступы (Аджинатепа) имеет пирамидально-блоковидное основание, на которое посажен сегментированный вытянутый шар-кувшинчик, сверху и снизу отделенный пояском. Базы пилястр были иногда в виде двухступенчатого по-стаментa [Литвинский, 1979а. с. 173].

Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль, анализируя колонки миниатюрных ступ Аджинатепа, пришли к выводу, что они однотипны или даже идентичны кафыркалинским и что они являют собой незначительно видоизмененную копию реально существовавшей в Тохаристане колонны.

Этот вывод подтвердился при изучении недавно обнаруженной, первой на юге Таджикистана, почти целиком сохранившейся раннесредневековой деревянной колонны на Калаи-Кафирниган. Длина колонны без капители равна 3,30 м. В нижней части сохранилось частично яблоко-«кузаги» диаметром около 0,44 м. Яблоко плавно переходит в шейку-утопление диаметром 0,25 м. Фуст в нижней части имеет диаметр 0,44 м, идя вверх, он резко утолщается. Верхняя часть шейки и основание фуста расчленены вертикальными, суживающимися книзу желобками. Колонна украшена двумя орнаментальными поясами [Литвинский, 1979а, с. 169—170].

Та же картина и в Согде. Базы глиняных колонок в Пенджикенте были двух типов: 1) блоковидно-пирамидальные, 2) состоящие из постамента (плинт), переходящего в усеченный конус, и кувшинчика, отделенного от плинта и ствола поясками [Воронина, 1953а, с. 125—126; Воронина, 1957б, с. 137, рис. 21]. Базы второго типа почти в точности повторяют один из типов базы пенджикентских деревянных колонн.

Очевидно, конструктивными являлись колонны, пахсовые основания которых были обнаружены на Кафыркале в парадном зале жилого дома в городе. Сами колонны не сохранились. Они, видимо, были деревянными. Форма основания колонны напоминает четырехлопастные столбы квадратного зала Старой Нисы. Здесь радиус каждой полуколонны равен 40,8 см. Они сложены из лекальных обожженных кирпичей на трехсантиметровом слое алебастрового раствора; поверхность их гладко подшлифована [Пугаченкова, 1949, с. 203—204, 209]. Конечно, сходство оснований кафыркалинских колонн с псидийскими весьма приблизительное, тем не менее в обоих случаях мы имеем четырехлопастное в плане сооружение. Вероятно, основание кафыркалинской колонны следует рассматривать как сильно трансформированную античную конструкцию.

В целом находки частей колонн и иконографические материалы [Воронина, 1972, с. 190—191; Воронина, 1973, с. 150—164; Воронина, 1977а, с. 6 и сл.] показывают, что тохаристанская колонна состояла из тех же элементов, что и согдийская. По существу, это очень близкие типы или даже варианты колонн. Их последующее развитие, очевидно, проходило параллельно. Об этом наглядно свидетельствуют ордера народной архитектуры Таджикистана, в которых наряду с отличиями имеется много общего. [Пугаченкова, 1950; Воронина, 1959а; Воронина, 1972 и др.].

Очаги на Кафыркале были двух типов: пристенные и напольные. К первому типу относится крупный очаг в дворцовом помещении 3. Он примыкает к середине восточной стены и стоит на специальном постаменте — суфе. Сегментовидная топчанная камера, открытая внутрь зала, имеет глубину 56 см и внутреннюю хорду по фронту 95 см. Толщина обвода этой топки — 26—27 см, выступание наружу — 45 см. Снаружи стенки топки вертикальные, плоские. Высота сохранившейся их части — 90 см.

По бокам топчанная камера фланкирована небольшими пилончиками, стоящими на подставках. Поверхность топчанной камеры (незначительно нависающая сверху) сильно прокалена. Около очага был найден фрагмент рельефного валика, выполненного в двухслойной скульптурной технике. Очаг, видимо, был украшен сверху аркой, рельефный валик мог быть частью ее архивольта. Внутри очага находились угли и зола (рис. 29).

Для реконструкции кафыркалинского очага можно привлечь домашние очаги-алтари из Пенджикента, которые иногда имеют лучшую сохранность. Они представляли собой пристенные ниши, перекрытые арочками, которые опирались на две колонки, фланкирующие нишу с двух сторон. В. Л. Воронина полагает, что внешняя арочка могла быть дере-

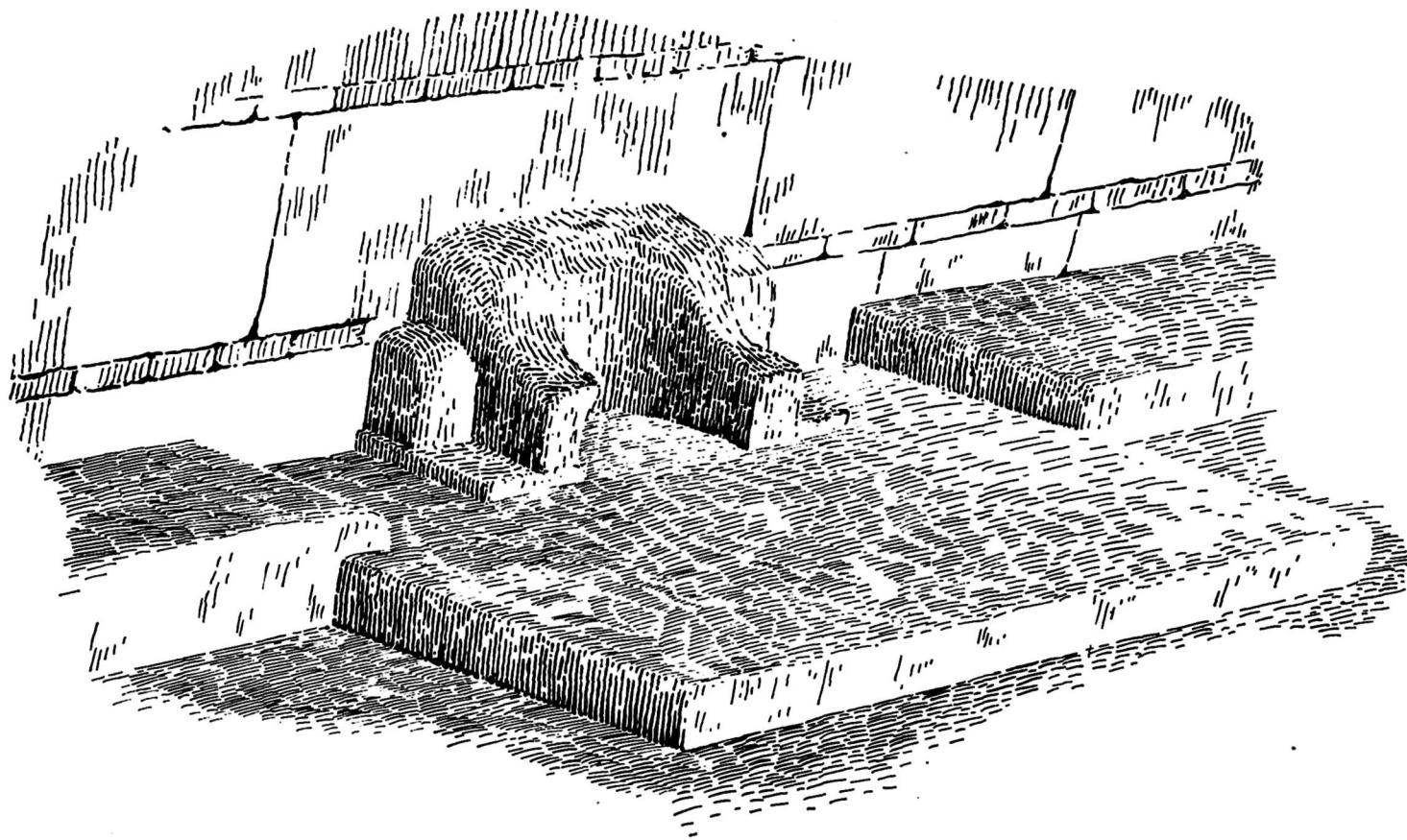

Рис. 29. Кафыркала. Цитадель. Очаг в помещении 3

вянной, обмазанной глиной. Дуга внутренней арки одного из очагов-алтарей была обрамлена валиком [Воронина, 19586, с. 68—70]. Обломок похожего валика найден около кафыркалинского очага. Деревянные колонки алтарных ниш найдены на верхнем Зеравшане Ю. Якубовым.

Очень много очагов, в том числе и каминного типа, найдено при раскопках Гардони-Хисар. Ю. Якубов рассмотрел вопрос об их типологии и классифицировал обнаруженные им очаги, выделив шесть типов. Очаги типа 2 отчасти напоминают очаги «ошдони-бозудор», встречающиеся в жилищах горных таджиков Зеравшана. Однако этнографические очаги — двухъярусные: внизу варили пищу, сверху пекли лепешки. В отличие от них очаги типа 2 Гардони-Хисар не имеют верхнего яруса, а нижняя часть состоит из двух небольших выступов, где даже нельзя поставить котел. Ю. Якубов полагает, что это очаги-алтари. В холодное время года с помощью такого очага отапливали помещение. Возможно, подобного рода очаги были также связаны с культом огня [Якубов, 1975, с. 149, рис. 2/2]. В помещении 12 дворца Гардони-Хисар имеется алтарь в виде неглубокой ниши, поставленный впрытик к стене. Собственно очаг ковшеобразный, с бортиком. У стены по сторонам очага — выступы-пилоны из сырцового кирпича шириной 0,25 м. Они образовывали арочную нишу, в нижней части которой есть маленькая ступенька. Алтарь стоит на небольшой суфе (2×1,10 м, высота — 16 см) [Якубов, 1977, с. 133—134, рис. 32]³⁵.

Еще более близкую аналогию дает городище Кум (раскопки Ю. Якубова) — мы имеем в виду святилище в доме 15. Оно прямоугольное (4×5 м), вдоль восточной, западной и северной стен шла суфа. «Северная суфа в центре имеет расширенное место для почетных гостей. На противоположной стороне к южной стене из кирпича-сырца размером 50×25×10 см пристроена алтарная ниша шириной 65 см, глубиной 32 см. Верхняя часть алтаря не сохранилась, а в основании ниша прямоугольная. Перед нишей на суфе имеется подковообразный очаг (0,75×0,70 м) с невысокими глиняными бортиками — „таштак“, где горел „священный огонь“. Внутри таштака было много золы, причем она лежит слоями. Внутри алтарной ниши имеются глиняные колонны на глиняных базах» [Якубов, 1983, с. 161—162]. В этом случае совпадает и общая схема планировки помещения.

На Калаи-Кафирниган при раскопках буддийского храма в помещении 14 (келья) расчищен крупный пристенный очаг. Очажная ниша по бокам замкнута пилонами, которые по полу соединены прямоугольно-округлым бортиком (округлость — впереди), выступающим на 0,65 м от стены. Пилоны шире бортика, их фронтальные стенки не вертикальные, а отклоняются назад. Пилоны были объединены аркой, так что очаг был арочным. Его ширина по фронту — 0,80 м, высота ниши — 0,5 м. Этот очаг имел, очевидно, отопительное назначение.

В жилых помещениях раннесредневековых буддийских пещерных монастырей в Восточном Туркестане часто имелись обогревательные устройства — камины. Так, в помещении С комплекса А «Пещеры с каминном» у дверного проема находится П-образный выступ камина; его размеры — 1,10 м (по фронту) и 0,66 м (в глубину). Камин построен на низкой прямоугольной площадке, возвышающейся над полом. Устои камина оформлены в виде двухъярусных пилонов. Между устоями — глубокое арочное нишевидное углубление [Grünwedel, 1912, фиг. 87, 95]. Камин пещеры второй группы Мингоя близ Кызыла расположен в планировочном отношении аналогично. Камин стоит на постаменте высотой 0,30 м, шириной 1,1 м. Устои камина — в виде двухъярусных пилонов. Между устоями — ниша. Внутри ее, на уровне верхних пилонов, вторая арка — она подковообразная, килевидная [Grünwedel, 1912, фиг. 389].

Такого рода пристенные и внутривстенные каминные сохранились в среднеазиатском народном жилище до современности. Учитывая все это, имеет смысл остановиться на вопросе об их генезисе.

В Хорезме, на Гяуркале, в зале I в. н. э., в середине одной из стен расположена очажная ниша (ширина — 0,78 м, высота — 1,10 м, глубина — 0,15 м). Ниша перекрыта двойной аркой, края внешней арки несколько выступают из плоскости стены. Они покрыты глиняной обмазкой, которая у основания ниши образовывала два спиральных завитка. Ниша врезана в стену над примыкающим к ней прямоугольным постаментом-вымошкой (2×1 м, при высоте 0,6 м); по верхнему краю проходит нависающий карниз. Ниша обожжена, на поверхности вымошки и на полу следы огня [Рапопорт, Трудновская, 1958, с. 359, рис. 6]. Ю. А. Рапопорт предполагает, что аналогичная ниша-экран с вымошкой перед ней была в помещении № 8 дворца на Калалыгыре [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 147], следовательно, это устройство было известно в Хорезме уже в V в. до н. э.

В помещениях топраккалинского дворца имеются однотипные пристенные устройства для установки переносных очагов. «Это очень неглубокие ниши со слегка скругленной обмазкой, которая прокалена. Ниши обрамлены декоративными порталами, опирающимися на невысокие вымошки-площадки». Такого рода «камины», но значительно более крупные (реконструируемая высота — свыше 3 м), были в залах, которые являлись, очевидно, святилищами. «Камины» в таких залах, как и в части других помещений, — это алтари [Рапопорт, 1981, с. 236—237]³⁸. Здесь характерно наличие площадки-вымошки (которая есть и на Кафыркале). Помимо утопленных в стену «каминов» на Топраккале, как нам любезно сообщил Ю. А. Рапопорт, встретился «камин» с выступающими за плоскость стены пилончиками, абсолютно аналогичный кафыркалинскому.

В Согде история этих очагов начинается позже, примерно с начала нашей эры. К этому времени относится алтарь-жертвенник, открытый на Афрасиабе. Перед стеной здесь имеется прямоугольная площадка-вымошка. На площадке впритык к стене — полуовальная терракотовая плита, другая такая же плита вмазана в стену. Перед площадкой сохранились следы деревянных колонок. А. И. Тереножкин полагал, что это алтарь огня (см. [Ремпель, 1953, с. 27—28, рис. 2—3; Шишкин, 1961, с. 39, рис. 3, Абдуразаков и др., 1971, с. 49—50]).

В Бактрии крупные камины известны уже на Ай-Ханум [Bernard, 1973, табл. 81b, 83b, 84a, b], но они представляют отдельно стоящие устройства. В Северной Бактрии пристенные и внутрестенные камины становятся обычными в кушанское время.

На Хирмантепа в помещении I имеется глубокий каминообразный очаг. Он имеет вид вырубленной в толще стены ниши высотой 0,55 м, глубиной до 0,4 м, с довольно глубоким сводиком. Дно ниши на 0,15 м выше пола помещения. Перед очажной нишей к стене помещения приставлена невысокая (0,2 м) прямоугольная пахсовая площадка (0,25×0,6 м). В ней вырублено небольшое углубление, являющееся продолжением дна ниши (заполнено золой). Таким образом, перед очажной нишей имеется как бы П-образная невысокая оградка. Стенки ниши обожжены и сильно закопчены. В помещении II — аналогичный, но более крупный очаг: ширина очажной ниши (внизу) — 0,65 м, глубина — 0,4 м, высота — около 1 м; размеры П-образной оградки — 1,2×0,55 м. Хронологически это II—III вв. [Литвинский, Седов, 1983, с. 62].

Похожий очаг был вскрыт на городище Кейкобадшах [Мандельштам, 1954, с. 63]. Подобные ниши-очаги имеются также в Беграме III [Ghirshman, 1946, с. 36—37, рис. 7].

Таким образом, этот тип отопительных устройств имел в Средней Азии древний генезис и окончательно сложился в кушанское время. Позже, в эпоху раннего средневековья для них характерно разнообразие форм и широкое распространение. Эти каминообразные очаги были бытовыми, а в некоторых случаях — ритуальными. К числу последних относится и кафыркалинский очаг. Такие очаги продолжают бытовать и позднее и доживают в народном жилье до современности.

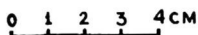

Рис. 30. Кафыркала. Цитадель. Фрагмент капители глиняной декоративной колонки

Отметим еще, что в домах знатных согдийцев Пенджикента пол домашней «капеллы» с алтарем был на несколько более высоком уровне, чем у зала и коридора [Беленицкий, Маршак, 1976а, с. 75]. На Кафыркале домашняя «капелла» была внесена в парадный зал, причем алтарь здесь приподнят над полом зала, который, в свою очередь, был выше пола окружающего коридора.

Из напольных очагов наиболее интересен очаг, расчищенный в северном обходном коридоре на цитадели. Он представляет собой круглую конусовидную паховую лепешку, диаметр основания которой равен 0,68 м, диаметр верхней плоскости — 0,55 м, высота — 0,20 м. Верхняя плоскость имеет незначительное углубление, в котором разводился огонь. Этот очаг занимал все пространство коридора между суфами.

Остальные очаги второго типа представляют собой простое углубление в полу. Напольные очаги на Кафыркале, видимо, служили для обогрева помещений и приготовления пищи.

Архитектурный декор дошел до нас во фрагментах, но даже они свидетельствуют о его былом богатстве. Состоял он из глиняных архитектурных деталей и рельефов, настенной живописи. Рельефы изготавливались из обычной глины, детали их прорабатывались подрезкой. Сверху они покрывались тонким, миллиметровым слоем скульптурного теста — тонкотмученной, пластичной глины. Два рельефа и крупный (20×15 см) фрагмент капители были обнаружены внутри «сегментного выступа», заполняющего северо-восточный угол цитадели.

1. Капитель имела круглое плоское основание. Переход от основания к средней части осуществлялся при помощи валика шириной 3 см, поверхность которого покрыта ромбической насечкой. Средняя часть капители округлая, расширяющаяся кверху. Она украшена вырезанными в глине листьями, среди которых проглядывают круглые, тоже вырезан-

ные в глине, виноградные ягоды, собранные в тугую гроздь. Венчающая часть капители отбита (рис. 30).

Капитель своей формой и деталями декора напоминает образцы деревянных капителей и резного дерева вообще. Ромбическая насечка и виноградная лоза — элементы, которые часто встречаются в растительных сюжетах резьбы по дереву. Так, в резном дереве Калаи-Кафирниган основным мотивом является виноградная лоза со свисающими кистями винограда. Встречается этот мотив на памятниках резного дерева, найденных и в других областях Средней Азии [Воронина, 1959б, с. 116—128, рис. 15—22; Беленицкий, 1973, табл. 65; Негматов и др., 1973, с. 60—69, рис. 32—35]. Мотив виноградной лозы был популярен и в резном штуче [Шишкин, 1963, с. 170; Baltrusaitis, 1967, с. 614, фиг. 193; Harper, 1978, с. 116, фиг. 49].

2. От первого рельефа сохранился небольшой фрагмент (21×18 см) в виде диска и небольшой тяги. Рельеф сделан высоким — 3 см при общей толщине фрагмента 9 см. Диск имеет диаметр около 16 см. На его лицевой стороне вырезано изображение геральдического креста, образованного четырьмя равнобедренными треугольниками, которые соединены вершинами. Высота треугольников равна 5 см, ширина основания — 4,5 см. В том месте, где вершины треугольников сходятся, располагается круглое углубление диаметром 2 см (табл. 15/1).

С одной стороны диск ограничивает продольная тяга, имеющая в сечении пирамидальную форму. Ширина основания тяги равна 3,5 см, ширина верхней плоскости — 1,8 см. По такой тяге, очевидно, располагалось и вдоль противоположных сторон диска. Тяги, видимо, разграничивали весь рельеф на отдельные ярусы-зоны, так же как на трехъярусном сырцовом декоративном фризе из дворца пенджикентских правителей на цитадели [Беленицкий и др., 1977, с. 157—158], как на двухъярусном панно, расчищенном на стене парадного айвана городища Отуз-Адыр в Южной Киргизии [Кожемяко, 1970, с. 40—41]. Причем на обоих панно есть рельефные диски: на пенджикентских дисках вырезано три равнобедренных треугольника, сходящихся вершинами; на дисках из Отуз-Адыра, как и на кафыркалинских, они образуют кресты.

Такие же или похожие диски найдены при раскопках замка Актепе ташкентского [Теревожкин, 1950б, рис. 69, XXI—20], на городище Ках-каха I в Шахристане [Сергин, 1966, с. 56, рис. 9/9], в Акбешиме [Гызласов, 1958, с. 153, рис. 1], в Таразе (Сенигова, 1972, с. 61, рис. 9). Они были как обожженные, так и необожженные, а изображения крестов на них — рельефные и горельефные. Фризы с дисками украшали внешние фасады стен парадных построек и их интерьеры³⁷.

3. Второй фрагмент рельефа значительно крупнее (50×30×10 см). Глубина резьбы — 3 см. Сохранилось изображение диска, заключенного внутрь полумесяца, и часть лепты, которая охватывала их с боков. Диаметр диска — 20—23 см. Максимальная ширина полумесяца равна 5,5 см. Максимальная ширина лепты — 14 см (табл. 15/2). Сверху эти изображения ограничены пирамидальным валиком, ширина которого у основания равна 4 см, сверху — 2 см. Лента складчатая, детали ее вырезаны в глине. Она состоит из треугольной, расширяющейся кверху части, с тремя продольно-радиальными желобками на поверхности, наиболее широкая часть треугольника — поперечно-рельефная (три уступа), затем лепта двумя ступеньками суживается и в центре торца — закругляется. Лента сохранилась лишь с одной стороны.

Можно указать на несколько в той или иной степени близких аналогий.

На крышке одного токкалинского оссуария, в центре, есть изображение, выполненное по той же схеме, что и кафыркалинский рельеф. Ленты переданы вытянутыми треугольниками, имеющими прямые грани [Гудкова, 1964, рис. 32]. В росписи на другом токкалинском оссуарии сцена оплакивания покойника развертывается на фоне архитектурного соору-

жения, в центре которого прямоугольная дверь («врата»), а над ней — охватывающий диск полумесяц и по его сторонам — пальметты (а не ленты) [Гудкова, 1964, рис. 27].

На крышке третьего токкалинского оссуария, над каким-то схематизированным архитектурным изображением (ворота крепостной стены?) — полумесяц, в который заключено три диска; снаружи и снизу он охвачен двумя парами изогнутых лент [Гудкова, 1968, с. 219, рис. 4/2].

На бартымской чаше (надпись на которой и иконографические особенности позволяют предполагать ее датировку VIII в., а также ее хорезмское происхождение) имеется изображение оссуария, стоящего на львином троне, под балдахином. Над крышкой оссуария показан заключенный в полумесяц диск, под полумесяцем — горизонтально расходящиеся (а не охватывающие полумесяц, как на Кафыркале) ленты [Бадер, 1952, рис. 4; Бадер, Смирнов, 1954, с. 15—17, рис. 6; Даркевич, 1976, с. 17—18, рис. 26/6—7].

В Таки-Бустане подобный рельеф располагается над вершиной арки большой арочной ниши. Рельеф состоит из гладкого полумесяца, под которым, соприкасаясь в центре, отходят в стороны две ленты, изогнутые по длине и резко расширяющиеся к плоско обрезанным концам. Поле в расширенной части поперечно-рифленое, сужающаяся нижняя часть рассечена на участки поперечными желобками, каждый участок покрыт продольно-волнистыми штрихами [Fukai, Horiuchi, 1969, табл. V, XIII, XVI].

Таким образом, членение лент в Таки-Бустане (V в.) более мелкое и разработанное, но схема разделки примерно одинакова с кафыркалинской. Своими плоскими концами эти ленты отличаются от лент Кафыркалы, сужающихся с двух сторон уступами. Кроме того, такибустанский рельеф не содержит диска.

Некоторые детали, например трехчастное членение концов лент, находят аналогию в декоре сасанидского дворца в Кише [Combaz, 1937a, с. 176; Combaz, 1937b, табл. 121]. Концы лент аналогично изображены над аркой в гроте I Бамиана, имеют выпуклость в центре [Tarzi, 1977, т. 1, с. 95, т. 2, табл. D 43/a], это напоминает завершение лент кафыркалинского рельефа.

Указанные выше аналогии очерчивают хронологические пределы существования этого изобразительного мотива — V—VIII вв. Такая датировка может быть подкреплена ссылкой на сочетание диска с полумесяцем при наличии внизу ленточного обрамления в царских коронах на монетах Кавада I, Хосрова I и Хосрова II [Göbl, 1971, табл. X—XII] (см. также [Erdmann, 1951]), хронологически это конец V — начало VII в.

Семантикой этого изобразительного мотива в связи с бартымской чашей и токкалинскими оссуариями занимался Ю. А. Рапопорт. Ему удалось показать, что это изображение отражает символику, связанную с Анахитой. Вместе с тем он раскрывает семантику сцены на бартымской чаше на основании сообщения письменного источника о том, что в ташкентском владении совершают поминальные обряды перед поставленной на троне урной с пеплом сожженных костей покойных родителей правителя (царя), причем детали этого сообщения указывают на связь с земледельческим культом [Рапопорт, 1971, с. 106—115]. Эти две интерпретации не противоречат, а дополняют друг друга. Царская власть, по представлениям древних иранцев, находилась в тесной связи с могуществом Анахиты, что нашло отражение в сценах инвеституры в сасанидской иконографии.

Описанный выше таки-бустанский рельеф венчает нишу с изображением царя. Бесспорно также близкое сходство анализируемого изобразительного блока с одним из элементов на коронах некоторых сасанидских царей. Поэтому заслуживает внимания предположение З. Тарзи, считающего, что (вне зависимости от первоначальной семантики) в сасанидское время в Иране, Афганистане, а также в Центральной Азии этот изо-

бразительный блок имел значение царской эмблемы [Tarzi, 1973; Tarzi, 1977, т. 1, с. 96].

Принимая во внимание наличие отдельных элементов этой эмблемы на эфталитских монетах [Göbl, 1967, т. 3, табл. VIII, X, XI], а также стратиграфические соображения, можно предполагать, что кафыркалинский рельеф относится к эфталитскому периоду. К сожалению, он найден не *in situ*, а это в некоторой мере затрудняет его интерпретацию. Вероятно, на нем воплощены символы царской власти. Косвенно в пользу такого мнения свидетельствует тот факт, что рельеф найден во дворце.

4. Полукруглые выступы, располагающиеся примерно в середине куртин внешних стен цитадели, были украшены, видимо, многоярусными рельефами, от которых на одном из них остался пояс орнамента шириной 22 см. Орнамент представляет собой комбинацию из горизонтальных, находящихся друг на друга S-образных элементов, ограниченных сверху и снизу рельефными жгутами. Эти образующие мотив элементы напоминают собой меандр (рис. 32).

5. Настенная живопись в декоре дворцовых помещений Кафыркалы применялась мало. Ею были расписаны лишь стены, своды и купол буддийской часовни; незначительные остатки живописи обнаружены на одной из стен помещения 24 и в завале помещения 34. Этот факт, конечно, не свидетельствует о том, что здесь не было опытных художников. Дело, очевидно, в том, что декор кафыркалинских дворцовых помещений отличался от декора дворцов Варахши, Пенджикента и Шахристана, где настенной живописью были украшены почти все основные парадные помещения; на Кафыркале, возможно, стены и ниши украшались цветными коврами, которые до нас не дошли.

Хотя резное дерево использовалось для украшения помещений в Северном Тохаристане, на Кафыркале оно пока не обнаружено, отсутствует здесь и резной ганч. Это еще одна особенность декора кафыркалинских построек, которая отличает его от декора указанных дворцов.

ФОРТИФИКАЦИЯ

Оборонительные сооружения древних городов были очень тесно связаны с топографическими условиями. Поскольку Кафыркала расположена на ровной местности, все ее оборонительные сооружения приходилось возводить искусственным путем. От фортификаторов требовалось создание достаточно надежных долговременных укреплений, способных успешно противостоять как стремительным атакам, так и длительной осаде [Шперк, 1940, с. 5]. Эта задача была успешно решена путем возведения нескольких линий глубоко эшелонированной обороны.

Сейчас невозможно установить, был ли окружен пригород стеной или нет, так как рельеф местности вокруг городища за двенадцать веков сильно изменился. Если такая стена имелась, то она являлась первой линией обороны. Город с цитаделью был укреплен очень сильно. Со всех сторон квадратный массив, образованный ими, был опоясан мощным ровом шириной около 57 м, глубиной 5 м, который наполнялся водой.

Этот ров являлся передовой линией обороны на подступах к стенам города и цитадели. При нападении на город и цитадель мосты, связывающие их с внешним миром, могли быть легко уничтожены и неприятелю ничего не оставалось, как форсировать ров, который представлял серьезное препятствие, потому что был сильно заболочен. Нужно полагать, что защитники при этом всячески препятствовали форсированию рва.

Если противнику все же удавалось его преодолеть, то бой разворачивался у городских стен и у внешних стен цитадели. Перед цитаделью и городом находились предстенные оборонительные сооружения — протейхизмы. Остановимся на них подробнее. У северного и восточного фасадов цитадели были насыпаны специальные лессовые площадки шириной 11 —

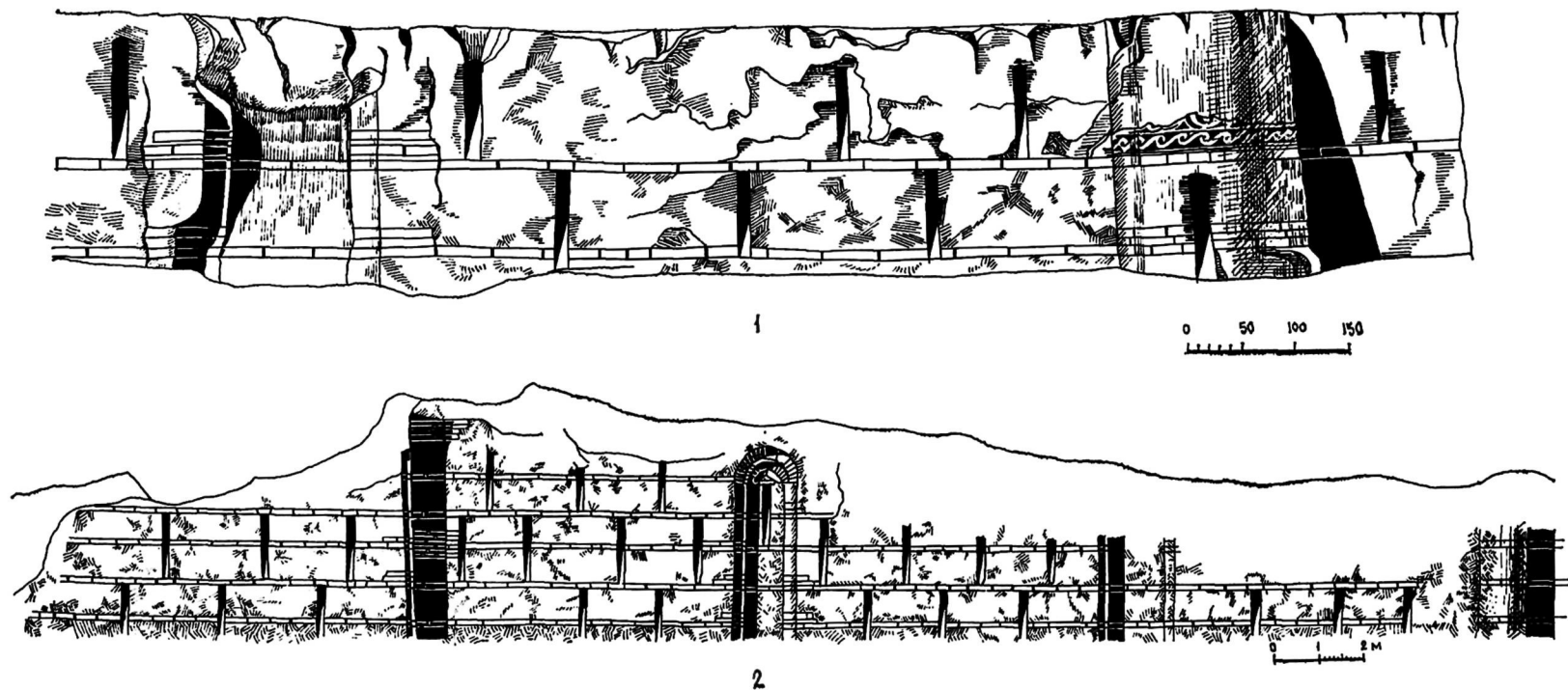

Рис. 31. Кафыркала. Цитадель:
 1 — северный фасад оборонительной стены; 2 — восточный фасад оборонительной стены

14 м, высотой около 4,5–6 м. На них параллельно стенам поставлены протейхизмы. Одна из них, идущая вдоль северного фасада, частично вскрыта. Толщина ее — около 1 м, сохранившаяся высота — 3,8 м; ширина пространства между стеной и протейхизмой равна 2,88 м. Протейхизмы, идущие вдоль городских стен, были поставлены на утрамбованный грунт. Высота их была около 2,5 м, толщина у основания — 2,5 м, верху — 0,5 м. Ширина пространства между протейхизмой и башней равна 1,96 м, между протейхизмой и основной стеной — 4,82 м.

Узкое пространство между стеной и протейхизмой являлось своеобразной ловушкой для нападающих, которые, попав в узкое замкнутое пространство, становились хорошей мишенью для обороняющихся [Кошеленко, Усманова, 1964, с. 36–37]. Протейхизмы были как одпорядные, так и двухрядные (см., например, [Гриневич, 1952, с. 112]). Некоторые исследователи полагают, что в Средней Азии они появились в V в. [Булатова и др., 1973, с. 126]. Однако Г. А. Пугаченкова считает протейхизмами выступы вдоль степ античных памятников Северной Бактрии: Карабаг-тепа и Кейкобадшаха [Пугаченкова, 1966, с. 135]. Протейхизмы, по нашему мнению, были и на Кухпакале [Литвинский, 1956а; Литвинский, 1956б]. В Хорезме они также появились в античное время [Воробьева и др., 1963, с. 190].

Так как на Кафыркале протейхизмы имели небольшую толщину, они не могли быть серьезным препятствием для таранов. Для борьбы же с пехотой они были достаточно эффективными. Уровень пола в межстенных коридорах на цитадели и в городе неоднократно менялся. Когда они стали совсем неглубокими, низ северной, основной стены цитадели прикрыли кирпичным щитом, а у западной городской стены на одном участке соорудили дополнительный бруствер.

Стены цитадели стоят на мощном пахсовом цоколе высотой 4 м. Внешняя поверхность цоколя отклонена от вертикали внутрь на 19°, т. е. цоколь имеет усеченно-пирамидальную форму. Пахса, на которой сооружен цоколь, очень плотная, и, несмотря на то что она не прорезана специальными швами, трещин в ней нет. У его основания сделана выкружка; для отвода дождевых вод от цоколя поверхность пола в межстенном коридоре сделана наклонной.

Крепостные стены являются для города и цитадели основной линией обороны. Внешние стены цитадели сложены из пахсовых блоков высотой 0,75–0,8 м, длиной 1,5–1,6 м. На отдельных участках пахсовая кладка заменена кирпичной. По горизонтали блоки отделены друг от друга строчками сырцовых кирпичей. Длина куртины северной стены — 44,6 м, восточной — 48,4 м. Наружный фас стены отклоняется от вертикали на 7°. Обе стены оформлены одинаково. Примерно в середине каждой куртины — полукруглый сегментный выступ, имитирующий башню. Он имеет по фронту ширину 1,9 м, выступание наружу — 0,6 м (рис. 31–32). Возможно, сверху на этих выступах располагались машикули — как в замке, изображенном на Аниковском блюде³⁸. Выступы снабжены в верхней, ныне сохранившейся части пояском рельефной орнаментации шириной 22 см в виде горизонтальных, находящихся друг на друга S-образных элементов, ограниченных сверху и снизу рельефными жгутами. Рельеф был в несколько ярусов. Выше сохранились следы продолжения орнамента.

В промежутках между угловыми башнями и выступом располагалось по две уступчатых ниши. На северной стороне наружная большая ниша имеет по фронту ширину 1,65 м, внутренняя — 1,15 м, глубина соответственно равна 0,26 и 0,38 м. Высота ниш — около 3,7 м. Щипцовая их плоскость вверху вертикальная, внизу она скошена и выходит заподлицо со стеной. Идя кверху, ниши суживаются. Вверху, в щипце ниш находятся ложные стреловидные бойницы (табл. 16–17).

Лучше сохранилась южная ниша восточного фаса цитадели. Ее полная высота — около 3,7 м. Она резко суживается снизу вверх (с 153,5 до 102,5 см) и вверху имеет арочное завершение. Арка клинчатая, в полтора

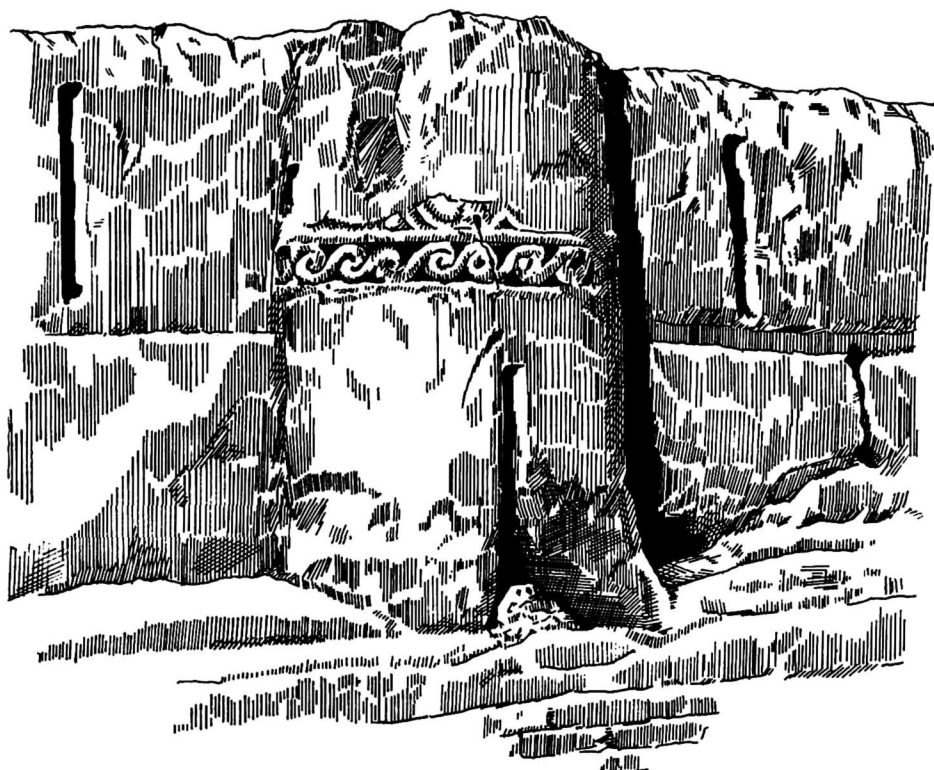

Рис. 32. Кафыркала. Цитадель. Полукруглый выступ в центре северного фаса оборонительной стены

обката, с очень толстыми швами-прокладками. В щипцовой стене ниши — декоративная стреловидная бойница. Вертикальный ствол ее высотой 1,5 м имеет вид шва (шириной до 15 см, глубиной до 30 см). Сверху на паховое основание положены под углом два кирпича — таким образом, что они образуют треугольник (табл. 16). Первоначально пространство между ними имело глубину свыше 50 см, причем кирпичи были изнутри оштукатурены. Затем на основание были положены друг на друга три кирпича, так что треугольная нишка стала мельче (25 см), новая поверхность была покрыта плотной темной штукатуркой. Арка охватывает полукольцом этот треугольник, играя, очевидно, для него роль защитного кожуха.

Участки стен между нишами рассечены щелевидными ложными бойницами (табл. 17). Стена на уровне валганга имеет толщину до 4,8 м [Литвинский, Зеймалъ Т. И., 1973, с. 160—163]. Она состоит из двух плотно приставленных одна к другой стен — первоначальной, основной (2,75 м), и дополнительной (2,05 м). Дополнительная стена понадобилась для расширения валганга, так как он был вначале узким; коридоры галерей, идущие вдоль северной и восточной стен цитадели, стали соответственно уже на 2,05 м. От вертикали стены отклоняются внутрь на 7°.

Для архитектуры Средней Азии периода раннего средневековья исследователи насчитывают несколько типов комбинированной кладки стен. Принимая их общую идею относительно ее прочности, следует отметить, что В. Л. Воронина и В. А. Нильсен имеют в виду гражданскую архитектуру. Комбинированная кладка крепостных стен цитадели Кафыркалы, очевидно, служила еще и для противодействия ударам таранов: такая кладка обладала амортизационными свойствами, «работающими» как по вертикали, так и по горизонтали. Ведь еще древние полиоркетники указы-

вали на то, что кирпич благодаря своей мягкости ослабляет удар [Мишулин, 1940, с. 399]. Получавшийся при комбинированной кладке декоративный эффект — следствие данного строительного приема, игравшее, очевидно, второстепенную роль³⁹.

Бойницы, врезанные снаружи в толщу крепостных стен цитадели, все — ложные⁴⁰. Те из них, которые располагались между нишами в шахматном порядке, представляли собой щель шириной 11–12 см, высотой 1,5–1,6 м. Расстояние между ними — 1,5–1,7 м. Щипцовая стенка бойниц не вертикальная, а скошенная: сверху бойница глубокая (27–47 см), книзу она выклинивается (рис. 31/2; табл. 17). Бойницы, находящиеся в щипцовой стенке ниш, состоят из вертикальной щели высотой 1,5 м, шириной до 15 см, глубиной 30 см, со стреловидными завершениями, образованными двумя наклонными кирпичами (ширина основания образовавшегося треугольника — 60 см, высота — 30 см) (табл. 16)⁴¹.

Эти бойницы, играя «психологическую» роль, имели, видимо, и чисто утилитарное назначение — предотвращали пахсовые блоки от растрескивания: по высоте они прорезают два блока.

Первоначально «стрела» бойницы имела глубину около 50 см, затем ее заложили тремя положенными друг на друга кирпичами и она стала наполовину мельче — 25 см. Сверху бойницы перекрыты клинчатыми арочками в полтора обката [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973, с. 162].

Эти бойницы по внешнему виду аналогичны стреловидным боевым бойницам более древних памятников Средней Азии. С. П. Толстов полагал, что стреловидные боевые бойницы характерны для памятников досасанидской эпохи [Толстов, 1948, с. 90]. Однако это, видимо, не совсем так. На примере афригидской Беркуткалы [Неразик, 1966, с. 56], замка Калаиболо в Исфахе [Давидович, Литвинский, 1955, с. 84; Давидович, 1958, с. 78], тохаристанской Мугкалы [Пугаченкова, 1976, с. 160] и цитадели Кафыркалы можно убедиться в том, что в ряде областей (исключением был Согд) (см. об этом [Беленицкий и др., 1979, с. 265]) они все же доживают до раннего средневековья как в виде боевых элементов крепостных сооружений, так и в виде «рудиментов»⁴².

Стреловидное завершение имели бойницы некоторых ваханских крепостей на Памире, которые датируются очень широко — от III в. до н. э. до VI–VII вв. н. э.⁴³. Интересно, что арочки, располагающиеся над стреловидными бойницами цитадели, очень похожи на арочки одной из стен ваханской крепости Кахкаха, также огибающие стреловидные бойницы снаружи. Поскольку ранее исследователи отмечали сходство орнамента на этой стене крепости Кахкаха с позднесасанидской традицией, то теперь, после раскопок цитадели Кафыркалы, можно говорить более определенно о датировке отдельных частей памирской крепости, это VI–VII вв. — время, которым датируется сооружение цитадели Кафыркалы.

Что касается самих ниш, в щипце которых располагались ложные стреловидные бойницы, то они имитируют ниши, способствующие повышению маневренности прицела стрелков [Воронина, 1964б, с. 43].

Очень похожие уступчатые ниши с боевыми бойницами прорезали снаружи стены замка Зангтепе в Узбекистане [Альбаум, 1963, с. 73–83; Альбаум, 1965, с. 98; Нильсен, 1966, с. 163–172]. Иногда ниши располагались с внутренней стороны стен.

Кафыркалинские ниши со стреловидными бойницами внешне очень сильно напоминали боевое сочетание ниша—бойница. Щелевидные ложные бойницы, располагающиеся между нишами, похожи своим устройством на боевые бойницы для павесного боя. Таким образом, они, очевидно, создавали у неприятеля полную иллюзию боевых элементов [Пугаченкова, 1958а, с. 52].

В ранней городской стене Пенджикента бойницы располагались в три ряда. При этом на две ложные бойницы приходилась одна боевая. Этот факт свидетельствует, очевидно, не только о стремлении создать у нападающих иллюзию наличия большого количества защитников, но и фикси-

рует один из промежуточных этапов переноса боевых бойниц на гребень стены^{43а}.

Реально же оборона цитадели осуществлялась из-за кирпичного бруствера, идущего по внешнему краю стен и башен. К сожалению, сохранился он лишь на отдельных участках стен. Толщина бруствера достигала 50 см; сохранившаяся высота равна 52 см. Сооружение бруствера, видимо, древнейший фортификационный прием, который был призван активизировать оборону. В античный период в Средней Азии он применялся довольно часто. В средние века и до XIX в. бруствером с бойницами снабжались многие крепостные сооружения.

Возможно, бруствер был увенчан зубцами, подобными тем, что изображены на Аппковском блюде, среднеазиатских терракотах, монетах и миниатюрах. Верх этих зубцов доходил до пояса или груди стоящих за ними защитников.

Устройство боевых бойниц в бруствере, а не в толще стен давало ряд важных преимуществ⁴⁴, усиливающих оборону цитадели. Прежде всего, они заключались в том, что воины, стоящие за бруствером, могли вести как навесной, так и продольный обстрел, используя при этом самое разное оружие. Поле обзора у них было значительно шире, чем у стрелков, стоящих перед узкими бойницами за толщей стен. Они могли свободно передвигаться по валгангу, сосредоточиваясь в нужном месте. Недостатком же этого способа обороны являлось, вероятно, то, что защитники, стоящие за бруствером, были уязвимей защитников, скрытых толщей стен от противника, но этот недостаток частично компенсировался наличием бруствера и защитных доспехов.

В Хорезме имеются оборонительные сооружения античного периода, которые как бы объединяют в себе два описанных выше фортификационных приема. Например, на городище Гяуркала имелась двухэтажная стрелковая галерея. Возможно, верхний этаж был не перекрыт. Как предполагают исследователи этого городища, сообщение между этажами осуществлялось при помощи приставных лестниц, которые убирались защитниками в случае прорыва врага в верхний или нижний этажи [Рапорт, Трудновская, 1958, с. 348—352].

Башнями были укреплены углы цитадели, стены и ворота⁴⁵ города. Каждая городская стена имеет по шесть башен, следовательно, длина куртин между ними примерно 50 м. Вскрытая промежуточная башня — прямоугольная в плане (10,7×3,2 м). Она монолитная, в ее толще нет бойниц — ни ложных, ни боевых. На цитадели расцены три угловые башни. Северо-восточная башня имеет в плане форму квадрата без одного угла. Выступание ее от стен равно 3,5 м, длина по северному фронту — 9 м, по восточному — 9,3 м. В углах башни — врезанные уголки глубиной 35—40 см. Стены башни имеют ту же конструкцию, что и крепостные стены. Внешние плоскости стен прорезаны ложными бойницами, расположенными друг от друга на расстоянии 2,21 м. Высота бойниц — 1,5 м, глубина сверху — 40 см, книзу они выклиниваются. Внутри башни располагалось помещение (пом. 1), из которого на боевую площадку башни шел винтообразный пандус. Снаружи она была защищена массивной кирпичной стеной-барьером⁴⁶.

Юго-восточная башня в плане прямоугольная. Выступание ее наружу от стен — 3,4 м, длина по восточному фронту — около 10 м, по южному — около 6 м. Вскрытый угол имеет врезанный уголок глубиной 30—40 см. Внешние плоскости стен башни прорезаны ложными выклинивающимися бойницами-щелями высотой до 1,70 м, глубиной в верхней части до 40 см. Расстояние между ними — 2 м. Внутри башни находится помещение (пом. 32), в которое попадали, видимо, сверху, с боевой площадки по лестнице.

Северо-западная башня значительно массивней описанных выше. Она прямоугольная (16×9,2 м), выступала наружу на 7 м. Снаружи башня сохранилась плохо. Внутри ее находилось помещение, которое еще пол-

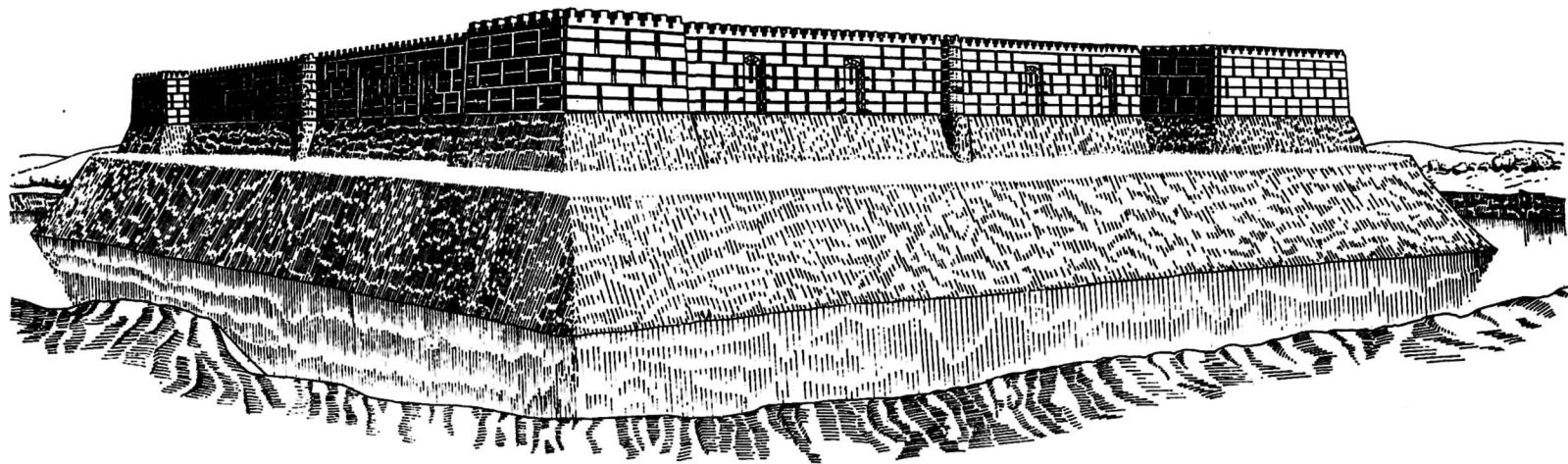

Рис. 33. Кафыркала. Цитадель. Внешний вид (без протейхизмы). Частичная реконструкция

ностью не вскрыто. Стены башни, очевидно, были оформлены так же, как и у двух других башен [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973, с.161—162].

Таким образом, ни в одной из башен в стенах не было боевых бойниц. Пол боевых площадок башен лежал на одном уровне с валгангом, который, в свою очередь, был не выше крыш строений дворца. Следовательно, башни не предназначались для круговой обороны, а только для фронтальной и фланговой⁴⁷.

Несмотря на то что в раннесредневековый период круглые башни были известны в фортификационном зодчестве, на Кафыркале они еще не встречались, как не встречались пока и при раскопках других раннесредневековых памятников Тохаристана⁴⁸.

Обходные коридоры, шедшие вдоль крепостных цитаделей с внутренней стороны, очевидно, первоначально планировались в виде обходных боевых галерей, необходимых в тех случаях, когда боевые бойницы устраивались в толще стен. Поскольку боевые бойницы цитадели Кафыркалы были устроены в бруствере, то обходные коридоры не играли роли боевых галерей. Они могли служить для скрытой перегруппировки сил защитников, для жилья и хранения припасов во время осады. В мирное время они служили для сообщения между помещениями соответствующих частей цитадели.

Выход из цитадели, относящийся к первому периоду ее существования, вел из цитадели к предстенным оборонительным сооружениям, расположенным у северного и восточного фасов. Он, подобно калиткам Херсонеса, вероятно, служил для совершения защитниками вылазок [Блаватский, 1954, с. 96]. Из-за того, что этот вход в какой-то мере ослаблял цитадель, его вскоре заложили, целиком заложили и помещение 2, в которое непосредственно вел вход. Одновременно была расширена боевая площадка северо-восточной башни. Эти меры значительно усилили цитадель (рис. 33).

Архитектура и фортификация Кафыркалы, несомненно, развивались в русле среднеазиатского раннесредневекового гражданского и оборонительного зодчества. Строительные материалы, планировочные решения, конструкции арок, сводов, тромпов, куполов — все это находит себе прямые параллели в памятниках этого времени на большой территории Средней Азии и Казахстана. Вместе с тем кафыркалинское зодчество имеет свои особенности, вызванные спецификой местных условий, наличием устойчивой бактрийско-тохаристанской традиции.

На примере Кафыркалы видны те качественные изменения, которые произошли в строительном деле Средней Азии в VI—VIII вв. по сравнению с предшествующим, античным периодом. Появляются новые типы куполов, развитые пояса тромпов, прямоугольный кирпич, который был практичнее квадратного, открытый валганг с бруствером.

Некоторые строительные приемы, например устройство стоек в теле стен для облегчения давления кровли на стены, дошли до настоящего времени, так же как и составные элементы деревянной колонны.

Итак, истоки раннесредневекового зодчества лежат в предшествующем времени, и прежде всего в античности. В этой связи интересно сопоставить Кафыркалу с позднекушанскими постройками памятника «Курган», находящегося в Термезе [Шипкин, 1945]⁴⁹. Не все строительные и фортификационные приемы, восходящие к античному периоду, имели на Кафыркале практическое назначение, часть из них сохранилась в виде «рудиментов», как дань традициям, например ложные бойницы в стенах цитадели.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА КАФЫРКАЛЫ

В процессе изучения городища накоплен немногочисленный, но разнообразный вещественный материал: керамика, изделия из металла, стекла, кости и камня, а также фрагменты живописи и керамический рельеф. Весь этот материал рассматривается в книге по периодам, независимо от того, где был найден — на цитадели или в городе.

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Керамика внутри коллекции численно преобладает. Всего определению поддаются 240 фрагментов, имеется 10 целых и археологически целых сосудов, делящихся в зависимости от назначения на столовые, кухонные, тарные, осветительные приборы (рис. 34) и пряслица¹.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Они дошли до нас во фрагментах. Часть из них была обнаружена в помещениях на цитадели и у ее восточного фасада, часть — при раскопках жилого дома на территории города. Все стекло относится к периоду КФ-I.

К технологии кафыркалинского стекла. По составу кафыркалинское стекло такое же, как и средневековое среднеазиатское [Аминджанова, 1962б, с. 15; Абдуразаков и др., 1963, с. 159—232; Абдуразаков, Безбородов, 1966, с. 109].

Таблица I

ХИМИЧЕСКИЕ АНАЛИЗЫ ОБРАЗЦОВ СТЕКЛА КАФЫРКАЛЫ

Окислы	Содержание, %				
	Номер образца				
	1	2	3	4	5
SiO ₂	63	58,5	62,92	62,34	59,96
Al ₂ O ₃	2,07	1,09	1,49	1,91	3,92
Fe ₂ O ₃	2,12	4,13	2,99	2,01	0,54
CaO	8,28	8,28	8,36	8,28	9,31
MgO	5,93	5,69	5,81	5,57	5,52
Mn ₂ O ₃	0,13	2,94	2,27	0,13	2,07
K ₂ O	6,8	6,4	3,4	3,2	2,5
Na ₂ O	14	14	14	16	14,16
TiO ₂	0,26	0,3	0,34	0,14	0,12
P ₂ O ₅	0,45	0,53	0,23	0,44	0,29

Шесть основных окислов: SiO₂ — кремнезем, CaO — окись кальция, Na₂O — окись натрия, MgO — окись магния, Al₂O₃ — окись алюминия, K₂O — окись калия — составляют основную массу стекла — до 95,37%.

Предельное содержание кремнезема в стекле Средней Азии колеблется от 54,08 до 70,04%. Большая же часть стекла содержит его от 59 до 67% — по количеству содержащегося в нем кремнезема сюда относится и стекло Кафыркалы (59,96%).

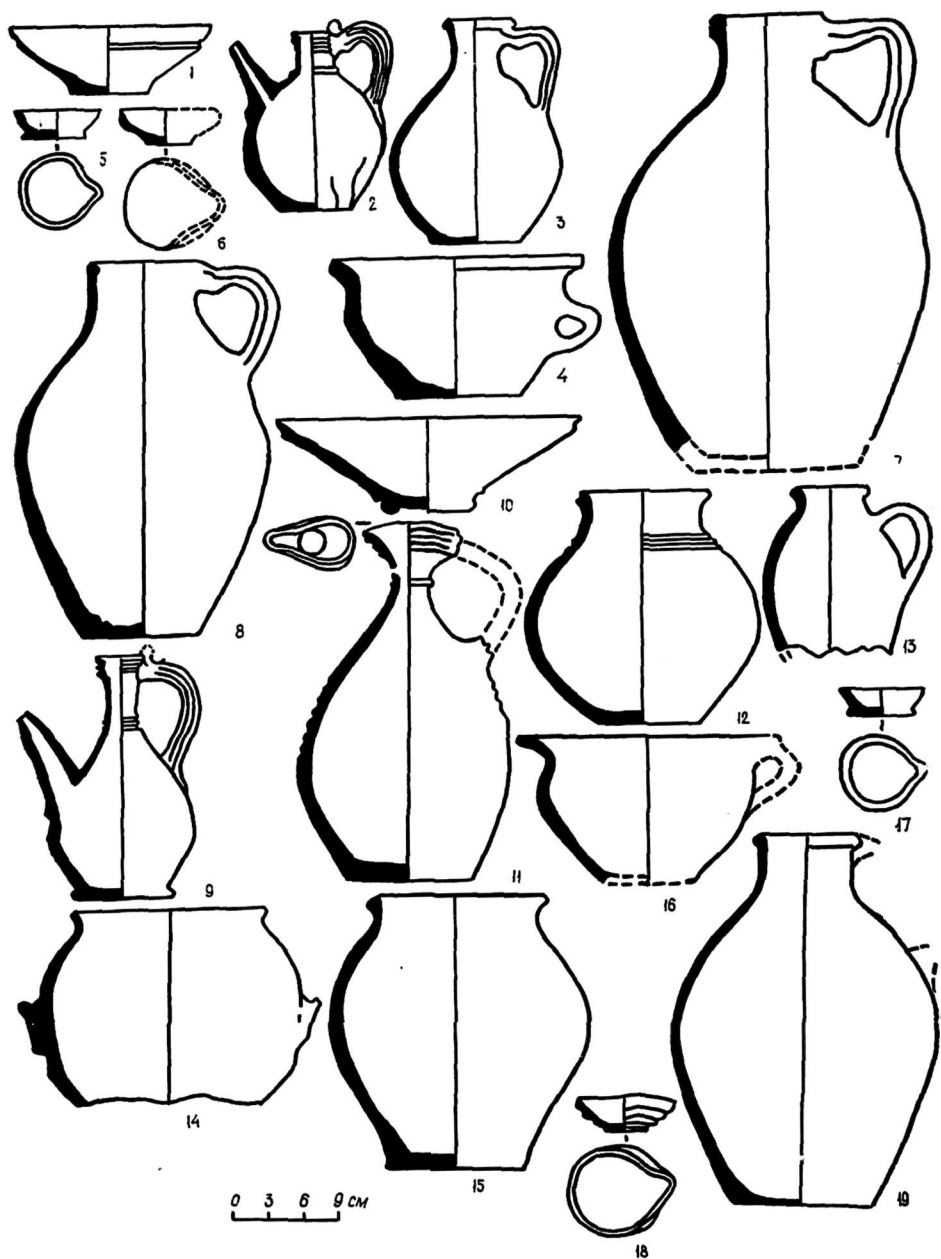

Рис. 34. Кафыркала. Керамика

Отмечавшаяся в литературе особенность хульбукского стекла — пониженное содержание ($0,97-1,84\%$) в нем глинозема (Al_2O_3) — явление, имеющее, очевидно, локальный характер. Содержание глинозема в кафыркалинском стекле такое же, как и в среднеазиатском ($3,92\%$), причем оно приближается к максимуму ($4,72-4,95\%$) [Абдуразаков, Безбородов, 1966, с. 110].

Особенностью стекла из Кафыркалы является повышенное содержание в нем CaO (до $9,31\%$), у среднеазиатского оно не превышает 8% .

Техника изготовления стеклянных изделий различна: а) свободное выдувание; б) выдувание в форму. Преобладает бесцветное стекло, реже встречается светло-зеленое и светло-фиолетовое.

Фрагментарность стеклянных изделий из Кафыркалы затрудняет их классификацию. Затрудняется она еще и отсутствием подробно разработанной классификации для раннесредневековых стеклянных изделий Средней Азии. Поэтому за основу нами взята классификация, принятая для средневекового среднеазиатского стекла, данная в одной из сводных работ [Абдуразаков, Безбородов, 1966, с. 107 — 137]. На материалах Кафыркалы выделяются следующие типы стеклянных изделий: 1) чаши, 2) крынки, 3) кубки или бокалы (столовая посуда), 4) флаконы (парфюмерно-аптекарская посуда).

Следует особо отметить, что стеклянные изделия Кафыркалы имеют много общего с изделиями, которые по возрасту на три-пять столетий моложе их. Это объясняется тем, что формы сосудов, бытовавшие в VII — VIII вв., продолжают развиваться и позже, в IX — XII вв. Данное обстоятельство оправдывает их сравнение.

Тип 1. Чаши. (2 экз.; рис. 35/1, 2) ². Они представляли собой сосуды полусферической формы с неглубоким резервуаром (до 4 см). Стенки их суживаются ко дну, в одних случаях плавно, в других — резко. Толщина их равна $0,15-0,2$ см. Венчики утолщены, их диаметр доходит до 22 см. Днища вогнутые.

Один из фрагментов (рис. 35/8) — от небольшой (диаметр 14 см) глубокой чаши. Стенка очень тонкая, всего $0,75$ см, утолщающаяся к слабо выделенному венчику. На венчике с двух сторон — оковка в виде золотого листика, перегнутого пополам по длине. Нижние (узкие) концы листика скреплены сквозной заклепкой со стенкой сосуда; у заклепки круглая головка снаружи и расклепанная поверхность внутри. Излома стенки сосуда здесь нет, следовательно, оковка не ремонтная, а орнаментальная. По-видимому, ряд золотых оковок был расположен по окружности венчика.

Обломки чаш имеются среди стеклянных изделий из Пенджикента [Бентович, 1973, с. 69] и Зангтене [Альбаум, 1964, с. 206]. Чаши разного профиля, в том числе близкие к кафыркалинским, происходят из сасанидских слоев Тулул ал-Ухайдира (Месопотамия) [Finster, Schmidt, 1977, рис. 54/с, е, 55/а, d, 56/а, b]. Разнообразны чаши из Самарры, опубликованные К. Ламмом. Очень важно, что они сохранились целиком. Часть из них имеет прямые стенки и плоское дно. Резервуары их намного глубже резервуаров чаш из Кафыркалы, а диаметр венчиков гораздо меньше. Среди стеклянных чаш из Калайболо (Исфари́нский р-н ТаджССР) имеются экземпляры с перегибом стенок под венчиком [Давидович, Литвинский, 1955, с. 102, рис. 48/2], такой же перегиб имеют сосуды из Хульбука [Гулямова, 1961а, с. 14, рис. 2/3—4; Гулямова, 1961б, с. 152]. Чаши разных форм и размеров происходят из Нисы [Давидович, 1949, с. 380, 381, табл. 3], Шах-Сенем [Трудновская, 1958, с. 423]; они имеются в музеях Ташкента и Самарканда [Аминджанова, 1962а, с. 93, рис. 1/8, с. 94, рис. 2/23, 26], Мерва [Мережин, 1956, с. 76, табл. I/II]. К этому типу примыкают миски из Тараза [Агеева, 1970, с. 12, рис. 3]. Сравнивая их с кафыркалинскими чашами, нужно сказать, что чаши IX — XII вв., как правило, глубже, но с меньшим диаметром венчиков.

Тип 2. Крынка. (1 экз.; рис. 35/3) ³. Сохранилась ее верхняя часть.

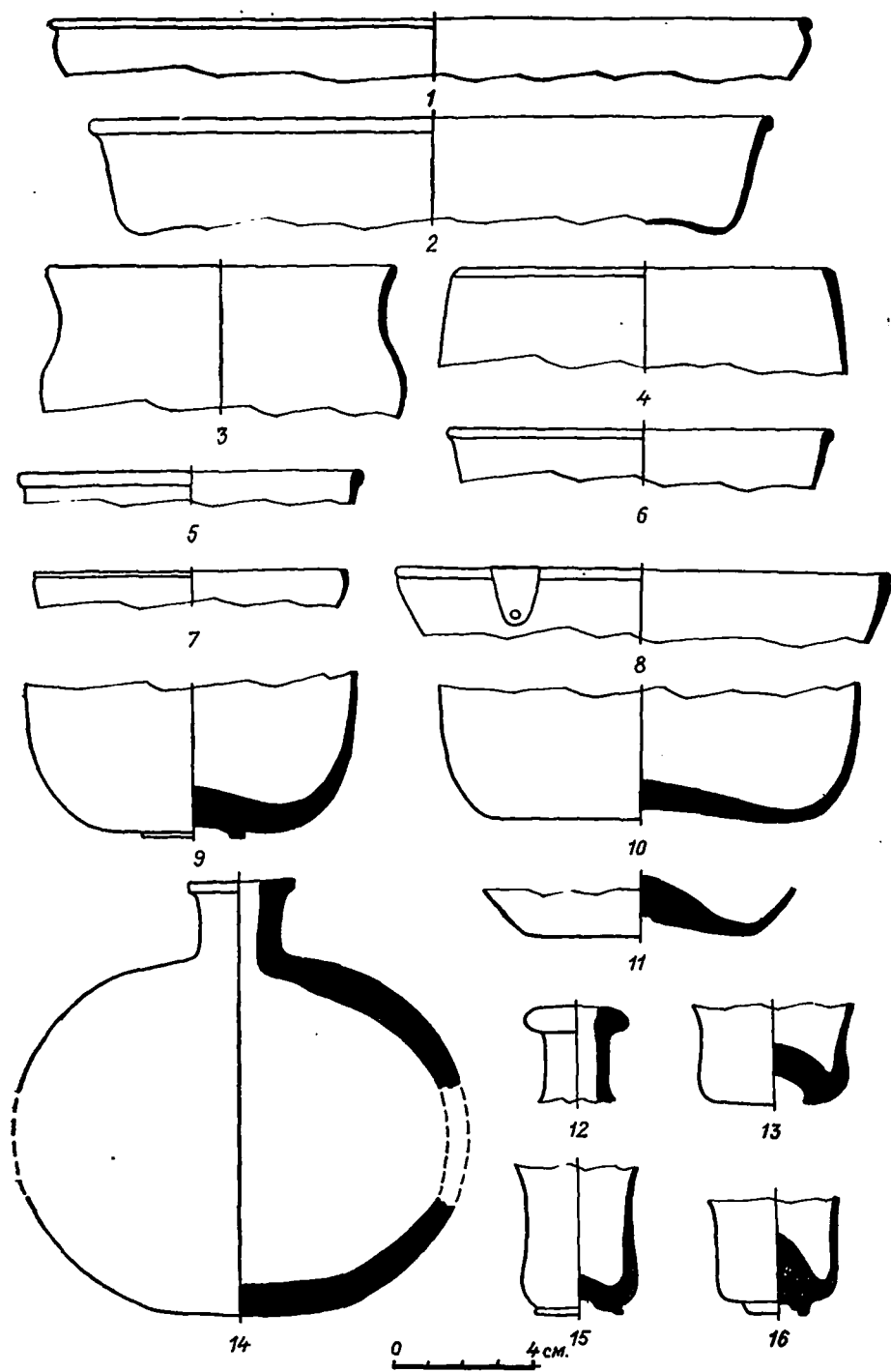

Рис. 35. Кафыркала. Стекланные сосуды

У крынки было открытое устье диаметром 10 см. Оно плавно переходит в горло.

Стеклянные сосуды типа крынок на территории Средней Азии встречаются редко. В классификации средневекового среднеазиатского стекла А. А. Абдуразакова и Ю. А. Заднепровского крынкой именуется сосуд (тип 14), находящийся в Самаркандском музее [Абдуразаков и др., 1963, с. 119, рис. 13/27]. Он отличается от кафыркалинской крынки биконической формой тулова.

Вообще этот тип сосуда со сферическим корпусом был распространен в Западной Парфии и продолжал существовать в сасанидской Месопотамии, причем в сасанидское время наблюдалась тенденция к уменьшению размеров этих сосудов [Negro Ponzi, 1968 — 1971, с. 330 — 332, фиг. 153/19 — 23].

Тип 3. Бокалы или рюмки (8 экз.; рис. 35/4—7, 10, 11). Их форма не восстанавливается полностью. Они имели расширяющийся (исключение — рис. 35/4) к устью резервуар колоколовидной формы (диаметр устья — 10—15 см). Стенки прямые. Можно предположить, что кафыркалинские сосуды были похожи на бокалы или рюмки (тип 19, 20) классификации А. А. Абдуразакова и Ю. А. Заднепровского [Абдуразаков и др., 1963, с. 123—125]. Не исключено, однако, что часть их происходит от небольших или миниатюрных чаш. Аналогии им имеются в позднесасанидском стекле Тулул ал-Ухайдира [Finster, Schmidt, 1977, рис. 54 — 57]. Очень интересен фрагмент, к стенке которого был приварен концентрический полый валик.

Тип 4. Флаконы (6 экз.; рис. 35/9, 12—16). Они реконструируются благодаря археологически целому сосуду (рис. 35/14). Он имел округлое тулово, прямое горло, уплощенный сверху венчик и плоское дно.

К ним примыкают бутылочки (рис. 35/15—16) с узким цилиндрическим корпусом, с вогнутым по длине профилем стенки.

Флаконы и бутылочки являлись наиболее типичным видом сосудов, бытовавших в Средней Азии в раннесредневековый период [Абдуразаков и др., 1963, с. 92].

Форма их в это время более или менее стандартна.

Флаконы были украшенные и неукрашенные [Беленицкий, 1958, с. 134, рис. 31; Бентович, 1973, с. 69; Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 313, рис. 21; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 24; Массон В. М., 1961, с. 41; Усманова, Кабанов, 1975, с. 111, рис. 5]. Целый стеклянный флакон найден при раскопках Калаи-Кафиригана (объект III) в слое VII — VIII вв. Его корпус — горшковидный. Дно несколько вогнутое. Короткое горло переходит в отвернутую наружу горловину. На верхней поверхности горловины — продольный желобок. Сосуд не вполне симметричен. Поверхность стенки не очень гладкая. Стекло прозрачное, светлое, с молочным оттенком. В стекле множество мелких пузырьков. Высота сосуда — 4,5 см, диаметр максимальный — 5,4 см, диаметр венчика — 3,5 см.

Точно такие же сосуды типа флаконов происходят из Ирапа; датируют их в широких пределах — IV — VII вв. [Fukai, 1977, табл. 34]⁴. В сасанидской Месопотамии были распространены сосуды типа бутылочек [Negro Ponzi, 1968 — 1971, фиг. 156/58—60, с. 350—352].

ЖЕЛЕЗНЫЕ ОРУЖИЕ И ОРУДИЯ

К этой категории вещей относятся наконечники стрел, наконечники копья, пожи, колечки, гвозди, скобки, долотце. Железные изделия, как правило, имеют плохую сохранность, так как сильно пострадали от коррозии⁵.

Накопечники стрел. Всего их найдено девятнадцать: десять — при раскопках городских построек, девять — в дворцовых помещениях. Все они относятся к периоду КФ-I. Сохранность их различна: некоторые со-

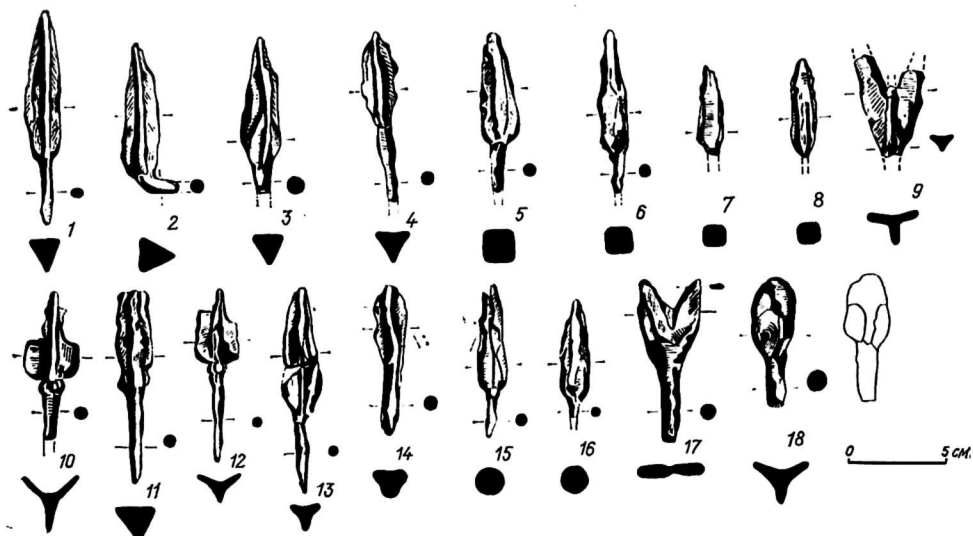

Рис. 36. Кафыркала. Железные наконечники стрел

хранились вполне удовлетворительно, другие сильно пострадали от коррозии. При описании наконечников приняты следующие обозначения: l_1 — длина черешка, l_2 — длина головки, q — грани (размеры даются в сантиметрах).

По форме головок наконечники делятся на пять типов⁶.

Тип 1. Трехлопастные наконечники стрел с фигурным контуром головки.

Два наконечника (рис. 36/10, 12) имели пирамидальное очертание головок. Нижние концы лопастей подходят к черешку под прямым углом. В месте перехода черешка к головке имеется кольцевая муфточка шириной 0,4 см.

Размеры: 1) l_1 — 4,8; l_2 — 4,0; 2) l_1 — 3; l_2 — 4,0.

У среднеазиатских наконечников этого типа муфточки имеют как кольцевидную форму, так и форму уступа, который образует нижняя часть головки. При этом муфточки-уступы встречаются чаще, чем кольцевидные муфточки. Они найдены при раскопках Актепе близ Ташкента [Тереножкин, 1948, с. 123, рис. 25], в кухендизе [Тереножкин, 1950а, с. 193, табл. 42д] и на городище Пенджикент [Беленицкий, 1959, с. 98, рис. 7; Распопова, 1969а, с. 172, рис. 4/17], в Балесской долине [Heikel, 1918, табл. XIX/6] и др. Известны также находки в Казахстане [Нурмухамбетов, 1970а, табл. 2/12], на Алтае [Киселев, 1951, с. 521, табл. X, VIII], в Западной, Южной и Восточной Сибири [Комарова, 1952, с. 48, рис. 27/14; Кызласов, 1969, с. 21; Кызласов, 1979, с. 189; Ковычев, 1981, с. 100]. В нижней части лопастей делалось круглое отверстие или на черешок надевались костяные шарики с отверстиями (свистунки).

Третий наконечник (рис. 36/13) имеет головку лавролистной формы. Нижние концы лопастей подходят к черешку под тупым углом. Размеры: l_1 — 3,5; l_2 — 5,5.

Трехлопастные наконечники с лавролистным очертанием головок широко распространены на всей территории Средней Азии и Казахстана. В Хорезме они найдены в замке Тепиккала [Толстов, 1948, с. 142, рис. 83], в Якке-Парсапе [Неразик, 1963, с. 29, рис. 13/3], при раскопках Токкалы [Гудкова, 1964, с. 56, рис. 13/11, 12], в южной анфиладе дворца бухар-худатов на Варахше [Шишкин, 1963, с. 57, рис. 18], в Пенджикенте [Беленицкий, 1950а, с. 103, табл. 51, рис. 4], на Аджипатепе [Литвинский, 1965, с. 87, рис. 9/12]. В Казахстане они обнаружены

в кургане 21 Борижарского могильника [Нурмухамбетов, 1970а, с. 167, табл. 1/3], в кургане № 20 Кызыл-Кайнарского могильника [Максимова, 1968, с. 148, табл. II], в кургане № 1 Орловского могильника [Арсланова, 1970, с. 46, табл. I].

Четвертый наконечник (рис. 36/18) имеет массивную головку, острие которой не сохранилось. В нижней части головки сделаны выемки, превратившие ее в трехлопастную.

Размеры: l_1 — 2,5; l_2 — 3,5.

Подобные наконечники встречаются на территории Средней Азии очень редко.

В кургане 97 Зеваликского могильника, который находится в верховьях Прииртышья, в погребении с трупосожжением найден трехлопастный наконечник с выемками в головке, которые поднимаются до самого острия. В верхней части черешка он имеет муфточку-уступ [Арсланова, 1972, с. 62, табл. III/7]. В Южной Сибири наконечники с выемками встречаются часто [Нечаева, 1966, с. 112, с. 113, рис. 3; Кызласов, 1969, с. 64, табл. II/15, с. 76, рис. 25].

Тип 2. Черешковые трехгранно-пирамидальные и трехгранно-бипирамидальные наконечники⁷.

Размеры: l_1 — 3,0—4,6; l_2 — 4,1—6,5; q — 1,3—1,8.

Бипирамидальное очертание имеет один наконечник (рис. 36/3). Два наконечника (рис. 36/1, 2) имеют четкую пирамидальную форму головок. Нижний конец их граней образует небольшой уступ, в который упиралось древко стрелы. Головки наконечников по форме приближаются к лавролистным. Один из наконечников (рис. 36/11) интересен тем, что у основания его головки сделаны фигурные вырезы. Подобные вырезы имеет крупный наконечник копья или дротика из Аджинатепе.

В рассматриваемое время в Средней Азии трехгранные наконечники имели головку чаще всего пирамидальную или лавролистную по форме, реже — бипирамидальную, как, например, наконечник из Актепе [Тереножкин, 1950а, рис. 69, XXI/22]. Пирамидальную форму имеет наконечник из кухепдиза древнего Пенджикента [Тереножкин, 1950б, с. 83, табл. 42/6]. В Пенджикенте же найдено большое количество трехгранных наконечников лавролистной формы [Беленицкий, 1958, рис. 36/8, 10—13; Беленицкий, 1959, с. 88, рис. 11; Зеймаль Е. В., 1964, с. 248, рис. 4/1; Распопова, 1980, рис. 44, 46]. Характерны они и для Казахстана [Арсланова, 1968, с. 100, табл. 41—43].

Тип 3. Четырехгранно-пирамидальные наконечники⁸.

Два наконечника этого типа (рис. 36/5, 6) сохранились полностью. Их размеры: l_1 — 2,0—2,5; l_2 — 5,0—5,7; q — 1,0—1,5.

Еще два наконечника (рис. 36/7, 8) были меньших размеров. У них пет муфточек, как и у наконечников из Актепе [Тереножкин, 1950а, рис. 69, XXI/23], Мунчактена [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 317, рис. 27/19], Якке-Парсана [Неразик, 1963, с. 29, рис. 13/2], некоторых наконечников Пенджикента [Беленицкий, 1958, с. 137, рис. 36/5]. В то же время у части четырехгранных пенджикентских наконечников есть кольцевые муфточки.

Тип 4. Конусовидные черешковые наконечники⁹. Найдено два фрагментированных экземпляра. У одного из них (рис. 36/15) повреждено острие, у другого (рис. 36/16) обломан черешок. Видимо, у наконечников этого типа l_1 относится к l_2 как 1:2. В раннесредневековый период конусовидные наконечники имели различную форму в сечении: круглую, овальную, подтреугольную [Литвинский, 1965, с. 90].

Тип 5. Вильчатые наконечники¹⁰. Один из них (рис. 36/17) двухжальный, другой (рис. 36/9) трехжальный. Внутренняя сторона жалец заточена, внешняя затуплена. Отношение величин l_1 и l_2 друг к другу — 1:2—2,5. Жальца у основания имеют q 1,3—1,2. Сверху они заострены.

Вильчатые наконечники в раннем средневековье были как простые, так и сложные [Литвинский, Рапов, 1961, с. 33]. У некоторых из них

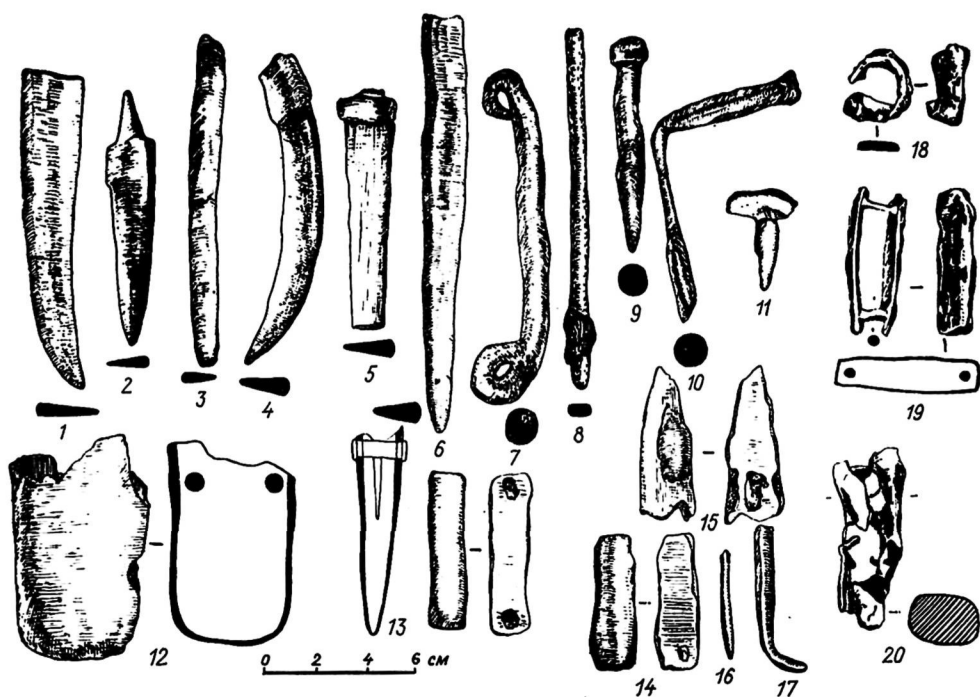

Рис. 37. Кафыркала. Железные изделия

имелись муфточки [Литвинский, 1965, с. 87, рис. 9/32; Mizuno, 1970, с. 92, фиг. 50], у других — фигурные вырезы [Неразик, 1963, с. 29, рис. 13/6; Воронеж, 1954, с. 56, рис. 7/4; Литвинский, 1965, с. 83, рис. 7]. Кафыркалинские наконечники относятся к простому варианту наконечников этого типа.

Таким образом, на Кафыркале найдены основные типы железных наконечников стрел, бытовавших на территории Средней Азии в раннем средневековье. Некоторые авторы, касающиеся в своих работах вопроса изучения среднеазиатских наконечников стрел, предположили, что отдельные их типы могли быть заимствованы у арабов [Тереножкин, 1950а, с. 92] или тюрок [Рудо, 1952, с. 67]. Это вызвало возражения Б. А. Литвинского [Литвинский, 1965, с. 88].

В этой связи представляется вероятным, что один из наконечников типа 1, с выемками в головке (рис. 36/18), являет собой конкретный образец принесенного тюрками наконечника стрел, так как подобные наконечники не характерны для Средней Азии, они встречаются в Южной Сибири, в памятниках тюркского времени в Казахстане.

Судя по разным очертаниям головок, соотношению длины головок и черешков, наконечники стрел имели различные боевые качества. Часть наконечников (вильчатые) использовались на охоте, другая часть — в бою, причем некоторые из них, например конусовидные наконечники, могли быть бронебойными.

Навершие копья (рис. 37/20)¹¹. Сохранилось фрагментарно, точнее, от него осталась только втулка длиной 5 см, которая имела конусовидную форму. Диаметр отверстия втулки равен 5 см. По своей форме это навершие копья, очевидно, было похоже на навершие копья, найденное в Пенджикенте [Беленицкий, 1958, с. 138, 139].

Колечки (рис. 37/18)¹². Их три, все несомкнутые. В сечении имеют подпрямоугольную форму. Диаметр их равен 1 см. Возможно, они являлись частью защитного панциря или звеньями цепей.

Ножи (рис. 37/1—6)¹³ все однолезвийные. По своим размерам они делятся на два вида: 1) крупные (длина лезвия не менее 17 см); 2) средних размеров (длина лезвия 8—10 см). Форма лезвия различна: а) вогнутые (были и сильно- и слабоогнутые), б) прямые.

Ножи имели черешковый насад ручек. Черешок по отношению к лезвию располагался симметрично. У одного ножа (рис. 37/2) в том месте, где ручка переходит в лезвие, находится уступ. У другого ножа (рис. 37/4) граница ручки и лезвия образована уширением ручки.

Похожие ножи встречались как в синхронных памятниках, так и в более ранних и поздних¹⁴. Так, например, в Пенджикенте имеются ножи с уступами у перехода лезвия к ручке.

Гвозди (рис. 37/8—14)¹⁵ были различной длины (3—12 см). В сечении они имели круглую форму (диаметр — 1—1,2 см). Гвозди были со шляпками. У одного из них шляпка сильно расклепана, видимо из-за неоднократного использования.

Скобки (рис. 37/13, 14, 19)¹⁶ были одинарные и двойные. Одинарные скобки изготавливались из толстой проволоки, концы которой заострялись и отгибались под прямым углом. Двойные скобки представляют собой две параллельные пластины, скрепленные заклепками. В промежутке между пластинами находился зажатый предмет, видимо деревянный. Двойные скобки, аналогичные нашим, найдены в Пенджикенте [Беленицкий, 1958, с. 137, рис. 36/1].

Долотовидный втульчатый инструмент (рис. 37/12) уникален. Сохранившаяся длина его — 8 см, ширина лезвия — 4 см. Вверху он стянут скобой, прикрепленной двумя заклепками. Втулка имеет клиновидную форму. До лезвийной части она не доходит на 4,3 см.

Серп (1 экз.)¹⁷. Лезвие его имеет изогнутую, дугообразную форму; длина лезвия — 15 см, максимальная ширина — 2,2 см. Ручка была, видимо, деревянная. Она прикреплялась к серпу с помощью заклепок: сохранилось одно отверстие диаметром 2 мм. Та часть серпа, к которой крепилась ручка, сохранилась частично (длина — 3 см). Она выделена небольшим уширением.

УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

В эту небольшую группу предметов входят различные находки: поясные бляшки, серьга, бубенчик, перстень, ухвертка, сурьматаш, бусы, подвеска и вставка. Они сделаны из бронзы, меди, стекла и камня; объединены в одну группу благодаря специфике своего назначения.

Поясные бляшки (6 экз., рис. 38/1—6)¹⁸, найденные на Кафьркалс, делятся на четыре группы: 1) полукруглые со срезанной нижней частью и прямоугольной или овальной прорезью (рис. 38/1, 5); 2) удлиненно-овальные с фестончатым краем (рис. 38/6); 3) сердцевидные (рис. 38/3, 4); 4) подпрямоугольные с подпрямоугольной прорезью (рис. 38/2)¹⁹.

Почти у всех бляшек на тыльной стороне имеются шпеньки для крепления их к ремню: концы шпенок расклепывались после того, как их продевали в отверстия на ремне. У одних бляшек имеется по два шпенька, у других — по одному. Другая часть бляшек нашивалась на ремни. Для этого в них сделаны отверстия.

Серьга найдена одна (рис. 38/7)²⁰. Сохранилось, собственно, только колечко диаметром 10 мм с поперечным ребром посередине. Ребро переходит в ушко с отверстием. Оба конца ветвей заострены, одно заходит за другое. Диаметр ветвей в сечении — 2 мм.

Серьги подобного типа встречаются в Средней Азии довольно часто (см. [Литвинский, 1973 г, с. 32—33, 45]). В Пенджикенте они выделены в самостоятельную группу [Беленицкий, 1959, с. 99; Распопова, 1969б, с. 51; Распопова, 1980, с. 55, рис. 16, 8—10]. Серьгу из Акбешима Л. Р. Кызласов считает типично кочевнической [Кызласов, 1959, с. 216, рис. 45/24]. Серьги, собранные с такыров у городища Беркуткала, вме-

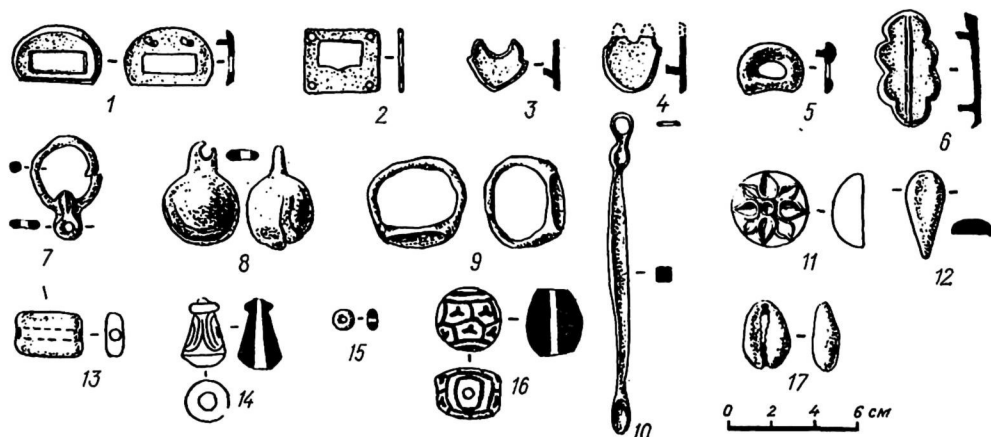

Рис. 38. Кафыркала. Украшения и предметы туалета

сто ушка имеют длинные стерженьки, к которым, видимо, крепились подвески [Толстов, 1948, с. 129, рис. 7/3]. Найдены серьги также и в Куве [Булатова, 1972, рис. 17/8].

Бронзовый бубенчик (рис. 38/8)²¹ закрытого типа, состоящий из двух полусфер, диаметром 1,5 см. Граница их обозначена невысокими перпендикулярными валиками. Длина ушка — 7 мм, ширина — 6 мм. Отверстие в ушке чуть смещено от центра к одному краю. Бубенчик изготовлен литьем. Внутри его пахотился маленький камешек-ударник.

Бубенчики в Средней Азии найдены как на городищах [Булатова, 1972, с. 62, рис. 17/1—5, 10, 12; Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953, с. 75, рис. 11/4; Беленицкий, 1958, с. 136, рис. 35/2—4; Ставиский, 1964, с. 173, рис. 35/2; Беленицкий, 1961, с. 86, рис. 9], так и в могильниках [Литвинский, 1959, с. 119, рис. 66; Литвинский, 1973 г, с. 48—55]²². Грани в месте соединения полусфер у них вертикальные.

Перстни (рис. 38/9)²³. По своей форме они делятся на два типа: 1) перстень с овальным плоским щитком без бокового шипа; 2) перстень с боковым шипом.

Диаметр дужки перстня первого типа равен 15 мм, максимальная ее ширина — 5 мм, минимальная — 3 мм. Длина щитка — 15 мм, ширина — 8 мм. На щитке было выгравировано какое-то изображение, которое из-за сильной потертости разобрать не удалось.

Второй перстень, к сожалению, утерян. Представление о нем дает лишь рисунок, имеющийся в предварительной публикации кафыркалинских находок [Литвинский и др., 1959, с. 134, рис. 3/2]. Диаметр дужки его — примерно 20 мм. В верхней части дужка плавно переходит в небольшое утолщение-щиток, на котором имеется стилизованное изображение зверя. От щитка отходит сбоку небольшой шип.

Оба эти типа перстней подробно рассмотрены Б. А. Литвинским при анализе украшений из могильников Западной Ферганы [Литвинский, 1973г, с. 16—29].

Уховертка встретила одна (рис. 38/10)²⁴. Общая ее длина равна 7,5 см, длина ложечки — 0,8 см. На противоположном от нее конце имеется ушко с отверстием для подвешивания, диаметр которого — 0,3 см. Переход от ушка к стержню сделан в виде муфточки диаметром 4 мм; стержень в разрезе имеет квадратную форму (4×4 мм). Углы стержня слегка закруглены. Изготовлена уховертка ковкой. Она относится к простому типу подобного вида изделий.

К этому же типу относится уховертка из Таласской долины, найденная Гейкелем [Heikel, 1918, с. 25—26, табл. XI/2]. Разнообразный набор

уховерток, сделанных из бронзы, железа и серебра, найден при раскопках могильников Северного Таджикистана. Часть этих ухверток имеет два «рабочих конца», т. е. они сложнее кафыркалинской [Литвинский, 1959, с. 79, рис. 4/4; Литвинский, 1978а, с. 136—138].

Как видно из таблицы II, все предметы, подвергшиеся анализу, изготовлены из оловянистой бронзы.

Сурьматаш (1 экз., рис. 39/10)²⁵. В поперечном сечении сурьматаш имеет подквадратную форму. Длина сурьматаша — 11,5 см, ширина граней — 1—1,4 см. В его верхней части сделано отверстие диаметром 2 мм. Нижний конец заострен.

Использование сурьматаша для косметических целей не вызывает сомнений [Ершов Н. Н., 1952, с. 27]. Их находят при раскопках как на поселениях [Беленицкий, 1958, с. 140, рис. 39/2; Булатова, 1972, рис. 9/6;

Т а б л и ц а II

РЕНТГЕНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

№№ п/п	Наименование изделия	Cu	Sn	Zn	Fe	Общее содержание в образце, %
1	Уховертка...	86,8±2,3	5,4±0,1	7,4±0,2	0,26±0,07	99,86±2,07
2	Пряжка.....	80,5±4,9	6,7±0,1	—	0,23±0,01	87,43±5,01
3	Бляшка.....	83,1±2,5	9,3±0,3	4,9±0,1	0,21±0,05	97,51±2,95
4	Бляшка.....	85,1±5,5	8,4±0,3	5,1±0,1	0,22±0,1	98,82±5,95

Пулатов, 1975, с. 75, рис. 42/5], так и в погребениях [Литвинский, 1959а, с. 79, рис. 4/11, 12; Литвинский, 1959б, с. 119, рис. 6/1—4; Баруздин, Брыкина, 1962, с. 57; Сорокин, 1961, с. 123]. Причем в могилы вместе с ними часто клали графит [Литвинский, 1978а, с. 127—133]²⁶.

Бусы (3 экз.). Одна бусина (рис. 38/16) изготовлена из сердолика. Диаметр ее — 9—10 мм, толщина — 7—9 мм. Отверстие — продольное, диаметр его — 2 мм. По форме она относится к выпуклогранным (классификация Г. Г. Леммлейна [Леммлейн, 1950, с. 160, рис. 52/1]). В типологической классификации Г. Бека похожие бусины выделены в отдельный тип (short bead), подтип (short Barrel) и вариант (short cylinder with two convex ends) [Beck, 1928, табл. II, III]. Все грани бусины покрыты наведенным орнаментом. Он состоит из линий, образующих пятиугольники, внутри которых — трехлопастные элементы.

Сердоликовые бусы с такой орнаментальной композицией происходят из Северной Индии (тип 3 по классификации М. Г. Дикшита) [Dikshit, 1949, с. 10—12, табл. III, V], они датируются Г. Беком в пределах VI — X вв. [Beck, 1923, табл. LXXI] (см. также [Литвинский, 1972, с. 78—82]).

Вторая бусина (рис. 38/13) изготовлена из стекла. Длина ее — 20 мм, ширина — 15 мм. По форме она приближается к эллипсоидным (классификация Г. Г. Леммлейна).

Третья бусина (рис. 38/15) изготовлена из прозрачного бесцветного стекла. Форма — дисковидная. Диаметр ее равен 4 мм. Отверстие в центре, диаметр его — 0,5 мм.

В качестве бусины использовалась также раковина каури (рис. 38/17).

Инкрустационные вставки (2 экз.). Одна из них (рис. 38/12) изготовлена из прозрачного бесцветного стекла, форма ее — каплевидная. Длина вставки — 20 мм, максимальная ширина — 8 мм; ее тыльная сторона плоская, лицевая — выпуклая.

Другая вставка (рис. 38/11) — каменная, форма ее круглая. Диаметр вставки — 17 мм, высота — 7 мм. Тыльная сторона плоская, лицевая —

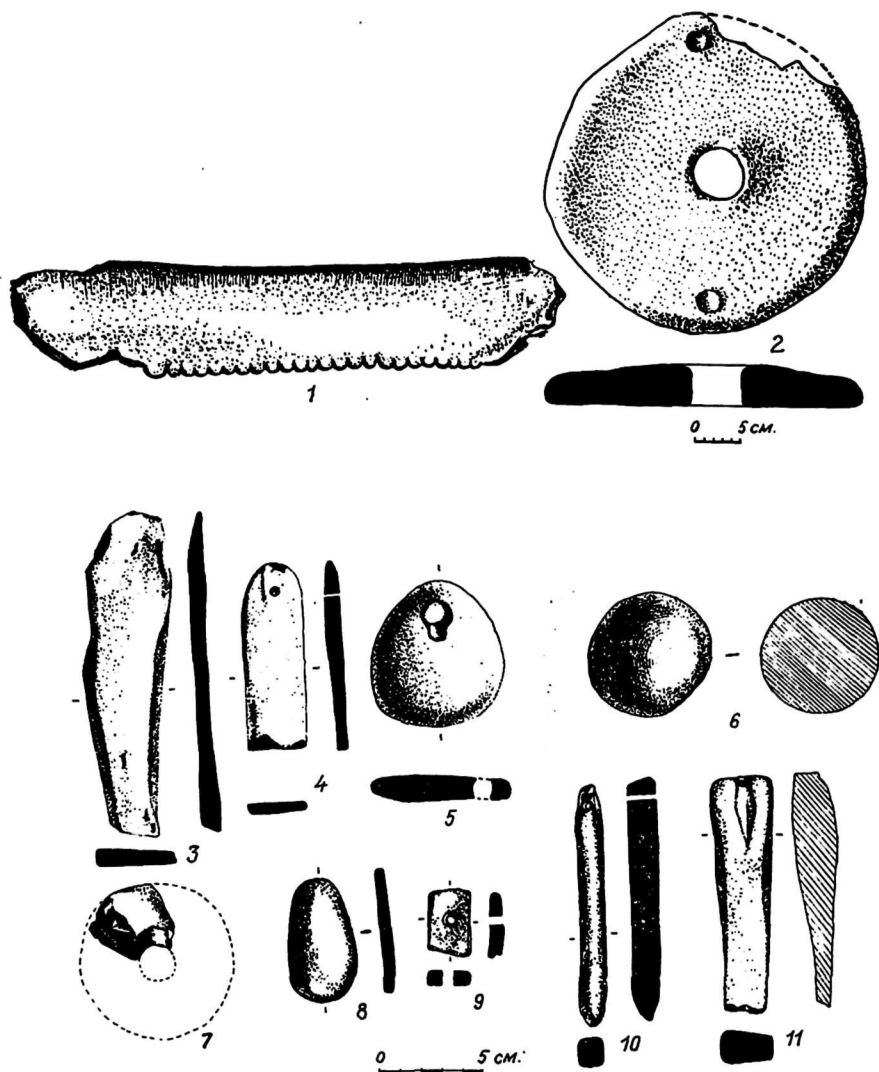

Рис. 39. Кафыркала. Находки:

1 — костяной гребень; 2 — жернов; 3 — 11 — каменные изделия

выпуклая. На лицевой стороне вырезана восьмилепестковая фестончатая розетка.

Подвеска (1 экз., рис. 38/14). Она сохранилась, очевидно, наполовину; состояла из двух частей конусовидной формы, соединенных вершинами. В месте их соединения — ребро. Длина одной части — 12 мм. Подвеска имела сквозное продольное отверстие диаметром 2 мм.

Подвеска изготовлена из стекла, глазчатая. Глазки трех цветов: белого, красного и светло-коричневого. Они имеют вытянутую форму, расположены параллельно друг другу. Глазки вдавлены в мягкую стеклянную массу темного цвета. Ребро желтого цвета.

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Они представлены одним гребнем, изготовленным, видимо, из коровьего ребра (рис. 39/1)²⁷. Длина гребня — 17,5 см, ширина — 3,3 см. Зубья прорезаны острым предметом, имеют конусовидную форму. Длина их невелика — 2—2,5 мм. Боковые стороны гребня отполированы.

Т. И. Зеймаль определила его как гребень для нитей ткацкого станка [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 87, рис. 2/11].

Гребень, сделанный также из ребра животного, найден В. А. Булатовой при раскопках Кувы. Она определила его как инструмент ткача [Булатова, 1972, с. 48, рис. 10/2]. Обломок гребня, изготовленный из широкого ребра, найден Е. Е. Неразик в дожке замка № 92 в Хорезме [Неразик, 1959а, с. 113, рис. 9/4; $\frac{61 \text{ ЯКК-II}}{93}$]. В Пепджикенте найдено несколько гребней из ребер животных. Возможно, часть из них также имела отношение к ткацкому делу [Бентович, 1973, с. 104, рис. 66, с. 105].

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ²⁸

Каменные изделия представлены оселками, фрагментированным жерновом, ядром пращи, лощиком, обломком «булавы» и сосудом.

Оселки (4 экз., рис. 39/3, 4, 9, 11) были изготовлены из окремненных сланцев. Среди них есть двусторонние и односторонние, а также крупные и мелкие. Небольшие оселки носились у пояса: на одном их конце просверлено поперечное сквозное отверстие для подвешивания.

Жернов (рис. 39/2) был изготовлен из гранита. От него имеется одна половина, нижняя. Диаметр ее — 34 см, толщина — 3,5–4 см. Диаметр центрального отверстия — 5 см.

Два десятка жерновов найдено на Калаи-Кафирпиган. Среди них преобладают жернова с диаметром 30–40 см. Однако четыре жернова имеют диаметр 40–50 см, а один — свыше 50 (собственно — 49–51 см), встречаются и жернова размером до 52 см.

На материалах Средней Азии в целом прослеживается тенденция к постепенному увеличению диаметра ручных жерновов (до 50 см и выше) в раннесредневековый период [Литвинский, 1978а, с. 33–35].

На Аджинатена найдены значительно более крупные жернова диаметром 70–85 см. Такие жернова уже не могли быть ручными — мускульной силы человека не должно было хватать для их вращения. Скорее всего, они происходят от водяных мельниц [Литвинский, 1978а, с. 36].

Таким образом, в раннесредневековом Тохаристане употреблялись ручные мельницы с жерновами разных размеров (кафыркалинский жернов относится к числу небольших), были также и водяные мельницы.

Грузило (рис. 39/5) изготовлено из метаморфизированного песчаника. Оно имеет форму конусовидного овала, уплощенно-дисковидного в сечении. Длина его — 8 см, максимальная ширина — 6 см, толщина — 1,5 см, вес — 45 г. В узкой части просверлено отверстие для подвешивания диаметром 1,5 см.

Ядро пращи (рис. 39/6) изготовлено, очевидно, из метаморфизированного песчаника. Оно хорошо обработано, имеет почти правильную форму шара. Диаметр его — 5 см, вес — 50 г.

Лошко (рис. 39/8) изготовлено из эффузива типа андезитового порфирита. Оно тщательно заполировано со всех сторон, применялось, очевидно, для лощения керамики.

Обломок «булавы» (рис. 39/7) изготовлен из кремня высокого качества.

Функциональное определение данного изделия очень условно, так как от него до нас дошел лишь небольшой (3,5×3 см) обломок. Трудно восстановить и его первоначальную форму. Вероятно, оно представляло собой невысокий цилиндрический предмет диаметром 6–7 см с центральным отверстием диаметром около 2 см.

Каменный сосуд (табл. 18) вырезан из стеатита. На стенках сохранились следы резки каким-то острым предметом. Сосуд имеет подпрямоугольную форму; углы его скруглены. Днище слегка выпуклое, длина его — 24 см, ширина — 17 см. Стенки прямые, плавно суживающиеся к устью. Длина устья — 18,7 см, ширина — 12,7 см.

На одном торце сосуда, снаружи есть ручка (7×2,8 см), на противоположном — носик-слив (длина — 6 см, ширина в месте прикрепления — 5 см, у противоположного конца — 2,5 см). Стенка сосуда у слива просверлена (диаметр отверстия — 1 см). Через весь слив идет продольный желобок шириной 1,5 см.

Судя по тому, что днище и стенки сосуда сильно закопчены, он был кухонным: в нем, вероятно, кипятили воду или молоко.

Этот сосуд представляет интерес, так как он относится к наиболее ранним каменным кухонным сосудам из Средней Азии. Широкое применение такие сосуды получили позже, в средневековый период.

Типологически кафыркалинский сосуд ближе всего стоит к каменному орнаментированному сосуду, половина которого найдена на Мунчактепа в Кобадияне (слой МТ-I, VIII—IX вв.) [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 311—312, рис. 18].

Л. А. Кураева, изучившая привозную каменную утварь из Мерва и Нисы, отнесла мунчактепинский сосуд к котлам первого типа своей классификации [Кураева, 1969, с. 218]. При этом мунчактепинский сосуд она почему-то датирует VIII—XII вв.

Важно, однако, и то, что формы каменных сосудов, которые найдены на Мунчактепа и Кафыркале, видоизменяясь, продолжают развиваться в средневековый период.

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА

Настенная живопись. Ее фрагменты впервые были обнаружены на Кафыркале в 1957 г. Т. И. Зеймаль при раскопках парадного зала жилого дома на территории города. Они представляли собой остатки орнаментального мотива: на бело-зеленый фон нанесена ярко-бордовая полоса [Зеймаль Т. И., 1959а, с. 89]. Затем, в 1968 г. при раскопках дворца на цитадели были найдены незначительные остатки контурной живописи (пом. 24). В 1969—1970 гг. при раскопках дворцовой буддийской часовни было расчищено и вынуто 34 фрагмента [Литвинский, Денисов, 1973, с. 165—171; Соловьев, 1976, с. 144—149], которые имеют преимущественно небольшие размеры и плохую сохранность²⁵.

Плохая сохранность кафыркалинской живописи затруднила ее полевую обработку и последующую интерпретацию. Лишь пять фрагментов имеют более или менее удовлетворительную сохранность.

1. **Фрагмент с изображением головы Будды** (рис. 40/1) размером 20×17 см. Сохранилась верхняя часть лица, повернутого вполборота налево, прическа, увенчанная ушпишей. Изображение дано в половину натуральной величины. Лицо Будды околорено красно-коричневой линией и покрашено в серый цвет. Левый глаз сохранился почти полностью. Его зрачок — черная точка — сдвинут в левый угол глаза. Черными линиями показаны слегка изогнутые тонкие брови. Под бровями параллельно им идут две красные линии, изображающие верхнюю часть века. Правый глаз сохранился очень плохо.

Прическа от ушпиши не отделена. Ушпиша возвышается над головой на 3—3,5 см. В центре лба — красная точка — урна. Вокруг головы расположен розово-желтый нимб с темно-красной полосой шириной 2 см в середине. Внешний контур нимба подчеркнут черной линией. За его пределами видны неясные очертания какого-то предмета или сидящей фигуры, выполненные желтой краской с черным контуром.

2. **Фрагмент с изображением сидящих будд** (рис. 40/2) размером 25×28 см. Будды сидели лицом к зрителю, поджав ноги. Рисунок был многоярусный. Сохранились ноги вышесидящего и ушпиши нижесидящего будды. Одежда на них оранжевого цвета, контур ее обведен черной линией. Ступни ног прорисованы красной линией. Вокруг головы нижесидящего будды — желтый нимб, обведенный красным контуром. Высота ушпиши — 2,5 см, ширина — 5,5 см.

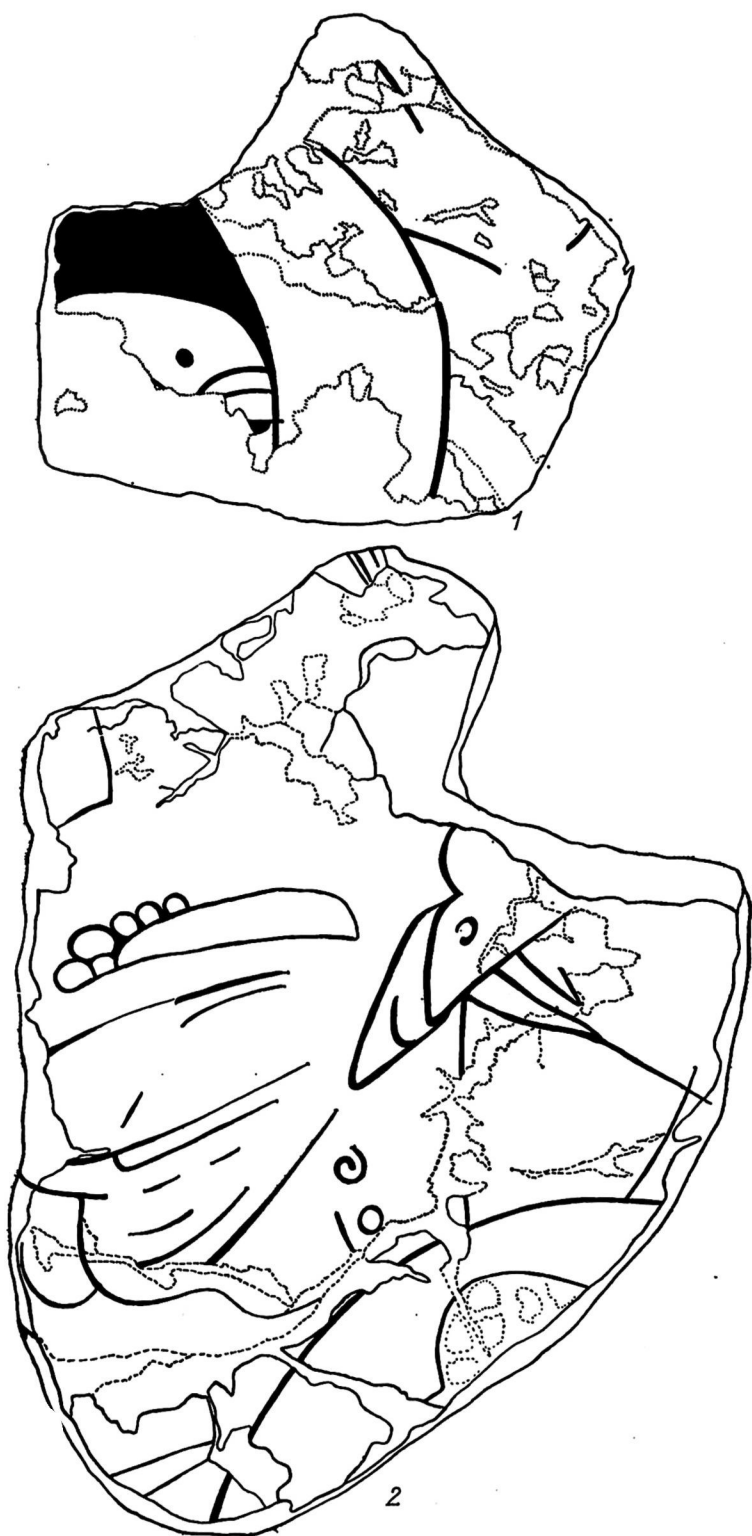
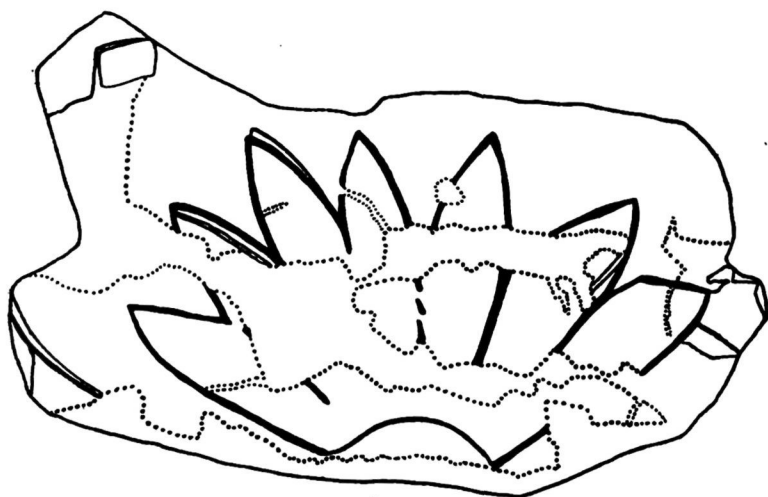

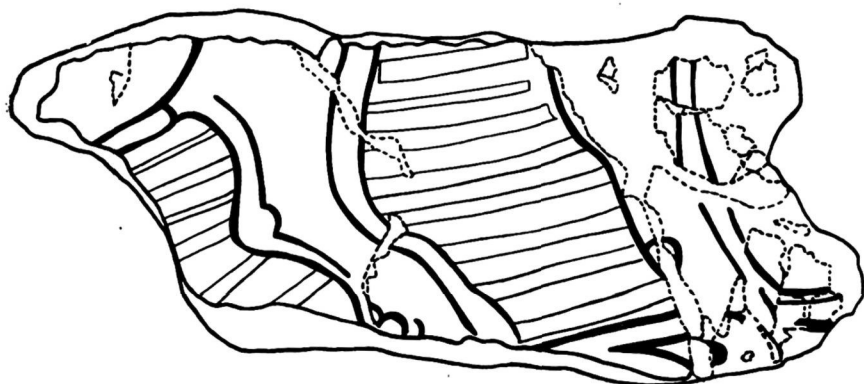
Рис. 40. Кафыркала. Фрагменты настенной живописи из буддийской часовни:
1 — изображение головы Будды; 2 — изображение ног сидящего Будды

1

2

3

Рис. 41. Кафыркала. Фрагменты настенной живописи из буддийской часовни:
1 — изображение руки; 2 — цветок лотоса; 3 — изображение ног животного

3. **Фрагмент с изображением человеческих рук** (рис. 41/1) размером 17×10 см. Две руки — правая и левая. Нарисованы они вполноту натуральной величины. Правая рука показана сбоку, левая сверху. На правой руке — браслет. Рисунок был дан на синем фоне. Первоначальный контур рисунка красно-коричневый, вторичный — черный. Внутри контура — незакрашенная поверхность ганчевой подгрунтовки.

4. **Фрагмент с изображением нимбов** (состоит из трех фрагментов, общий размер — 40×26 см). Два соприкасающихся полуовала мандорлы. Они состоят из разноцветных (синяя, желтая, розовая) полос. Вверху, в пространстве между расходящимися полуовалами, на синем фоне крупный цветок лотоса с острыми желтыми лепестками, контур которых сделан красной линией.

5. **Цветок лотоса** (рис. 41/2), размер изображения — 16×8 см. Изображение цветка плоскостное. Он показан сбоку в раскрытом виде на синем фоне. Из белой чашечки выходят семь розовых лепестков, расположенных веером слева направо. Нижележащие лепестки при этом темного цвета, находясь на вышележащих. Контур лепестков обведен красными линиями, концы их, кроме того, подчеркнуты черной линией.

6. **Фрагмент с изображением идущего влево животного** (рис. 41/3) размером 24×11 см. Сохранились частично две задние и одна передняя нога. Ноги белые, мускулатура показана непрерывной линией. Длина сохранившейся части ног — 10 см, очевидно, она не превышала 15 см. Фон оранжевый, с красными косыми полосами шириной до 0,5 см.

Остановимся вкратце на интерпретации этих фрагментов живописи.

Кафыркалинские лотосы изображены схематично, но со всеми основными «атрибутами» цветка: чашечкой, лепестками, ножкой. Судя по одному более полно сохранившемуся фрагменту живописи, лотосы и их побеги входили в обрамление, которое ограничивало отдельные фигуры будд, т. е. они имели орнаментальный характер. Лотосы при этом доходили до голов будд.

На Аджинатепе побеги лотосов окружают фигуры будд с трех сторон. Непрерывная волнистая или прямая линия толстого побега отделяет ярусы живописи друг от друга, вышележащий от нижележащего. От этого побега вертикально вверх отходят побеги потоньше, которые наверху заканчиваются цветами. В одном случае лотосы поднимаются до колен будд, в другом — до их голов. Побеги с цветами отделяют фигуры будд друг от друга с боков [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 66].

Цветы в настенной живописи изображались по-разному. В одних случаях художники стремились придать им реальную форму, как, например, при изображении цветов лотоса, входящих в украшение прически будды Майтреи на стене пиши Д в Фундукистане (Афганистан); один цветок он держит в правой руке [Bussagli, 1936, с. 40]. Плоскостной вид и умеренную стилизацию имеют цветы на «фресках» целлы замка в Куче (Восточный Туркестан), в живописи Афрасиаба [Альбаум, 1975, с. 85] и Калаи-Кафирниган.

Аджинатепинские цветы, их бутоны и побеги даны в одних случаях в обобщенном виде, но при этом передана их форма. В других же случаях схематизация доведена до такой степени, что растительные элементы изображаются в виде горошин [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 75] и т. д.

Изображения цветов в буддийской живописи и скульптуре встречаются очень часто. Особую роль цветов лотоса в искусстве позднего буддизма подчеркивал А. Грюнведель [Grünwedel, 1970, с. 79, 119—129, 132—134]. Наряду с чисто орнаментальным значением изображения цветов иногда несли смысловую нагрузку, например в сцене «пранидхи» — ритуального подношения цветов, светильников и т. п. изображению будд, бодхисаттв или ступе. Такие сцены характерны для живописи Восточного Туркестана [Грюнведель, 1908, с. 5]. На Аджинатепе сцена «пранидхи» (или типа *Stiftbild*) была запечатлена на стене узкого прохода из кори-

дора XXVIII в угловое помещение XXXI [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1968, с. 106]. На Калаи-Кафирниган в 1975 г. расчищена высокохудожественная настенная живопись, изображающая сцену типа Stifftbild, в которой принимали участие зпатные миряне со слугами и монах [Литвинский, 1981; Litvinskij, 1981].

Фрагмент живописи с изображением сидящих будд, очевидно, является частью многоярусной композиции, подобной тем, что найдены, например, на Аджинатепе. Здесь они располагались на потолках обходных коридоров храмовой половины. В каждом крыле свода было не менее пяти горизонтальных рядов таких изображений. При этом рукам будд были придапы различные положения — мудры [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 61 — 66].

Кафыркалинская живопись выполнена в традициях древнего живописного искусства Средней Азии. Она наносилась на оштукатуренную и покрытую ганчевой подгрунтовкой поверхность стен, сводов и куполов. Прежде всего на белый фоп красной, красно-коричневой или черной краской наносился контур рисунка. Затем контур заполнялся красочным слоем без выделения теней, что придавало рисунку плоскостной вид [Леменов, 1975, с. 13].

Цветовая гамма живописи разнообразна. Она включает черный, серый, красный, желтый, синий, розовый цвета и некоторые их оттенки, белый цвет — незакрашенная поверхность ганчевой подгрунтовки. Соседство ярких, чистых тонов делало рисунок контрастным. Это, видимо, было необходимо для того, чтобы живопись лучше воспринималась присутствующими в полутемных помещениях часовни³⁰.

Для выделения отдельных деталей рисунок подчеркивался иногда еще черной линией, при этом первоначальная и вторичная линии иногда не совпадали. Такая техника зафиксирована на Аджинатепе [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971 с. 68].

Первоначальный контур есть в живописи Балалыктепе (делался для лица, кистей рук, реже для других частей фигур [Альбаум, 1960, с. 171 — 172]), в варахшинской живописи [Шишкин, 1963, с. 152], живописи Пенджикента [Костров, 1954, с. 165—166; Беленицкий, 1973а, с. 40], Хорезма [Толстов, 1948, с. 176; Воробьева, 1952, с. 69], Калаи-Кафирниган, Калаи-Шадмон. В Акбешиме рисунок головы Будды был дан контурной линией, но красочными слоями не заполнен [Кызласов, 1959, с. 201 — 202, рис. 35/7].

Живопись, обнаруженная при раскопках дворца уструпанских афшинов в Шахристане, имеет предварительный рисунок, нанесенный красной охрой. При окончательной отделке росписи наносился темно-красной охрой контур рисунка [Негматов, 1973, с. 188]. Черным контуром обычно обведены лица и их черты в живописи халчаянского дворца [Пугаченкова, 1966, с. 145].

Сравнивая кафыркалинскую живопись с живописью других памятников, следует отметить ее тесное сходство с живописью Аджинатепе. Это сходство касается как техники росписи, так и ее стиля [Литвинский, Денисов, 1973, с. 145]. Сходство кафыркалинской живописи с аджинатепинской не дает пока права говорить о наличии на территории Вахшской долины единой подшколы буддийской живописи, но оно позволяет предполагать существование этой подшколы.

Керамическую плитку с рельефным изображением нашли на городище школьники. В 1968 г. она была доставлена в Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР его сотрудниками Б. А. Литвинским и Ш. Т. Юсуповым (табл. 19)³¹.

Плитка представляет собой обломок какого-то керамического изделия, вероятно хума. Длина ее — 14 см, ширина верхнего торца — 13 см, нижнего — 8 см, толщина — 1,5 — 2 см.

Рельефный медальон сверху слева ограничен узким, наклонным, вдавленным желобком, сбоку справа — рельефным жгутом с пережимами. Та-

кой же жгут, несомненно, был и с другой боковой стороны, а возможно, и внизу.

Ниже наклонного желобка, непосредственно под ним, шел ряд глубоких «пунсонных» вдавлений (сохранилось три). Остальную часть поля, образованного желобком и жгутами квадрата (или прямоугольника), занимает заключенное в овал из пунсонных вдавлений изображение. Размеры овала — 12,5—11,7 см, (вытянут по высоте), диаметр вдавлений, нанесенных трубкой, — 0,8 см.

Изображение профильное: этодвигающийся влево всадник, на которого сзади нападает лев. Сцена очень динамична. Лев показан в прыжке, мускулы его напряжены. Передние лапы льва уже вцепились в тело коня, он взгромоздился на него и раскрыл пасть, намереваясь схватить всадника. Всадник, резко отпрянув и повернувшись назад, пытается защититься кинжалом. Конь под тяжестью наседавшего на него льва и нагнувшегося вперед всадника упал на подогнутые передние ноги.

Конь поджарый, сделана попытка передать мускулатуру. Детали рубчатого повода и его прикрепления к уздечке не показаны. Такие же рубчатые полоски-ремни охватывают грудь и заднюю часть коня. Задний ремень пропущен под хвост (подхвостный ремень), впереди он смыкается с овальным углублением на боку (украшение — кисть?). Выступы на спине, прикрытые передней лапой льва, возможно, должны были передать заднюю луку седла. Подпруги не видно. Из-под платья всадника выступает кайма чепрака в виде редко посаженных коротких рельефных штрихов. Морда коня проработана слабо, суммарно. Хвост — в виде короткой гладкой горизонтальной полоски, заканчивающейся более широкой веерообразной кисточкой.

Всадник изображен в профиль, в сложном развороте: он сидит на едущем влево коне, верхняя часть туловища повернута назад, под углом 180° к нижней. Поза, конечно, неестественная. Голова же показана не в профиль, а почти в три четверти. Всадник одет в узкий кафтан, перетянутый в талии поясом. Кафтан имеет узкую центральную полосу, на которую находит очень большой (по высоте — почти $\frac{2}{3}$ верхней половины фигуры, по ширине — во всю ширину груди) треугольный, отороченный узкой полоской вдоль края, правосторонний отворот. Нижняя часть его больше верхней, граница его внизу — прямая, вверху — вогнутая. На поле кафтана — глубокие прямые вертикальные складки, глубокие же складки показаны на нижней части рукава снаружи и легкие — у плеча снаружи.

Нижняя часть кафтана, его пола, дугообразная, из-под нее выступает часть бедра, колено и нижняя половина ноги. Пола откинута назад, что показано дугообразными складками, завершающимися горизонтальными S-образными завитками.

Ногу плотно облегают штаны, по оси — вертикальные точки. Нога (в ичиге?) оттянута носком вниз. Ниже ноги всадника — орнаментальные завитки, возможно, стилизованное изображение растительности.

Лицо (нос отбит) — округлое безбородое, очертания его мягкие, округлый подбородок тяжелый. Волосы переданы извилистыми прядями, глаз — широким кружком. В ухе — серьга, детали которой не видны.

К поясу косо подвешен длинный прямой меч (на левом бедре). Перекрестие (слабо видно) в виде изломанной скобы уширением вниз. Ниже перекрестия, на поясах — два округлотреугольных выступа, от которых к поясу отходят две округлые полоски (решетки). В правой руке кинжал, широкий и плоский, конец его не заострен.

Лев опирается передними лапами на среднюю часть спины коня, непосредственно за всадником, задняя лапа проработана лишь в верхней части. Хвост с гладкой кисточкой задран вверх. Тело упруго напряжено, хорошо моделированная голова касается туловища всадника. Пасть раскрыта, клыки обнажены. Очень хорошо — завитками — показана грива, на животе — вертикальные штрихи. На лопатке — вихревая розетка.

Техника: на стенку хума был предварительно наложен лепешкообразный плоский налеп толщиной 7—9 мм по размеру штампа и затем с помощью штампа оттиснуто изображение. При этом нажим был сильнее сзади и внизу изображения. Затем был сделан овал из кольцевых вдавлений и прикреплена полоска — хвост льва.

Охота на львов — распространенный сюжет в искусстве Древнего Египта и древнего Переднего Востока. Ассирийские цари постоянно охотились на них — в то время в джунглях Месопотамии львы были очень многочисленными. Тиглатпаласар I провозгласил, что он, пеший и на колеснице, убил 920 львов; позже Ашшурнасирапал II сообщал о более «скромной» цифре убитых им львов — он убил 450 хищников [Barnett, 1957, с. 70]. В Ассирии царская охота на львов имела ритуальное значение. Позже, начиная с ахеменидского времени, такое же значение ее утвердилось и в Иране³².

Сасанидское искусство продолжило эту традицию (скальные рельефы, произведения торевтики, глиптики и др.) — охота являлась «главной утехой царей и их вассалов» [Орбели, 1924, с. 152; Orbeli, 1967, с. 723]. Наряду с обычным, ставшим уже традиционным иконографическим типом единоборства пешего царственного охотника и льва оно создало в торевтике³³ еще два других типа (или модели).

Согласно О. Грабару, изображения сцен охоты на памятниках сасанидской торевтики следуют трем моделям.

Первая модель: царственный охотник едет верхом, часто — обернувшись назад. Его одежда обычно демонстрирует все характерные детали официального костюма. В большинстве случаев он охотится с помощью лука и стрел, но у него есть и другое оружие. Животных лишь два: одно — под всадником, другое, стоящее на задних лапах, — в правой части композиции. Животные принадлежат к одному виду, чаще всего это львы, но изображаются также кабаны и медведи. Единоборство со страшным диким зверем свидетельствует о необычайной смелости и силе охотника, его могуществе. Поле композиции разделено на две неравные части: нижний зверь — нечто вроде этикетки, обозначения сцены. Эти две части тематически теснейшим образом связаны, поэтому сцена в целом выглядит как единая, нередко даже «перенасыщенная». О. Грабар высказал предположение, что этот иконографический тип был создан сначала в другом материале и лишь потом перенесен в торевтику. Он существовал уже в раннесасанидское время. «Исторически, — пишет О. Грабар, — это наиболее важный тип» [Ghabar, 1967, с. 47—48].

Вторая модель — стоящий царственный охотник наносит удар копьём (или кинжалом) или накидывает лasso на животное.

Третья модель — несущийся галопом царственный охотник стреляет из лука в диких травоядных (газели и др.). Их несколько, они образуют полукруг за всадником и под ним [Ghabar, 1967, с. 48—49].

Существуют экземпляры, в которых «модель» представлена не в чистом виде, а с примесью черт другой модели [Ghabar, 1967, с. 49—50].

Для кафыркалинского изображения представляет интерес сопоставление с изображениями первой модели охотничьих сцен. На произведениях круга сасанидской торевтики, относящихся к этой модели, взаиморасположение льва и всадника различно.

Первый вариант: стоящий на задних лапах лев нападает на поражающего его всадника спереди, второй (убитый) лев — под ногами коня [Смирнов, 1909, табл. XXVI, XXVII, XXXIII, XXXIV/63]³⁴; в одном случае стоящий лев обращен к всаднику спиной [Смирнов, 1909, табл. XXXII; Lukonin, 1967, фиг. 140].

Второй вариант: стоящий на задних лапах лев нападает на поражающего его всадника сзади, второй (убитый) лев — под ногами коня. При этом фигура льва почти вертикальная или слегка наклоненная, поднятые вверх или протянутые вперед лапы зверя не достигают крупа коня, т. е. зверь отделен от коня некоторым пространством (см. блюдо с изображе-

нием охоты Шапура II [Орбели, Тревер, 1935, табл. 6; Lukonin, 1967, фиг. 138]. На блюде, экспонировавшемся в Музее искусств Мичиганского университета (из анонимного собрания), корпус льва слегка наклонен, левая лапа льва и держащая оголовье лука левая рука охотника почти соприкасаются [Sasanian Silver, 1967, с. 93, табл. 1]. То же самое, но фигура льва более наклонена на блюде из Кливлендского музея искусств [Shephard, 1964, цв. табл.; Harper, 1978, с. 38—39, фиг. 6]. На блюде из Сари (Музей Иран-Бастап, Тегеран) всадник стреляет во льва, стоящего на задних лапах за конем и обращенного к охотнику спиной [Shephard, 1964, фиг. 5; Harper, 1978, фиг. 3; Ghirshman, 1962, фиг. 248].

Среди изображений второго варианта есть такие, где лев максимально приближен к коню и даже нависает над ним. Так, на постсасанидском блюде из Эрмитажа с надписью VII в. одна (левая) лапа льва вытянута над крупом коня [Смирнов, 1909, табл. XXXIII; Орбели, Тревер, 1935, табл. 3; Lukonin, 1967, фиг. 137]. На блюде из Музея искусств в Цинциннати лев как бы нависает над крупом коня, его передние лапы вытянуты над спиной коня, всадник же наклонился вперед, к шее коня и, обернувшись назад, наносит удар мечом [Sasanian Silver, 1967, с. 96, табл. 8].

Эта сцена нашла отражение не только в торевтике, но и в резьбе по штукатурке и в глиптике. На фрагментированном штукатурном панно из Ирана, хранившемся в Исламском отделе Берлинского музея, левая лапа хищника впилась в круп коня; всадник, повернувшись, слегка наклонился в сторону зверя и стреляет в него [Sarre, 1925, табл. 152].

На сасанидских печатях сцена охоты встречается не очень часто [Brunner, 1978, с. 74]. Тем не менее печати с такими изображениями есть, в их числе — печати с изображениями сцены, где всадник поражает стоящего спереди льва [Göbl, 1973, табл. 4/6c; SPA, 7, табл. 256—B; Frye, 1971, табл. XXXVIII/67].

Есть и другие изображения — где лев (или другой хищник) нападает сзади [Frye, 1971, табл. XXXVIII/64]. На сасанидской печати VI—VII вв. из Государственного Эрмитажа (коллекция Б. Н. Кастальского) изображен всадник, сзади него — «фигура вздыбившегося льва, терзающего когтями круп коня» [Борисов, Лукопп, 1963, с. 97, № 128].

Однако при полном тематическом тождестве иконографическая трактовка сцены на кафыркалинском рельефе весьма отличается от большинства сасанидских экземпляров. На сасанидских произведениях торевтики, как указывалось, обычно ниже коня имеется второй, уже убитый лев. Единственное исключение — блюдо из сокровищницы миров Бадахшана, где лев один, но, поражаемый всадником, он находится перед конем и под его передними ногами [Смирнов, 1909, табл. XXXIV/62]. На кафыркалинском рельефе также показан один хищник.

Второе, более существенное отличие — каноничность сасанидских изображений. Царь или принц спокойно и изящно поражает страшного зверя. Никакого накала борьбы, никакой экспрессии. Перед зрителем — символ царского могущества, хотя, как отметил О. Грабар, в некоторых случаях, особенно в скальных рельефах и штукатурных панелях, появляется тенденция к повествовательности [Grabar, 1967, с. 53]. Кафыркалинский рельеф дает принципиально иную трактовку. Охотник и зверь — равноценные противники, более того, в момент, запечатленный на изображении, всадник почти повержен. Все это подчеркнуто позой упавшего на передние ноги коня и сильным, почти неестественным ракурсом всадника. Лев близок к победе, охотник в смертельной опасности, но он еще может предотвратить свою гибель, если удачно нанесет удар.

Поворот назад был одной из самых сложных иконографических задач для авторов сасанидских произведений. Иногда эта задача решалась вполне успешно — см., например, блюдо из Красной Поляны второй половины III в. [Лукопп, 1961, табл. XI]. Можно привести и другие примеры. Но так было далеко не всегда. Известны случаи, когда тореут, чтобы избе-

жать сложностей, просто развернул фигуру всадника, посадив его спиной к голове коня, но зато обратив в сторону зверя, — блюдо из Сари [Shephard, 1964, фиг. 5; Harper, 1978, с. 33—34, фиг. 3; Ghirshman, 1962, фиг. 248]. Поза кафыркалинского всадника в отношении передачи ракурса может быть сближена с позой всадника на упоминавшемся шутовском панно из Ирапа [Sarre, 1925, табл. 152]. Но еще более близкое сходство находим на одном из изображений на серебряной чаше Британского музея, как будто происходящей из долины Свата. Один из эпизодов охоты изображен следующим образом [Dalton, 1964, № 201, табл. XXX внизу]. На скачущего влево всадника сзади напал лев. Его передние лапы — на крупе коня, который под тяжестью зверя присел на задние ноги. Всадник, снасаясь, наклонился вперед. В поднятой левой руке он держит ставший бесполезным лук, а правой вопзил меч в шею зверя. Поворот верхней половины тела не столь сильный (в три четверти), голова обращена к зверю и поднята вверх.

В двух других эпизодах нападающие сзади тигры отделены от всадника некоторым расстоянием [Dalton, 1964, табл. XXX сверху, XXI внизу]. Третий эпизод описан выше. Изображение на кафыркалинском рельефе показывает как бы следующий, отсутствующий на чаше эпизод этого полного драматизма действия.

На указанной выше чаше — надпись на брахми, которую датируют 400—450 гг. Указав на следование иконографической схеме сасанидских прототипов и на наличие отдельных элементов индийского характера, О. М. Дальтон датировал чашу этим же временем. Он обратил также внимание на то, что тип лиц — центральноазиатский [Dalton, 1964, с. 54—55].

Форма этой чаши и тематика изображений на ней связаны с сасанидским искусством. Вместе с тем имеются многочисленные признаки влияния индийской иконографии. Б. И. Маршак датирует чашу примерно 50—60-ми годами V в. и атрибутирует как эфталитскую. Возможно, что эта чаша относится к произведениям тохаристанских торевтов [Маршак, Крикис, 1969, с. 71—73, 76—77]. Его аргументация очень убедительна. Сопоставление сватской чаши и кафыркалинского рельефа показывает, что в Тохаристане имела место своеобразная трактовка популярного сюжета: охотящийся всадник — лев.

Итак, идея, заложенная в кафыркалинском рельефе, в конечном счете восходит, видимо, к иранской, точнее — сасанидской модели или, скорее, инспирирована ею. Конкретное же воплощение, вся трактовка — местные, тохаристанские. Это относится не только к общей схеме и духу изображения, но и к его деталям. Лицо явно передает местного этнический тип, запечатленный в живописи Балалыктене, Аджипатена и Калан-Кафирниган. Кафтап также местного покроя, с правым отворотом.

Наличие сюжета: всадник охотится на льва (или лев нападает на всадника) — уже давно выявлено для раннесредневекового Согда; этот сюжет известен в живописи Афрасиаба [Альбаум, 1975, с. 60, 62, 85, рис. 16—17, табл. XXXIV, XXXV] и Варахши [Шышкин, 1963, с. 153—155, табл. I—IV] и в резном дереве Пенджикента [Беленицкий, 1973, с. 35—36, табл. 46—50]. В афрасиабской живописи, как и на кафыркалинском рельефе, изображен жестокий бой между хищниками³⁵ и героем (героями). Теперь, благодаря кафыркалинскому рельефу, становится очевидным, что этот сюжет был распространен и в Тохаристане.

Как известно, изображение охоты было в сасанидской торевтике обычным на изделиях, предназначенных для подарков, — многие из них найдены за пределами собственно Ирапа. «Следовательно, вполне объяснимо поразительно большое количество вариаций и реинтерпретаций, ибо, каким бы ни было исходное символическое значение охоты в самих сасанидских моделях, распространение в различных регионах и в различное время сделало их особенно восприимчивыми к иным, новым значениям» [Grabar, 1967, с. 53—54].

Этот сюжет, разумеется, и в Тохаристане имел некий ритуальный смысл, о чем свидетельствует, в частности, вихревая розетка на лопатке льва кафыркалинского рельефа³⁶, вероятно подчеркивающая его солярную сущность (хотя зоологи предлагали иное истолкование такой розетки), соотнесенность его с Митрой [Duchesne-Guillemin, 1961, с. 74; Cumont, 1956, с. 152—153, 185; Vermaseren, 1960, *passim*]. Однако кафыркалинский рельеф не является достаточным поводом для рассмотрения проблемы семантики этой сцены в полном объеме³⁷.

Таким образом, предметы материальной культуры и памятники искусства Кафыркалы имеют много общего с соответствующими материалами из других районов Средней Азии, Казахстана и Сибири, а также сопредельных стран. Особенно это касается керамики, стеклянных изделий, наконечников стрел, некоторых предметов туалета и памятников искусства.

Широкие аналогии, отмеченные выше, свидетельствуют о том, что развитие ремесел и искусства на изучаемой территории происходило не изолированно. Длительные и глубокие экономические и культурные связи, существовавшие между Бактрией — Тохаристаном, Согдом и другими областями Средней Азии, а также соседними государствами в кушанский период и в более раннее время, продолжают развиваться в раннее средневековье.

Отдельные государственные объединения или владения, существовавшие длительное время, представляли собой не только политическую и этническую, но и экономическую, культурную общность. Этот фактор, в свою очередь, объясняет специфику материалов с их территорий. Владение Вахш оказалось очень показательным в этом отношении.

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СВЯЗИ ТОХАРИСТАНА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Древнейшее упоминание Тохаристана, относящееся к 383 г., содержится в китайском тексте буддийского сочинения *Vibhāsa-śāstra*, где, в частности, говорится, что Будда лучше понимает язык жителей страны *Tou-k'ü-le* (Тохаристана), чем сами жители этой страны¹. В другом буддийском источнике, *Māhāmauryi* (первые частичные переводы его на китайский язык относятся к IV в., а полный — к началу VI в.), в списке якиш упоминается *Vaiśravaṇa* — якиши Тухара. С. Леви считает, что под «Тухарой» следует понимать «народ Тохаристана с его рекой Оксом» [Lévi, 1915, с. 53, 102]. В китайском источнике эта страна фигурирует как Тухоло (*T'ou-ho-lo*, *Tou-ho-l'o* или *T'ou-hou-lo*) [Chavannes, 1903, с. 155]. Согласно источникам того времени, раннесредневековый Тохаристан включал земли к северу и к югу от Амударьи (нынешний Южный Таджикистан, Сурхандарьинская область Узбекистана и северные области Афганистана).

Общие контуры истории Тохаристана в раннее средневековье известны. С упадком могущества кидаритов² Тохаристан вошел в состав эфталитского объединения. Далее следуют борьба с тюрками, установление тюркского господства, вторжения сасанидских войск, внутренние войны. Вместе с тем сколько-нибудь ясной картины внутренней истории Тохаристана и его отдельных областей нет. Возможно, расшифровка надписей на местных эмиссиях (о них см. ниже) позволит прояснить эту картину³.

Самое раннее сообщение, касающееся непосредственно владения Вахш, принадлежит паломнику-буддисту Сюань-цзану (около 633—645 гг.). Согласно этому сообщению, Вахш⁴ являлся одним из 27 владений Тохаристана и располагался между владениями Кобадиян (примыкавшим к нему с запада) и Хутталь (примыкавшим с востока). Владение достигало в длину с севера на юг 500 ли (200 км) и в ширину 300 ли (около 120 км). Следовательно, владение Вахш по длине, т. е. с севера на юг, занимало всю Вахшскую долину, а по ширине, т. е. с запада на восток, выходило за ее пределы (максимальная ширина долины — 25 км). Размеры его столицы и столицы Термеза одинаковые (16—17 ли в окружности, что составляет около 6,4—6,8 км) [Beal, 1906, с. 38—41]⁵.

В других письменных источниках, относящихся к раннему средневековью, сведения о владении Вахш еще более незначительны [Chavannes, 1903, с. 276—277]. Однако для его характеристики можно, с известными ограничениями, привлекать имеющиеся сведения о Тохаристане в целом, прежде всего о его политической и этнической истории, сельском хозяйстве, торговле и др.

Так, хроника «Бэй-ши» (начало VII в.) сообщает о том, что земля в Тохаристане пригодна для выращивания всяких злаков. Имеются хорошие лошади, лошаки и верблюды. В столице е-да (эфталитов) — городе Бадиань⁶ имеется множество буддийских сооружений. Существует полиандрия [Бичурин, 1950, с. 267—268]⁷.

Согласно «Чжоу-шу» (середина VII в.), этот столичный город Ба-диань (Pa-ti-uep) имел размер около 10 ли в окружности и был окружен стенами [Accounts, 1959, с. 11—12; Enoki, 1959, с. 30].

«Лян-шу» (начало VII в.), рассказывая о стране Бо-ти (Балх—Тохаристан), сообщает, что там сеют рис, пшеницу, выращивают арбузы, разные фрукты [Enoki, 1959, с. 3].

В хронике «Суй-шу» (начало VII в.) говорится, что в Тохаристане живут ху (так китайцы называли местных жителей Средней Азии) и е-да (эфталиты). Они поклоняются Будде. Имеет место полиандрия [Бичурин, 1950, с. 285—286; Enoki, 1959, с. 33].

Хроника «Тан-шу» (вторая половина VII — начало VIII в.) также сообщает о том, что тухолосцы (тохаристанцы) живут вместе с е-да (эфталитами). Богатые жители носят шелковые одежды, а бедные — одежду из белого сукна. Имеется много риса и каменного меда. Из Тохаристана в Китай было поставлено до 200 видов редких лечебных растений, стекла красного и изумрудного цвета [Бичурин, 1950, с. 321—322].

Паломник-буддист Хуэй-чао, побывавший в Средней Азии в 726 г., дал общее описание Тохаристана, а также одного из его владений — Хуттале, соседнего с Вахшем, а иногда и включавшего владение Вахш. Эти описания в основном совпадают, поэтому дадим их суммарно.

Тохаристаном овладели арабы. Царь бежал от них и паходится в Бадахшане. В стране живет много тюрок. В Хуттале они составляли половину всего населения, вторая половина — жители местные. Как царь Тохаристана, так и хуттальский царь, знать и народ почитают учение Будды хинайнистского толка. Имеется много монастырей и монахов. Существует полиандрия.

Выращивается хлопок, виноград. Есть верблюды, мулы, лошади, овцы, крупный рогатый скот, ослы. В Хуттале изготавливаются хлопчатобумажные ткани и шерстяные ковры. Излюбленная еда — высушенные изделия из теста. Жители носят одежды из хлопчатобумажных тканей и меховые шубы [Fuchs, 1938, с. 449, 452—453].

Археологические и нумизматические материалы с территорий, входящих в Тохаристан, позволили во многом конкретизировать представления об их истории и истории культуры. Так, в частности, изучение археологических памятников Вахшской долины и нумизматических коллекций⁸ позволило Т. И. Зеймалю сделать предположение о том, что в конце кушанского периода — самом начале раннего средневековья она была разделена на два почти равных по величине владения. Граница между ними проходила несколько севернее Кафыркалы. Там стояла крепость Уртабоз, которая контролировала большой участок местности, в том числе и Кзыл-тумшукскую горловину.

Приблизительно во второй половине VI в. эти владения, по-видимому, были объединены в одно большое владение. Пограничная крепость Уртабоз I прекратила свое существование. Был прорыт канал Кафыр, который специально подвели к городищу Кафыркала. Изменения прослеживаются, видимо, и в монетном чекане.

Городище Кафыркала стало единым центром долины. Т. И. Зеймалю отождествила его с упоминаемой Сюань-цзаном столицей области Вахш. Цифры, приведенные им относительно ее размеров, кажутся преувеличенными применительно к Кафыркале. Однако следует учесть, что, во-первых, Сюань-цзан не видел города, он пользовался сообщением информатора; во-вторых, не исключено, что размеры города давались по внешним границам пригорода, который вплотную подступал со всех сторон к городу и цитадели.

Идентификация Кафыркалы со столицей владения Вахш основывается на том, что городище Кафыркала по своим размерам значительно превосходило другие городища VII—VIII вв., находящиеся в долине. Кроме того, городище расположено в самом центре долины, что облегчало осуществление административного управления владением. Это, наконец,

подтвердили и раскопки цитадели, где находился большой дворец, в котором жил правитель владения Вахш.

В. А. Лившиц при расчистке остатков рукописи на бересте, найденных в аудиенц-зале, нашел черепок с арабской надписью (о нем см. ниже), на котором он прочитал слово «хелаверд». В связи с этим представляется вероятным, что раннесредневековая столица владения Вахш, известная ныне как городище Кафыркала, называлась Хелавердом.

После арабского завоевания столица владения была перенесена на 12 км к северо-западу от Кафыркалы, на берег р. Вахш, где сейчас располагается крупное городище Лягман. Очевидно, перенос столицы владения Вахш в другое место не повлек за собой изменения ее названия.

Столица владения Вахш скорее являлась средним, чем крупным городом. Во всяком случае, она значительно уступала таким городам, как Мерв, Балх или Самарканд⁹, и столицам ряда других областей Тохаристана (Термез, Бухара и др.). Она была сопоставима со средними нестоличными городами. Приведем в качестве примера городище Кафыртепа близ поселения Бешкапа (Вахшская долина). Это квадратное, обнесенное валом городище со сторонами в 305 м по гребню вала; площадь его несколько более 9 га. Посредине западного края городища — бугор-цитадель. Имелось двое ворот — в середине северной и южной стен. Вокруг городища был ров. Рельеф внутренней части городища образован несколькими крупными буграми. В 1961 г. Т. И. Зеймаль заложил здесь стратиграфический шурф, который вскрыл остатки сооружения. Его стены сложены из нахсовых блоков и сырцового кирпича, отношение сторон 1:2. Судя по строительным остаткам, керамике и монете с круглым отверстием (найдена на полу постройки), здание и городище относятся к VII—VIII вв. [Беленицкий, 1950в, с. 142—143, табл. 71/1; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964, с. 87—88; Зеймаль Т. И., 1971б, с. 45].

Значительно больше было в Тохаристане мелких городов («городков»). Одним из них являлся Калаи-Кафирниган, раскопки которого осуществлялись под руководством Б. А. Литвинского в 1974—1980 гг.

Сопоставимые по площади с Калаи-Кафирниган (ок. 3,5 га) городища имелись и в Сурхандарье. Примером может служить наиболее крупное поселение Ангорского оазиса (19 памятников) — городище Кулаглытепе (Зангтепе) (площадь ок. 3 га) [Аннаев, 1984а, с. 4].

В Вахшской долине известны и более мелкие, чем Калаи-Кафирниган, поселения. Много таких поселений было и в Сурхандарьинской области [Ртвеладзе, 1977, с. 90]¹⁰.

Что дают раскопки в городах, о которых говорилось выше? Прежде всего, они конкретизируют представления о раннесредневековом городе Тохаристана — его структуре и планировочной схеме. Благодаря раскопкам Кафыркалы мы получили весьма полную информацию о цитадели города — столицы области, а также о структуре города в целом, который, как предполагал А. Ю. Якубовский, мог отличаться от городов Хорезма и Согда [Якубовский, 1955, с. 125].

Из каких частей город состоял? Какую имел планировку? Каков был социальный состав его населения? Эти и многие другие вопросы возникают при изучении памятника. Сейчас дать исчерпывающие ответы на многие из них нет возможности. Это дело будущего, когда городище будет раскопано в такой же мере, как, например, древний Пенджикент.

Однако часть вопросов уже сейчас может быть освещена более или менее полно. Это касается прежде всего характеристики составных частей города. Кафыркала состоит из трех основных частей: 1) цитадели, 2) собственно города, 3) пригорода¹¹. Судя по правильной форме внешнего абриса квадрата, образованного собственно городом и цитаделью, они возводились одновременно и по единому плану.

Цитадель, которая располагалась в северо-восточном углу города, защищала его при нападении неприятеля. В то же время, окруженная со всех сторон рвами и стенами, она была рассчитана на оборону в случае

захвата города врагом. Иначе говоря, такое расположение цитадели и собственно города предполагало во время ведения военных действий взаимодействие между расположенными в них воинскими силами, так как в случае захвата неприятелем цитадели город лишался важного опорного пункта, в случае же падения города цитадель оказывалась в окружении.

Цитадель могла успешно противостоять не только внешнему, но и — в случае восстания — внутреннему врагу [Воронина, 1959в, с. 92]. Принцип ее застройки (как и шахристанской Калаи-Кахкаха I), позволяющий называть цитадель «дворец-крепость», существенно отличает ее от застройки двух наиболее полно изученных городских цитаделей Согда — Варахши и Пенджикента. В Пенджикенте, как выяснил в ходе раскопок А. Исаков [Исаков, 1971, с. 97—120], первоначальные раскопки Л. И. Тереножкина [Тереножкин, 1950а, с. 81—93] и Б. Я. Ставиского [Ставиский, 1950, с. 94—99] производились в донжопе, возвышавшемся над дворцом, т. е. в данном случае цитадель была двухчастной не только по членению, но и по назначению. Аналогичное решение, видимо, было и в Варахше. Представляется, что раскопанный дворец являлся местом постоянного обитания правителя, а западная, ранняя часть цитадели, которую исследователи считают жилой [Нильсен, 1956а, с. 88; Нильсен, 1966, с. 35—45; Шпш-кин, 1963, с. 85—96], была донжопом, служащим правителю не для жилья, а для укрытия в случае осады.

В научной литературе неоднократно отмечалась генетическая связь между цитаделью и феодальным замком. Действительно, замок можно назвать отдельно стоящей цитаделью. Замки хорошо укреплялись, имели все необходимые для жизни в них помещения, богато украшались. Существенно не отличались и размерами.

И все же различия между замком и цитаделью есть. Они имеют прежде всего социальную основу. Цитадели, такие, как кафыркалинская, шахристанская, варахшинская, являлись резиденциями правителей целых владений (государств), которые осуществляли иные функции, чем феодалы — собственники крупных земельных угодий в этих владениях. Соответственно во дворцах правителей имелись крупные аудиенц-залы, в которых они, видимо, собирали своих подчиненных, принимали посольства и т. д. Вероятно, именно в цитаделях (во всяком случае — в некоторых из них) располагались органы государственного управления, казначейство, монетный двор.

О застройке городской территории можно судить пока преимущественно по ее рельефу. Она, видимо, имела вполне урбанистический характер. В плане города выделяются большие строительные массивы, соединенные узкими улицами с основной городской магистралью. Раскопанный городской дом, очевидно, принадлежал богатому горожанину, может быть аристократу, так как в нем имелся большой парадный зал, украшенный настенной росписью.

Постройки пригорода пока не раскапывались. Они, как указывалось, окружали город со всех сторон, образуя местами крупные всхолмления. Застройка пригорода, судя по его рельефу, включала как изолированные усадьбы, так и участки с несколькими слитыми вместе усадьбами. Границы пригорода, как и наличие или отсутствие стены вокруг него, установить сейчас невозможно. В 1975 г. при хозяйственных работах в северной части пригорода были найдены большие хумы.

Наличие пригорода сейчас четко зафиксировано у городища древнего Пенджикента (здесь проводились его раскопки) [Большаков, Негматов, 1958, с. 45; Беленицкий, 1967, с. 8; Беленицкий, 1973, с. 43]; у Бундиката, столицы Уструшаны (крепости-дворцу, городу и пригороду соответствуют городища Калаи-Кахкаха II—I—III) [Негматов и др., 1966, с. 194; Негматов, 1968, с. 23]; пригород имелся у раннесредневекового Ходжента [Негматов, 1954, с. 121]; трехчастное членение отмечено для Тараза раннесредневекового периода [Сенигова, 1966, с. 70, 73, 78; Се-

нигова, 1972, с. 204]; возможно, пригород имела часть городов в Киргизии [Кожемяко, 1959, с. 176].

В. Н. Куренной, анализирующий в своих работах градостроительство в Средней Азии VII—XII вв., высказал два несколько отличающихся друг от друга мнения. Так, в тезисах к совещанию по средневековым городам Средней Азии и Казахстана, проходившего в г. Фрунзе в 1970 г., он пишет, что «факт зарождения рабадов в домусульманское время нельзя считать окончательно установленным» [Куренной, 1970, с. 62]. Позже, в автореферате кандидатской диссертации он все же соглашается «с каким-то обживанием за чертой города» в раннесредневековый период [Куренной, 1973, с. 9].

На наш взгляд, понятия «пригород» и «рабад» смешивать не следует. Для раннесредневековых загородных построек Средней Азии, видимо, приемлем термин «пригород», так как иного специального названия для него нет. После арабского нашествия применительно к пригородной части города правомочно употреблять специальный термин «рабад» арабского происхождения. Дело даже не столько в уточнении терминологии, сколько в учете качественного отличия этих частей города в домусульманское (собственно раннесредневековое) и мусульманское (собственно средневековое) время. Трехчастное членение среднеазиатского города зародилось задолго до этого, еще в древности [Пьянков, 1973, с. 134]. Причины для появления пригорода могло быть несколько. Одна из них — урбанизация. Город, обнесенный стеной и лишенный тем самым роста вширь, «выплескивался» паружу. Это, так сказать, «внутренние» причины.

Города были центром притяжения для крестьян, снабжавших его продуктами, и ремесленников, поставлявших изделия на городской рынок. Они селились вблизи городов, образуя постепенно пригород и сельскохозяйственную округу. Немаловажным для людей, селившихся вокруг города, было и то, что они могли укрыться в случае опасности за его стенами. Это — «внешние» причины появления пригорода.

Таким образом, Кафыркала являет собой пример города с тремя основными образующими его частями, а это — важный аргумент в пользу тех ученых, которые считают раннесредневековый город прототипом города развитого средневековья [Толстов, 1949, с. 22, 24; Якубовский, 1951, с. 13; Мандельштам, 1964, с. 64, 66; Беленицкий, 1967, с. 11; Беленицкий, 1973, с. 43], для частей которого в арабской терминологии имелись следующие термины: «кала» (цитадель), «медина» (собственно город), «рабад» (пригород), а в таджикско-персидской соответственно: «кухендиз», «шах-ристап» и (заимствованный из арабского) «рабад» [Бартольд, 1966, с. 173].

Конечно, было бы совершенно неверно утверждать, что раннесредневековый город в Средней Азии имел только трехчастное деление. Однако можно все же сказать, что у большинства столичных городов, являвшихся культурными и политическими центрами государств или отдельных владений, имелся пригород.

Нет однозначного ответа и на вопрос о путях формирования раннесредневековых городов. В Хорезме, например, часть из них возрождается в пределах античных городов, другая часть образуется вокруг замков феодалов [Толстов, 1948, с. 98; Толстов, 1949, с. 24]¹². Кафыркала — это пример одновременного возведения цитадели и города, их четкой планировки. Поэтому не правы были В. А. Лавров [Лавров, 1950, с. 50] и Г. А. Пугаченкова, которая поддержала его [Пугаченкова, 1958а, с. 145], утверждавшие, что был единый путь, а именно образование городов вокруг замков.

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что раннесредневековый город Северного Тохаристана развивался, очевидно, в тех же традициях, что и некоторые крупные города Средней Азии.

Изучение Калаи-Кафирниган (если брать в целом) не только дало представление о типе укрепленного небольшого города с цитаделью, но

и значительно расширило знания о планировке и структуре шахристана тохаристанского города.

Еще один, причем весьма существенный аспект — это проблема перехода от города эпохи древности к городу эпохи средневековья: был ли этот процесс непрерывным или же существовал какой-то перерыв?

Проблема эта, возникающая при изучении городов Западной Европы и получившая наименование «проблема континуитета», актуальна и для Востока, в том числе Индии (см. обзор [Ашрафян, 1977, с. 122 и сл.]) и, разумеется, Средней Азии. Тохаристанские материалы не дают сколько-нибудь основательных аргументов для решения основного вопроса этой проблемы: являлась ли социально-экономическая структура ранне-средневекового города закономерным развитием структуры древнего города или же отличалась (и в какой степени) от нее? Пока можно лишь сказать, что раннесредневековые города нередко развивались там же, где раньше, в кушанское время существовали поселения, а на Калан-Кафирниган — в пределах кольца стен, возведенного в древности.

В более общей форме (о соотношении городов древности и средневековья, об этапе «кризиса», приведшего к упадку городской жизни и ремесленного производства) эта проблема вызвала продолжительную и сложную дискуссию, к которой мы не собираемся возвращаться. Отметим лишь, что вопреки высказывавшемуся мнению [Аппаев, 1977, с. 88] фактические материалы отнюдь не свидетельствуют об упадке городской жизни в Тохаристане в период раннего средневековья. Сторопники точки зрения об упадке ссылаются на то, что одни города кушанского времени в раннее средневековье запустели, лежали в руинах, в других же была обжита лишь часть их площади. Оценка всей совокупности фактов позволяет утверждать, что в раннее средневековье в соответствии с новыми условиями социально-экономической жизни происходила перестройка, может быть, даже коренная, «сетки» городских поселений, возникало много новых поселений, в том числе средних и крупных. Внутренняя структура городских поселений, насколько мы себе представляем по неполным данным, изменилась.

Вместе с тем, несмотря на серьезнейшие трансформации, во всех областях городской жизни, материальной культуры и искусства прослеживаются связи с предшествующей эпохой.

Это действительно так. Можно также привести подсчеты, согласно которым из 107 раннесредневековых памятников Сурхандарьинского региона Северного Тохаристана 44 памятника, основанные еще в кушанское время, обижались в раннее средневековье, а 63 возникли непосредственно в V — первой половине VIII в. [Аппаев, 1984а, с. 16]. Эти подсчеты основываются главным образом на подъемном материале, в котором ранние слои представлены хуже (иногда и не представлены), и поэтому абсолютно верить им не приходится, но определенное, сугубо ориентировочное значение они все же имеют. Серьезные изменения в характере инфраструктуры а также материальной и духовной культуры относятся ко второй половине IV—V в. Генезис раннесредневековой культуры Тохаристана, как и Средней Азии в целом, связан с древней культурой соответствующих областей, однако не ограничивается этим субстратом. Значительные этнические массивы, пришедшие из других регионов, безусловно, внесли свой вклад в развитие самих основ культуры в Средней Азии, в том числе и Тохаристане. Культурный синтез, подразумевающий взаимодействие и слияние различных элементов, протекал под воздействием культурных влияний, шедших с востока, юга и запада. Этот сложный процесс включал также медленные, но существенные эволюционные изменения.

Все это и объясняет сложение на базе раннефеодальных отношений раннесредневековой культуры и модели раннесредневекового города. Что же касается уровня раннесредневековой городской культуры, то он, как показали раскопки в различных областях Средней Азии, в том числе и в Тохаристане, необычайно высок.

Хотя роль города и городского ремесла была очень велика, все же в жизни раннесредневекового Тохаристана превалирующее значение имели сельское население и сельскохозяйственное производство. По подсчетам Э. В. Ртвеладзе, в сурхатдарьинском регионе Тохаристана на одно городское поселение приходилось в эпоху раннего средневековья семь-восемь сельских [Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982, с. 34]. Эту оценку можно экстраполировать на весь Северный Тохаристан.

В Средней Азии, в Вахшской долине в частности, в условиях жаркого климата развитие сельского хозяйства было немыслимо без сооружения оросительных каналов.

Как отмечает Т. И. Зеймаль, в VII—VIII вв. в Вахшской долине происходит новый максимальный рост ирригационной сети. Вводятся в оборот целинные земли, не использовавшиеся до этого времени. Орошаемая площадь в долине составляла, по ее подсчетам, примерно 700 км². Вдоль восточного борта долины проходил канал Кафыр, функционировавший с VII в. Головная часть этого канала находилась в 2,5 км западнее г. Калининабада. Его трассу Т. И. Зеймаль проследила на протяжении более 100 км, до Пянджского района. В голове ширина канала достигала 6—7,5 м (между гребнями валов).

Вдоль трассы канала располагается несколько групп раннесредневековых памятников. Зона холостого пробега воды канала Кафыр заканчивалась около кишлака Мардат. К югу от него находится первая большая группа археологических памятников. Самый крупный из них — Чоргультепа (230×230 м), с цитаделью (35×35 м), отделенной от городища дополнительной стеной [Зеймаль Т. И., 1961, с. 149]. В полутора километрах от него расположен буддийский монастырь Аджинатепа, вокруг — более десятка памятников разной величины.

Вторая большая группа раннесредневековых памятников, зафиксированная А. М. Беленицким, находится ниже по течению канала Октябрьский. Здесь центральным памятником также является крупное городище, к которому тяготеют памятники меньших размеров [Беленицкий, 1950в, с. 141—146].

Южнее поселения Октябрьск канал Кафыр поворачивает от Акгазинского плато, идет через урочище Кара-Ланг и подходит к северной оконечности невысоких гор Кзыл-Тумшук. Валы каналов и урочище сохранились очень хорошо — ширина канала между гребнями валов — 13—15 м. Наиболее крупными памятниками в урочище Кара-Ланг являются Кафыртепа (около 9 га) и Кухнашахр (10 га) [Беленицкий, 1950в, с. 142—143], которые тяготеют к городищу Кафыркала и являются частью его сельскохозяйственной округи. На этом участке прослеживается несколько отводов, один из них вел к Кафыркале.

Другой канал, Джуйбар, был прорыт раньше канала Кафыр — во II—III вв. Вода в него поступала также из Вахша; его головная часть находилась ниже по течению, чем головная часть канала Кафыр. В северной зоне орошения было расположено Курган-тюбинское городище. На отводах канала, в северо-западной части долины, находятся группы памятников — Заргартена, Шортена, Каунтепа.

К северу от возвышенности Кчик-Уртабоз канал Джуйбар разделяется на две примерно одинаковые ветви. Левая, Каралангская ветвь огибает возвышенность и у северной оконечности гор Кзыл-Тумшук близко подходит к каналу Кафыр. Здесь расположены два одноименных памятника — крепости Уртабоз I—II.

Крепость Уртабоз I имеет прямоугольную форму (95×60 м). Внутреннее пространство застроено не полностью. Датируется она III—V вв. Крепость Уртабоз II — квадратная в плане (120×120 м), с цитаделью (50×50 м). Один из отрядов Южно-Таджикистанской экспедиции (начальник — Б. А. Литвинский) осуществил (под руководством Т. И. Зеймаль и при участии В. С. Соловьева) довольно значительные раскопки на цитадели городища Уртабоз II. Вскрыты большие участки мощной фортификацион-

ной системы. Городище датируется VII—VIII вв. Эти крепости входили в состав сельскохозяйственной округи Кафыркалы.

От крепостей Уртабоз I—II Каралангская ветвь канала Джуйбар направлялась на юго-запад и достигала окрестностей Кафыркалы. Правая же ветвь Джуйбара шла на юг вдоль р. Вахш.

Таким образом, в раннесредневековый период Вахшская долина орошалась двумя крупными оросительными каналами. Вдоль их трасс находятся городища, состоящие, как правило, из цитадели и примыкающего к ней поселения и небольших усадеб-«спутников». Цитадели являлись, видимо, местом обитания крупных феодалов, которые жили также и в специально воздвигнутых замках. В сельских поселениях и отдельных усадьбах проживали люди, занимавшиеся сельским хозяйством. Большая сельскохозяйственная округа располагалась вокруг Кафыркалы.

Тохаристанские замки изучены главным образом на территории Сурхандарьинской области в результате раскопок Л. И. Альбаума. Один из них, Джумалактепе, имеет вид небольшого холма (30×30 м у подошвы) [Альбаум, 1960, с. 57, рис. 38]. На паховом стилобате — система построек. Здесь есть группа помещений парадных — приемных — и группа жилых и хозяйственных помещений. Центром первой группы был зал размером 7,75×6,40 м, с суфами вдоль стен и выступом «эстрадой» против входа. Перекрытие поддерживали четыре деревянные колонны.

С запада и севера зал был окружен Г-образным помещением, с суфами вдоль внешних стен. Вход был в южном торце западного коридора. Суфа северного отрезка имела выступ «эстраду», соответствующую продолжению другого отрезка коридора. В. А. Нильсен предполагает, что Г-образное помещение представляло собой аудиенц-зал, причем в северном, более широком отрезке помещался владелец замка и его приближенные, в западном — посетители. Для этих помещений было характерно обилие резьбы по дереву на колоннах, балках, деревянных панно¹³.

К западу от парадных помещений располагались сводчатые жилые и хозяйственные помещения, в том числе семь узких помещений, открывающихся торцом в коридор. Некоторые помещения этой группы как будто были двухэтажными [Нильсен, 1966, с. 140—153, рис. 49—56].

Неподалеку от Джумалактепе находится другой замок — Балалыктепе. Как и Джумалактепе, рассматриваемое сооружение является изолированным. Размеры Балалыктепе у подошвы — 30×30 м, высота — 10 м. На верхней площадке шестиметрового пахового стилобата возвышалось сооружение размером 24×25,5 м. На первом этаже, в центре находился большой квадратный двор, окруженный по периметру узкими коридорообразными помещениями, соединяющимися (частично) друг с другом и имеющими выходы во двор. Внешние стены помещений были снабжены бойницами. Затем, на втором этаже во дворе были выстроены два помещения. Северо-западный угол двора был занят квадратным помещением (4,85×4,85 м) с суфами вдоль четырех стен. Вся поверхность стен до низкого деревянного перекрытия была покрыта замечательными росписями. По мнению Л. И. Альбаума и В. А. Нильсена, это был зал для ритуальных трапез.

Смежным, но не связанным с этим помещением был прямоугольный приемный зал 9,3×5,3 м. Вдоль его стен шли суфы. В центре, на круглом постаменте стоял жертвенник огня. Перекрытие было плоским, с резными балками.

Над некоторыми помещениями был второй этаж [Альбаум, 1960, с. 61—162, рис. 42—127; Нильсен, 1966, с. 154—163, рис. 49—61].

Зангтепе — это квадратное городище размером 150×150 м. В его северо-западном углу — руины замка, размеры которого по основанию — 60×60 м, по верхней площадке — 40×40 м, высота — свыше 15 м. Стены прорезаны в два яруса бойницами. По углам, кроме северо-восточного, выступают мощные башни.

Первоначальная постройка относилась к первым векам нашей эры. В период раннего средневековья верхняя часть древней постройки была

разобрана и было возведено новое здание, вытянутые помещения которого группировались вокруг центрального двора, причем они были связаны переходами с угловыми башнями. Это здание по своей планировке напоминает первоначальное здание Балалыктепе.

Затем происходит еще одна коренная перестройка. В северо-западном углу сооружается комплекс жилых и вспомогательных помещений. Основная их часть — маленькие сводчатые помещения. Квадратное здание в юго-восточном углу верхней площадки, существовавшее уже на предыдущем этапе, перестраивается. Оно имело после перестройки внутренние размеры 6,5×6,5 м, вдоль стен шли суфы с уширением «эстрадой». Зал был включен в обвод коленчатого коридора. В юго-западном углу располагались маленькие сводчатые помещения вспомогательного назначения.

В раннее средневековье были перестроены также укрепления замка [Альбаум, 1963; Нильсен, 1966, с. 163—175, рис. 62—66].

Следует упомянуть еще Куёвкурбан, расположенный в 300 м от городища Зартепа. Куёвкурбан представлял овальный в плане холм диаметром 26 м. При раскопках было вскрыто двухэтажное сооружение (18×20 м), воздвигнутое на трехметровой пахсовой платформе. «В северной части вдоль всего здания располагалось длинное коридорообразное помещение, служившее своего рода вестибюлем. Посередине него находился главный вход в здание. Восточная часть вскрытого комплекса состоит из двух прямоугольных и одного коридорообразного помещения. Западная группа помещений состоит из двух сводчатых параллельно расположенных комнат длиной 12,60 м при ширине 2,40 м. В возведении здания могут быть отмечены два этапа. Первый: восточная часть была парадная. Главным композиционным элементом всего комплекса являлся небольшой зал размером 5,15×5,40 м. На втором этапе были произведены некоторые перестройки. Зал уменьшается в размерах и потолок уже устанавливается значительно ниже, чем раньше. Вероятно, скульптурное убранство одной из парадных комнат, расположенных над бывшим залом, относится к этому времени. На втором этапе постройке первого этажа отводится хозяйственная функция» [Аннаев, 1984а, с. 5—6]. На втором этаже располагался «фриз из раскрашенных статуй», включавший, по предварительным подсчетам, 10—12 статуй. Найдены также мелкие фрагменты живописи [Аннаев, 1984б, с. 197—199, рис. 6—7].

В Вахшской долине известно несколько замков. Примером может служить уже упоминавшийся сильно укрепленный замок Уртабоз II. Общие его размеры — 120×120 м. В южной части есть цитадель (50×50 м) [Зеймаль Т. И., 1971б, с. 4; Зеймаль Т. И., Соловьев, 1983].

Проблема классификации среднеазиатских замков вызвала длительную дискуссию. Не имея возможности критически разобрать имеющиеся схемы, отметим, что на данной стадии изученности имеет право на существование следующая классификация:

1. Изолированные замки — донжоны.

2. Замки с примыкающей к ним небольшой (до 1 га) обжитой площадью.

3. Замки с примыкающей к ним значительной (свыше 1 га) обжитой площадью.

Во втором и третьем типах следует выделить по два варианта: а) обжитая площадь неукрепленная; б) обжитая площадь укрепленная. Кроме того, возможна детализация по взаиморасположению замка и обжитой площади (в центре, на краю, в углу и др.).

Такая классификация имеет типологически-планировочный характер. В дальнейшем она может быть развита с учетом особенностей собственно замка: величины, устройства платформы, композиционно-планировочного решения верхней площадки и возведенных на ней помещений. Параллельно с этой классификацией может быть создана классификация на основе социально-экономических критериев. ~ последующим совмещением обеих классификаций.

В рассматриваемое время существовали и сельские поселения. В качестве сельского поселения мы рассматриваем Безымянное городище в Бешкентской долине. Городище двухчастное в плане, квадратное (70×70 м). Судя по раскопкам, проведенным здесь в 1980 г. В. С. Соловьевым, оно было застроено домами, включающими в себя жилые и хозяйственные помещения небольшого размера. Между домами были узкие переулки. Насчитывается три строительных периода, когда производилась перепланировка построек.

Сельские поселения известны и в долине р. Кизылсу [Денисов, 1977, с. 95]. Для Сурхандарьинской области можно упомянуть сельское поселение Яхшибайтепа [Нильсен, 1966, с. 173—175, рис. 66] и ряд других [Аннаев, 1977, с. 88].

Следует иметь в виду, что встречающееся иногда в среднеазиатской археологической литературе противопоставление города и сельского поселения по принципу наличия (в городе) и отсутствия (в сельском поселении) ремесленного производства не является существенным. Как археологические материалы, так и данные мугских документов свидетельствуют, что и в сельских поселениях имело место ремесленное производство. Более конкретная картина рисуется для раннего средневековья индийскими письменными источниками, согласно которым ремесленники составляли неотъемлемую часть сельского населения [Алаев, 1981, с. 67—70, 96, 125—126].

Наличие в Вахшской долине, как и в других долинах Тохаристана, в том числе правобережного [Gardin, Gentelle, 1976; Gentelle, 1978], разветвленной ирригационной сети обусловило высокое развитие сельского хозяйства. Вспашка почвы осуществлялась деревянным плугом («омач») с железным лемехом. Один такой лемех найден на Аджинатепе [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 24]. Применялись также железные кетмени и лопаты. Они были, в частности, основными орудиями ирригаторов.

Зерновые и травы убирались с помощью железных серпов. Фрагменты серпа найдены на Мунчактепа и на Кафыркале, фрагментированный серп — на Калаи-Кафирниган. Помол большого количества зерна в то время осуществлялся, очевидно, на водяных мельницах. В домашних условиях для помола небольшого количества зерна применялись ручные жернова.

Набор возделываемых культур был разнообразным. На Кафыркале найдены обгоревшие зерна пшеницы, косточки персика, урюка, скорлупа миндаля, арбузные семечки. Этот перечень можно расширить, привлекая данные раскопок других памятников Северного Тохаристана и письменные источники.

Так, на Балалыктепе найдены зерна пшеницы, проса, маша, косточки персика, урюка, алычи, винограда, семечки арбуза, дыни, скорлупа орехов, фисташки, миндаля, коробочки хлопка, коконы шелковичных червей [Альбаум, 1960, с. 101]. Коконы шелковичных червей найдены также на Зангтепе [Альбаум, 1963, с. 81]. С древнейших времен на территории Бактрии — Тохаристана выращивался рис, культивировались редкие лекарственные растения, которые вывозились за пределы Тохаристана [Бичурин, 1950, с. 321—322; Schafer, 1963, с. 159, 183; Шефер, 1981, с. 256].

Было развито также животноводство. В письменных источниках неоднократно упоминаются знаменитые хутталские кони. В Китай из Тохаристана кони поступали в 681, 720, 744 и 748 гг. [Шефер, 1981, с. 95, 391]. Кроме них имелись верблюды, мулы, ослы, крупный рогатый скот [Бичурин, 1950, с. 267, 321].

Судя по дошедшим до нас предметам материальной культуры, ремесленное производство в Тохаристане, и в частности в области Вахш, было развито очень высоко. Гончары изготавливали всю необходимую в домашнем хозяйстве посуду, начиная от многоведерных хумов и кончая небольшими светильниками-плошками. Качество керамики было хоро-

шим. Основная ее масса изготовлена на круге быстрого вращения из тщательно приготовленной глиняной массы. Температура обжига керамики была достаточно высокой, превышающей температуру обжига ранне-средневековой керамики некоторых других районов Средней Азии. Применялось ангобирование и лощение керамических изделий.

Разнообразен набор стеклянных изделий, которые использовались в быту жителями Тохаристана. Различна техника их изготовления. Мастера умели изготавливать цветное стекло. В письменных источниках дважды сообщается о привозе цветного стекла из Тохаристана в Китай [Бичуриц, 1950, с. 265; Schafer, 1963, с. 235; Шефер, 1981, с. 341, 452].

Из стекла изготавливались и высокохудожественные предметы, в том числе литые стеклянные медалионы. Один такой медалион с изображением женщины, кормящей грудью ребенка (2×2,5 см), был вставлен в серебряную оправу [Альбаум, 1960, с. 76—77, рис. 53].

Металлическое производство было одним из наиболее развитых. Кузнецы выковывали из разных сортов железа и стали наконечники омачей, лопаты, кетмени, ножи — прямые и с кривым (выпуклым и вогнутым) лезвием, серпы, стремяна, шилья, иголки и многое другое; медники отливали и выковывали сосуды, предметы конской сбруи, различные украшения и т. д. Изделия из драгоценных металлов и камней, судя по письменным источникам и иконографическим материалам, изготавливались в большом количестве и различных типов. Так, на живописи Аджинатепы, Балалыктепы и Калаи-Кафирниган в руках пирующих или подносящих дары видим чаши и кубки из золота и серебра. Обычно они изящной формы, на тонкой и высокой сложнопрофилированной ножке или на гладком поддоне (реже — без него), резервуар их желобчатый, по краю — полоса кружков. Иногда форма сосудов еще более сложная. Фигуры персонажей на живописи украшены гривнами, браслетами, серьгами, перстнями сложной формы.

Украшения найдены при раскопках Мунчактепы [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 313], Калаи-Кафирниган, Кафыркалы, Аджинатепы. Искусство обработки драгоценного и полудрагоценного камня в ту пору достигло высокого совершенства. В качестве доказательства можно сослаться на сообщение письменных источников: в середине VII в. сын правителя Тохаристана доставил в Китай две подставки для светильников (канделябры) в виде агатовых деревьев [Schafer, 1963, с. 259; Шефер, 1981, с. 341 (там же описание такого рода «деревьев-светильников»)]; в Китай же вывозился обработанный и необработанный сердолик [Шефер, 1981, с. 302, 310]. Массовый характер носила продукция оружейных мастерских, которые производили, в частности, луки, железные наконечники стрел (о их типологии говорилось выше), мечи, кинжалы, палицы, булавы, превосходные плетеные «балхские» кольчуги¹⁴. Облик помещенных в ножны мечей и кинжалов, как и способы крепления этого оружия к поясу, известны из памятников живописи.

Плотницкое и столярное ремесла обеспечивали нужды строительства (в частности, это высокохудожественные архитектурные детали, покрытые резным орнаментом), производились также и различные предметы домашней утвари и быта — от частей седел до музыкальных инструментов, деревянных ложек и др. [Альбаум, 1960, с. 86, 99—100, рис. 57, 79—80].

Получило развитие и ткачество. Судя по находке костяного гребня, для изготовления тканей применялись ткацкие станки. Ткани преимущественно были хлопчатобумажные и шелковые, но изготавливались они также и из шерсти. Согласно сообщению китайского источника, тохаристанцы «большой частью одеваются в хлопчатобумажные ткани, по есть немногие и в одежде из шерсти» [Шефер, 1981, с. 273]. Посольство из Тохаристана преподнесло тапскому императору в 682 г. «золотое одеяние» [Шефер, 1981, с. 264] — вероятно, из ткани, в которую были вплетены золотые нити.

О тканях можно судить лишь по их воспроизведению в живописи. Наряду с наиболее обильным материалом из Балалыктеле [Альбаум, 1960, с. 182—190, рис. 135—148] существенны данные живописи Аджинатепы и Калаи-Кафирниган. Ткани парадных костюмов у представителей местной аристократии часто украшены сложными рисунками, в частности портретами с медальонами из перлов, с кабаньей головой в таких же медальонах, с «сасанидским значком» (с двумя бараньими головами) и др. Эти ткани могли быть импортными, привезенными из сасанидского Ирана, или же (что, на наш взгляд, вероятнее) местными, изготовленными в подражание сасанидским образцам. Воспроизведение некоторых шелковых тканей показывает, что часть текстильных орнаментов, например с рисунком типа карточкой фигуры «пик», с крестиками внутри косой клетки, следовала традициям византийского шелкоткачества или же являлась прямым византийским импортом. Имелись и дальневосточные элементы. Но главным, как и в согдийских шелках, было следование сасанидской традиции [Иерусалимская, 1972, с. 34—35, 38, рис. 21].

Наряду с высокохудожественными богато орнаментированными тканями были ткани со скромным рисунком. Так, например, на калаи-кафирниганской живописи изображены персонажи в одеяниях из тканей, на которые нанесены дугообразные каймы, заполненные окружностями, или же концентрические кружки и овалы, включенные в большие овальные фигуры, и др. Еще больше было гладких тканей разной окраски.

Известно несколько подлинных образцов тохаристанских тканей раннепосредневековой эпохи. Среди них — полоска шерстяной ткани: по желтому фону выткан мелкий узор синего цвета. Найден также кусок шелковой ткани, вероятно, зеленого и синего цвета, переплетение типа киперного зигзага, плотность 40×52 нити на кв. см. Наряду с этим имеются образцы грубой ткани полотняного переплетения, плотность которой 4×6 нитей на кв. см. [Альбаум, 1960, с. 102—103].

Костюмы для аристократов шили, разумеется, специальные портные; простолюдины свою нехитрую одежду могли шить сами.

Немалое значение, несомненно, имела обработка кости и камня. Из мягких пород камня вытачивались кухонные сосуды, «чернильницы», из твердых пород делались жернова, точила, грузила, сурьматши и др.

Раскопки Аджинатепы, Кафыркалы, Уртабоз II, Калаимир в Вахшской и Кафирниганской долинах, так же как раскопки Балалыктеле, Джумалактеле, Тешиккалы и др. в Сурхандарьинской области, показали, что существовал исключительно высокий стандарт в области строительной техники и архитектуры, в частности композиционно-планировочных решений. Здания отличались монументальностью, четким решением плана в сочетании с геометрической правильностью элементов планировки и форм архитектурных деталей. Конструкции просты и надежны. Строители добивались строгой горизонтальности оснований зданий и платформ, на которых они сооружались, стен, суф и т. д., достигали несомненно заранее намеченных симметрии и ритма.

Строительные материалы были отличного качества. Зодчие хорошо знали их свойства: они учитывали и специфику местных природных условий. Своды, купола, тромпы, арки и другие конструкции свидетельствуют о большом опыте и мастерстве, которыми обладали строители.

Однако этот стандарт был присущ отнюдь не всем сооружениям. Строительно-архитектурный стандарт некоторых небольших и средних городских поселений и, по-видимому, всех сельских — на порядок ниже. Так, на Яхшибайтепе, согласно В. А. Нильсену, помещения в большинстве случаев имеют «неправильную форму. Противоположные стены помещений не параллельны, а положение их в плане квартала случайно. Техническое осуществление построек не на высоком уровне. Сырцовые стены не всегда прямые... И кирпич и качество кладки оставляют желать много лучшего» [Нильсен, 1966, с. 174—175]. Сказанное относится также

к Безымянному городищу. На Калаи-Кафирниган даже монументальные здания не имеют строго геометрических очертаний. Например, зал объекта I назван квадратным лишь условно, его стороны имеют разную длину — от 7,35 до 7,55 м, а углы настолько перекошены, что разница в диагоналях превышает 1 м (9,85 и 10,9 м). Строительство на всех этапах осуществлялось небрежно. Вместе с тем строители Калаи-Кафирниган использовали самые прогрессивные для своего времени композиционные и конструктивные решения, хотя осуществление их оставляло желать лучшего. Мы хотим подчеркнуть, что творческое начало и творческое развитие отнюдь не являлись прерогативой строителей столичных городов и замков высшей аристократии; они были свойственны и строителям более скромных и нередко не столь совершенных сооружений.

Раннесредневековая архитектура Тохаристана по ряду параметров очень близка и даже идентична архитектуре Согда. Эти соответствия идут на всех уровнях: от строительных материалов и строительных приемов до композиционно-планировочных решений. Мы уже указывали на эти соответствия в главе II, а также в ряде предыдущих исследований. Выявляется, например, одинаковая роль такой планировочной ячейки, как квадратный (подквадратный) приемный четырехколонный зал с суфами и выступом-«эстрадой», причем нередко в обводе четырехколончатого или Г-образного коридора. Вместе с тем в Тохаристане большее, чем в Согде, значение имели прямоугольные и особенно вытянуто-прямоугольные залы с обрамленной полуколоннами нишей на противоположной входу торцевой стене и выступом-«эстрадой» перед ней. Имеется определенная специфика в сводчатом перекрытии, в форме колонн, в ряде архитектурных приемов, архитектурно-декоративных принципах и конструкциях, например, таких сложных, как пазушино-разгрузочные сводики Аджиатепы. Десять лет назад при анализе архитектуры Аджиатепы была выдвинута идея о существовании тохаристанской школы раннесредневекового зодчества [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 56]. Новый материал позволяет расширить и уточнить представления об этой школе.

Мы уже писали о творческом начале, присущем тохаристанским зодчим. Они не просто повторяли, воспроизводили уже устоявшееся, традиционное, но постоянно вводили что-то новое. В результате именно в этот период были выработаны композиционно-планировочные схемы и конструкции, сыгравшие исключительно важную роль в развитии среднеазиатской и — шире — переднеазиатской архитектуры в последующую эпоху — эпоху «мусульманской архитектуры». Приведем лишь некоторые примеры.

После раскопок Аджиатепы имевшие место ранее представления о времени сложения четырехайванно-дворовой композиции потребовали пересмотра: во вполне развитом виде, полностью сложившись, это композиционно-планировочное решение существовало на юге Средней Азии, во всяком случае, в VII в., причем выявлено оно в культовой буддийской постройке¹⁵.

Позже, уже в эпоху средневековья четырехайванно-дворовая композиция выступает в памятниках X—XII вв. в Северном Хорасане и получает дальнейшее развитие и распространение в последующие века. Среди ранних образцов четырехайванной композиции в Мавераннахре можно назвать здание (мечеть?) X в. на цитадели Варахши, комплекс XI в. в сел. Саят в Шаартузском районе (Южный Таджикистан), который иногда рассматривают как медресе. Одним из древнейших сохранившихся образцов средневекового воплощения четырехайванно-дворовой композиции является медресе Низамийе в Харджирде (конец XI в.). Случайно ли, что в числе первых культово-мусульманских зданий четырехайванной композиции есть медресе? По-видимому, нет. Еще В. В. Бартольд высказывал мысль о возможной связи между буддийским монастырем и мусульманским медресе.

В. В. Бартольд писал: «Высшие мусульманские духовные училища — медресе — появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных и западных областях; очень вероятно, что ислам в этом отношении находился под влиянием буддизма и что родиной медресе были местности по обе стороны Аму-Дарьи, примыкавшие к Балху, где буддизм сохранял господство до мусульманского завоевания»¹⁶.

В. В. Бартольд указывал, что в источниках термин «медресе» не встречается ранее X в., «притом в это время он, по-видимому, употреблялся только в восточных областях и только во второй половине XI в. был перенесен на запад». В. В. Бартольд подчеркивает, что первое упоминание о медресе связано с Бухарой (937 г. — медресе Фарджек) и лишь потом, уже во второй половине X в., упоминаются «изящные медресе» Нишапура, медресе Мерва и т. д. Бейхаки в связи с событиями 1026 г. сообщает, что в области Хутталя, т. е. на территории Тохаристана, было более 20 медресе. Именно на этом сообщении В. В. Бартольд особенно акцентирует внимание, видя в нем одно из доказательств возможной связи буддийского монастыря и медресе, так как область Хутталя тяготела к Балху с его буддийскими монастырями [Бартольд, 1963б, с. 226—227]¹⁷. Опубликованный уже после смерти В. В. Бартольда текст Хуэйчао прямо свидетельствует, что еще в VIII в. (726 г.) на территории самого Хутталя было «много буддийских монастырей»; об этом же говорят и некоторые топоимические данные.

Таким образом, Аджинатепя с ее четырехайванно-дворовой композицией может рассматриваться не только как исходный пункт развития этой важнейшей для последующего более чем тысячелетнего периода архитектурно-планировочной схемы, но — что не менее, а может быть более важно — как существенный аргумент в пользу генетической связи мусульманской высшей богословской школы — медресе с буддийским монастырем и, вероятно, возникновения медресе на территории Тохаристана¹⁸.

Подчеркнем, что эта четырехайванно-дворовая композиция в дальнейшем нашла применение при строительстве не только медресе, но и других сооружений, например мечетей и рабатов. Это лишний раз подчеркивает ее значение для последующего развития архитектуры Средней Азии и других стран Среднего Востока.

Другой пример — это среднеазиатский центрический мавзолей. Его генезис — одна из интереснейших и все еще дискуссионных проблем не только в истории архитектуры, но и в истории культуры в целом. Именно поэтому в советской и зарубежной науке на протяжении последних 50 лет ведется детальное обсуждение разных аспектов этой проблемы, в частности генезиса форм мавзолея Саманидов — древнейшего из сохранившихся мусульманских мавзолеев Средней Азии, который соединил в себе характерные черты центрического мавзолея, став классическим образцом этого типа мавзолеев¹⁹.

Раскопки на Калаи-Кафирниган открыли, в частности, буддийский храм — северный комплекс объекта V. Планировка и конструкция входящих в него сооружений [Литвинский, 1981; Литвинский, 1983; Litvinskij, 1981] дают принципиально новый материал для изучения генезиса центрического мавзолея.

История комплекса достаточно сложна. Выяснено, что его ядром было святилище, которое вначале существовало изолированно, как самостоятельное сооружение. С точки зрения планировки центральное помещение с четырьмя проемами совершенно аналогично иранским храмам огня — *аташкедам* (*чортакам*) [Schippmann, 1971]. Позже было построено также изолированное помещение с tromпами и нишами. И лишь на третьем этапе они были объединены обходным коридором. Культовое назначение сооружения, несомненно, имело на всем протяжении своего существования, но лишь для третьего этапа можно с уверенностью считать его буддийским. Было ли буддийским изолированно стоящее святилище на пер-

вом этапе, — мы не знаем, исключить вероятность того, что тогда это был храм огня, нельзя.

Центральное помещение и помещение с тропами и нишами буддийского комплекса Калаи-Кафирниган обнаруживают типологическое сходство с мавзолеем Саманидов. К этому следует добавить, что наружные углы центрального квадратного зала объекта I на том же городище были украшены врезанными в них деревянными столбами (ср. угловые кирпичные столбы мавзолея Саманидов).

Разумеется, было бы крайним упрощением рассматривать отдельные домусульманские сооружения как непосредственные прототипы мавзолея Саманидов. Более того, проблема происхождения центральных мавзолеев не может сводиться к генезису форм мавзолея Саманидов, сколь важное место он ни занимает в этой проблеме.

Для IX—XI вв. этот тип в среднеазиатской архитектуре представлен еще рядом менее известных мавзолеев, таких, как Кызбиби, Имамбаба, Гамбербаба (или мавзолей Ахмеда), мавзолей Абдуллы ибн Бурейды и др.²⁰, расположенных на территории Южной Туркмении. Некоторые из них чрезвычайно близки к реконструируемому облику святилища калаи-кафирниганского храма. Так, мавзолей Кызбиби имеет примерно те же размеры (6,8×6,8 м) [Лупина, 1974, с. 194], что и святилище буддийского храма Калаи-Кафирниган (7×7,4 м); переход к куполу осуществлен перспективно-арочными тропами, которые в ту эпоху вообще преобладали в памятниках Южной Туркмении [Пугаченкова, 1958а, с. 183]. В рудиментарной форме перспективно-арочные нишки, вознесенные над тропами, сохраняются и в восточном мавзолее комплекса в Саяте, где как бы собраны воедино различные типы перехода к куполу.

Согласно Г. А. Пугаченковой, южнотуркменистанские мавзолеи IX—XI вв. типа четырехарочного купольного киоска восходят к домусульманским храмам огня, так как эта область входила в регион, где господствовал культ огня и были аташкеды. Одновременно она утверждает, что генезис мавзолея Саманидов «имеет иные корни» [Пугаченкова, 1963б, с. 246]. Это делается ею на том основании, что аналогичных домусульманских сооружений в Мавераннахре не обнаружено. Теперь этот аргумент Г. А. Пугаченковой отпадает — такое архитектурно-композиционное решение представлено святилищем буддийского храма Калаи-Кафирниган — святилищем, которое первоначально было изолированным²¹. Зачаточная «крестообразность» плана выявляется уже в квадратных помещениях Кухи-Ходжа [Herzfeld, 1941, табл. XCVII]. Дальнейшее развитие этой схемы должно было идти параллельно с развитием четырехарочной композиции [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 49—52]. Выработанная крестообразная схема представлена в центральном помещении акбешимской христианской церкви VIII в. [Кызласов, 1959, с. 231—232, рис. 56.]²².

Не менее существенно, что в одном из помещений калаи-кафирниганского храма представлена — в абсолютно развитом виде — система перехода от четверика стен к куполу, состоявшая из тропов на углах и ниш между ними. Это важное открытие, ибо теперь впервые устанавливается домусульманское происхождение этой системы²³.

Характерно, что даже такая особенность святилища Калаи-Кафирниган, как наклон внутрь наружной стены, пережив столетия, составляет специфическую черту и мавзолея Саманидов. Колонны на углах калаи-кафирниганского храма огня (?) подтверждают генезис угловых колонн мавзолея Саманидов от таких угловых столбов, ранее обнаруженных в Пепджикенте [Воронина, 1958а, с. 213] и на Аджинатепе [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 49].

Сооружения Калаи-Кафирниган, как и буддийское святилище на Кафыркале, демонстрируют строго центрическую композицию, что развеивает сомнения [Пугаченкова, 1963а, с. 69] в паличии такого рода композиции в домусульманских культовых сооружениях.

Уже подчеркивалось значение буддийского зодчества для формирования архитектуры среднеазиатского мавзолея [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 43—45]. Калаи-Кафирниган и Кафыркала дали новые аргументы в пользу этого тезиса.

Итак, новые материалы показывают, что все основные структурные элементы, как в части архитектурных композиций, так и конструкций и декорации, восходят к домусульманскому времени. Сама центрическая, квадратная в плане схема является архитектурным воплощением индоиранских представлений о четырехчленной системе мира. В среднеазиатских сооружениях она развивается, по-разному интерпретируясь, уже с эпохи, когда были воздвигнуты тагискентские мавзолеи. Очень рано появляется и эволюционирует — в зданиях культового назначения — композиционная схема: центральная cella с обходным коридором. В Средней Азии она ярко выявляется начиная с греко-бактрийского и кушанского времени и была весьма распространенной в раннее средневековье (см. гл. II).

Огибающие контур здания пазушно-разгрузочные своды [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 43—44] и галереи с отверстиями-окошками [Пугаченкова, 1950, с. 35—37; Негматов и др., 1966, с. 135—139; Рапопорт, 1971, с. 58—63] вводят в архитектуру практику галерей второго яруса. Они становятся обычными, документируя появление верхних обходных систем, причем этот процесс идет с начала нашей эры.

Имеющее глубокие корни представление о необходимости обходного коридора вокруг культового сооружения способствовало закреплению этой формы в верхней части аристократических погребальных построек с выделением ее как самостоятельного архитектурного членения. Буддийские ступы гандхарско-бактрийского круга оказали влияние (по принципу аттракции) на декоративно-композиционное оформление этих галерей на внешних фасадах.

Таким образом, истоки генезиса смещаются в III—VII вв., ибо к VIII в. идея наружного композиционного решения во многом уже сформировалась. Параллельно шло сложение конструктивной схемы перехода в интерьере от четверика степ к куполу. На территории Северного Хорасана протекали очень близкие процессы, но более слабое влияние со стороны буддийской ступы способствовало сохранению почти в неизменном виде одного из ранее существовавших вариантов сооружения — безаркатурной галереи и с арочно-перспективными trompe-l'œil.

О. Грабар полагает, что вообще характерной чертой «мусульманского» искусства является «гибкость» в следующем смысле. Рабат и караван-сарай имеют одинаковый план; одинаковые декоративные элементы и техника применяются для совершенно различных целей. «В этих случаях различия в употреблении и назначении определяются не самими сооружениями, но деятельностью, имеющей место в них. Это доминирование человеческой жизни и социальных пужд также объясняет, почему от мечети до штука или до орнамента едва ли не все виды исламских памятников были „гибкими“, легко приспосабливающимися к различному назначению» [Grabar, 1973, с. 209].

Эта «гибкость», безусловно, проявилась и в процессе формирования «мусульманской» архитектуры, в том числе и в Средней Азии.

Выше говорилось о генезисе отдельных форм и конструкций средневекового среднеазиатского мавзолея. Однако эти черты генетического сходства, как показал на материале всего «мусульманского мира» О. Грабар, прослеживаются на простейших уровнях техники и «фонетики форм», демонстрируют, что «практически каждый декоративный мотив, рассматриваемый изолированно, каждая форма планировки и деталь конструкции и даже каждый тип архитектурного объекта имеет прямой прототип в более ранних художественных традициях Ближнего Востока и Средиземноморья» [Grabar, 1973, с. 207]. Однако положение меняется, если брать не изолированные моменты, а весь комплекс черт раннеисламской

архитектуры — он обладает ярко выраженной спецификой [Grabar, 1973, с. 208—213].

Эти утверждения следует распространить и на такие типы общественных зданий, как медресе, мавзолей, мечеть, караван-сарай. Многие связывает их с постройками домусульманского времени — можно проследить генезис орнаментации, конструкций, композиционно-планировочных схем. Однако каждый из названных выше типов сооружений²⁴, взятый в единстве архитектурного, социального и идеологического аспектов, безусловно, являл собой принципиально новый феномен, обязанный своим возникновением эпохе средневековья и характерный именно для нее.

Одним из важных источников, позволяющих судить не только о социально-экономическом состоянии общества, но и о направлении его торговых связей, являются пумизматические данные.

Первые вещественные памятники денежного обращения на территории Вахшской долины относятся к кушанской эпохе. Помимо уже отмеченных выше находок непосредственно на городище Кафыркала, можно назвать также находки кушанских монет в непосредственной близости к городищу Кафыркала, сделанные при случайных обстоятельствах: находку золотой монеты Васудевы на территории г. Колхозабад (1956 г.) [Зеймаль Е. В., 1960, с. 126, рис. 1, № 35], находку золотой монеты Каишки I в окрестностях сел. Узун Колхозабадского района, а также многочисленные находки медных кушанских монет в окрестностях г. Колхозабада (возвышенность Кара-Бура, городище Кухнакала) и в других пунктах Вахшской долины (Болдайтепа, урочище Халкаджар и др.) [Культура, 1968; Зеймаль Е. В., 1978, с. 205—206]. В это время денежное обращение Вахшской долины целиком обеспечивалось государственной монетой Кушанского царства, в состав которого тогда входило не только левобережье Вахша, но и большинство районов Южного Таджикистана²⁵. Такому характеру денежного обращения соответствовали и направления торговых связей Вахшской долины, что находит подтверждение в единичных археологических находках привозных предметов (сердоликовая бусина и раковины каури из Индии). В этом смысле особенно показательны находки на Яванском городище близ сел. Гаравкала [Литвинский, 1964, с. 157—159].

После падения Кушанского царства, в конце IV—V в., когда прекратился приток в Вахшскую долину монет с юга, потребность рынка в монете частично удовлетворялась выпускавшимися к северу от Амударьи местными подражаниями кушанским монетам. Наиболее многочисленную группу среди них составляют подражания монетам Васудевы, выпускавшиеся довольно долго и прошедшие несколько этапов схематизации изображений (легенды на этих подражаниях не воспроизводились). Кроме того (и, очевидно, параллельно с подражаниями монетам Васудевы), выпускались и находились в обращении подражания монетам других кушанских царей — Хувишки и Каишки III. Находки таких подражаний не зарегистрированы в непосредственной близости к городищу Кафыркала, но известны в Яванской долине (Яванское городище), в северной части Вахшской долины (Болдайтепа), а также в долине Кафирнигана [Давидович, 1979а, клады 4—6; Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 71—72].

Кушано-сасанидские монеты играли важную роль в денежном обращении правобережного Тохаристана, но не повсеместно, в особенности же на юге, в районах вдоль Амударьи (Кобадияп, Термез, Анхорский район и др.) [Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 71—72]. В Вахшской долине зарегистрированы отдельные находки монет кушано-сасанидских правителей Пероза (379—381) и Хормизда (381—384)²⁶ [Зеймаль Т. И., 1969, с. 5]. Учитывая, что памятники конца IV — первой половины VI в. вообще плохо представлены в южной части долины Вахша, а монетные находки этого времени там неизвестны, можно предполагать, что падение Кушанского царства не прошло бесследно для этой части Вахшской до-

лины. С прекращением зависимости Вахшской долины от Кушанского царства происходит частичное сокращение ирригационной сети в долине. Не исключено, что городище Кафыркала и его округа в это время переживают период запустения (возможно, частичного).

Во второй половине VI — первой половине VII в. жизнь в долине оживляется, однако среди накопленных в настоящее время пумизматических материалов нет таких групп монет, которые можно бы идентифицировать как местный чекан.

К сожалению, общие вопросы монетного чекана и денежного обращения раннесредневекового Тохаристана пока остаются недостаточно разработанными и для более позднего времени (середина VII — середины VIII в.), когда мы уже располагаем бесспорными и многочисленными свидетельствами существования здесь и собственной монеты, и денежного обращения, в котором, несомненно, участвовали не только бронзовые монеты местного производства, но и серебряные монеты, имевшие гораздо более широкое хождение. В Северном Тохаристане выпускались и обращались серебряные монеты — подражания монетам сасанидского царя Пероза. Надчеканы содержат согдийскую легенду или являются атепиграфными («орнаментального» характера). Их находки известны на Кафыркале, Аджиантепа, а также в долине Зеравшана. О количественной стороне дает представление тот факт, что на городище Чоргультепа (неподалеку от Аджиантепа) был найден клад таких монет, из которого удалось собрать около 400 экземпляров.

Очевидно, во второй четверти VIII в. на смену им в обращении приходят омейядские (а затем и аббасидские) дирхемы [Массон М. Е., 1951, с. 95; Массон М. Е., 1955, с. 184; Смирнова, 1963, с. 37; Лившиц, Луконин, 1964, с. 173, 175; Смирнова, 1967, с. 39—40; Луконин, 1967, с. 32; Маршак, Крикис, 1969, с. 77; Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 74, 80].

Имеются находки согдийских монет, в том числе «самитанские», ихшида Согда Тархуна, «безымянной царицы» Пенджикента [Зеймаль Т. И., 1969, с. 5].

Отмеченные выше (см. гл. I) местные локальные эмиссии литых бронзовых монет (атепиграфные; с согдийской легендой; с поздней бактрийско-эфталитской легендой), относящиеся ко второй половине VII — первой половине VIII в., по существу, представляют северотохаристанскую параллель к раннесредневековым согдийским монетам с центральным отверстием [Смирнова, 1939а, с. 119; Смирнова, 1939б, с. 97; Смирнова, 1963, с. 40, 43; Смирнова, 1970, с. 167].

В 1969 г. около городища Кафыркала был найден клад медных атепиграфных монет (сохранилось 245 экз.). Монеты литые с круглым отверстием в центре. По заключению В. А. Лившица, «они относятся к типу, сложившемуся на основе подражаний китайской бронзе VII в., по, очевидно, не прямо восходящему к раннетанским выпускам. Промежуточные звенья установить не удалось» [Лившиц, 1979, с. 79]. На одной стороне, условно именуемой лицевой, по краю — ободок, в поле — фигура в виде сложной тамги (два варианта), которая, несомненно, является схематической и деградировавшей имитацией четырех иероглифов китайского прототипа. Датировка — вероятнее всего — последняя четверть VII — первая четверть VIII в.

Из монет с надписями следует упомянуть монеты с согдийскими надписями, на оборотной стороне которых — более близкое к прототипу, хотя и схематизированное, изображение иероглифов. (Эти монеты найдены на Аджиантепа.)

Еще одну группу составляют монеты с курсивной бактрийской («эфталитской») надписью (встречаются в Кобаджанском оазисе, найдены также на Аджиантепа и Кафыркале) [Лившиц, 1979, с. 79—80].

Для этих групп монет пока можно с уверенностью констатировать весьма ограниченную территориальную сферу обращения, что значительно суживает возможности использования таких монет как источника по

внешним торгово-экономическим связям. Хотя из письменных источников известно, что весь Тохаристан в этот период был объединен под властью верховного царя, полученные при раскопках в Вахшской долине нумизматические материалы не обнаруживают никаких признаков такого объединения. Очевидно, правы те исследователи, которые считают, что раннесредневековый Тохаристан был лишь номинально единым и в политическом отношении представлял собой конгломерат не связанных административно владений, степень зависимости которых от верховного царя была величиной непостоянной [Гафуров, 1972, с. 230—231]. По мнению В. А. Лившица, тохаристанские монеты с согдийской легендой *wzwrk MLK* 'wršk следует, скорее, рассматривать как местный выпуск владения Вахш. Однако присутствие в легенде на этих монетах титула «великий царь» (*wzwrk MLK*) не исключает и того, что они являлись общетохаристанским чеканом верховного царя. Окончательное решение этого вопроса окажется возможным, когда будут накоплены более полные данные о монетных находках на территории не только владения Вахш, но и других владений, входивших в состав Тохаристана²⁷. В пользу предположения В. А. Лившица свидетельствует отсутствие зарегистрированных находок «тохаристанских» монет с согдийской легендой в соседних долинах правобережья Амударьи (неизвестно о находках таких монет ни в долине р. Кафирниган, ни в долине р. Сурхандарья).

Возможно, что местные литые бронзовые монеты выпускались для внутренней торговли во владении Вахш, а серебряные — для внешней. Сюань-цзап сообщает о том, что жители Тохаристана применяли в торговле и золото [Beal, 1906, т. 1, с. 38].

Выше мы писали о денежном обращении в раннесредневековом Тохаристане, опираясь преимущественно на материалы из Вахшской долины и Кобадиянского оазиса. Эволюция денежного обращения в тохаристанских владениях, находившихся на территории современной Сурхандарьинской области, имеет ярко выраженную специфику. По заключению основного исследователя сурхандарьинских монет Э. В. Ртвеладзе, «для денежного обращения этого региона во второй половине V — первой половине VI в. н. э. характерны драхмы Пероза (459—484) и подражания им с различными типами надчеканов. Разные типы монет имеют свои ареалы. Для Чаганиана свойственны подлинные драхмы Пероза... с надчеканами кратких бактрийских и согдийских легенд, передающих равнозначный титул правителя — $\chi\delta\eta\omega/\chi\omega\phi$, третий тип надчекана — ромбовидная тамга на подставке...» (около 150 монет). Иногда встречаются подражания монетам Пероза (эмиссия 287 по Гёблю) с бактрийскими надчеканами — $\alpha\lambda\chi\omega\phi$ (4 экз.). В Термезе и долине Шерабадарьи обращались только подражания монетам Пероза (эмиссия 287) с надчеканами головы правителя в профиль (двух типов), животных и птиц, а также неясной бактрийской легендой.

Наличие в Чаганиане большого количества подлинных монет Пероза — показатель принадлежности этой области Сасанидам, тогда как появление на них надчеканов — факт, свидетельствующий об утрате имп этой области в определенный период. Подтверждается это и сведениями письменных источников о передаче Чаганиана эфталитам после 499 г. (Динавери). Отсутствие в этой области монет Кавада (488—531) — дополнительное этому доказательство. Принадлежность долины Шерабадарьи (в стратегическом отношении весьма важной, так как через нее шел основной путь в Согд) Сасанидам вызывает определенные сомнения ввиду отсутствия здесь находок подлинных монет сасанидских правителей.

Выявленные различия в составе монетной массы — убедительное свидетельство политической обособленности фактически смежных владений уже в эфталитское время, сохранявшейся после разгрома эфталитов тюрками в шестидесятых годах VI в. В долине Шерабадарьи (Гуфтап) продолжают обращаться подражания монетам Пероза, на которых появился „портрет“ местного правителя и иного типа тамга... возможно,

свидетельствующие о тюркской ориентации правителей этого владения, так как аналогичного типа тамга имеется на монетах правителей Согда и Чача. В Чаганиане преобладают монеты Хосрова I Ануширвана (531 — 579), вначале подлинные (приток которых сюда начинается с сороковых годов VI в., судя по датам чеканки, имеющимся на монетах), а затем подражания им с надчеканами-портретами, тамгой... и именами правителей — $\sigma\alpha\rho\rho\omicron\upsilon\delta\eta\omicron$, $\zeta\alpha\rho\iota\nu\omicron\upsilon\delta\eta\omicron$. Завершается эта серия выпуском монеты по типу монет Хосрова I Ануширвана, но с именем местного правителя $\eta\upsilon\alpha\rho\omicron\upsilon\delta\eta\omicron$, проставленного на оборотной стороне по обеим сторонам от алтаря; лицевая сторона анэпиграфика» [Ртвеладзе, 1983, с. 75].

«Несколько позже, но в пределах VII — первой половины VIII в., в Чаганиане чеканят монету в подражание монетам тюркских правителей Чача и других областей Средней Азии, на лицевой стороне которых парное изображение правителя и его супруги, а на обратной — тамга в виде ромба с отходящими от его верхнего и нижнего углов крючками. Эту тамгу, постоянно присутствующую на монетах данного типа, а также на одной серии монет, чеканенных в подражание сасанидским монетам Хормизда IV, следует рассматривать, по всей вероятности, как династический знак правителей Чаганиана — чаган-худатов» [Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982, с. 24].

Тохаристан торговал, очевидно, со всеми соседними странами, в том числе с Индией и Китаем. В крупных торговых центрах Китая в танское время было много тюрков, уйгуров, тохаристанцев и согдийцев. Танское правительство имело даже специальное учреждение — ведомство сартхаванов (букв. «погонщиков караванов»), которое наблюдало за интересами караванных торговцев [Schafer, 1963, с. 284; Шефер, 1981, с. 37].

Из Тохаристана в Китай вывозилось цветное стекло, лекарственные растения. Одно из лекарств, с санскритским названием «читраганпха» (букв. «из различных благоволий»), приписывалось разведанным в вине при ранениях и кровотечениях. О его эффективности в Китае рассказывали чудеса: оно якобы способствовало сращиванию отрезанных конечностей [Schafer, 1963, с. 191; Шефер, 1981, с. 247].

В 741 г. из Тохаристана был прислан необработанный карнеол и необработанный камень, который по-китайски носит название «сущность металла». Этот загадочный камень присылался и правителями Шугана. Сообщается, что он добывается шлифовальщиками камней из реки по соседству с Тохаристаном. Это был какой-то довольно редкий полудрагоценный камень красивого глянцевого белого цвета, возможно, какая-то разновидность полевого шпата, скажем, лунный камень [Schafer, 1963, с. 235; Шефер, 1981, с. 310 — 311]. (О лунном камне см. [Ферсман, 1920, с. 157—158; Бетехтин, 1951, с. 444—448].)

Из Тохаристана в Китай вывозились драгоценные камни и сложные изделия из них. В 744 г. были привезены драгоценные камни и кони из разных «западных стран», в том числе из Тохаристана [Schafer, 1963, с. 64, 235, 239; Шефер, 1981, с. 394, 582]. Один раз в VII в. и дважды в VIII в. Тохаристан присылал львов, присылались также другие дикие животные и птицы.

В свою очередь из Китая в Тохаристан ввозились разнообразные товары, преимущественно предметы роскоши, косметики, шелковые ткани. Не менее тесные торговые связи, очевидно, существовали и с Индией.

Очень яркой и самобытной была художественная культура раппесредневекового Тохаристана. Ее генезис уходит в бактрийскую древность. Это очень хорошо видно при анализе настенной живописи. Ее древнейшие памятники обнаружены на Ай-Хагум. Большой цикл произведений живописи получен при раскопках таких северобактрийских кушанских памятников, как Халчаян, Дальверзинтепе, Фаязтепе и Каратепе, отдельные фрагменты найдены на Саксанохуре. Уже тогда наряду со светской живописью существовала культовая буддийская живопись.

Исключительное значение для изучения генезиса и эволюции бактрийской и тохаристанской живописи имеет искусство Дильберджина [Кругликова, 1974, с. 22–26, 44–48, рис. 16, 17, 30; Кругликова, 1979, с. 120–143, рис. 2–32].

Как явствует из всех этих материалов, древняя настенная живопись Бактрии возникла в обстановке чрезвычайно сильного влияния эллинистического искусства, его тем, образов, иконографии. Более поздняя стадия ее развития связана со все возрастающей ролью индо-буддийской иконографии. Однако эллинистическая струя продолжала ярко проявляться и в последующее время, постепенно теряя четкую определенность.

Наблюдается безусловная близость бактрийской и миранской настенной живописи. Учитывая, что распространение буддизма в Восточном Туркестане в значительной мере было обязано выходцам из Средней Азии и что генезис восточнотуркестанской культовой архитектуры (пещерной и наземной) во многом восходит к среднеазиатским прототипам, можно со значительной долей уверенности предположить, что и ранняя (миранская) живопись Восточного Туркестана возникла и развивалась под серьезным влиянием художественной культуры Бактрии.

Искусство Бактрии — Тохаристана и в дальнейшем постоянно оказывало серьезное воздействие на искусство Восточного Туркестана. Сопоставление живописи второго слоя помещения 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина (северная стена) [Кругликова, 1979, рис. 2–3] и живописи Кизыла, прежде всего «Пещеры шестнадцати меченосцев» [Le Coq, 1974b, табл. IV–V] и «Пещеры с изображением Майи» [Grünwedel, 1920, табл. XLVIII–XLIX], а также аналогичных изображений в других комплексах Восточного Туркестана [Le Coq, 1975b, табл. 14] ясно показывает их безусловную связь — это касается как общей композиционной схемы, так и ряда существенных деталей. Дильберджинская живопись, о которой шла речь, может быть, на наш взгляд, датирована скорее всего V в. Восточнотуркестанские же росписи, на которые мы ссылались выше, относятся, по А. Грюнведелю и А. Вальдшмидту, ко II стилю и датируются ими первой половиной VII в. [Waldschmidt, 1975, с. 29]. Это хронологическое определение поддерживает и М. Буссальи [Bussagli, 1963, с. 80], однако Б. Роуленд полагает, что изображения, о которых идет речь, следует датировать VI–VII вв. [Rowland, 1974, с. 162]. Б. И. Маршак, анализируя элементы костюма, оружия и иконографии, пришел к заключению, что «Пещера с изображением Майи» должна датироваться V в., «Пещера шестнадцати меченосцев» — VI в. [Маршак, Крикис, 1969, с. 78, примеч. 46]. Во всяком случае, эта композиционная схема развивалась в Восточном Туркестане, во многом отталкиваясь от образцов того типа, что представлен на Дильберджине.

Раннесредневековая живопись Тохаристана помимо позднего Дильберджина представлена на Балалыктепе, Кафыркале, Аджинатепе, Калаи-Кафирпиган, Куёвкургане, Калаи-Шадмоне. Живопись Куёвкургана ориентировочно датируется V в. [Массон В. М., 1978, с. 531]. Замечательный цикл балалыктепинской живописи с изображением пиршественной сцены хорошо известен благодаря публикации исследователя Балалыктепе Л. И. Альбаума [Альбаум, 1960], который предложил датировать этот цикл V в.; позже были предложены другие определения: VI — начало VII в. [Беленицкий, Маршак, 1976б, с. 6; Antonini, 1972, с. 71–77] или же конец VI–VII в. [Беленицкий, Маршак, 1979, с. 35].

В своей монографии Л. И. Альбаум убедительно показал, сколь широко были связи живописи Балалыктепе. М. Буссальи, в свою очередь, подчеркнул, что Балалыктепе «неоспоримо доказывает, что уже в V столетии западная область среднеазиатского мира (он имеет в виду Тохаристан. — Б. Л. и В. С.) почитала тенденции и стили „иранизирующего типа“, которые или чужды сасанидскому искусству, или же, во всяком случае, достаточно ясно не документированы. Поэтому мы должны признать, что некоторые тенденции, развившиеся в центрах Сериндии, в дей-

ствительности повторяют восточноиранское (опять же имеется в виду тохаристанское. — Б. Л. и В. С.) творчество». Проникновение этих тенденций в Сериндию (Восточный Туркестан) М. Буссальи связывает с развитием экономических связей. Искусство Балалыктепе, как отмечает этот исследователь, оказало большое влияние на искусство Центрального Афганистана, в частности Бамиана [Bussagli, 1963, с. 36, 39].

Детально опубликована сохранившаяся живопись Аджинатепе VII — начала VIII в. [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971], Калаи-Кафирниган VII в. [Литвинский, 1981; Litvinskij, 1981], Калаи-Шадмон, Кафыркалы [Литвинский, Денисов, 1973; Соловьев, 1976]. Остановимся на живописи Калаи-Кафирниган.

Живопись Калаи-Кафирниган с ее яркой колористической гаммой отличается высокими художественными достоинствами. Стилистически она очень близка к циклу балалыктепской живописи, причем сходство прослеживается и в целом и в ряде существенных деталей. Однако тождества нет, что, вероятно, объясняется в значительной степени более поздней датой калаи-кафирниганской живописи, которая занимает место между искусством Балалыктепе и Аджинатепе.

Интересные результаты дает сравнение персонажей в росписях Калаи-Кафирниган и Аджинатепе (сцена «Дароносцы»), с одной стороны, и Балалыктепе — с другой. Обращает на себя внимание близость этнического типа, особенно очевидная, если привлекать для сравнения аджинатепинскую фигуру, повернутую в три четверти. Ее можно сопоставить как с фигурами Калаи-Кафирниган, так и с фигурой 13 первой группы на западной стене или же с фигурами второй группы той же стены Балалыктепе; совпадают даже такие признаки, как безбородость, детали прически, позы некоторых фигур — сидящих в позе коленями вперед «слуг» (скорее всего, молодые воины-дихканы, может быть, чакиры)²⁸.

Нет никакого сомнения, что в аджинатепинской сцене «Дароносцы», в живописи Балалыктепе и Калаи-Кафирниган представлен этнический тип местных жителей, их одежды и различные аксессуары.

Живопись, сейчас известная по тохаристанским памятникам, объединяется общностью ряда иконографических и стилистических принципов. Очень важно, что небуддийская живопись Балалыктепе и буддийская живопись Калаи-Кафирниган во многом являются «двойниками». Это показывает, что две ветви среднеазиатского раннесредневекового искусства — буддийское и небуддийское (так — в первоначальном приближении, на самом деле картина была много сложнее) — развивались не просто по параллельным направлениям, а как две органически связанные, хотя и не тождественные, части общего единства.

Говоря о Тохаристане, мы имеем в виду не только правобережный; по и левобережный Тохаристан. В памятниках же живописи центрального Афганистана, в частности Фундукистана, как справедливо заметил М. Буссальи, представлен «полный сплав» индийских и среднеазиатских элементов [Bussagli, 1963, с. 42]²⁹.

Обратимся к скульптуре. На Куёвкургане, в помещении, ориентировочно датированном V в., были найдены обломки глиняной скульптуры, которые «принадлежат по меньшей мере 12 фигурам, выполненным в основном в человеческий рост. Видимо, центральное место в композиции занимали фигуры правителя с небольшим нателным украшением в виде распахнутых крыльев (окрашены в желтый цвет), очевидно позолоченных, и его супруги. Не менее восьми статуй изображали женщин в легких одеждах. Есть небольшая фигурка персонажа вакхического облика» [Массон В. М., 1978, с. 531]. В 1977 г. Б. А. Литвинский имел возможность ознакомиться с этой скульптурой в Институте археологии АН УзССР. Она имеет многие черты, восходящие к позднегандхарской скульптуре Хадды.

Большой цикл скульптурных произведений получен при раскопках Аджинатепе. Хотя среди них преобладают чисто буддийские персонажи.

но есть также скульптурные произведения светских персонажей. Анализ выявил, что «некоторые, причем существенные, черты аджинатепинского искусства в какой-то мере ведут свое начало из гандхарского искусства. Прослеживаются связи с позднегандхарскими скульптурами Хадды. Кое в чем, несомненно, можно усмотреть воздействие гуптской традиции. Безусловно, имеются параллели с восточнотуркестанской скульптурой. Вместе с тем особое место занимают связи с Фундукистаном» [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 108]. Все эти связи и влияния накладывались на местную традицию, их сплав и придает аджинатепинской скульптуре черты неповторимой оригинальности. Для шедевров глиняной скульптуры Аджинатепы характерны мягкая пластичность и совершенная красота. Некоторые фигуры даны в сложных ракурсах и полны динамики.

Несравненно меньшее по количеству собрание глиняных скульптур происходит из буддийского храма Калаи-Кафирниган. При определенном сходстве с аджинатепинской скульптурой есть и явное отличие: на Калаи-Кафирниган скульптура не просто условно раскрашена — в некоторых случаях можно наблюдать более органическую связь цвета и формы (полихромия, передача орнаментов одежды и др.). В этом отношении калаи-кафирниганская скульптура еще ближе к фундукистанской, чем аджинатепинская [Nasikin, 1959; Rowland, 1971, с. 43, табл. 147—164].

Для украшения зданий (например, в Аджинатепе) применялись глиняные рельефы, глиняная лепнина. Выше описывались глиняные рельефы Кафыркалы.

Высокого совершенства достигли тохаристанские мастера по части резного дерева. Прекрасные образцы резного дерева обнаружены на Джумалактепе. Прогоны и балки покрыты выющимися побегами, на декоративных фризах центрами композиции были круги с большими четырехлепестковыми розетками. Растительные и геометрические (например, арки) мотивы соседствовали с изображениями человека, в частности с поясными изображениями человеческих фигур в арках, архивольты которых заполнены розетками. На Джумалактепе, в парадном помещении, резными были также колонны, двери, деревянная мебель [Нильсен, 1966, с. 302—309, рис. 107—110].

Значительное число фрагментов резного дерева открыто в центральном зале и обводном коридоре объекта I Калаи-Кафирниган. Определенная их часть близка или напоминает Джумалактепе. Вместе с тем есть и значительное своеобразие. Излюбленным мотивом был побег виноградной лозы со свисающими кистями винограда. Уникальным являлось большое панно с изображением двух обращенных друг к другу павлинов с огромными стилизованными хвостами. В клювах птиц — цветки. На другом панно — в орнамент вписана стилизованная фигурка птицы.

Фрагменты резного дерева найдены и на Балалыктепе.

Для резного дерева Тохаристана характерна глубокая, иногда двупланная резьба и точность. В. А. Нильсен обратил внимание на сходство деревянной резьбы Джумалактепе, Пенджикента и Шахристапа [Нильсен, 1966, с. 307—309]. Сейчас перечень таких соответствий можно было бы увеличить, снабдив его вместе с тем замечанием о несомненных чертах своеобразия тохаристанского резного дерева.

Следует также упомянуть о существовании тохаристанской школы торевки, произведения которой выявлены и проанализированы Б. И. Маршаком [Маршак, Крикис, 1969]; о своеобразной короппластике (см. гл. III).

Все это, вместе взятое, свидетельствует об исключительно высоком уровне художественной культуры Тохаристана, которая сыграла заметную роль в истории художественной культуры Центральной Азии.

Раскопки привели к открытию в Южном Таджикистане трех буддийских памятников³⁰. Самым интересным и крупным из них является буддийский монастырь Аджинатепы, который располагается на территории

Вахшской долины, в 40 км к северу от Кафыркалы. Этот монастырь является примером общественного культового сооружения, которое «обслуживало» всю сельскохозяйственную округу, примыкающую к нему. Буддийское святилище, находящееся в кафыркалинском дворце, представляет собой культовое сооружение «камерного» варианта: в нем молился правитель и члены его семьи. Судя по стратиграфическим данным, эта часовня функционировала на всем протяжении существования дворца. Буддийский храм, расположенный на Калаи-Кафирниган, был городским.

В результате археологических работ установлено, что в Вахшской и Кафирниганской долинах в период раннего средневековья существовали буддийские сооружения различного статуса (еще больше их было в долине Сурхандарьи)³¹. Этот факт подтверждает адекватность сообщений авторов VII—VIII вв. о том, что в Тохаристане буддизм был очень широко распространен среди разных слоев населения.

Важнее, однако, другое. Как уже отмечал один из авторов настоящей книги, в период раннего средневековья буддизм не только был широко распространен среди жителей Тохаристана, но, попав сюда в последние века до нашей эры [Литвинский, 1968, с. 128—135], он стал идеологией местного населения и оказывал большое влияние на архитектуру, искусство, все стороны общественной жизни.

Как известно, в Тохаристане наряду с буддизмом были весьма широко распространены манихейство и христианство [Litvinsky, 1968a, с. 37—41]. Следует думать, что в массах городского и особенно сельского населения была чрезвычайно популярна местная религия, генетически связанная с древнеиранской.

Можно предположить, что религиозная ситуация в области Вахш была очень сложной, хотя конкретными данными на этот предмет наука почти не располагает. Единственное, что дают в этом отношении раскопки Кафыркалы, — вероятность сочетания буддизма и местного культа огня. Если считать, что очаг в аудиенц-зале был культовым (а это вполне вероятно), то правитель области Вахш и его близкие должны были исповедовать верования, где буддизм переплетался с элементами культа огня.

Аналогичная картина представлена на Калаи-Кафирниган. Парадный зал объекта I имел, очевидно, культовые функции, в центре его, на специальном постаменте возжигался священный огонь. Рядом, на другой стороне городской магистрали, находился городской буддийский храм. На его стенах была изображена процессия, в которой, ведомые буддийским монахом, шествовали аристократы, возможно семья правителя города.

В каком соотношении находился в этой среде культ огня и буддизм, мы не знаем. В среднеазиатской археологической литературе культ огня считается совершенно чужеродным для буддизма и противопоставляется ему. Так, например, в буддийском комплексе Каратепе, в одной из ниш, которая, по предположению Б. Я. Ставиского, предназначалась для буддийской статуи, статуи на самом деле не оказалось, но был найден круглый в плане кирпичный очаг, заполненный чистой золой, без костей и обломков керамики. Это дало основание не только для (обоснованного) заключения о его культовом характере, но и для вывода о том, что статуя была выброшена, с тем чтобы соорудить здесь, на ее месте, алтарь огня [Ставиский, 1972, с. 27, 51]. Никаких следов этой статуи или ее крепления, однако, не было обнаружено, к тому же следует иметь в виду и такую возможность, что эта гипотетическая статуя могла быть убрана, когда пришла в ветхость. Но Б. Я. Ставиский связывает все эти недоказанные перестройки с упадком и, возможно, разрушением буддийских храмов Каратепе в результате деятельности отряда сасанидских войск [Ставиский, 1972, с. 51]. Его заключение: «Вероятно, это — следы превращения иноверческого храма в зороастрийский, совершенного по рецепту Картира» [Ставиский, 1977, с. 176].

Все эти толкования свидетельствуют об игнорировании данных источников по древнему буддизму. Так, в «Винайе» содержатся специальные предписания относительно огня в вихаре. Первоначально, говорится в источнике, огонь жгли в разных местах вихары. Будда велел сделать «отдельное помещение для огня на одной из сторон вихары» (Kullavagga, VI, 3, 10) (см. [Vinaya texts, 1885, с. 177—178]). Согласно «Махавамсе», в древних буддийских монастырях на Шри Ланке были *aggisālā* — «дома огня», где горел священный огонь [Geiger W., 1960, с. 194].

Не исключено, что эти элементы под воздействием среднеазиатского культа огня в среднеазиатском буддизме получили дальнейший импульс. С другой стороны, малоискусшенный в вероисповедных и ритуальных тонкостях буддист мог считать, что привычное для него, идущее от предков, исповедовавших местную религию, поклонение огню не противоречит его повой религиозной принадлежности.

При раскопках Кафыркалы, как указывалось выше, было найдено около 50 фрагментов рукописи, написанной на бересте. К сожалению, эти фрагменты были небольших размеров (от 2×2 до 5×5 см) и плохой сохранности. Текст был нанесен на бересту черной тушью, которая хорошо сохранилась, но перешла в большинстве случаев на глину. Таким образом, сохранилась не сама рукопись, а ее отпечатки.

В. А. Лившиц, принимавший участие в расчистке и выемке фрагментов рукописи, установил на месте, что они принадлежат, по-видимому, двум или трем листам с текстом, написанным горизонтальным брахми. Он отметил также, что рукопись была написана писцом-профессионалом и содержала буддийский текст [Лившиц, 1968, л. 1—3].

После выемки и закрепления фрагментов рукописи, ими занималась М. И. Воробьева-Десятовская. Она установила, что рукопись была написана почерком, который по своим палеографическим особенностям, очевидно, близок к почерку рукописи из Зангтепе.

Как известно, в Зангтепе найдены остатки по крайней мере 12 санскритских рукописей, по заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, написанных брахми — обеими его разновидностями, встречающимися в гильгитских рукописях. Наиболее крупный отрывок по содержанию — это отрывок из «Винайи», который служит комментарием к *Prātimokṣasūtra*. Установить принадлежность его к какой-либо из буддийских школ не удалось [Альбаум, 1963, с. 58—61; Альбаум, 1964, с. 73—83; Воробьева-Десятовская, 1963, с. 93—97, рис. 1—2; Бонгард-Левин и др., 1965, с. 154; Воробьева-Десятовская, 1979, с. 126—127; Воробьева-Десятовская, 1983, с. 65—69]. Что касается находок на Кафыркале, то, по словам М. И. Воробьевой-Десятовской, «следы отдельных акшар сохранились на более чем 100 комочках глины с вкраплениями бересты, размером от 2×2 до 5×5 см. На ряде кусков глины хорошо видна структура бересты. Начертания отдельных акшар позволяют сближать фрагменты рукописей из Кафыркалы с рукописями из Зангтепе и Гильгита (разновидность брахми, представленная в „Праджняпарамите“» [Воробьева-Десятовская, 1979, с. 127]. Она датирует кафыркалинскую рукопись VII—VIII вв., что совпадает с периодом существования памятника (период КФ-1). На одном фрагменте М. И. Воробьева-Десятовская прочитала целое слово: «*vājra*»³², на других — только отдельные знаки и части слов: *va*, *ta*, *ma*, надстрочный знак *i* и др.

Она полагает, что в данном случае мы имеем дело с отрывками канона одной из хинаянистских или махаянистских школ, распространивших свое влияние на территорию Тохаристана [Воробьева-Десятовская, 1968, с. 1, 4—6; Воробьева-Десятовская, 1983, с. 86]. Как предполагает М. И. Воробьева-Десятовская, фрагменты индийских рукописей, обнаруженные на Кафыркале, могут свидетельствовать о том, что здесь жили не только светские покровители буддизма и миряне, исповедующие его, но и грамотные монахи, которые читали буддийские сочинения и использовали их для проповедей.

Эти рукописи были привезены сюда или из Северной Индии, или из Центральной Азии, так как в Средней Азии береста как материал для рукописей не использовалась, а в Центральной Азии в VII—VIII вв. береста широко употреблялась писцами.

При расчистке остатков настенной живописи в буддийском святилище кафыркалинского дворца была найдена надпись на штукатурке. Чтением ее занимался В. А. Лившиц. Надпись начертана черной краской или тушью бактрийским курсивным письмом. Сохранились лишь отдельные буквы. Надпись, по его мнению, могла состоять из двух слов, содержащих не менее 10 букв. Гипотетическое чтение: *NAMO BOΔΔO NAMO BOΔΔO*, где *NAMO* — санскр. *nāmo* «хвала», «слава», «почтение», т. е. здесь было дважды повторено выражение «почтение Будде». В известной формуле триратны словосочетание «почтение Будде» составляет лишь часть триединой формулы³³.

Другой палеографический памятник из Кафыркалы — черепок с арабской надписью. В. А. Лившиц, обнаруживший его, дал следующее заключение: найденный черепок является остраком — фрагментом сосуда, выбранным для письма, а не остатком текста, выполненного на целом сосуде. Сохранность текста на черепке плохая, так как он сильно пострадал от сырости и пожара. Лишь отдельные слова поддаются прочтению. В первой строке читается «говорит эмир...». В третьей строке распознается слово «хелаверд». Этот текст является скорее всего черновиком части письма или делового распоряжения [Лившиц, 1963, с. 4].

Охарактеризованные выше эпиграфические памятники из Кафыркалы важны и в другом отношении. Автор XII в. Самани писал о Вашгирде, он упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах» [Бартольд, 1964а, с. 469]. До недавнего времени в Южном Таджикистане было известно лишь несколько находок коротких надписей на керамике, относящихся к кушанской эпохе. Находка памятника эфталитской письменности³⁴ на Кафыркале показывает, что в этой части Тохаристана, как и в других частях правобережного Тохаристана, пользовались именно этой письменностью и именно ее, очевидно, имел в виду Самани. Эфталитские надписи обнаружены и на Запгтепе, где на одном черепке сохранились шесть (неполных) строк эфталитского письма [Лившиц, 1969, с. 73—74], надписи-граффити — на Каратепе и др. Как явствует из согдийской надписи, которая находится рядом с надписью курсивным бактрийским письмом (Афрасиаб), оно считалось официальной письменностью эфталитов [Лившиц, 1967, с. 164]. Во главе посольства из Чаганишапа в Самарканд стоял чаганианский дапирпат, т. е. «глава писцов», «начальник канцелярии».

Все это хорошо согласуется с сообщением Сюань-цзана: «Количество основных букв у них — двадцать пять, комбинируя их, они выражают все понятия. Их письмо — поперек страницы, они читают слева направо. [Количество] литературных произведений у них постепенно увеличивается и превзошло количество их у народа Сули (Согда)» (см. [Beal, 1906, с. 38; Pelliot, 1934, с. 50; Enoki, 1959, с. 39]).

К середине V в. Тохаристан оказался под властью эфталитов [Enoki, 1955, с. 236; Enoki, 1959, с. 25; Enoki, 1969, с. 18]³⁵. В рассказе Табари о борьбе, которую вел Пероз со своим братом Хормиздом III (457—459), захватившим престол, и о последующих событиях Тохаристан выступает как страна хайтаров (эфталитов) [Tabari, 1973, с. 115 и сл.], а в одном месте прямо говорится о народе, который (к тому времени) завоевал Тохаристан и назывался хайтал (эфталиты) [Tabari, 1973, с. 119]. Приведенные выше сведения китайских источников указывают на проживание в Тохаристане значительного количества эфталитов; об этом косвенно свидетельствуют и другие китайские источники, сообщающие о полиандрии у жителей Тохаристана, — известно, что этот обычай был присущ эфталитам [Enoki, 1959, с. 51—56].

Завоевав обширные территории в Средней Азии, эфталиты овладели страной, значительная часть населения которой была оседлой, имелись многочисленные города. Часть эфталитов постепенно перешла к оседлости, влилась в местное население [Мандельштам, 1964, с. 38—40; Гафуров, 1972, с. 210, 218, 228]. Согласно сообщению Менандра, эфталиты (речь идет уже о второй половине VI в.) — «городское племя»; победившие эфталитов тюрки стали «господами их городов» [Менандр, фр. 18]. Вероятно, в этом сообщении есть преувеличение, но и Сюань-цзан сообщает, что эфталиты в прошлом управляли многими укрепленными городами и поселениями [Enoki, 1959, с. 35]. Не исключено, что эфталиты стали селиться в городах, а сами города перешли под управление эфталитской знати.

В. А. Лившиц сопоставил изображения послов в настенной живописи Афрасиаба, отличающихся от других изображений цветом кожи, с изображениями «красных и белых хионов» [Лившиц, 1965]. Несмотря на то что это предположение вызвало сомнение Л. И. Альбаума [Альбаум, 1975, с. 48—50], оно представляется очень вероятным.

Эфталиты сыграли большую роль в политической, этнической и культурной истории. Для Чаганиана Э. В. Ртвеладзе выделяет (на наш взгляд, справедливо) период второй половины V — конца VI в. как эфталито-чаганианский. Для Тохаристана в целом этот период, пожалуй, уместнее было бы называть эфталито-сасанидо-тохаристанским. Имеются прямые сообщения источников о какой-то градостроительной деятельности, связанной с Сасанидами. Согласно Балами, шах Кобад основал (или превратил в царские города) Земм, Термез, Кобадиян (Кобадабад) [Bel'ami, 1869, с. 147].

Период КФ-II датируется с середины VI до середины VII в. Его начало приходится на вторую половину эфталито-сасанидской эпохи истории Тохаристана. О каких-то связях этого города с эфталитами свидетельствует не только сделанная здесь находка эфталитской монеты, но и эфталитская надпись на стене буддийского святилища, находки монет местного чекана с бактрийско-эфталитской легендой.

В 60-х годах VI в. доминирующей политической силой в Средней Азии становятся тюрки. Тохаристан в конце VI в. является объектом острых военно-политических столкновений между тюрками, эфталитами и Сасанидским государством. Последний всплеск этой борьбы — поход сасанидских войск в 616—617 гг. в Тохаристан, где, согласно сообщениям источников, продолжали жить эфталиты [Тревер, 1954, с. 142—143]. Но уже в 20-е годы VII в. Тохаристан был окончательно подчинен тюрками. Западнотюркский каган Тон-ябгу (618—630) не только включил Тохаристан в число своих владений, но и учредил тут свое наместничество — наместником был посажен его сын Тарду-шад [Chavannes, 1903, с. 24; Кляшторный, 1964, с. 143].

О распространении тюркского населения в Тохаристане свидетельствуют сообщения буддийских паломников Сюань-цзана и Хуэй-чао. Сюань-цзан отмечал, что все 27 владений подчинялись тюркам, некоторые из них были царями. Местный царский род давно угас [Beal, 1906, с. 37—38; Hui-li, 1959, с. 48]. Хуэй-чао сообщал о том, что в соседнем с Вахшем Хуттале царь происходил из племени тюрков, половина жителей владения — тюрки, говорящие на своем языке [Fuchs, 1938, с. 452—453]. О распространении тюрков в Тохаристане, их превалирующей роли в политической жизни сообщают как китайские источники, так и арабские авторы, рассказывающие о завоевании арабами Тохаристана [Мандельштам, 1954, с. 63—64; Кляшторный, 1964, с. 143]. Среди тюркоязычных племен, уже накануне арабского завоевания, в Тохаристане были и карлуки [Бартольд, 1968, с. 547]. Сообщение Гардизи о дружественных связях между халлухами (карлуками) и хайталами (эфталитами) Тохаристана В. Ф. Минорский справедливо рассматривает как «эхо» проникновения карлуков в эту провинцию [Minorsky, 1970, с. 288]. Высказывалось вполне обос-

нованное мнение, что это проникновение происходило через долину Вахша [Мандельштам, 1957, с. 158—159]. Не исключено, что древний тюркский пласт Вахшской долины (и ряда соседних долин) были карлуки, ретроспективно это подтверждается этнографическими материалами [Кармышева, 1960, с. 9—10; Кармышева, 1963, с. 184—190; Кармышева, 1976, с. 186—194; Шаниязов, 1964].

Э. В. Ртвеладзе время VII — начало VIII в. для Тохаристана характеризует как тюрко-чаганиянское. Именно в это время в Чаганияне распространяются монеты тюркских правителей, похожие на тюрко-согдийские монеты Чача, но с локальными отличиями [Ртвеладзе, 1977, с. 89].

В Хуттале правители происходили из племени тюрков [Fuchs, 1938, с. 452]; в Вахше, вероятно, они также были тюркского (карлукского?) происхождения. Именно с их деятельностью следует сопоставлять кардинальную перестройку и функционирование дворца на цитадели Кафыркалы — период КФ-I (середина VII — около середины VIII в.).

Сообщения письменных источников подтверждаются археологическими находками. Распространение местных бронзовых монет с отверстиями в Вахшской долине связано с оседанием здесь тюрков, припесших в Среднюю Азию этот тип монет. На Кафыркале найдены металлические детали тюркского поясного набора. По мнению В. И. Распоповой, распространение поясного набора тюркского типа в VII—VIII вв. в Согде связано с включением этого государства в политическую систему западнотюркского каганата и тесными связями с тюркским каганатом, а также сближением согдийской и тюркской знати [Расопова, 1965, с. 91]. Очевидно, это верно и для Северного Тохаристана. Следует также иметь в виду еще и распространение тюркского этноса.

Тюркскими, очевидно, являются некоторые виды украшений (серьги) и наконечников стрел, найденные на Кафыркале. В соседнем районе Файзабада (Южный Таджикистан) в 1969 г. был найден тюркский камешный балбал, датируемый VI—VIII вв. [Жуков В. А., 1978, с. 120—121, рис. 21]. Тюркские изваяния со следами влияния тохаристанской иконографии обнаружены в 1983 г. в самой северной части долины Вахша — в Обикийской долине.

Жизнь на Кафыркале, вероятно, прекратилась в 740 г. или около того, когда районы нынешнего Южного Таджикистана были завоеваны арабами³⁶. Город был захвачен штурмом во время боя. Восточная стена цитадели была пробита тараном, почти во всех дворцовых помещениях — следы сильного пожара.

Но еще за какое-то время до гибели города жизнь в нем начинает приходить в упадок, что, видимо, было вызвано набегами арабских отрядов на владение Вахш. Следы этого упадка удалось выявить при раскопках дворца, который к концу существования уже не имел парадного вида: не были восстановлены рухнувшие перекрытия некоторых помещений, в провалы, образовавшиеся на их месте, сыпали мусор; часть жилых помещений использовалась для помолы зерна и в качестве загонov для скота.

После арабского завоевания владение Вахш, обычно подчиняясь в политическом отношении Хутталю, вместе с тем, видимо, в какой-то мере сохранило свою независимость. В сообщениях арабоязычных географов ал-Истахри, ал-Якуби, Ибн Хаукаля и автора таджико-персоязычного сочинения «Худуд ал-алам» в IX—X вв. область характеризуется отдельно, как «богатая природными богатствами, с приятным воздухом». К ней относятся два больших города — Хелаверд и Левакенд. Столица области Вахш — город Хелаверд своими размерами превосходила столицу Хутталя — Хульбук [Tomaschek, 1877, с. 45; Marquart, 1901, с. 216—299; Chavannes, 1903, с. 276—277; Le Strange, 1905, с. 438; Marquart, 1938, с. 57; Бартольд, 1963а, с. 119; Бартольд, 1965, с. 514—515; Minorsky, 1970, с. 120; Белецкий, 1950б, с. 122].

Более позднюю судьбу владения Вахш освещают монетные находки. К XI в. относится клад серебряных монет, найденный на городище Ляг-

ман в 1960 г. Они были чеканены на монетном дворе «Вахш» от имени Ибрахима б. Насра между 430—433 г. х. (примерно в 1045—1046 гг.). Как полагает Е. А. Давидович, эти монеты были выпущены скорее всего в Хутталяне или Вахше [Давидович, 1979а, клад 31; Давидович, 1954, с. 71—76]. XII — началом XIII в. датируются золотые монеты с именем Мухаммада б. Текеша, найденные в 1954 г. около Колхозабада. Они были чеканены на монетном дворе владения Вахш. Это — «акция политическая, свидетельство того значения, которое Мухаммад б. Текеш придавал присоединению этой области к своей огромной империи» [Давидович, 1979а, клад 47]. К XV в. относятся медные монеты из Южного Таджикистана с надчеканом «Вахш».

Таким образом, до XV в. мы имеем бесспорные свидетельства существования владения Вахш³⁷ со своей столицей, где, скорее всего, работал монетный двор. Обладая значительной по площади территорией, природными и людскими ресурсами, владение играло большую роль в политической жизни государственных объединений, в состав которых оно входило. Временами оно было самостоятельным [Давидович, 1965а, с. 235; Давидович, 1965б, с. 46].

История области Вахш после арабского завоевания, как уже указывалось, ознаменовалась переносом ее столицы на север, в район современного поселка Узун, где сейчас располагается городище Лягман.

ГОРОДИЩЕ ЛЯГМАН (РАСКОПКИ. СТРАТИГРАФИЯ. ДАТИРОВКА. ИДЕНТИФИКАЦИЯ. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА)

Городище Лягман (или Золи-Зард) находится в 12 км к северо-западу от Кафыркалы, непосредственно на восточном берегу р. Вахш, неподалеку от современного селения Узун. Площадь городища занята современными усадьбами колхозников, садами и пашнями.

Впервые сведения об этом городище были получены Н. А. Маевым¹ во время Гиссарской экспедиции 1875 г. В кратком отчете об этой экспедиции он упомянул о переправе через Вахш «у развалин старинной крепости Лягман, в 24 верстах от Курган-тюбе» [Маев, 1876, с. 356]. На составленной тогда же карте на берегу Вахша показаны (в 2 км друг от друга) два пункта с наименованием «Ляхман» и в 5 км южнее — «Ляхман (разв.)» [Карта Гиссарского края]. В другом опубликованном отчете он сообщал следующее: «На 25-й версте от Курган-тюбе мы увидели на берегу Вахша развалины старинной крепости Ляхман. Никто не помнит, когда и кем построена была эта крепость и кто ее разрушил. Судя по осколкам кирпичей, плоской, квадратной формы, крепость эта не очень древняя. Она была окружена тройным рядом стен, из которых уцелели только остатки одной стены с башнями и бойницами. По-видимому, крепость эта была очень сильная. У самой крепости находится теперь переправа через Вахш, на жалком, еле живом каюке» [Маев, 1876, с. 150; Маев, 1879, с. 228].

Н. А. Маев побывал здесь еще раз через несколько лет, в 1879 г., когда он работал в составе так называемой Самарской ученой экспедиции. Он записал местную легенду об основании этой крепости, народную этимологию этого топонима и привел некоторые дополнительные сведения о городище, в частности он сообщил, что, по местному преданию, у Лягмана существовал некогда мост через Вахш. «Искусственные насыпи на обоих берегах Вахша делают довольно вероятным такое предание. По другому преданию, мост был только пачат постройкой, но не окончен... Стены из жженого кирпича, окружавшие крепость, сохранились до настоящего времени, хотя и в развалинах. Экспедиция довольно подробно осмотрела эти развалины. Между камнями и кусками жженого кирпича можно было найти много глазурованных черепков, осколков глиняной и стеклянной посуды; пайден был даже кусок стекла, обделанного в кость, которая уже так истлела, что от одного прикосновения рассыпалась в куски. На переправе нам показали два искусственных, насыпных холма, на которых был утверждён мост, и русло арыка, орошавшего когда-то поля Лякмана. Теперь ближайшее поселение находится в 4 верстах: это кишлак, который тоже носит название Лякман. Вообще вся местность кругом крепости Лякман носит ясные следы бывшей когда-то здесь культуры; бугры и холмы, покрывающие окрестную местность, несомненно, заключают в себе остатки древности и, может быть, при раскопках дали бы богатую археологическую добычу. Близ крепости виднеются остатки башни... вероятно, что эта башня была просто пере-

довым укреплением или сторожевым постом; башня эта имеет в основании не менее 15 сажень, так что, вероятно, в свое время была очень высока» [Жуков Ф., 1880]. Военный топограф П. Е. Косяков, производивший рекогносцировки в 1882 г., упомянул, что на 19–21-й верстах от Джуликуля расположен кишлак Ляхман, слева же на берегу — развалины крепости и аул того же имени [Косяков, 1884, с. 600]. Последующие упоминания Лягмана в краеведческой и научной литературе по преимуществу основываются на этих сведениях [Минаев, 1879, с. 26; Масальский, 1913, с. 738; Семенов А. А., 1925, с. 143].

До революции здесь побывал Д. Н. Логофет, который не раз останавливался в своих книгах на описании этого городища, в обычной для себя манере густо сдабривая текст фантастическими вымыслами. Д. Н. Логофет полагал, что «город Ляхман, Лакман, Логман принадлежал к числу городов дохристианской эры, являясь главным городом страны Хотель, расположенной по реке Вахшу». Он пишет о высоких валах и глубоких рвах, которые «окружили огромное пространство», о старых каналах, плотинах и акведуках; сообщает, ссылаясь на рассказы местных жителей, что на городище находят медные монеты, куски меди, железа, иногда оружие [Логофет, 1909, с. 58; Логофет, 1913, с. 277, 279–281].

Археолого-краеведческое изучение Лягмана производилось в 1936 г., когда по поручению Комитета по охране памятников истории Таджикистана на городище работал В. Р. Чейлытко². Он детально, по-видимому с зачистками, обследовал территорию городища и в газетных заметках рассказал об этих работах. Он также предложил принятую затем в науке локализацию на этом городище средневекового города Хелаверда [Чейлытко, 1936; Чейлытко, 1945].

Первое научное обследование городища Лягман с его подробным описанием и снятием схематического плана осуществил в 1947 г. А. М. Беленицкий, который на основании подъемного материала датировал городище X–XII вв. и, детально исследовав арабо-персидские источники, подтвердил локализацию в этом пункте средневекового Хелаверда [Беленицкий, 1950в, с. 143–144, табл. 71/3, 72, 73].

В 1953 г. городище Лягман было обследовано Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским³. В 1957 г. Т. И. Зеймаль провела шурфовку на одном из холмов к северу от Лягмана, в его округе. Он оказался двухслойным (III–IV вв. и X–XII вв.) [Зеймаль Т. И., 1969, с. 12]. В 1962 г. она же заложила шурф на самом городище Лягман. Шурф «обнаружил последовательные наслоения (шесть стратиграфических горизонтов) с конца VIII до конца XII (или начала XIII в.)» [Зеймаль Т. И., 1969, с. 8, 11]. В 1977–1981 гг. обследование городища проводилось В. С. Соловьевым.

Западная часть городища Лягман смыта Вахшем, поэтому мы можем лишь предположительно судить о площади и конфигурации Лягмана. Городище, видимо, имело подквадратную форму, оно было вытянуто с северо-востока на юго-запад. Площадь сохранившейся части городища — до 50 га (по оценке В. Р. Чейлытко) или 42,5 га (по измерениям А. М. Беленицкого).

По нашим измерениям, длина городища с севера на юг — 900 м, с запада на восток — около 640 м. Таким образом, можно предположить, что площадь собственно города составляла примерно 60 га.

С трех сторон городище (рис. 42) опоясывают оборонительные стены с башнями и рвами. Скорее всего, стена имела и со стороны реки, но установить это сейчас невозможно, так как западный край городища сильно разрушен паводковыми водами. Имеющиеся стены и башни в значительной части разрушены в основном в результате хозяйственной деятельности. Так, по гребню восточной и частично южной степ проложена асфальтированная дорога. Общая протяженность сохранившихся городских стен около 1,8 км. В середине восточного фаса, на небольшом участке, стена была двойной (сейчас вторая стена практически не прослеживается). Это, а также наличие глубоких рвов дало основание, как отмечал

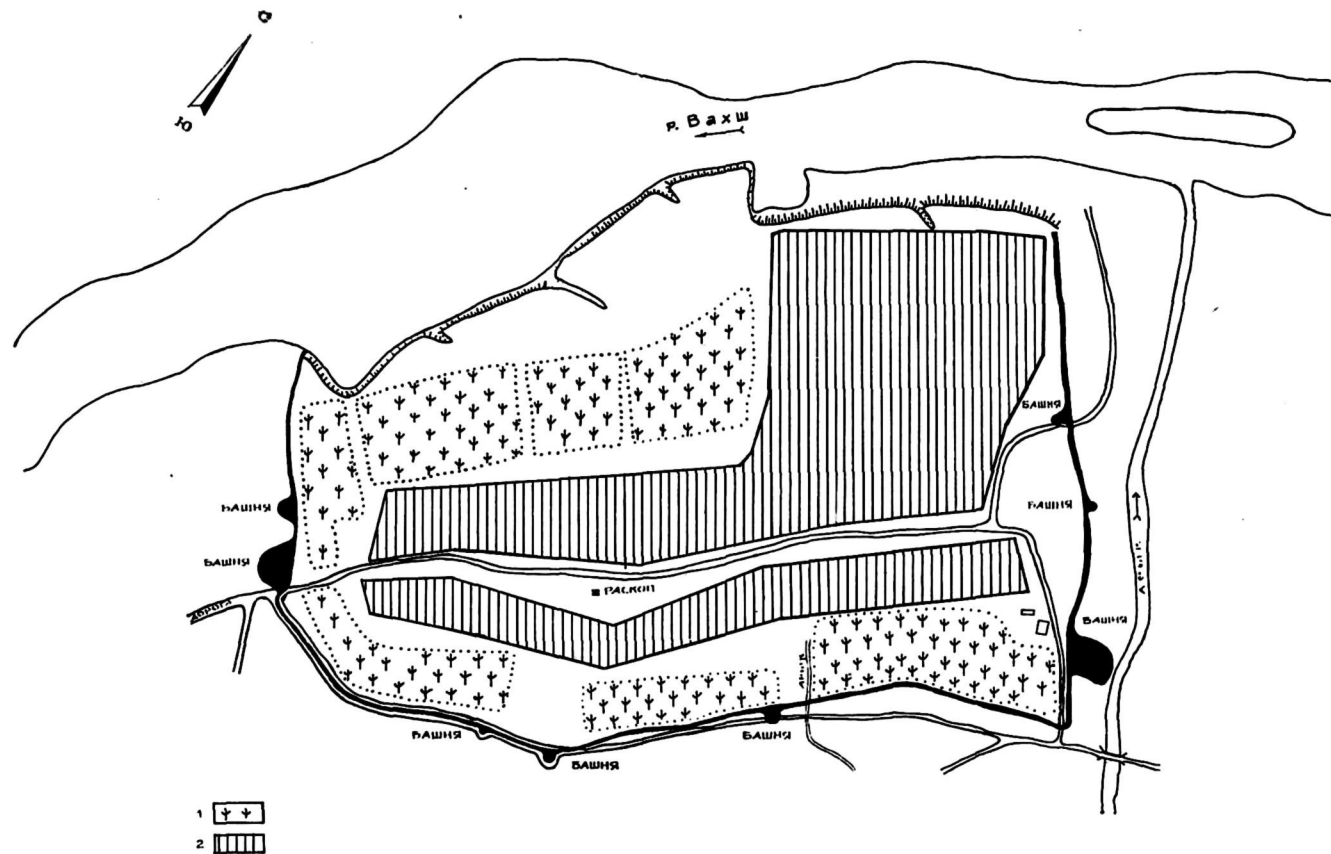

Рис. 42. Городище Лягман. Глазомерная схема
1 — хлопок; 2 — огороды

А. М. Беленицкий, для ошибочного впечатления о тройном ряде стен. В. Р. Чейлытко, впрочем, упоминал о рве, окружающем вал. Линия стен (особенно южной стены) неровная. Возможно, это объясняется рельефом местности, на которой был построен город. Впрочем, не исключено, что изломы стен были сделаны специально: для удобства обстрела защитниками подступов к укреплениям. Основная стена сложена из пахсы, уложенной ярусами высотой 85 см без парезки швов. Высота стены колеблется от 5 до 7 м, ширина поверху — 5—6 м. Стены имеют наклон, равный 83°. К 1936 г. на некоторых участках стены, по внешнему краю, сохранился бруствер с двумя рядами бойниц. При внимательном осмотре сохранившихся стен удалось выявить интересную деталь: в их толще находится большое количество керамики и кусков обожженного кирпича. Это свидетельствует о том, что дошедшая до нас фортификационная система города не является первоначальной. Скорее всего, она была возведена в период наибольшего его расцвета, в XI—XII вв.

Как отмечал А. М. Беленицкий, в город вели четверо ворот. По наблюдениям В. Р. Чейлытко, трое из них были хорошей сохранности. Ворота имели сложное устройство и были фланкированы башнями. К сожалению, никто из наших предшественников не указал, где именно располагаются ворота. В настоящее время следы ворот сохранились в центре северной стены и в юго-восточном углу городища.

Стены были усилены башнями. На северо-восточной стене их сохранилось три. Самая крупная из них (около 40×40 м) обороняла северо-восточный участок городища — она была расположена в 45 м от угла. В 70 м западнее от нее частично сохранилась одна промежуточная полукруглая башня (диаметр — более 10 м, рис. 43). Примерно в середине северо-восточного фаса, где располагались ворота, стоит обращенная внутрь города башня (около 20×10 м). Ее назначение — оборонять не только внешние подступы к воротам, но и большой участок города внутри в случае прорыва наступающего противника. На восточном фаса частично сохранились три промежуточные башни. Из-за сильных разрушений сейчас трудно судить об их размерах. Они имели полукруглую в плане форму. Расстояние между двумя южными башнями равно 50 м, между средней и северной — около 120 м, но здесь, вероятно, была еще одна (не сохранившаяся сейчас) башня. На южном фаса сохранились две башни. Одна из них одновременно фланкировала ворота и юго-восточный угол. Она имеет квадратную в плане форму (около 40×40 м). Примерно в 50 м к западу от нее располагается промежуточная башня. Она сохранилась достаточно хорошо. Башня имеет полукруглую в плане форму (радиус — около 15 м). Башни сложены из пахсы в той же технике, что и стены. Бойниц в теле башен нет — они располагались в бруствере, на гребне стен башни.

В строительстве жилых и общественных зданий широко применялся жженный кирпич. Кладка велась на алебастровом растворе. При сельскохозяйственных и строительных работах на территории Лягмана жители часто находят обломки кирпича, а также целый кирпич, как правило, квадратной формы. Лишь в 1933 г. с городища было вывезено свыше 50 тыс. штук жженого кирпича для строительных работ. Городские площади, улицы, дворы были вымощены галькой. В срезе городища со стороны Вахша хорошо видны поглотительные колодцы глубиной до 10—12 м. Их ствол иногда обложен жженым кирпичом на алебастровом растворе. Нижняя часть глубоких колодцев врезана в материк.

Жители поселка, расположенного на территории городища, часто находят при различных хозяйственных работах целые керамические сосуды, стекло, металлические изделия, монеты и др. Так, в 1960 г. школьники кишлака Узун нашли на городище клад серебряных монет, 47 из которых поступили в Институт истории им. А. Дониша. Обработавшая этот клад Е. А. Давидович установила, что в тех случаях, когда сохранилось название монетного двора, это «Хутталъ» или «Вахш». Лишь дважды встре-

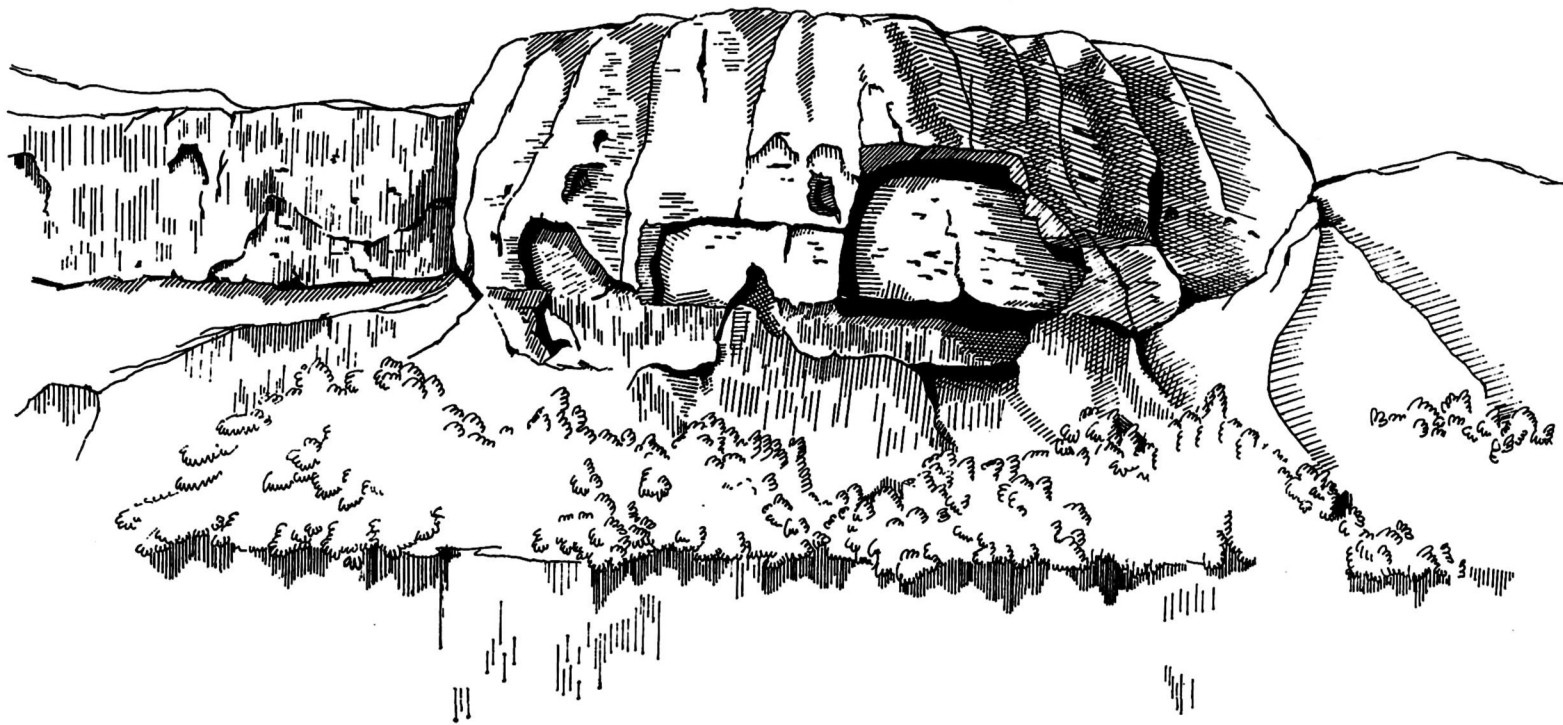

Рис. 43. Городище Лягман. Промежуточная башня южной оборонительной стены

тились сохранившиеся круговые надписи с обозначением дат: на монетах Хутталя — 437/1045-46 г., а на монетах Вахша — 4.2, что Е. А. Давидович реконструирует как 4[6]2/1069-70 г.⁴ Все монеты клада несут имя халифа Ка'има (1031—1074), что ограничивает хронологические рамки клада. На монетах клада — разные имена и титулы. Особый интерес представляет монета с именем Бури-тегин⁵, которое принадлежит Караханиду Ибрахиму б. Насру. В 1038—1040 гг. он играл важную роль в политической жизни Северного Тохаристана. Вместе с местными тюркскими племенами он наносит очень серьезные удары по ослабшему Газневидскому государству, грабит и разоряет области Хутталя и Вахша⁶, а затем захватывает Саганиан. В 430/1038-39 и 431/1039-40 гг. в Саганиане были выпущены монеты от его имени, причем они имеют типичный «караханидский облик». Монета же из лягманского клада по всем признакам примыкает к газневидскому чекану. На основании того, что в предшествующее время газневидские монеты выпускал Хутталь, монеты «газневидского облика» — Хутталь и Вахш, а Бури-тегин владел Вахшем и Хутталем именно в 430/1038-39 г., Е. А. Давидович предполагает, что лягманская монета с его именем чеканена в одной из этих областей, причем по образцу привычных для местного населения газневидских или «газневидского облика» монет [Давидович, 1979а, с. 144—150].

Другой клад был найден на городище в 1970 г. Среди 11 монет клада, доставленных в Институт истории им. А. Дониша, 10 оказались однотипными, чеканенными от имени хорезмшаха Мухаммада б. Текеша. Дата большинства из них — [6]11/1214-15 г., монетный двор не читается. Монеты чеканены из меди и бронзы. Судя по облику и весу, это могли быть как медные фельсы, так и медные посеребренные дирхемы [Давидович, 1979а, с. 228—230]⁷.

В 1962 г., как уже говорилось, в прибрежной части городища был заложен стратиграфический раскоп. В 1981 г. с целью уточнения стратиграфии памятника в его юго-восточной части, где на небольшой площади нет строений и огородов, был заложен шурф (4×4 м), стенки которого ориентированы по странам света. Его площадь была разбита на квадраты (1×1 м) с цифровой (по северной бровке) и буквенной (по восточной) нумерацией. Репер был оставлен на самой высокой точке, в центре восточной бровки. Фиксация материала велась также по ярусам (высота яруса — 50 см) и слоям. Поверхность городища там, где заложен шурф, неровная. По словам местных жителей, в начале 40-х годов нашего столетия в этом месте располагался жилой дом.

Кроющий слой, относящийся к первой половине XIII в., в этом месте сильно перекопан и перемешан со строительными остатками дома 40-х годов XX в. (I—III ярусы). Под ним начинается непотревоженный культурный слой толщиной 1,40—1,60 м. Из него происходит основная часть находок: керамика, стекло, металлические изделия, шесть медных монет. В квадратах Д,Г-4,4; В,Г-2 были обнаружены мусорные ямы (ниже верхнего пола на 0,9—1,0 м). В ямах найдено большое количество битой керамики и костей. В одной из них обнаружен фрагмент глазурованного светильника с изображением борьбы всадника с двумя пешими воинами.

К этому слою относятся основания колонн, выложенные из квадратного обожженного кирпича в один ряд. Одно из них находится почти в центре раскопа, на уровне основания VI яруса. Оно имеет подквадратную в плане форму (76×66 см). Для выкладки основания использовался кирпич размером 25×25×4 см и его половинки. В северо-западном углу раскопа, на той глубине, где кончается V ярус, вскрыто еще одно кирпичное основание колонны. Оно также имеет квадратную в плане форму (60×60 см). Здесь использовался кирпич размером 28×28×4 см. В юго-западном углу шурфа, на том уровне, где начинается VI ярус, были найдены остатки третьего основания колонны. Судя по незначительной разнице в уровне залегания, второе и третье основания колонн существовали одновременно, а первое — раньше. Оно было засыпано грунтом

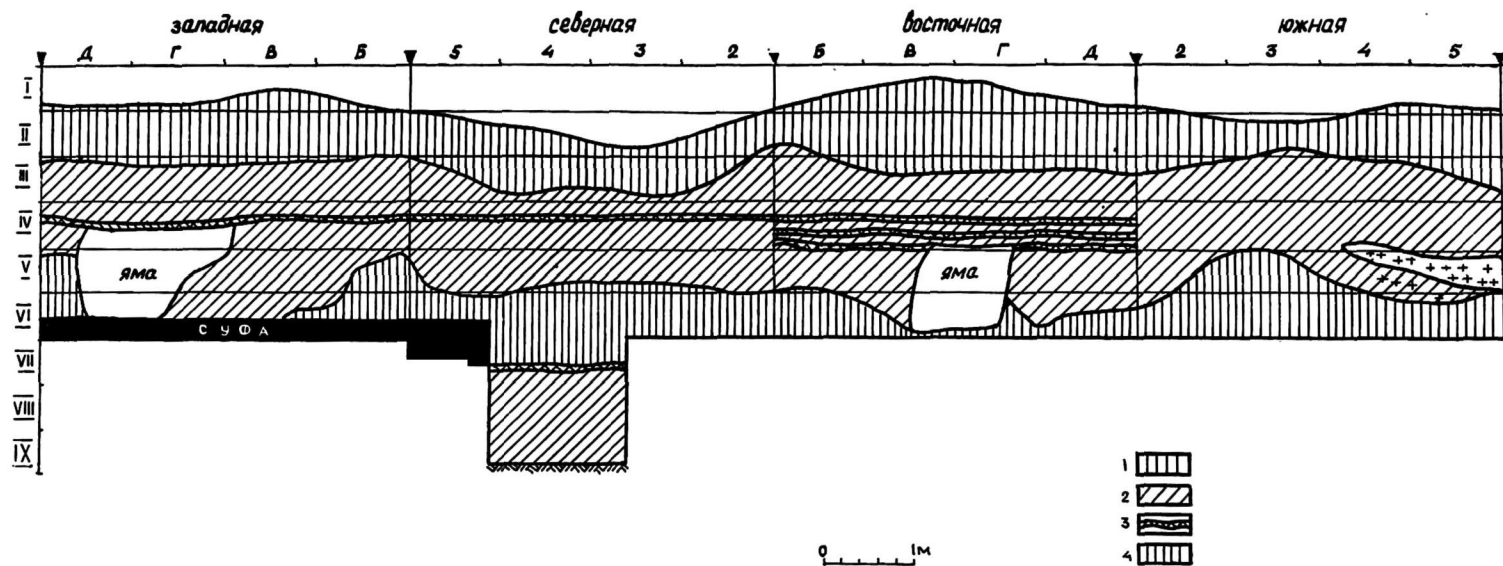

Рис. 44. Городище Лягман. Развертка степ шурфа:
 1 — слой начала XIII в.; 2 — слой XI—XII вв.; 3 — уровень полов; 4 — слой X в.

в результате производимых внутри помещения перепланировок. Этот слой относится к периоду наивысшего расцвета города, так как имеет наибольшую мощность и насыщенность находками.

Ниже, на уровне нижней части VI яруса, обнаружена суфа, идущая параллельно западной стенке раскопа. Ширина суфы — более 1 м, высота — 0,5 м. Суфа примыкает, очевидно, к стене, по она оказалась вне раскопа. Суфа стоит на полу. Переход от нее к полу сделан выкружкой. По всему раскопу на уровне суфы и немного выше ее идет слой плотного грунта, при разборке которого найдено небольшое количество керамики, в том числе фрагменты, которые датируются X в.

С уровня основания VII яруса раскоп был значительно сужен. На глубине, соответствующей концу X яруса, был обнаружен материк. В промежутке между ним и полом, на котором стоит суфа, попало немного керамики и зола. Среди керамики есть фрагменты, покрытые плотной темно-зеленой глазурью. Материал, обнаруженный здесь, относится к началу жизни на этом участке городища (рис. 44).

Суммируя результаты, полученные при вскрытии культурных напластований в шурфе, отметим, что общая их мощность достигает 3,7 м. Выделяется четыре слоя. Самый ранний из них пока не может быть датирован, ибо из него получено очень мало материала. Культурный слой, следующий за ним, может быть датирован X в., так как при его вскрытии были обнаружены фрагменты мраморовидной керамики, аналогичной той, которая датируется в Хульбуке монетами X в.⁵ Основной слой датируется монетами XII—XIII вв. Косвенно в пользу этой датировки говорят и размеры кирпичей, из которых выложены основания колонн, — 25—28×25—28 см. Именно такой кирпич использовался в строительстве в XI—XII вв. [Прибыткова, 1973, с. 77—79].

Для датировки основного, третьего от материка слоя очень важны найденные в нем монеты. Е. А. Давидович передала нам следующее заключение, которое мы с ее любезного согласия приводим полностью: «Семь медных (бронзовых) монет, обнаруженные в 1981 г. при обследовании городища Лягман (средневековый Хелаверд), относятся к одному этапу денежного обращения и близки по времени выпуска. Монета, поднятая в северной части городища, чеканена от имени хорезмшаха Мухаммада б. Текеша (1200—1220). Она не сохранила выпускных сведений, по времени ее чеканки может быть определено на основании аналогичных (однотипных) монет клада, происходящего с того же городища [Е. А. Давидович, 1979а, с. 228—230, клад 50]. На большинстве монет клада оказалась одна дата — 611/1214-15 г., что позволяет и новый экземпляр отнести к этому же году. В связи с новой находкой следует вернуться к вопросу и о месте производства однотипных монет 611/1214-15 г. Наименование монетного двора, сохранившееся (плохо) на двух монетах клада, не могло быть прочтено уверенно, что и было оговорено при публикации клада. Сейчас представляется возможным предположить, что эти монеты чеканены в области Вахш, т. е. являются местными. Первые буквы наименования монетного двора допускают такое чтение. Препятствием является наличие между предполагаемым словом „Вахш“ и словом „сана“ („год“) изолированно расположенного затертого начертания, скрывающего какие-то буквы (букву). Если их считать частью наименования монетного двора — чтение „Вахш“ отпадает. Но можно предположить, что это — самостоятельное слово, предлог „фи“ („в году“). В этом случае чтение „Вахш“ оказывается очень правдоподобным. Следует заметить, что в области Вахш при Мухаммаде б. Текеше монетный двор функционировал, о чем свидетельствуют золотые динары Вахша [Давидович, 1979а, с. 231—233, монета № 2] (см. также [Bivar, 1974, с. 379, № 7]). Открытым остается вопрос о достоинстве монет Вахша (?) 611/1214-15 г.: медные ли это фельсы или медные посеребренные дирхемы?

Пять монет из раскопа № 1 безусловно являются медными посеребренными дирхемами. Три из них настолько плохой сохранности, что чтение

исторически наиболее важных частей надписей оказалось невозможным, но одно безусловно: чеканены они не ранее последней четверти XII в., о чем свидетельствует упоминание халифа Насира (1180—1225). Необходимо подчеркнуть, что три монеты из одного слоя — разнотипные, а это свидетельствует о сложном денежном хозяйстве области. Четвертый тип представлен двумя одинаковыми монетами, чеканенными правителем со следующими титулами и именем: „ас-Султан ал-а'зам Руки ад-Дунья уа-д-Дин Синджар“. Выпускные сведения не сохранились (нижний хронологический рубеж определяет упоминание халифа Насира), идентификация — дело будущего. В данной связи важно, что две однотипные монеты Синджара найдены в раскопе № 1 на разной глубине (в ярусах I и IV), что ясно говорит об „экономической одноэтапности“ всего слоя.

Существенно, что денежное обращение в области Вахш в последней четверти XII — начале XIII в. было организовано таким же образом, как и в центральном Мавераннахре: основу его составляли медные посеребренные дирхемы, золотые динары и, возможно, фельсы. Иначе говоря, с точки зрения организации денежного обращения область Вахш в это время (в отличие, например, от трех первых четвертей XI в.) составляла единое целое с другими областями не к югу, а к северу от Амударьи⁹.

Кроющий слой на основании керамики датируется первой половиной XIII в.

Совокупность находок (они будут детально описаны и проанализированы ниже), наблюдений и раскопочных работ подтверждает правильность вывода А. М. Беленицкого о том, что основной вещественный материал с Лягмана относится к X—XII вв., когда «город, видимо, достиг своего наибольшего расцвета» [Беленицкий, 1950в, с. 144]. В этом убеждает и нумизматический материал, в том числе клады монет, происходящие с территории Лягмана [Давидович, 1979а, с. 144—150, 228—230], и приведенные выше новые монетные находки из нашего раскопа, которые, пожалуй, свидетельствуют о том, что для города период «наибольшего расцвета» продолжался, вероятно, и в начале XIII в., вплоть до монгольского завоевания.

Принципиально важным является установленный Е. А. Давидович факт наличия монетного двора «Вахш». Выявлены чеканенные здесь серебряные монеты XI в., золотые монеты разных династий XII — начала XIII в., надчеканы конца XV в. на разных монетах [Давидович, 1979б, с. 70], а также, видимо, медные монеты начала XIII в. (см. выше). Как отмечает Е. А. Давидович, монетный двор (как это часто бывало в средневековом чекане) носил название области — «Вахш», а располагался, вероятно, именно в Хелаверде [Давидович, 1979а, с. 229].

Остаемся на данных письменных источников. Согласно Истахри, реки Вахш (ближайшая к Джарьябу-Пянджу), Барбан, Паргар и Андиджараг впадают в Джарьяб-Пяндж выше Архенской переправы, Вахш — ниже ее. В двух переходах от Архенской переправы находился Хелаверд, в двух днях пути — Хульбук.

Где же находились Архен и названная по нему переправа? Исходя из гидрографической сети Пянджа, Архенская переправа должна располагаться ниже впадения Кизылсу в Пяндж. Здесь в конце XIX — начале XX в. переправы имелись в двух местах — в Кокуле и вблизи Сарая-Файзабада. В Кокуле функционировала одна из важнейших переправ через Пяндж. Эта переправа была у южной оконечности о-ва Урта-Тугай, непосредственно у впадения Кизылсу в Пяндж (ниже слияния этих рек), где река течет одним руслом. Переправу осуществляли на бурдюках (турсуках) [Снесарев, 1906, с. 25; Разгонов, 1910, с. 88; Масальский, 1913, с. 738]. Значительно (в 40 км) западнее находились переправы у Сарая (современный райцентр Пяндж) — одна переправа была к востоку от Сарая, а две — около Файзабада, лежащей в 11 км ниже по реке, т. е. к западу от Сарая [Разгонов, 1910, с. 88—89, 151; Масальский, 1913, с. 738].

Хульбук, как известно, локализуется на Хишттепа в кишлаке Курбаншаид [Литвинский, Давидович, 1954]. Кокульская переправа расположена в 55—60 км, а Сарайская переправа — примерно в 90 км от этого центра. «Два дня пути» — это 12 фарсахов, т. е. около 75 км (если считать фарсах равным 6 км), что почти в равной степени отличается от расстояния, отделяющего Хишттепа как от Кокульской, так и от Сарайской переправ. Если же принять размер фарсаха не за 6, а за 7 км, то получится 84 км, что гораздо ближе к расстоянию от Хишттепа до Сарайской переправы. Одним словом, исходя лишь из расстояний, вопрос о локализации Архенской переправы и пункта Архен решен быть не может. Но в более поздних источниках имеются кое-какие дополнительные данные, помогающие более определенно локализовать Архен и Архенскую переправу.

Впервые локализация Архена была предложена еще в 1723 г. — вблизи Сали-Сарая, но на южном берегу Амударьи [Histoire, 1723, т. 1, с. 172—174, т. 3, карта]. Позже, в 1866 г. Г. Юль убедительно показал, что Архен — маленькое владение, лежащее вблизи Амударьи, на северо-запад от Таликана, и вблизи современного Хазрет-Имама. Эта локализация была принята И. Марквартом [Marquart, 1901, с. 233], по вызвала возражения В. В. Бартольда, который полагал, что это два различных пункта [Бартольд, 1963а, с. 120] (ср. [Minorsky, 1970, с. 359]). Детальное исследование позднесредневековых письменных источников, проведенное Б. А. Ахмедовым, позволило ему сделать заключение, что наименование Хазрет-Имам в XV—XVII вв. прилагалось ко всей области, центр которой по-прежнему именовался Арханг [Ахмедов, 1982, с. 51—52]. Отметим, что в XIX в. Хазрет-Имам (Хазрети Имам Сахиб) — это название населенного пункта и местности.

В источниках, описывающих события XV—XVI вв., упоминаются пункты Арханг (Арханг-Сарай) и Сали-Сарай. Согласно истории Тимура Шереф ад-Дина Йезди, пункт Арханг (=Архен) находился на южном берегу Амударьи [Бартольд, 1963а, с. 120], а Сали-Сарай — это, несомненно, Сарай, который сейчас переименован в райцентр Пяндж [The Tarikh-i-Rashidi, 1895, с. 24, примеч. 3; Bernard, Francfort, 1978, с. 84]¹⁰. Эти пункты неоднократно упоминаются в источниках, описывающих события эпохи Тимура и Тимуридов. В одном из них сообщается, что в 768/1366-67 г. Тимур и Хусейн следовали в сторону Бадахшана. Затем Тимур и Хусейн «вновь пришли в Арханг, где они переправились через реку на сторону Сали-Сарая, и двинулись в сторону Хатлана; затем, пройдя пустыню, они пришли в место, называемое Гулак, где устроили лагерь» [The Tarikh-i-Rashidi, 1895, с. 23—24; Histoire, 1723, т. 1, с. 172—174].

Нет никакого сомнения, что Архен (Арханг) — Хазрет-Имам находился на месте современного населенного пункта в Афганистане Имам Сахиб (иначе — Хазрети Имам Сахиб) — см. [Бурхануддин Кушкеки, 1926, с. 46—47; Qataghan et Badakhshân, 1979, т. 1, с. 53—54, т. 2, л. 81]¹¹, расположенного в 16—17 км на юго-запад-запад от Сарая (райцентра Пяндж).

Таким образом, можно считать установленным, что Архенская переправа была в районе Сарая — современного райцентра Пяндж. Если следовать направлению современной магистрали, идущей от этого райцентра сначала на запад, вдоль Сарайской долины и Пянджа, а затем круто поворачивающей на север и в районе Узуна близко приближающейся к Вахшу, то расстояние от Сарая в 90 км, такое же как до Курбаншаида (=Хульбук), приходится именно на кишлак Узун (точнее, 87 км). Расстояние же от Сарая до Курган-Тюбе равно 118 км, что составляет примерно уже не два, а три перехода.

У Истахри, кроме того, сообщается, что расстояние от «Каменного моста» до Левакенда (один из городов области Вахш, лежащий на реке) — два перехода; от Левакенда до Хелаверда (также лежащего на реке) — один переход, т. е. всего три перехода. Расстояние от Нурека с его «Каменным мостом» до Курган-Тюбе (если считать по горной дороге вдоль Вах-

ша¹²), — около 90 км, расстояние же от Курган-Тюбе до Узуна — около 30 км. Следовательно, общее расстояние приблизительно 120 км, что может соответствовать «трем переходам» арабских географов.

Итак, анализ дорожников арабских географов показывает, что наиболее вероятное место, где помещался Хелаверд, следует искать в районе Узуна. Таким образом, наш анализ полностью подтверждает догадку В. Р. Чейлытко и, главное, точку зрения А. М. Беленицкого, скрупулезно изучившего арабо-персидские источники по Южному Таджикистану [Беленицкий, 1950в, с. 140—141, 144] и локализовавшего на месте Узуна — Лягмана средневесковский Хелаверд¹³.

Следует оговорить одно обстоятельство. Географ ал-Якуби, перечисляя города Хутталя, упоминает, в частности, города Хелаверд и Вахш — под последним названием, как считает А. М. Беленицкий, может быть, скрывается Левакенд [Беленицкий, 1950б, с. 122]¹⁴. Беруни в «Каноне Масуда» называет «город ал-Вахш в долине Вахшаба», г. Хелаверд и не упоминает Левакенд. Приводятся широтные определения г. Вахша — 37°40' и Хелаверда — 38°30' [Беруни, 1973, с. 486], из чего следует, что он помещал Хелаверд значительно севернее, чем «город Вахш» (Левакенд?). Хотя во введении к своим таблицам долгот и широт населенных пунктов Беруни сообщает, что «все это не взято на веру из книг», он вместе с тем указывает, что в них «все запутано и искажено» [Беруни, 1973, с. 442]. Вероятно, в случае с вахшскими городами Беруни привел неверные данные своих источников и предпочтение следует отдать Истахри¹⁵.

Согласно автору «Худуд ал-алем» (982—983 гг. н. э.), Вахш — процветающая область, лежащая вдоль р. Вахш. Хелаверд — столица (касаба) Вахша. Это, как прямо сказано в источнике, — земледельческий город, кроме того, сообщается, что у него много сельских районов («руста»). Жители города — воинственные стрелки из лука [Худуд ал-алем, 1930, л. 25а; Minorsky, 1970, с. 120]. Следует заметить, что, по мнению арабских географов (например, Истахри), Хелаверд превосходил по размерам столицу Хутталя — город Хульбук, но уступал Мунку [Бартольд, 1963а, с. 119]. Якут в начале XIII в. сообщает, что область Вахш славится своим благосостоянием, там есть большие города — Хелаверд и Левакенд (см. [Tomaschek, 1877, с. 45]).

Сведения письменных источников о Хелаверде¹⁶, суммированные выше, вполне допускают локализацию его на городище Лягман. Средневесковский Хелаверд был очень крупным городом — одним из крупнейших в Южном Таджикистане. Площадь Хульбука превосходит 70 га; территория, которую занимал шахристан Хелаверда (свыше 60 га) вместе с большим рабадом, должна была достигать 80—100 га. Город был сильно укреплен, из источников мы узнаем о воинственности его жителей. Что очень важно — подчеркивается сельскохозяйственный характер этого крупного города, который, кроме того, был центром большой сельскохозяйственной округи. Сельскохозяйственные занятия жителей сочетались с ремеслом. Город был захвачен и разрушен войсками Чингисхана, очевидно, в 1221 г. [Рашид-ад-дин, 1952, с. 207].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛЯГМАНА

В 1968 г. на городище Лягман был найден крупный клад (?) металлических изделий; немногочисленные, но разнообразные находки были получены в 1981 г. при закладке шурфа; в разное время у местных жителей были собраны некоторые вещи. Весь этот материал, основную часть которого составляют керамика и металл, описывается в данной главе¹⁷.

Керамика из самого раннего слоя слишком малочисленна и фрагментарна, поэтому о ее характере и времени изготовления говорить сейчас нецелесообразно. Керамика из следующего (третьего сверху) слоя представлена обломками трех глазурованных чаш (рис. 45). Две из них имели широкий, приземистый корпус, с широкой, плоской закраиной, отогнутой

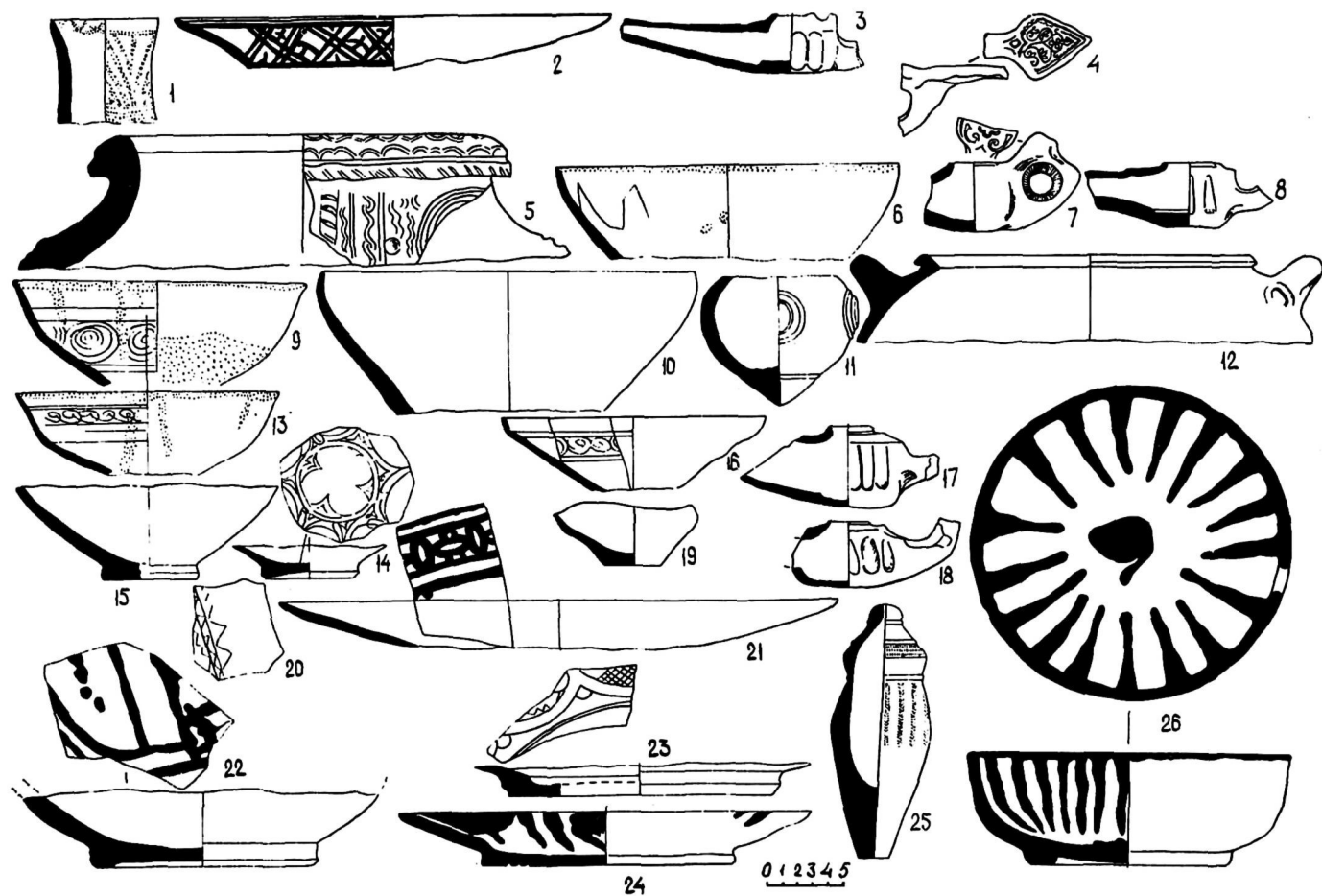

Рис. 45. Городище Лягман. Керамика

наружу. Диаметр венчика одной из них равен 26 см, диаметр поддона — 19,5 см. У второй чаши диаметр поддона равен 23 см. Первая чаша имеет мраморовидный рисунок: на белый фон из плотной непрозрачной глазури нанесены крупные пятна бирюзовой глазури, которые расплылись и приобрели бесформенный вид. Вторая чаша имеет сложный, четкий подглазурный рисунок, который сверху покрыт глазурью темно-зеленого и светло-коричневого цвета. В углублениях рисунка слой глазури толще, поэтому его линии четко выделяются. У третьей чаши имеется кольцевой поддон диаметром 14 см, стенки у нее более прямые, чем у первых двух. Профили чаш (особенно двух первых), то обстоятельство, что они полностью покрыты изнутри и снаружи глазурью [Шишкина, 1979, с. 26], а также характер орнамента свидетельствуют о том, что они относятся к X в. ¹⁸.

Основная часть керамики связана со вторым слоем и относится к XI—XII вв. По набору форм она довольно разнообразна. Прежде всего следует отметить светильники. Они представлены двумя разновидностями: 1) небольшая плошка со смятым в одном месте носиком-сливом; такие светильники почти идентичны раннесредневековым (рис. 45/19); 2) небольшой сосудик с закрытым резервуаром, кольцевидной ручкой и длинным носиком-желобком. Среди светильников второй группы есть глазурованные (глазурь зеленого или бирюзового цвета) и неглазурованные, с округлым и граненым резервуаром. Светильники с округлым резервуаром относятся к более раннему времени, чем светильники с граненым резервуаром [Шишкина, 1979, с. 19]. Все светильники второй группы имеют щиток — упор для большого пальца, в основном листовидной формы. Щитки, как правило, орнаментировались. Все эти признаки характерны также и для светильников из других памятников Средней Азии рассматриваемого времени [Брыкина, 1974, с. 76, рис. 54/5, с. 77, рис. 56; Буряков, 1977, с. 79, рис. 6/1—2; Вактурская, 1959, с. 317, рис. 3, 4, 6, 7; Давидович, Литвинский, 1955, с. 99, рис. 45]. Уникальным является щиток-упор от одного из светильников, найденный на Лягмане (рис. 46/29). Он имеет форму квадратного медальона (3,5×3,5 см). По его краю идет валик. Все остальное поле занимает рельеф с изображением сцены боя всадника с двумя пешими воинами. Всадник сидит на копе (обращены вправо), в правой руке он держит поднятый над головой меч. Показаны детали его одежды: головной убор, кафтан. Хорошо видна сбруя коня. Между ног коня лежит убитый или раненый воин. Второй пеший воин с поднятым мечом готовится сразиться с всадником. Все три персонажа обращены лицом к зрителю. На пеших воинах также показаны штрихами кафтаны и шапки.

Даже если не принимать во внимание художественную керамику XII в., тема всадника — едущего, скачущего или борющегося с конным противником — была довольно широко распространена в искусстве Востока. Несколько раз она встречается на стеклянных медальонах [Жуков В. Д., 1940б; SPA, т. 12, табл. 1439; Finster, Schmidt, 1977, рис. 73, табл. 72а). Встречается она и в резном шутке (см., например, [SPA, т. 9, табл. 515]). Рельеф на лягманском щитке был оттиснут штампом по сырой глине до обжига изделия. Это говорит о массовом производстве рельефов. Возможно, в данном случае мы видим иллюстрацию к популярному народному эпосу.

Имеются также фрагменты крупных, формованных на круге подставок для светильников. Высота их достигает 30 см и более, диаметр основания — 10 см. Иногда подставки орнаментировались прямыми и волнистыми линиями. Такие подставки, как и сами светильники, часто встречаются в других керамических комплексах [Лунина, 1962, с. 357, рис. 80, с. 381, рис. 90; Филиппко, 1974, с. 128, рис. 5; Атагарьев, 1973, с. 38, рис. 11; Rosen-Ayalon, 1974, с. 133, фиг. 303, табл. XXVIIa, b, c, d и т. д.].

Чаши встретились как глазурованные, так и неглазурованные. Преобладает глазурь светлых тонов: белого, салатного, желтого. Глазурь нано-

силась ровным слоем только внутри сосуда, с внешней стороны видны ипогда потеки глазури, которая струйками стекала к днищу. Венчик обычно подчеркивался полоской зеленой или синей глазури. Очень популярным был прореченный после глазурования в верхней части сосудов орнамент, состоящий из завитков различной формы. При этом в месте рисунка был хорошо виден красноватый черепок. Благодаря этому рисунок четко выделялся на светлом фоне глазурованной поверхности (рис. 45/9, 13). Эти технологические особенности характерны для керамики указанного времени, найденной в Средней Азии и за ее рубежами [Gardin, 1963, с. 112, фиг. 470, 471; Брыкина, 1974, с. 74, рис. 50/1; Вактурская, 1959, с. 316, рис. 27; Rosen-Ayalon, 1974, с. 256, фиг. 607—614, с. 257, фиг. 615—617; Брусенко, 1976, рис. 37/5]. В быту применялись и неглазурованные чаши (рис. 45/10), формой и размерами напоминающие раннесредневековые.

Довольно часто встречаются в слое обломки сфероконических сосудов. Диаметр их резервуаров — 10—11 см. Некоторые из них украшены снаружи концентрическими кружками диаметром 5—6 см (рис. 45/11). Сфероконик, переданный нам одним из жителей поселка, украшен елочным орнаментом (рис. 45/25).

Кувшины представлены обломками столовых и водоносных сосудов. К сожалению, их форма полностью не восстанавливается. Снаружи горло столовых сосудов иногда украшено небольшими круглыми палепами с пунсонным орнаментом. Диаметр их венчиков достигает 7 см. Среди водоносных сосудов есть лепные и станковые. Венчики их имеют диаметр до 11 см. Лепные кувшины снаружи расписывались темно-красной краской (рис. 45/1).

Керамика кроющего слоя немногочисленна. Здесь есть фрагменты чаш с мелким и глубоким резервуаром. Неглубокие чаши имеют широкий, отогнутый горизонтально наружу венчик (рис. 45/2, 15, 16). По форме они похожи на чаши X в. Глубокие чаши имеют диаметр венчика до 36 см; стенки их почти прямые. Для тех и других чаш характерна синяя и бирюзовая глазурь с черной росписью. Эта особенность отмечена для керамики XIII в. Средней Азии и Ирана [Вактурская, 1959, рис 34; Wilkinson, 1963, табл. 54; Лупина, 1962, с. 355; Немцева, 1969, с. 197]. По-прежнему в слое начала XIII в. попадают фрагменты лепных, расписных водоносных кувшинов и сферокоников.

Из керамики, собранной у местного населения, наибольший интерес представляет целая чаша (рис. 45/26). Изнутри ее стенки покрыты потеками зеленоватой густой глазури. Крупные капли глазури медленно стекали от венчика ко дну. Между потеками — узкие полоски незакрашенного черепка. Для Средней Азии подобные сосуды не характерны. В Иране же, например, была найдена целая серия чаш, практически идентичных по форме и декору [Rosen-Ayalon, 1974, с. 175—183]. Не исключено, что чаша из Лягмана является привозной или же сделана по привозным образцам.

Стекло из Лягмана (рис. 46/30—35) представлено большим количеством фрагментов, но, как правило, они имеют небольшие размеры, что затрудняет определение типов сосудов. Среди них выделяются обломки чаш, бокалов, флаконов, т. е. тех сосудов, которыми чаще всего пользовались в быту жители Средней Азии в эпоху развитого средневековья [Абдуразаков и др., 1963, с. 109, рис. 11]. Техника изготовления стеклянных сосудов различна, но преобладало свободное выдувание. Различен также и цвет стекла: зеленый, синий, голубой, малиновый. Иногда сосуды украшались рельефным орнаментом (рис. 46/31) при отливке или выдувании в форму.

Из уникальных находок следует отметить фрагмент алебастровой решетки со вставленным в треугольную ячейку плоским стеклом. На территории Таджикистана такие остекленные решетки обнаружены также в Калаиболо, за его пределами — в Термезе, Нисе, Самарканде, Хорезме и др. Эта находка показывает, что оконные проемы в Лягмане, как и в

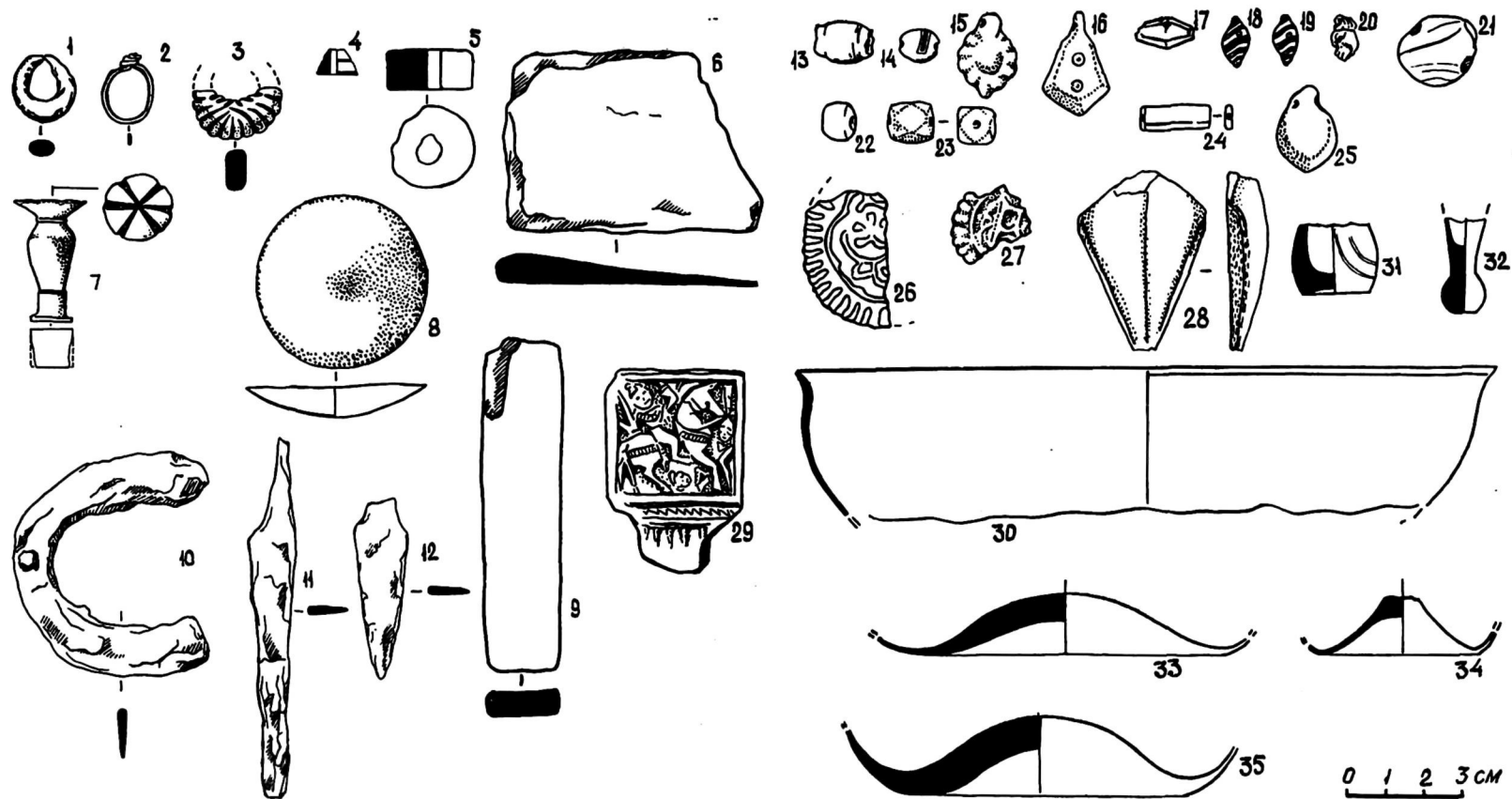

Рис. 46. Городище Лягман. Украшения, предметы быта и стекло

некоторых других городских центрах домонгольской Средней Азии, остеклялись [Давидович, 1953].

Согласно заключению Е. А. Давидович, процесс изготовления решеточки из Лягмана был достаточно сложным. «Из какого-то твердого материала для всей решетки или ее части заготавливалась форма. Она должна была иметь вид плоскости с углублениями, причем рисунок углублений должен был соответствовать задуманному рисунку решетки. Углубления в поперечном сечении имели треугольное очертание (вершиной вниз) и заполнялись алебастром. До полного высыхания алебастра на участке между углублениями (т. е. в будущие просветы решетки) накладывались кусочки стекла, более или менее повторяющие конфигурацию будущих ячеек-просветов решетки. Затем сверху наводился сплошной слой алебастра примерно 10–11 мм толщиной и выравнивался. К этому времени алебастр в углублениях формы подсыхал и закреплялся окончательно, так что представлялась возможность полуготовую решетку снять с формы. До или после снятия решетки с формы в верхнем сплошном слое алебастра, наведенном позже и потому еще не окрепшем, с помощью острого ножевидного инструмента против каждого „замурованного“ стеклышка алебастр вырезался так, чтобы просвет этой обратной стороны хотя бы примерно повторял правильно-геометрический просвет лицевой стороны» [Давидович, 1953, с. 35–36].

В отличие от Термеза, где в ячейку вставлялись куски битой или бракованной стеклянной посуды, в Лягмане вставлены куски плоского стекла, полученного способом выдувания и расправления стеклянного пузыря [Давидович, 1953, с. 36–37]. Скорее всего это делалось на месте, а если так, то в Лягмане должно было быть местное стекольное производство.

Костяные изделия. Одним из них является пуговица (рис. 46/4) конусовидной формы. Высота ее — 0,9 см, диаметр основания — 1,5–1,6 см. Пуговица имеет сквозное вертикальное отверстие диаметром 0,5 см. В средней и нижней части ее украшают два концентрических желобка. Второе изделие является заготовкой из рога животного (рис. 46/5). Она аккуратно опилена с двух сторон пилкой, поверхность ее заполнована. Диаметр заготовки — 3 см, толщина — 1,5 см. В центре заготовки — отверстие диаметром 1–1,1 см.

Каменные изделия представлены двумя оселками. Один из них целый (рис. 46/9). Длина его — 12 см, ширина 1,8–2 см, толщина — 0,9–1,5 см. Оселок обработан слабо. Второй оселок был крупнее, от него сохранилась примерно половина. Длина обломка — 9,7 см, ширина — 6,3 см, максимальная толщина — 0,5 см. Оселок сильно сработан.

Украшения немногочисленны, но разнообразны. Это медальоны, подвески, бусы, сережки, кольцо, вставка для перстня и каменный кулон. Медальоны дошли до нас во фрагментах. Они сделаны из фаянса, лицевая их сторона покрыта голубой глазурью. Один медальон сохранился почти наполовину (рис. 46/26). Длина обломка — 3,5 см, ширина — 2 см, толщина в центре — 0,5 мм. Края медальона орнаментированы рельефными рубчиками; в центральной части — растительный орнамент. Тыльная сторона изделия плоская; оно имело овальную в плане форму. Второй медальон (рис. 46/27) сохранился хуже. От него остался обломок, размер которого 2×1,5 см, толщина — 0,5 см. Края медальона орнаментированы рельефными рубчиками. В центре лицевой стороны располагался орнамент, характер которого остался непонятным. Тыльная сторона медальона плоская; с обеих сторон он покрыт голубой глазурью. Такие медальоны отливались в форму, а затем покрывались голубой глазурью и обжигались. Подобные медальоны отмечены для многих районов Средней Азии [Шишкина, 1979, с. 62–63; Брыкина, 1974, с. 94–95, рис. 95; Лунина, 1962, с. 355–356; Атагарьев, 1973, с. 61–62].

Подвески (рис. 46/15, 25) также сделаны из фаянса, в той же технике, что и медальоны. Сходна, очевидно, и их форма; различаются они размерами (подвески меньше): длина — 2 см, ширина — 1,5 см. Лицевая сторо-

на их оформлена в виде распустившегося цветка. Иногда он отпечатан четко, иногда его почти не видно. Очевидно, права Г. В. Шишкина, которая считает, что подобные подвески «ведут свое происхождение от древних египетских изделий из фаянса» [Шишкина, 1979, с. 62, табл. LXXX]. Следует только добавить, что стилизованный цветок на подвесках — это бывшая кисть руки человека, пальцы которой заменены лепестками; в центре, где помещался большой палец, располагается выступ. Подобные подвески в Средней Азии находят вместе с медальонами в слоях XII в.

Бусы (14 экз.) сделаны из различных материалов: стекла, стеклянного шлака, раковин, сердолика, кораллов, нефрита, перламутра. Стеклянные бусы изготовлены в основном из плотного, непрозрачного стекла черного и белого цвета. Этим достигалось сходство их с каменными. Одна из стеклянных бусин имеет двухслойный длинный стеклянный глазок. Основание глазка черного цвета, края темно-красные. Он хорошо выделяется на светлом фоне бусины (рис. 46/14). Другая стеклянная бусина сделана из прозрачной, зеленого цвета полоски стекла, которую завернули на стерженек, когда она была мягкой, а затем обрезали ее. Форма стеклянных бус простая, округлая (рис. 46/14, 21). Бусы из стеклянного шлака имеют неправильную форму, края их неровные (рис. 46/18—20). Каменные бусы имеют довольно сложную конфигурацию. Одна из них (рис. 46/17) вырезана из сердолика, форма ее шестиугольная бипирамидальная, усеченная [Литвинский, 1973а, с. 119]. Другая (рис. 46/23) вырезана из белого камня, она имеет кубо-октаэдрическую форму. Интересна и нефритовая бусина. Она плоская, в плане имеет бипирамидальную форму, с сильно вытянутой верхней частью. На лицевой стороне ее вырезано два маленьких кружка с точкой в середине. Форма перламутровой бусины в идее простая, но из-за недостаточно тщательной обработки она несколько усложнилась. Эта бусина самая крупная в коллекции, диаметр ее — около 2 см, тогда как диаметр самых мелких бусин — 0,3 см.

Серьги представлены двумя экземплярами (рис. 46/1, 3). Одна серьга происходит из шурфа, другая поднята на поверхности городища. Они отличаются между собой размерами, но форма их одинакова. Обе серьги имеют внизу утолщение, сверху они резко суживаются. Серьги изготовлены из бронзы; одна из них орнаментирована насечкой.

Кольцо (рис. 46/2) изготовлено из тонкой (около 1 мм), неширокой (около 3 мм) медной пластинки. Концы ее свернули в жгут, при этом получилось нечто вроде площадки. Интерес представляет вставка для перстня, вырезанная из лазурита красивого синего цвета. Она тщательно отполирована; имеет круглую форму (диаметр — 1,1 см); толщина — около 0,2 см. На лицевой стороне вставки вырезано слово «аль-мульк», т. е. «владение», «владычество».

Кулон (рис. 46/28) выточен из мягкого черного камня, тщательно отполирован. Длина его — 5 см, максимальная ширина — 3,5 см. Форма его трапецеидальная, нижняя часть вытянута. На лицевой стороне кулона — вертикальное центральное ребро.

Железные предметы. Железные изделия представлены подковой и двумя небольшими ножами. Подкова (рис. 46/10) небольшая, предназначенная, видимо, для осла. Диаметр ее — 8,5 см. Сохранился один из гвоздей, державших ее, он также железный. Один из ножей по форме похож на кинжальчик (рис. 46/12). Он с черешковым насадом. Длина лезвия — 6 см. Второй нож (рис. 46/11) — однолезвийный с черешковым насадом. Черешок сдвинут от оси лезвия, длина черешка — 4 см, длина лезвия — 9 см.

Бронзовые изделия. В начале 1968 г. сотрудник Института истории им. А. Дониша Ш. Т. Юсупов сообщил Б. А. Литвинскому, тогда заведовавшему сектором археологии и нумизматики, что при хозяйственных земляных работах на территории городища Лягман жителями кишлака Узун были обнаружены бронзовые изделия, которые находятся у местных жителей. Б. А. Литвинский направил на место находки археолога

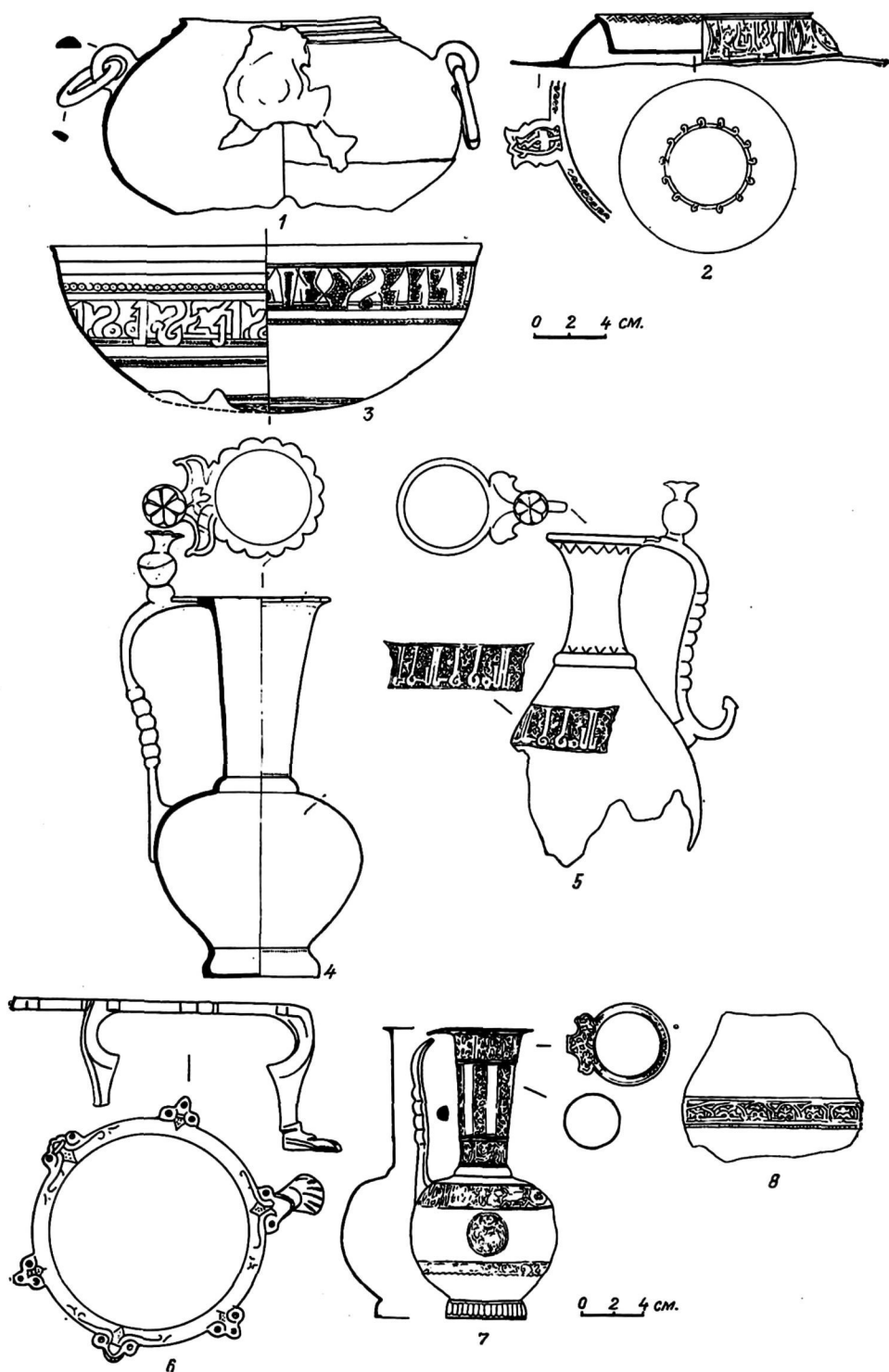

Рис. 47. Городище Лягман. Бронзовые сосуды из клада

Т. М. Атахапова, который собрал большую группу изделий — бронзовых и керамических и доставил их в сектор. Были также доставлены и бронзовые монеты, определенные Е. А. Давидович как караханидские XI в. [Атаханов, 1968а]. Затем были получены сведения, что часть бронзовых изделий осталась у местных жителей. На место дополнительно выезжал археолог Ю. Якубов, который привез некоторое количество изделий [Екубов, 1968].

Хотя все эти находки были названы «узунским кладом», сколько-нибудь твердой уверенности в этом не было. Дело в том, что на городище постоянно велись хозяйственные земляные работы, при этом местные жители находили различные, в том числе бронзовые, предметы. Большое количество предметов, найденных одновременно, присоединилось к тем, что были собраны ранее. Поэтому привезенные в сектор археологии и нумизматики предметы могли происходить из разных находок. Таким образом в состав «клада» был включен и доставлен в Душанбе кувшин этнографического облика (XIX — начало XX в.). К тому же установить, в каких археологических условиях был найден «клад», т. е. основная часть изделий, также не удалось. Поэтому нет серьезных оснований рассматривать все эти изделия как единовременно отложившийся клад. Это скорее собрание (или коллекция) бронзовых изделий, происходящих с одного места — городища Лягман; если применять современную географическую номенклатуру, то его можно назвать «узунским собранием (или коллекцией)».

Ниже приводится описание изделий.

1. Чаша (рис. 47/3). Тонкая полусферическая с незначительно отогнутым наружу краем. На дне и стенке (снаружи и внутри) — орнамент. На дне (снаружи) выгравированы три concentрические окружности (диаметр внешней — 9,7 см, внутренней — 8,1 см). Между близко (0,35 см) расположенными внешними окружностями — ряд смыкающихся гравированных кружков с точками в центре. Центральное поле занято шестилепестковой розеткой. Ее лепестки образованы гравированными дугами, обведенными снаружи смыкающимися гравированными кружками с точками в центре. Отрезки дуги окружности, расположенные между кончиками лепестков, также обведены такими кружками. В результате рисунок образует два сочлененных элемента: гравированная розетка и вписанные между ее лепестками треугольники из кружков (боковые стороны у треугольников вогнутые, основание — выпуклое). В центре треугольников — три сомкнутые треугольника с точками.

Снаружи, на стенке, орнамент состоит (спизу вверх) из узкой (0,25 см) полоски, ограниченной двумя параллельными, слабо прочерченными линиями, пространство между которыми заполнено маленькими, соприкасающимися кружками с точкой в центре. Выше, на расстоянии 0,5 см, второй такой же, но несколько более широкий, чем нижний (0,35 см), пояс. Между этим пояском и проходящим на 0,2 см выше третьим пояском (он имеет вид двух горизонтальных глубоких линий) располагается намеченная слабыми штрихами имитация арабской надписи. Фон заполнен соприкасающимися мелкими кружками с точками. Выше — гладкий венчик (высота — 0,12 см), очень незначительно отогнутый наружу.

Внутри чаши, на ее дне, круг, состоящий из трех concentрических окружностей (диаметр наружной — 11,5 см). Пространство между двумя внешними заполнено точками, внутреннее кольцо (между средней и внутренней линиями) — гладкое. Во внутреннем круге расположены три соприкасающихся кружка с диаметром 4,7 см, повторяющие в части орнаментации большой круг. Поле каждого кружка было заполнено рисунком: ствол дерева с отходящими от него побегами и листьями. От места соприкосновения кружков отходят в обе стороны по трилистнику с длинным заостренным стеблем. Все остальное пространство внутри большого круга заполнено меньшими кружками с точками. Выше этой центральной розетки — орнаментально-эпиграфический пояс, начинающийся на расстоянии 7,2 см от края. Нижняя кайма состоит из двух пар гладких го-

горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено в два ряда маленькими кружками с точками. Затем идет широкий (0,7 см) гладкий пояс. Над ним — узкий пояс из двух горизонтальных линий — основание пояса надписи (надписи см. Приложение I). Сверху этот пояс ограничен горизонтальной линией. Высота поля надписи — 2,2–2,6 см (вторая цифра — с учетом по нижней линии, куда опускается часть букв). Фон надписи заполнен соприкасающимися маленькими кружками с точками. Затем следует гладкий пояс шириной 0,6 см, над которым идет горизонтальная линия, выше ее — ряд соприкасающихся и частично пересекающихся крупных кружков с точками посередине. Еще выше, у основания венчика — две горизонтальные линии. Диаметр мелких кружков с точками — около 1 мм, крупных — 3,5–4 мм. Высота чаши — 10,9 см, диаметр ее — 23,6 см. Часть дна отломана.

2. Блюдец (рис. 50/6). Массивное небольшое с вогнутым дном. Внутри дно с круговой припухлостью в центре и с гравированной линией по краю зеркала дна. Венчик плоский, горизонтальный. Диаметр дна — 5,7 см, диаметр венчика — 6,9 см, высота стенки снаружи — 0,9 см, высота стенки изнутри — 0,4 см.

3. Бронзовая тарелочка — фрагмент края. В сохранившейся части слабо покатая, почти горизонтальная стенка близ края более отогнутая. Бортик оформлен в виде обращенного вершиной вверх треугольного утолщения. На верхней плоскости — надпись (см. Приложение I). Диаметр тарелочки — около 26 см, толщина по бортику — 0,35 см.

4. Тарелка бронзовая, плоская (рис. 50/9) — четыре крупных фрагмента наружных частей. Низкий бортик — это собственно ободок — треугольного сечения. Дно было, по-видимому, уплощенно-выпуклым. Диаметр приблизительно 27 см, высота бортика — 0,3 см.

5. Блюдец низкое (рис. 50/10), с уплощенно-округлым дном, невысокими наклонными стенками и слабо наклонным, почти горизонтальным бортиком. Из центра (точка в середине) проведены по две пары concentрических окружностей (радиус внешней — 4,5 см), затем гладкое поле и еще две-три линии (радиус внешней окружности — 9,1 см) и пара линий — по краю зеркала дна (радиус внешней окружности — 14,4 см). Диаметр венчика — 34,5 см, высота 2,7 см.

6. Кувшин (рис. 47/5; табл. 20/2) с расширяющимся вниз грушевидным туловом (нижняя половина его полностью отсутствует), отделенным валиком от высокого вогнутого («блоковидного») горла. Венчик валиковый, горизонтально отогнутый, сверху уплощенный. Ручка в сечении плоско-выпуклая (уплощенная часть внутри), по высоте ее стебель несколько прогнут внутрь. Основание ручки отогнуто наружу и вверх в виде крючка, копец которого увенчан маленькой четырехгранной пирамидой. Нижняя часть ручки соединяется с корпусом при помощи овального в сечении брусочка. В средней части стебель состоит из семи полубусин. В верхней части, на горизонтальном отрезке, стебель становится уплощенным и переходит в плоскую пальметту, соединяющуюся с венчиком. Пальметта состоит из двух обращенных в разные стороны стилизованных головок птиц. Венчик увенчан элементом в виде плода граната, верхняя площадка которого имеет вид рельефной шестилепестковой розетки. Орнаментация: в передней части верхней половины корпуса — орнаментальная полоса, по ее сторонам расположены участки надписи (см. Приложение I), в центре — фестончатый картуш (полностью сохранился один участок надписи и часть картуша).

Высота фрагмента — 21,5 см; высота верхней половины корпуса — 9 см; высота горла (над валиком) — 7,3 см; высота граната — 3,7 см; диаметр корпуса (максимальный) — около 13 см; диаметр основания горла — 4,8 см; диаметр горла вверху — 5,2 см; диаметр венчика — 6,3 см.

7. Кувшин (рис. 47/4; табл. 20/3) с расширяющимся кверху яйцевидным корпусом, слабо покатыми плечиками, на сравнительно невысоком плоском поддоне. Расширяющееся вверх горло отделено от корпуса вали-

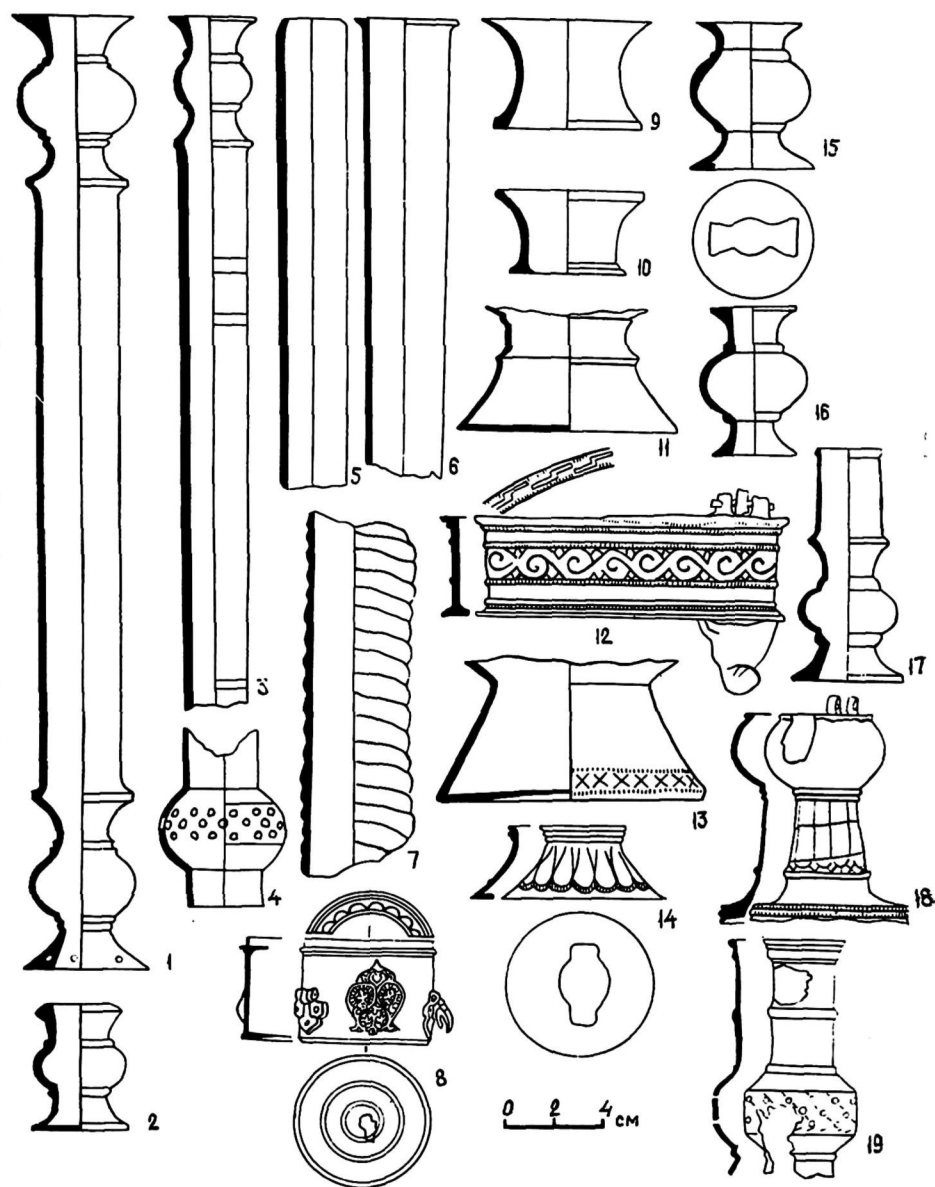

Рис. 48. Городище Лягман. Бронзовые предметы из клада

ком. Горло завершается отогнутым горизонтально наружу фестончатым венчиком. Ручка в сечении круглая, по высоте ее стебель несколько прогнут внутрь. Корень ручки — в виде треугольного выступа, прикрепленного к верхней части корпуса, в нижней половине стебель ручки состоит из шести примыкающих друг к другу горошин. В верхней части, на горизонтальном отрезке, стебель становится уплощенным и переходит в пальметту, соединяющуюся с венчиком. Ручка увенчана элементом в виде плода граната, верхняя площадка которого имеет вид рельефной шестилепестковой розетки. В основании горла, над валиком, и вверху, под венчиком, — по точечной, слабо заметной линии. На верхней плоскости пальметты — слабо различимый точечный орнамент. Корпус фрагментирован. Высота общая — 25 см; высота поддона — 2 см; высота до максимального расширения — 9,8 см; высота до плечиков — 11,2 см; высота до основания

валика — 12,6 см; высота граната — 4,5 см; диаметр поддона внизу — 7,8 см; диаметр шейки поддона — 7 см; диаметр максимальный — 13 см; диаметр основания горла — 4,4 см; диаметр горла вверх — 6,5 см; диаметр венчика — 7,8 см.

8. Кувшин (рис. 47/7; табл. 20/1) с расширяющимся кверху яйцевидным корпусом, слабо покатыми плечиками, на сравнительно невысоком поддоне. Судя по остаткам несохранившегося дна, оно находилось внизу поддона. Расширяющееся вверх горло слабограненое («каннелированное»). Внизу оно отделено от корпуса валиком; завершается отогнутым горизонтально наружу венчиком, образующим плоское кольцо. Ручка в сечении плоско-выпуклая (уплощенная часть — внутри), по высоте ее стебель несколько прогнут внутрь. Корень ручки — в виде треугольного выступа, в средней части стебель состоит из четырех полубусин. В верхней части ручки отломана, возможно, здесь был какой-то венчающий элемент. Соединение ручки с венчиком оформлено пальметтой. По поддону идет ряд вертикальных штрихов, вверх и вниз соединенных овалами. Орнамент на корпусе и шейке выполнен в очень плохом рельефе и сохранился плохо, его детали по большей части неразличимы. В середине нижней половины корпуса — горизонтальный орнаментальный пояс. По краю плечиков — второй орнаментальный пояс. Он заполнен надписью, разбитой двумя изобразительными медальонами на три части. В медальоне виден кружок, бегущая влево газель, какая-то изогнутая фигура и фронтальное изображение стоящего человека с раздвинутыми ногами, с одной поднятой, другой опущенной рукой. Впереди (по центру) и по бокам от пояса вниз опущены овальные орнаментальные медальоны, заполненные крупными трилистниками.

На горле — три орнаментальные зоны. Верхняя и нижняя, отграниченные спаренными валиками, заполнены надписями (надписи см. Приложение I). В слабограненой («каннелированной») средней части чередуются гладкие грани и заполненные вертикальным растительным побегом с трилистниками. На верхней плоскости венчика — листовидные углубления на пальметте и на противоположном отрезке дуги венчика.

Высота общая — 18,7 см; высота поддона — 1,3 см; высота до максимального расширения корпуса — 6,1 см; высота до плечиков — 7,4 см; высота до основания валика — 9,4 см; диаметр поддона снизу — 5,5–5,6 см; диаметр шейки поддона — 5,2–5,3 см; диаметр максимальный — 10,2 см; диаметр основания горла 3,2 см; диаметр горла вверх — 4,7 см; диаметр венчика — 5,6 см.

9. Сосуд (рис. 48/18; табл. 25/2). Фрагментирован, сохранилась лишь верхняя часть — горло кувшина. Верхняя его часть имеет форму сферического уширения с низкой, плоской сверху краем. Здесь был носик-слив, но он отломан «под корень». На верхней плоскости венчика — две стойки-петли с отверстиями для оси. Собственно горло — это усеченно-коническая, граненая (8 граней) полая трубка с двумя кольцевыми ребрами — внизу (здесь оно сочетается с уступом) и на середине высоты. Наверху — валик, а над ним — сферическое уширение.

Широкий нижний край трубки после выкружки становится слабо-наклонным — это верх корпуса сосуда. В верхней части вертикальной стенки — горизонтальная полоска рифления. Высота фрагмента — 8,8 см; высота трубки — 4,3 см; высота сферического уширения — 2,9 см; диаметр сферического уширения максимальный — 4,8 см; диаметр венчика — 2,9 см; диаметр трубки горла сверху — 2,7 см; диаметр трубки горла внизу — 3,7 см; верхний диаметр корпуса — 6,2 см.

10. Верхняя часть горла и подпимающегося над ним носика кувшина (табл. 27/1). В верхней части цилиндрического горла — восьмиугольное массивное кольцо венчика. Носик (часть его ствола отбита) квадратный в сечении, с массивным кольцевидным венчиком, рассеченным вертикальными желобками. На горле и носике — орнаментальные пояски. Диаметр венчика — 5,6 см, длина носика — 5,2 см.

11. Поддон кувшина. Дно несколько вогнутое в центре. Поддон имеет внизу вид усеченного копуса, затем изламывается наружу, образуя переход к округлой части корпуса. Высота фрагмента — 4,5 см; диаметр дна — 8,4 см; диаметр поддона вверх — 7,1 см; высота поддона — 2,8 см.

12. Поддон кувшина (рис. 48/13). Такой же, как № 11, но с более высокой и массивной конусовидной частью. На стенке поддона, у основания — полоска орнамента. Она состоит из точечной линии внизу и обычной вверх. Пространство между ними заполнено крестиками. Высота фрагмента — 5,2 см; диаметр дна — 9,0 см; диаметр поддона вверх — 6,0 см; высота поддона — 4,4 см.

13. Полый конический, слегка вогнутый поддон (рис. 48/11). Сверху ограничен кольцевым нависающим ребром. Над ним — широкая выкружка-скоция, над которой, отделенная уступом, начинается стенка, очень полого поднимающаяся. Диаметр внизу — 8,6 см; диаметр скоции — 5,0 см; высота поддона — 2,6 см; высота фрагмента — 4,5 см.

14. Фрагменты кувшина (рис. 47/8) с грушевидным корпусом (два крупных фрагмента средней части корпуса). Максимальный диаметр — 11,2 см. В средней части корпуса — рельефная лента орнамента шириной 1,9 см. Орнамент золоченый (?). Он состоит из двух полос. Между ними — сложное плетение, образующее арки, внутри которых (вертикально) трилистник, по бокам внизу по паре листочков.

15. Навершие над ручкой кувшина, имеющее вид плода граната. Верхняя плоскость навершия оформлена как розетка. Высота — 3,0 см, диаметр максимальный — 1,5 см.

16. Подставки (рис. 48/9, 10), имеющие форму полого кольца. Корпус подставок колоколовидный. Оба основания гладкие, прямые — плоскости, предназначенные для присоединения к другим частям сосуда. Поддон кувшина (?). Диаметр нижний — 5,8(6,1) см; диаметр верхний — 4,3(3,4) см; высота — 3,4(4) см.

17. Подставка (рис. 48/14) в виде кольца с дном-основанием. Боковая часть — колоколовидная с уплощенным продольно-рифленным воротничковым венчиком. На стенке уплощенная ложчатость. Лепестки ложков в широкой нижней части оконтурены узкой полоской с рифлением. Внутренность полая. В дне — катушковидный вырез (длина — 3,3 см; диаметр «катушки» — 2,1 см). Диаметр подставки верхний — 3,4 см; диаметр нижний — 6,1 см; высота — 2,6 см.

18. Котел (рис. 47/1) литой, дно отломано. Корпус состоит из двух отдельно отлитых половин. Форма корпуса уплощенно-паровидная. В верхней части — три горизонтальных уступа и вертикальный венчик.

На плечиках, в верхней части, есть два сферических, срезанных по бокам выступа с широкими горизонтальными отверстиями, в которые продеты кольца, округло-уплощенные в сечении. Котел ремонтировался в древности. Высота фрагмента — 12,6 см; диаметр максимальный — 21 см; диаметр венчика — 11,4 см; диаметр колец — 4,5 см.

19. Черпильница (рис. 48/8; табл. 21/1) в виде незначительно суживающейся вверх цилиндрической коробочки с плоским дном. Вверху на стенке — спаренный тонкий валик, образующий уступ, над ним — вертикальный венчик. Ниже венчика, внутри сосуда — горизонтальное кольцо-ободок. В нижней части черпильницы на стенки приклепаны красными заклепками на одинаковом расстоянии друг от друга три листовидных (в виде трилистника), острым концом вниз, держателя, завершающихся сверху округлыми стойками, петлями-шарнирами. Шарнир находится на середине высоты стенки. В шарнирные стойки вставлялся шарнирный выступ колечка (сохранилось одно) с плоской стороной, прилегающей к шарниру, и округлой — противоположной. Между шарнирами — орнаментированные картуши в виде пальметты с плоским основанием. Она имеет сильно изогнутые стороны, расширяется вверх и там переходит в заостренный лист. Вверху — побег с опущенным вниз трилистником, в самом широком месте пальметты — два кружка. Каждый состоит из двух концент-

рических окружностей, пространство между которыми покрыто короткими поперечными штрихами. Внутренняя окружность переходит в побег, кончающийся трилистником. Ниже — сложная фигура с трилистниками. На дне — две спаренные концентрические окружности. Диаметр венчика — 5 см; диаметр основания — 5,7 см; высота — 4,1 см.

20. Курильница (рис. 48/12; табл. 22/1) литая, на ножках. Дно плоское, шире корпуса сосуда; оно выступает, образуя узкий «рант». Корпус цилиндрический, незначительно расширяющийся кверху, с отогнутым венчиком. Верхняя плоскость венчика несколько скошена внутрь. В нижней и верхней части корпуса нависают узкие ранты (вверху он смотрится как карниз) с поперечной насечкой. Двумя узкими рельефными полосками с рифлением ограничена широкая полоса в верхней части корпуса. В поле полосы пущен волнистый побег, от него в каждом изгибе отходит узкий, затем расширяющийся малый побег, изогнутый к основному побегу и заканчивающийся бутонем. В точках, где от основного побега отходит дополнительный, изображено по листку. На верхней поверхности венчика имеется меандровидный орнамент с разрывами линии.

Сосуд был с крышкой: с одной стороны на венчике есть две стойки — петли с отверстиями для шарнирной оси. На противоположной (по диаметру) стороне большой кусок отломан. На венчике здесь есть какой-то выступ — вероятно, часть отходившей горизонтальной ручки. Сосуд был на ножках. В данном случае внешнее кольцо дна имело широкие тонкие выступы, на которые надевались, а затем приклепывались отдельно отлитые ножки. Сохранилась верхняя часть одной, две другие отломаны. Высота корпуса — 4 см; диаметр корпуса снизу — 12 см; диаметр корпуса сверху — 12,2 см; диаметр венчика — 12,6 см; диаметр нижнего кольца — 12,5 см.

21. Курильница (табл. 22/3) на трех ножках. Корпус имеет вид глубокой миски. Основание корпуса образует наружное горизонтальное кольцо, над которым, вслед за тонким валиком, поднимается массивный вал корпуса, собственно наклонный внутрь четвертьвал, над ним находится вертикальный венчик. Внутренний контур миски образован наклонной, со скосом внутрь, стенкой, дно слегка вогнутое. Внутренняя сторона корпуса передает контур внешней, причем валу соответствует внутри глубокий кольцевой желоб.

Ножек было три. Против одной из них к кольцу корпуса прикреплена пластинка-ручка с фигурными вырезами по краю. К кольцу же крепились ножки — сохранилась одна. Она очень высокая и тонкая, почти прямая, вверху полукруглая (внутри полая), в средней части прямоугольная ажурная — впереди вырез, так что есть лишь боковые стенки. Внизу она в виде плоской ступни. Ножки не вертикальные, а отведены внутрь. В верхней части ножек с обратной стороны — четвертькольцо — крошечный. На нем висит колечко. Общая высота — 14,5 см; высота корпуса — 2,5 см; диаметр кольца корпуса — 16,5 см; диаметр венчика — 12,6 см.

22. Курильница (рис. 47/2; табл. 23/4) на трех ножках. Корпус имеет вид глубокой миски. Основание корпуса образует почти горизонтальное (слегка наклонное наружу) внешнее кольцо, над которым, вслед за тонким валиком, поднимается массивный вал корпуса, собственно наклонный внутрь четвертьвал, над ним — отведенный наружу пизкий венчик. Все три ножки отломаны. Между ними от горизонтального кольца отходят горизонтальные выступы (из трех сохранились два) фигурной формы, боковые стороны выступов — в виде выпуклой и вогнутой дуг, передний торец его — «хвостатый». Внутренний контур миски образован наклонной, со скосом внутрь, стенкой, дно слегка вогнутое. Обратная сторона корпуса передает контур внешней, причем валу соответствует глубокий кольцевой желоб.

На внешнее кольцо нанесен простейший орнамент в виде Г-образных штрихов, на выступах — орнамент из вписанных друг в друга листьев. На вале — картуши с надписями (по сторонам они ограничены вогнутыми

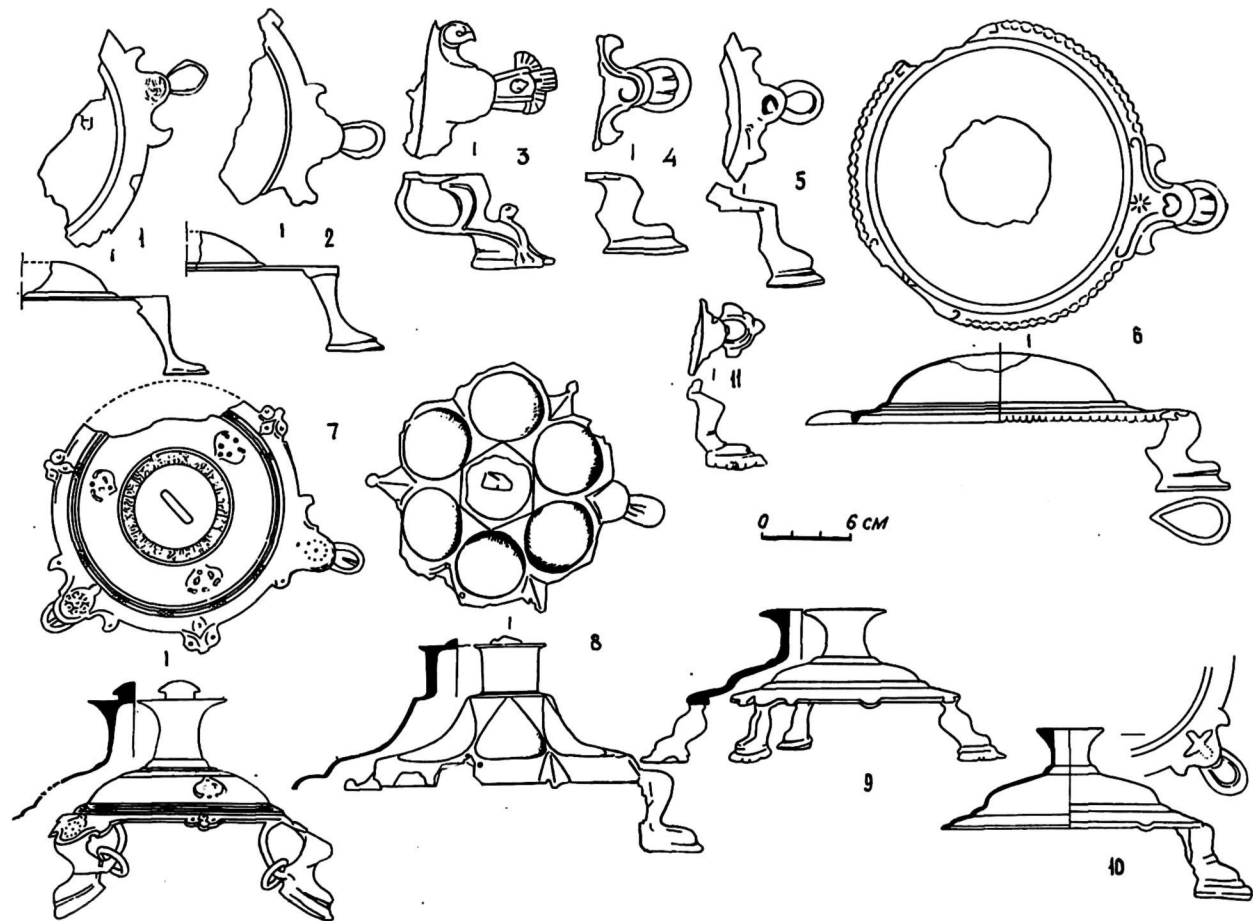

Рис. 49. Городище Лягман. Бронзовые подставки светильников из клада

дугами) (надписи — см. Приложение I), в центре гладкого пространства между картушами — круглый орнаментальный медальон. На верхней плоскости венчика — решетчатый орнамент в виде круга, составленного из сомкнутых букв. Высота корпуса — 2,7 см; диаметр кольца корпуса — 17,1 см; диаметр венчика — 12,1 см.

23. Трипод (рис. 49/8; табл. 23/2) подставки составного светильника. Листовидно-ложчатая верхняя плоскость, имеющая вид шестилепестковой розетки, по бокам опускается наклонными скосами. Из впадин между лепестками отходили три (сохранилась одна) фигурные ножки, напоминающие человеческую ногу, согнутую в колене. В трех других впадинах были наклонные треугольные выступы с уширением на конце.

Лепестки-углубления листовидные, широкими сторонами обращены наружу. Заостренные противоположные края, изгибаясь и повышаясь по длине, переходят в вертикальную часть, горизонтально срезанную. С шестилепестковой горизонтальной площадки поднимается, отделенный тонким валиком, цилиндрический стержень, увенчанный плоской площадкой, где имеются следы лопасти выступа-замка. Литые полые ножки изготовлены отдельно, а затем прикреплены.

Диаметр — 16 см; общая высота с ножками — 12,5 см.

24. Трипод (рис. 49/9; табл. 23/3) подставки составного светильника. Верхняя площадка состоит из наклонного наружу внешнего кольца, которое валикообразным уступом переходит в уплощенно-сферическую верхнюю часть. Она, в свою очередь, слабо выраженным валиком соединяется с центральным катушковидным полым штырем с гладкой верхней площадкой. У внешнего кольца есть три волнообразных полупальметты, к которым прикреплены массивные трехступенчатые ножки (стилизация ног животных) с уступчатым основанием. Нижний уступ — это фестончатый лист. Нижняя плоскость ножек оформлена так, словно стоит на «цыпочках». В промежутках между ножками полуовальные пластинчатые выступы, горизонтально прикрепленные к внешнему кольцу верхней площадки. Диаметр кольца — 13 см; диаметр верха штыря — 3,8 см; высота общая — 9,5 см; высота трубки — 2,4 см; высота ножек — 3,6 см.

25. Трипод (рис. 49/10) подставки составного светильника. Почти абсолютно аналогичный подставке № 24, но более крупный. Отличие заключается в том, что полупальметта более выступает за пределы кольца. Ножки (сохранилась одна) сделаны в виде звериной лапы, нижний ее уступ овальный, гладкий (не фестончатый), плотно прилегающий к плоскости. На полупальметте — следы орнамента. Диаметр кольца — 14,8 см; диаметр верха трубки — 4,5 см; высота общая — 10 см; высота трубки — 3 см; высота ножки — 4,5 см.

26. Трипод (рис. 49/7; табл. 23/1) подставки составного светильника. В целом по форме напоминает № 24, но есть ряд отличий. Центральный штырь неполный. Он увенчан плоской горизонтальной пластиной-кружком, в центре которой есть выступ в виде вертикальной полуовальной пластинки с уступчатыми вырезами по краям. Выступы, отходящие от внешнего края нижнего кольца (между ножками), не овальные, а в виде трилистника. В боковых листиках в центре имеется по углублению, обведенному чертой.

Центральная часть полупальметт-волют — собственно верхняя плоскость ножек — резко выступает наружу. Концы волют заостренные и загнутые. На их верхней плоскости имеется по углублению, что придает им характер стилизованных птичьих головок. Верхние плоскости ножек — центральная часть полупальметт — занята орнаментом в виде шестилепестковых розеток (лепестки в виде кружков). На сферической поверхности корпуса, на уровне боковых выступов, намечены овалы (всего их три), поверхность которых заполнена неаккуратными отверстиями — эти участки ажурные.

Уступчатый валик верхней поверхности здесь уплощенный, на нем выгравированы две концентрические линии, на которых с некоторыми про-

межутками выбито по три треугольника. В верхней части, под валиком, у перехода к горлу — полоска эпиграфического орнамента плохой сохранности.

Ножки фигурные, с выемками на нижней поверхности и со скосом ее внутрь. Полупетлями, отходящими от нижней части корпуса, они дополнительно прикреплены к нему. На полупетли надеты колечки. Диаметр внешнего кольца — 16,2 см; диаметр верха трубки — 5,6–5,9 см; общая высота — 13,3 см; высота ножек — 5,3 см; высота трубки — 3,6 см.

27. Трипод (рис. 49/6; табл. 22/2) подставки составного светильника. По форме напоминает № 26 (особенно прикрепление ножек). Однако орнаментация полупальметт другая: кружков и розеток нет, очертания полупальметты подчеркнуты двумя глубоко гравированными линиями, внутренняя отходит от овала и заканчивается завитками, еще более подчеркивая волютообразность. Между концами завитков — розетка из радиальных штрихов. Выступов между ножками нет вовсе. Внешний край кольца корпуса фестончатый. К вертикальному рифлению добавлены сомкнутые С-образные линии на верхней плоскости, так что возникает ощущение сомкнутых цилиндров. Верх выломан, ножка массивная, но простых очертаний, с двумя разрезами по верхней плоскости лапы. Другая ножка сохранилась отдельно. Диаметр внешнего кольца — 19,7 см; высота фрагмента — 9 см; высота ножки — 4,8 см.

28. Трипод (рис. 49/1) подставки составного светильника. Фрагмент. Сохранилась одна ножка и фрагмент корпуса. Полупальметта сильно, как на № 26, выдвинута наружу. Между ножками были выступы. Кольцо корпуса не орнаментировано. Ножки без уступов (может быть, передача стилизованной человеческой ноги). Высота ножки — 4,8 см.

29. Трипод (рис. 49/3; табл. 24/2; 27/2) подставки составного светильника. Фрагмент — ножка. Волютообразная полупальметта значительно выступает за внешнюю линию внешнего кольца корпуса. «Завитки» с заостренным и чуть изогнутым «клювом». Гравированными линиями подчеркнута, что это птичья головка, показан ее глаз.

Ножка очень массивная. На нижнем уступе спереди из ножки вырастает корпус птицы в высоком рельефе и со скульптурной головкой, поднятой вверх. На голове четко виден глаз и отчасти клюв. Ниже корпуса идет гладкая полоса с продольными гравированными линиями, возможно, хвост. Украшенная валиками лапа зверя впереди расчленена на две части длинным хвостом. На боковинах — гравированные линии, подчеркивающие контур. Сзади от ножки к корпусу отходит кольцо-крошштейн. Высота ножки — 6 см.

30. Трипод (рис. 49/2) подставки составного светильника. Фрагмент — ножка. Абсолютно аналогичная № 28, но более крупная. Высота ножки — 5,5 см.

31–31а. То же (рис. 49/4, 5; табл. 24/3, 4). Аналогичен № 24–25. Высота ножек — 5,2–5,4 см.

32. То же (рис. 49/11). Ножка трехступчатая, напоминающая лапу животного. Основание в виде фестончатого листика. Высота ножки — 4 см.

33. Ствол (рис. 48/1) подставки составного светильника. Состоит из трех частей: центральной — квадратной в сечении — трубки и двух катушкообразных частей, с двух сторон скрепленных со стволом. Ствол полный внутри, слегка утончающийся в центре. На концах вертикальные ободки. К ним прикреплены катушкообразные части. Средний тор катушки ограничен с обеих сторон двумя-тремя рельефными валиками. Внутренний, обращенный к стволу край катушки квадратный, внешний — круглого очертания. Катушки полые. На внешнем крае одной из катушек есть три дырочки для прикрепления. Внутри — сквозной канал. Общая длина — 39,1 см; длина квадратной трубки — 25,1 см; сечение квадратной трубки — 3,5 × 3,5 см; диаметр токов — 5 см; диаметр оснований — 4,8 см.

34. Ствол (рис. 48/3) подставки составного светильника, круглый в сечении, полный. С одной стороны цилиндрическая трубка с опоясывающим

ребром и катушкообразной частью, где срединный тор ограничен с двух сторон уступами-валиками. Общая длина — 28,3 см; длина трубки — 23 см; диаметр основания — 3,5 см; диаметр тора — 3,3 см.

35—36. Стволы (рис. 48/5—6) подставок составного светильника — фрагменты. Две трубки, цилиндрические полые, от разных стволов. Каждая заканчивается с одной стороны закрайпой. На № 35 (меньшего диаметра) она незначительно выступает, на № 36 — сильно отогнута. Другой конец № 35 гладко срезан, у № 36 обломан (трубка смята); № 35 сужается к закрайпе. Размеры № 35: длина — 19,1 см; диаметр трубки — 2,5—2,7 см; диаметр с закрайпой — 2,7 см. Размеры № 36: длина фрагмента — 18,7 см; диаметр трубки — 31 см; выступание закрайпы — 0,3—0,4 см.

37. Ствол (рис. 48/7) подставки составного светильника — фрагмент в виде цилиндрической полый трубки с поперечным рифлением: по поверхности пущены глубокие прочерченные линии, почти желобки. Фрагмент с двух сторон обломан и смят. Длина фрагмента — 15,1 см; диаметр фрагмента — 3,7—4,0 см (в песмятом виде — около 3,8—3,9 см).

38. Ствол (рис. 48/17; табл. 25/4) подставки составного светильника. Фрагмент — короткая полая усеченно-копическая трубка. С одной стороны, у края, выступает плоский горизонтальный валик. На противоположном конце — уступ в виде опоясывающего ребра; ниже — катушкообразная часть. Она резко несимметрична: диаметр внешнего кольца значительно больше, чем внутреннего. Центральный тор отграничен валиками разного профиля. Общая высота — 9,5 см; длина трубки — 3,7 см; диаметр трубки — 2,5 и 3,0 см; диаметр тора — 4,2 см; диаметр основания — 4,4 см.

39. Ствол (рис. 48/15; табл. 25/5) подставки составного светильника. Фрагмент — короткая полая катушкообразная часть ствола. Большое широкое основание закрыто снизу толстым листом, в котором по диаметру сделан катушкообразный вырез для вставления выступа замка. Другая сторона воронкообразно развернута. Высота — 6,2 см; диаметры оснований — 4,2 и 5,0 см; диаметр тора — 4,8 см.

40. Ствол (рис. 48/2) подставки составного светильника. Фрагмент. То же, что и № 39, но меньше размером и вырез на нижней плоскости имеет неправильную форму. Верхний край не отвернутый, а в виде треугольного венчика. Высота — 5,2 см; диаметры оснований — 3,7 и 2,2 см; диаметр тора — 3,8 см.

41. Ствол (рис. 48/16) подставки составного светильника. Фрагмент. Катушкообразная полая часть с плоскими гладкими основаниями на торцах: обе стороны предназначены для прилегания. В одном из них есть три сквозные дырочки для прикрепления. Высота — 6,2 см; диаметры оснований — 3,5 и 3,6 см (с дырочками); диаметр тора — 4,6 см.

42. Ствол подставки составного светильника. Фрагмент. Кольцо катушковидное, на одном конце массивное горизонтально отогнутое кольцо венчика, верхняя плоскость которого представляет собой гладкую поверхность для прилегания. На противоположном конце катушки тонкий отогнутый венчик-закрайина — продолжение стенки. Этот венчик имеет гладкую нижнюю поверхность на части окружности. Диаметры — 6 и 7 см; высота — 4,3 см.

43. Ствол (рис. 48/19; табл. 25/1) подставки составного светильника. Фрагмент — звено ствола. Низ(?) обломан — он имел вид цилиндрической трубки. Она завершаласьверху валиком, затем шел гладкий скос, образовавший основание округлого кольца вздутия. С другой стороны вздутия, выше его, профилировка аналогична вышеописанной. Далее следует цилиндрическая трубка, на середине высоты рассеченная валиком, наверху — венчиком в виде двухступчатого карниза. Верхняя плоскость венчика гладкая и узкая, она могла прижиматься к следующему звену. На центральной части вздутия — три ряда дырочек в шахматном порядке, соединенных наклонными и прямыми гравированными штрихами.

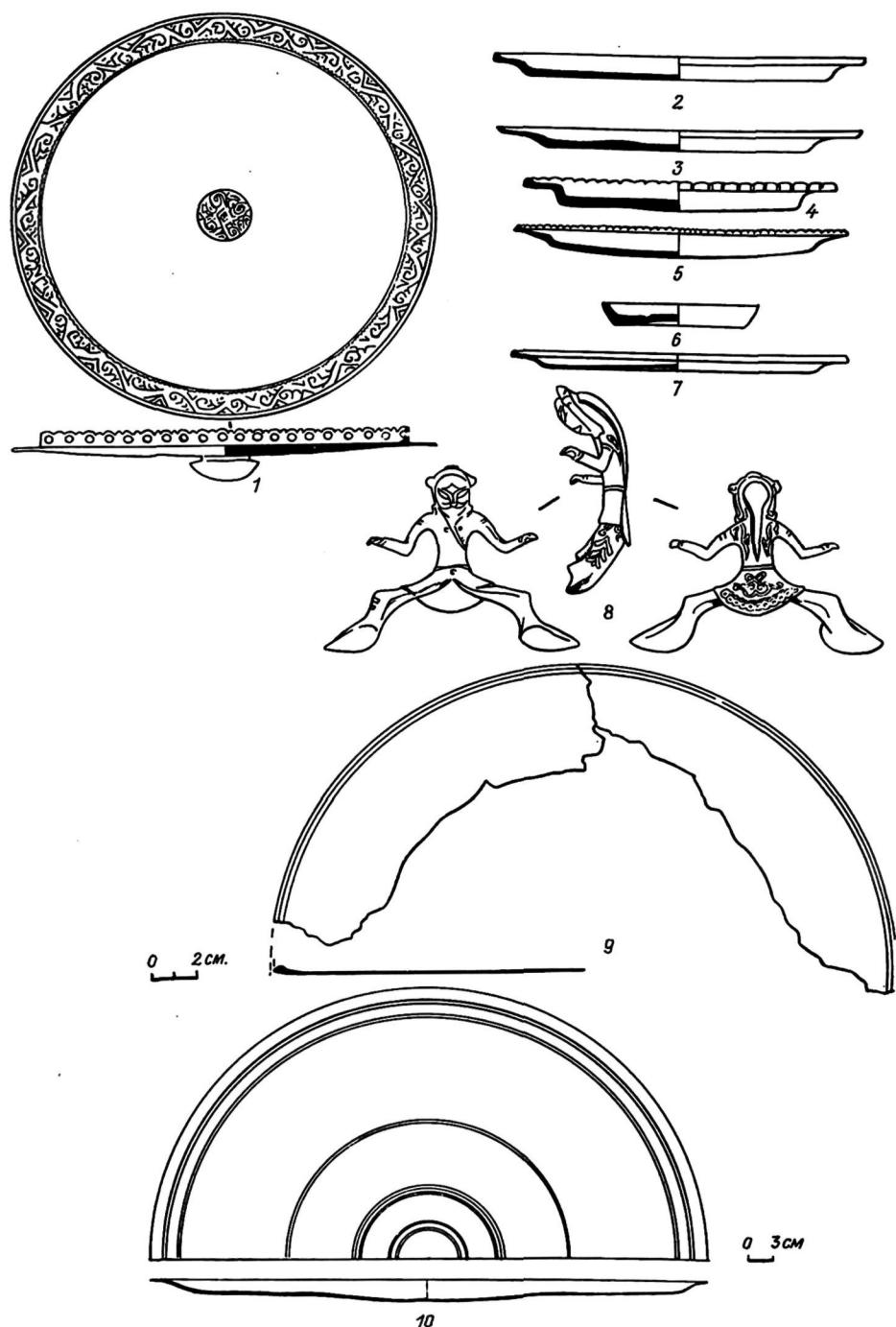

Рис. 50. Городище Лягман. Бронзовые блюда и ручка из клада

Высота фрагмента — 9,5 см; диаметр вздутия — 5,1 см; диаметр трубки внизу — 3,1 см; диаметр трубки по венчику — 3,3 см; высота трубки — 5 см; высота вздутия — 3,4 см.

44. Ствол подставки составного светильника. Фрагмент — звено ствола. То же, что и № 43, (рис. 48/19), но посередине одной из трубок проходит орнаментальная полоска, ограниченная сверху и внизу спаренными

линиями, внутри, на поле — ряд сквозных дырочек. Через них по полосе проведены наклонные гравированные линии. Венчик округлый, выпуклый снаружи. На противоположной трубке (по другую сторону от вздутия) была такая же орнаментальная полоска, но ближе к вздутию — трубка здесь обломана по отверстиям. Высота фрагмента — 10,5 см; высота верхней трубки — 5,1 см; высота вздутия — 3,3 см; диаметр верхней трубки (по основанию) — 3,3 см; диаметр нижней трубки — 3,3 см; диаметр вздутия — 4,8 см.

45. Ствол (рис. 48/4) подставки составного светильника. Фрагмент — звено ствола. Целый отрезок — две короткие трубочки (одна короче другой), между ними ажурное, в средней части шаровидное вздутие. Трубки кончаются прямыми тонкими венчиками — продолжением стенки.

Общая высота — 7,3 см; высота одной трубки — 2,4 см; ее диаметр у основания — 3,2 см; у венчика — 3,1 см; высота другой трубки — 1,4 см; ее диаметр у основания — 3,1 см, у венчика — 3 см; диаметр вздутия — 5,1 см.

46. Блюдце (рис. 50/3) низкое с уплощенным слабовыпуклым дном и четким переходом к наклонной наружу низкой стенке, которая резким отворотом переходит в широкий прямой в сечении бортик, завершающийся почти вертикальным венчиком-закрайной.

На нижней поверхности — углубленное кольцо — отпечаток от кольца подставки (максимальный диаметр — приблизительно 5,4 см, внутренний диаметр — 2,1 см). Диаметр блюдца — 16 см; высота корпуса — 0,4 см; ширина бортика — 1,6 см.

47. Блюдце (рис. 50/2) низкое. То же, что и № 46, но бортик уже и, кроме того, несколько вогнутый. У кольца-отпечатка максимальный диаметр приблизительно — 3,9 см, внутренний диаметр — приблизительно 1,5—1,7 см. Диаметр блюдца — 16 см; высота — 1,1 см; высота корпуса — 0,3 см; ширина бортика — 1,1 см.

48. Блюдце (рис. 50/7) низкое. То же, что и № 47, но фрагментировано. На нижней поверхности — кольцо-отпечаток. Высота корпуса — 0,3 см; ширина бортика — 0,8 см; диаметр блюдца — 14,2 см; высота блюдца — 1 см.

49. Блюдце (рис. 50/5) низкое с уплощенно-слабовыпуклым дном, четким переходом от него к очень низкой стенке корпуса, а затем к наклонно отвернутому наружу, слабо поднимающемуся, почти горизонтальному, прямому в сечении бортику. Его наружный край оформлен в виде выступающего вертикально, рифленного снаружи венчика.

На нижней поверхности — кольцевидный, несколько вдавленный отпечаток от кольца подставки (диаметр отпечатка максимальный — около 5,5 см, внутренний — около 3 см). Диаметр блюдца — 14,5 см; высота — 1,4 см; высота корпуса — 0,6 см; ширина бортика — 0,7 см.

50. Блюдце (рис. 50/4) низкое. То же, что и № 49, но стенка корпуса несколько выше и более прямая. На дне есть кольцевидный отпечаток. Диаметр максимальный — 4,7 см; диаметр внутренний — 3,3 см; диаметр блюдца — 13,5 см; высота блюдца — 1,5 см; высота корпуса — 0,7 см; ширина бортика — 9 см.

51. Блюдце (рис. 50/1, табл. 28/1) низкое. Дно имеет вид выпуклого диска, бортик ажурный, фестончатый вертикальный. Бортик отстоит от края диска на 1,1 см. Внешний край тонкий, сходящий на нет. По кольцу, заключенному между краем диска и бортиком, проходит полоса орнамента: снаружи внешняя гравированная линия, между ней и бортиком — лента непрерывного побега. Бортик (его высота — 1,0 см) имеет на расстоянии 0,6—0,8 см круглые дырочки; верхний его край фестончатый. В центре зеркала блюдца выгравирован круг, в который вписан «побег» из идущих от центра (где квадратик) линий, у окружности завернутых в кольцо.

На обратной стороне на низком рельефном цилиндрическом выступе по его диаметру посажена полукруглая пластина, концы которой, снизу

плоско срезанные, нависают над выступом. Это замок для крепления в подставке. Диаметр выступа — 1,9 см; его высота — 4 см; концы выступаю- ют по сторонам на 0,5 см. Общая высота блюдца — 1,5 см; диаметр мак- симальный — 18,2 см; диаметр внутри бортика — 16 см; высота борти- ка — 1,0 см.

52. Блюдце низкое. Фрагмент точно такого же изделия, как № 51, но бортик более высокий. Фестончатость оформлена так же. Диаметр мак- симальный — приблизительно 19 см; высота бортика — 1,3 см.

53. Светильник на высоком полом коническом поддоне. Сплюснuto- сферический корпус завершается слабовыступающим венчиком, кото- рый в задней части переходит в горизонтально выступающий над резер- вуаром трилистник с дырочкой в центре. Два хвостовидных выступа в пе- редней части обозначают переход к носику. Носик открыто-желобчатый. В своей задней части, у резервуара, он перекрыт посаженным по диаго- нали и прикрепленным по углам ажурным квадратиком. В передней (наружной части), в торце носик нависает отвернутым наружу овальным кольцом. Носик в поперечном сечении прямоугольный, нижняя сторона его выпуклая. Он суживается вперед. В профиль носик плоский сверху, переход к нему от корпуса уступчатый, его «корень» ниже резервуара, но носик постепенно поднимается, и его конец оказывается на одной вы- соте с резервуаром. Основание носика округлое. Кольцевая ручка отхо- дит от литого выступа. В сечении она прямоугольная с выступами-упора- ми сзади и сверху.

Орнамент — вертикальные глубокие штрихи по поддону. На корпусе с двух сторон — мидалевидные горизонтальные выступы, на поверхно- сти которых — две концентрические линии. Общая высота — 6,2 см; высо- та поддона — 2,3 см; диаметр поддона — 7 см; диаметр корпуса максимал- ный — 8,2 см; диаметр венчика — 3,8—4,8 см; длина носика — 6,5 см (от максимума корпуса); поперечное сечение носика сзади (высота и ши- рина) — $3,6 \times 2,5$ см; общая длина (без ручки) — 14,2 см; общая длина с ручкой — 18,5 см.

54. Светильник (табл. 26/1) на высоком полом коническом поддоне. Корпус сплюснuto-сферический, с вертикальным венчиком-ободком. Но- сик врезан в корпус, переход к нему подчеркнут горизонтальным усту- пом. Носик сверху горизонтальный, внизу слегка округлый. Желоб в пе- редней (наружной) части уширяется в виде листа. Ручка крепилась к ли- тому выступу, боковые края которого были оформлены вертикальными выступами (концы их обломаны). Между ними могла вставляться и за- жиматься ручка. Сечение носика прямоугольное, внизу (нижняя стен- ка) — выпуклое.

Общая высота — 6 см; высота поддона — 1,9 см; диаметр поддона — 6,7 см; диаметр корпуса максимальный — 7,7 см; диаметр венчика — 4,2 см; длина носика — 5,8 см; сечение носика (высота и ширина) — 28×18 см; общая длина (без ручки) — 13,3 см.

55. Светильник (табл. 26/3) без поддона. Сплюснuto-сферический кор- пус, внизу уплощенный. Носик врезан в корпус. Прилегающая к корпусу четверть носика закрыта сверху. Эта часть носика и прилегаю- щая часть корпуса — ажурные. Верхняя плоскость носика значительно ниже венчика (фактически носик находится в нижней половине резерву- ара), нижняя же плоскость немного ниже уровня дна. Поперечное сече- ние носика — треугольное. Желоб носика суживается вперед, а затем уширяется в виде полуовала с приподнятыми внешними краями. На вен- чике, в задней части есть две стойки — ушки с дырочками для оси крыш- ки (она отсутствует). На корпусе с задней стороны имеется рельефный прямоугольный выступ для крепления ручки, на боковых сторонах — по- луовальные горизонтальные пластинки-выступы с рифлеными штриха- ми. На корпусе резервуара (сверху он имеет уступы вроде плечиков) по плечикам выгравированы горизонтальные линии, завершающиеся завит- ками. На дне — кольцевая линия. Общая высота 5 см; диаметр корпуса

максимальный — 8,8 см; диаметр венчика — 3,6—3,8 см; общая длина (без ручки) — 14,6 см; длина носика — 6,1 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — 34×22 см.

56. Светильник того же типа, что и № 55. Отличия: на корпусе плечико выделено уступом, венчик в виде широкого низкого рельефного ободка. На корпусе ажурных вырезов нет, ажурная лишь пластинка, покрывающая заднюю часть носика. Боковые ручки лишены штрихов. Орнаментация отсутствует. У основания носика, по бокам — узкие валики. Общая высота — 4,8 см; диаметр корпуса максимальный — 8,8 см; диаметр венчика — 3,2 см; длина носика (от максимума ширины корпуса) — 6,8 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — $2,9 \times 2,3$ см; общая длина (без ручки) — приблизительно 14,4 см.

57. Светильник того же типа, что и № 55. Отличия: на корпусе переход к плечу отмечен кольцевой углубленной линией. Боковые ручки оформлены в виде узких вертикальных пластин с уступчиками в основании. У носика переход к передней овальной части оформлен уступами. У основания носика, сверху и по бокам, проходит низкий валик. Пластинка, покрывающая заднюю часть желоба, не ажурная, а сплошная, впереди имеется желобок. Задняя часть резервуара выломана. Носик в задней части ниже, чем у № 55 и 56. Поперечное сечение носика прямоугольное. Общая высота — 4,7 см; диаметр корпуса максимальный — 7,8 см; диаметр венчика — 3,3—3,7 см; длина носика — 7,5 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — $2,4 \times 1,9$ см; общая длина приблизительно — 14,6 см.

58. Светильник. Похож на № 55, но корпус не имеет уступа, он равномерно сужен. Главное отличие — иное соотношение между высотой носика и резервуара: начинаясь у основания, он доходит до $\frac{2}{3}$ высоты. На боковых сторонах — овально-лопастные ручки. От задней поверхности ручки отходит завиток в виде рельефного валика. На верхней поверхности пластинки над носиком — обращенные друг к другу S-образные завитки; на плоской (здесь горизонтальной) овальной поверхности передней части носика — С-образные завитки. Носик в поперечном сечении треугольный. На нижней поверхности — отпечаток от крепления диаметром 3,5 см. Из-за того что нижняя поверхность носика выступает ниже дна, светильник неустойчив. Он, по-видимому, венчал подставку. Общая высота — 5,2 см; диаметр корпуса максимальный — 8 см; диаметр венчика — 2,8—3,2 см; длина носика (от максимального корпуса) — 6 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — $3,9 \times 1,9$ см; общая длина (без ручки) — 14,1 см.

59. Светильник (табл. 26/2). Фрагмент передней части. Светильник такой же, как и № 55. Отличие: впереди носик переходит не в приподнятый, а в горизонтальный листок. Боковые ручки имеют вид листовидного налета, в нижней, широкой части отогнутого наружу. В верхней части корпуса нанесены горизонтальные небрежные линии, переходящие в завитки. Дырочки ажурной части расположены на этих линиях. На листовидном выступе носика, на верхней его поверхности, — глубокие врезанные бороздки орнамента — листик и отходящие от него штрихи. Носик в сечении треугольный. Общая высота — 5,2 см; диаметр корпуса максимальный — приблизительно 9 см; диаметр венчика — приблизительно 4,5 см; длина носика от максимального диаметра корпуса — 8,5 см; сечение носика сзади — $3,7 \times 2,1$ см.

60. Светильник. Такой же, как и № 55, но в центре дна (спизу) вдавление — здесь крепилась трубка подставки. Прямоугольный в сечении носик начинается не на уровне дна, а сверху — почти на уровне плечиков. Верхняя плоскость носика наклонная, внизу же контур вначале округлый, затем становится почти плоским. Длина пластинки, перекрывающей носик сзади, — минимальная, на пластинке — поперечные штрихи. Носик впереди несколько уширяется. Боковые ручки в виде небольших, расширяющихся снаружи лопастей с нанесенными на них штрихами и сквоз-

ными дырочками. Сохранился фрагмент кольцевой ручки. Общая высота — 3,7 см; диаметр корпуса максимальный — 7,7 см; диаметр венчика — 4,1—4,4 см; общая длина (без ручки) — 1 см; длина носика — 7,1 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — $3,2 \times 1,9$ см.

61. Светильник. Фрагмент задней части с ручкой. Резервуар имел округлую стенку. Носик был открытый. В задней части сверху была посажена кольцевидная (из плоского листа) ручка с отходящим вверх лопастным выступом. На верхней поверхности ручки — рифление. Длина фрагмента — 8,5 см; высота фрагмента — 2,8 см.

62. Светильник с плоским, слабо округлым, почти прямым внизу дном и покатым в верхней трети резервуаром. В передней части выступают вперед два прямоугольных в сечении носика. В задней части их нижняя поверхность служит продолжением дна, в передней трети носиков их нижняя поверхность круто поднимается вверх. Вверху у основания они перекрыты пластинами с нанесенными на них продольными и поперечными штрихами. После уступа начинается открытый желоб, закапчивающийся лепесткообразным, поднимающимся вперед уширением. С внешней стороны от каждого носика на резервуаре имеются по вертикальному, треугольному в сечении ребру, такое же ребро посередине, между носиками. На венчике — петлеобразные держатели шарнира крышки. В задней части корпуса — квадратный ($1,8 \times 1,8$ см) выступ для крепления ручки высотой 0,9 см. В верхней части резервуара — узкий орнаментальный пояс с волнообразным побегом. Общая высота — 4,7 см; диаметр корпуса максимальный — 7,0 см; диаметр венчика — 3,5 см; длина носика от максимального диаметра корпуса — 5,6 см; сечение носика сзади (высота и ширина) — $3,3 \times 1,7$ см; общая длина (без ручки) — 12,5 см.

63. Подставка (рис. 47/6; табл. 24/1) в виде плоского кольца с тремя ножками (две из них фрагментированы). Кольцо плоское в сечении, скошенные боковые стороны делают его шире книзу. Три боковые выступа снизу переходят в ножки, стилизованно передающие ногу животного (кошачьего?). На поверхности кольца — гравированный орнамент в виде заходящих в выступы для ножек грибовидных фигур, заполненных точками, от которых в обе стороны отходят завитки. Грибовидные фигуры ограничены по сторонам углублениями. Между выступами для ножек есть по одному боковому, также горизонтальному, промежуточному выступу в виде трилистника с углублением в каждой лепестке. В промежуточных выступах боковые углубления обведены углубленной линией; между ними треугольники с точками. Диаметр кольца — 15,5 см; его сечение — $1,5 \times 0,7$ см; общая высота — 9,7 см.

64. Ручка (рис. 50/8; табл. 29/1, 2) в виде фигурки человека с раздвинутыми руками и ногами. Широкое, почти круглое лицо с раскосыми глазами, переданы брови. На голове какой-то головной убор с тремя выступами сверху. Он облегал голову сверху, сзади, по бокам и снизу. Фигурка одета в узкий, плотно облегающий фигуру кафтан, с полукруглым подолом и широким вырезом спереди внизу. У кафтана широкий воротник и небольшой вырез сверху; запах — правосторонний. Фигурка опоясана узким поясом. По сторонам выреза — две углубленные точки и еще одна внизу, около ног — возможно, так переданы какие-то признаки. Сзади спускается рельефная длинная коса, доходящая до пояса. И именно сзади кафтан орнаментирован с применением серебряной инкрустации. Вдоль подола идет ряд кружков, облегающая их линия и точки. Выше — два пересекающихся вытянутых овала, горизонтальные завитки. Коса также обрамлена вытянутыми завитками.

Руки разведены в стороны и вытянуты вперед. На них — узкие рукава с обшлагами. Ноги, непропорционально толстые, широко разведены и опущены вниз. На ногах прочерп орнамент: в верхней части — листовидная фигура, в нижней — елочки. Ступни ног крепились к какой-то округлой поверхности. Высота — 8 см; размах ног — 10,8 см. (Фотографию лицевой стороны см. [Искусство, 1980, табл. 67].)

65. Сосуд. Фрагмент. Средняя часть стенки небольшого, очень тонкого сосуда (кувшинчика) с острым горизонтальным ребром и желобком под ним. Диаметр максимальный — 9 см; высота фрагмента — 4,2 см.

66. Сосуд. Фрагмент. Средняя часть стенки небольшого, очень тонкого закрытого сосуда — кувшинчика (?). Вверху — венчик-закраинка. Диаметр венчика — 3 см; диаметр максимальный — 5,7 см; высота фрагмента — 5 см.

67. Сосуд. Фрагмент. Верхняя часть чаши с прямым венчиком-закраинкой. Ковка. Диаметр — 22 см; высота фрагмента — 5,2 см.

68. Колокольчик с полусферическим, расходящимся книзу корпусом. Вверху — ушко в виде трапециевидальной пластинки с дырочкой. Диаметр основания — 2,6 см; высота с петелькой — 2 см; высота корпуса — 1,65 см.

69. Кольцо для пальца, сомкнутое, в сечении треугольное, углом наружу, массивное. Диаметр кольца — 2,8 см; высота — 0,6 см; толщина — 0,5 см.

Кроме того, как указывалось выше, два бронзовых предмета были найдены в шурфе 1981 г. Один из них — миниатюрная чашечка (напоминает подвесную чашечку весов, но дырочки отсутствуют). Она имеет выпукло-вогнутую форму, выкована из тонкого листа. Диаметр ее — 6,4—6,5 см; высота — 0,9 см; толщина стенки вверху — 0,1 см.

Второй предмет — наверхие (рис. 46/7) в виде плода граната над ручкой кувшина. Верхняя плоскость наверхия оформлена как шестилепестковая розетка. Средняя часть — корпус граната — более вытянута, чем обычно, в поперечном сечении она овальная. Внизу — отделенный желобком от корпуса невысокий стержень (вытянуто-овальный в поперечном сечении), он является стоечкой, которая прикреплена к служившей основанием узкой бронзовой полоске. По длине она обломана с двух сторон. Размеры наверхия: высота (от основания) — 4,6 см; диаметр максимальный — 1,7—1,9 см; диаметр розетки — 2,5—2,7 см; ширина основания — 1,7 см; толщина основания — 0,3 см.

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

Остановимся на типологии и хронологии некоторых изделий узунского собрания¹⁹.

Чаша. На территории Таджикистана такие чаши — типа узунской № 1 — пайдепы также на Памире. Их публикация подготавливается А. А. Ивановым.

Вопрос о полусферических бронзовых чашах на средневековом исламском Востоке был детально проанализирован Р. Эттингаузенем [Ettinghausen, 1957]. На некоторых из них существенное место в декорации занимают горизонтальные пояски и заполнение фона кружками с точками в центре [Ettinghausen, 1957, фиг. 13—17].

В Музее Иран-Бастан есть аналогичные по форме чаши, происходящие из Нишапура. Одна из них, фрагментированная, близка к узунской по размеру (диаметр — 23,9 см); другая, целая, несколько меньше (диаметр — 18,7 см, высота — 8,7 см). На целой чаше из Нишапура имеется поясок из ряда соприкасающихся кружков с точками в центре; на фрагментированной — соприкасающимися кружками с точками заполнены элементы геометрического орнамента [Melikian-Chirvani, 1974, фиг. 16—18, с. 136—137]. Такой же орнамент украшает некоторые полусферические чаши из Гератского музея и из гератских частных собраний [Melikian-Chirvani, 1974, с. 138—139, фиг. 20—23, 26]. На полусферической чаше из Тешкана (недалеко от Кишима, в Афганском Бадахшане; хранится в Кабульском музее), диаметр которой 17,6—17,7 см, в верхней части корпуса проходит горизонтальная кайма, заполненная спаренными кружками с точками²⁰. Соприкасающиеся кружки с точками заполняют и поле блюда диаметром 30,2 см, происходящего из Тешкана и хранящегося в Кабульском музее [Melikian-Chirvani, 1974, с. 141—142, фиг. 30—31]. Две

близкие чаши входят в состав Каракульского клада. Все аналогичные чаши из Мавераннахра были проанализированы А. А. Ивановым [Иванов, 1970, с. 101—105; Иванов, Кожомбердиев, 1983, с. 194—195, рис. 1—4].

А. С. Меликян-Ширвани включает все эти изделия в группу «белых бронз». Анализ показал, что они содержат 21—31% олова, до 3,3% цинка [Melikian-Chirvani, 1974, с. 148—150]. Заключение этого автора сводится к следующему: «Количество находок показывает, что „белые бронзы“, декорированные геометрическим орнаментом, были свойственны всей области Восточного Ирана, которая включает не только Хорасан с Нишапуром на западе, не только район Герата в центре и Балх на востоке, но также зависимые от них в культурном отношении территории, находящиеся далеко на востоке, как Бадахшан, а на юге — Систан (мнение о „культурной зависимости“ мы не разделяем. — Б. Л., В. С.). Принимая во внимание большое количество материала, становится безусловным заключение о том, что „белые бронзы“ производились на этих территориях... Нишапур и Герат, как представляется, были главными центрами» [Melikian-Chirvani, 1974, с. 143]. Есть такие находки и за пределами этой области — на западе, в Сирафе [Whitehouse, 1969, с. 44, табл. V/a]. Стенка сирафской чаши, например, снаружи наверху украшена тремя полосками, состоящими из горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено соприкасающимися кружками с точками, ниже — треугольные фигуры из кружков.

Другая находка — чаша с ручкой из Барсова городка близ Сургута на Оби [Смирнов, 1909, табл. XXX, № 145]. Здесь снаружи — тот же прием горизонтальных поясков, состоящих из горизонтальных линий, поле между которыми заполнено кружками с точками. Они же заполняют поле надписи. По определению А. С. Меликяна-Ширвани, надпись должна относиться к первой половине XI в.²¹

Этот исследователь полагает, что обе названные выше находки пропикли соответственно на юго-запад и северо-восток из собственно Хорасана в результате торговых связей. По его мнению, чаши такого типа и с такой орнаментацией начали изготавливаться в конце VII — начале VIII в. и производство их продолжалось до XI в. включительно, а в окраинных областях, подобных Бадахшану, могло длиться и до XII в. С XI в. орнамент из кружков используется на таких чашах для заполнения фона надписей [Melikian-Chirvani, 1974, с. 142—146]. Что касается возникновения практики изготовления этих изделий, то А. С. Меликян-Ширвани указывает на северо-восточные области — Согд и, возможно, Бактрию, — которые должны были сыграть тут главную роль [Melikian-Chirvani, 1974, с. 147]²². Чашу № 1 узунского собрания на основании эпиграфического анализа, проведенного А. А. Ивановым (см. Приложение I), и сопоставления с другими известными экземплярами следует датировать, скорее всего, X—XI вв.

Кувшины. В узунском собрании представлены четыре типа кувшинов.

Узунский кувшин № 6 (а может быть, и № 14) с грушевидным корпусом и горлом, отделенным валиком, по форме входит в обширную группу металлических кувшинов, генетически связанных с сасанидским металлом. Исследовавший эту группу изделий Б. И. Маршак показал, что кувшины этой группы, снабженные пальметтой, возвышающейся над ручкой, изготавливались с IX по XII в. [Маршак, 1972, с. 61 и сл.]. Кувшины такой формы иногда снабжались ручками, оформленными иначе. Таков кувшин Национального музея восточного искусства в Риме [Scerrato, 1966, с. 18, табл. 4]. Ствол его ручки украшен снаружи тремя полубусинами. Внизу корень ручки прикреплен непосредственно к корпусу. Сверху ручка увенчана брусковидным элементом. Издатель считает, что кувшин происходит из Восточного Ирана и датируется IX—X вв.

На ручке кувшина из Кабульского музея снаружи пять полубусин. Сверху ручка увенчана брусковидным элементом. Внизу она крепится к

стойке в виде пластинки, снаружи оформленной в виде крючка [Rowland, 1971, табл. 176]. Типологически к этой ручке близка ручка газнийского кувшина, идентичная узунской, за исключением венчающего элемента (на газнийском кувшине этот элемент грушевидный, с уширением вверх) [Ancient Art, 1968, табл. 12; Rowland, 1971, табл. 175]. Но форма газнийского кувшина совсем иная — она яйцевидная. Возможно, на каком-то этапе кувшины с грушевидным корпусом стали изготавливаться с крепившейся к стенке с помощью короткой стойки модной ручкой, с хвостатым нижним концом, с конусовидным уширением. Один из вариантов ручек имел в качестве венчающего элемента гранат. Узунский кувшин такого типа по эпиграфическим данным (см. Приложение I) датируется XII в.

Кувшины № 7 и 8 принадлежат к типу кувшинов «с расширяющимся сверху яйцевидным туловом на низком поддоне, с высоким цилиндрическим горлом, украшенным каннелюрами и с завершением в виде плода граната на ручке». Этот тип был детально изучен Б. Я. Маршаком [Маршак, 1972, с. 72—77]. Он выделяет внутри типа две группы. Оба узунских кувшина по своим размерам меньше обычных кувшинов этого типа (узунский № 2 — в полтора раза).

Кувшины № 7 и 8 находят, в частности, аналогии в кувшине из коллекции Мартина [Martin, 1902, табл. 28], который был приобретен в Коканде. Его венчик, возможно, был фестончатым (как у № 7). Ручка похожа на ручку одного из узунских (№ 8). Ручка увенчана элементом в виде граната, верхняя плоскость которого имеет вид розетки (как у № 7). Корпус у кувшина из коллекции Мартина более широкий, с почти горизонтальными плечиками.

Кувшин из собрания Ф. Зарре [Sarre, 1923, с. 36, рис. 50] считался происходящим из Туркестана. У него тоже корпус более широкий, ручка же и орнаментация каннелированного горла очень близки кувшину № 8.

У одного кувшина из Метрополитенского музея корпус по своей форме близок к корпусу узунского кувшина № 8. Форма горла на метрополитенском кувшине почти цилиндрическая, оно расширяется очень незначительно. Поддон ниже, чем у узунского, ручка же — как у узунского № 7, с бусинами и плодом граната. Это — Нишапур, XII в. [Scerrato, 1966, табл. 12]²³.

По пропорциям узунские кувшины наиболее близки к одному из ранних кувшинов Эрмитажа (СА-12728) [Маршак, 1972, рис. 8, слева], но ручка у узунского кувшина № 7 такая же, как у другого эрмитажного сосуда [Маршак, 1972, рис. 8, справа], кроме того, на узунском экземпляре № 7 горло практически круглое. По характеру же орнамента узунский кувшин № 8 сближается с нишапурским, поздними кувшинами этого типа из Эрмитажа (СА-12752 и СА-12748) [Маршак, 1972, рис. 9—10], уратюбинским кувшином [ИТН, т. 2, кн. 1, рис. на с. 263] и кувшином из собрания Ф. Зарре [Sarre, 1923, рис. 50]. Характерен ряд смыкающихся прямоугольников или овалов на поддоне узунского кувшина № 8 — этот орнаментальный мотив часто встречается на бронзовых изделиях XII—XIII вв. [SPA, т. 11, табл. 1306/A, 1307, 1309Д, 1322]. Дно, как и на самаркандском кувшине XII в. [Маршак, 1972, с. 61], было внизу поддона. Все это наряду с данными эпиграфического анализа (см. Приложение I) дает возможность датировать узунский кувшин № 8 XII — началом XIII в.

Сложнее обстоит дело с датировкой узунского кувшина № 7. Некоторые его черты как будто являются более архаическими. Такова ручка, круглая в сечении, в средней части состоящая из шести сомкнутых бусин. Точечный орнамент встречается на раннем, по-видимому относящемся к IX—X вв., газнийском кувшине [Ancient Art, 1968, с. 30, табл. 12b; Rowland, 1971, табл. 175]. Однако подобные ручки встречаются и на кувшинах XI—XII вв. Поэтому исключить и такую датировку, как нам кажется, нельзя.

Кувшин № 9 представлен лишь верхней фрагментированной частью. Однако форма таких кувшинов хорошо знакома. До сих пор было известно восемь экземпляров таких кувшинов (узунский — девятый). Все кувшины, как отмечает А. А. Иванов, идентичны по форме и незначительно варьируют в размерах. На некоторых из этих кувшинов есть подпись мастера: «сделал Ахмад». Большинство из них слабо украшено орнаментом [Иванов, 1970, с. 104, рис. 6/20—26; Иванов, Кожомбердиев, 1983, с. 196—198]. К сожалению, корпус (он должен быть яйцевидным, на высоком коническом «ложном» поддоне) утрачен, как и резко поднимающийся вверх носик и фигурная ручка. Однако сравнение с ахикетским экземпляром [Воронина, 19776, рис. 356] показывает полную морфологическую близость верхних частей кувшинов, в том числе уступчатого горла со сферическим уширением. Верхняя часть трубки горла на шахристанском и каракульском экземпляре также граеная [Негматов и др., 1966, табл. XXIII; Иванов, Кожомбердиев, 1983, с. 195, рис. 5].

А. А. Иванов отнес эту группу кувшинов к середине — второй половине XI в., а отдельные экземпляры, например шахристанский, — к началу XII в. [Иванов, 1970, с. 104—105] (см. также [Маршак, 1972, с. 86, 90]). Идея Н. Н. Негматова о том, что не только шахристанские, но и ахикетский кувшин были изготовлены в Шахристане [Негматов и др., 1966, с. 180—181], была уже с полным основанием отвергнута В. Л. Ворониной [Воронина, 19776, с. 136]. Более правдоподобным представляется мнение Б. И. Маршака, считающего, что это серия вещей, которые изготавливались из поколения в поколение подражателями. А так как мастер Ахмад прославился, они (или часть из них) ставили на своих изделиях имя Ахмада [Маршак, 1972, с. 86]. Можно говорить об отнесении этих изделий, как предложил А. А. Иванов, к числу мавераннахрских [Иванов, 1970, с. 104—105]. Узунская находка расширяет ареал этих кувшинов, указывая на распространение их в самых южных областях Мавераннахра (ср. [Иванов, Кожомбердиев, 1983, с. 198—199]).

Кувшин № 10 также не является уникальным. Этот тип кувшинов представлен в коллекциях, например в коллекции римского Национального музея восточного искусства (инв. № 8559) (см. [Bulletino, 1974, с. 197, фиг. 5]). Другой такой кувшин демонстрировался на выставке персидского искусства в Каире в 1931 г. с датировкой — XII в. В надписи, в нисбе, назван Исфераин (?) [Wiet, 1933, с. 32, табл. V].

В узунской коллекции есть несколько поддонов кувшинов. Один из них (№ 13) очень тонкий. Не исключено, что это верхняя часть сосуда того типа, что происходит из района Кундуза и был издан А. С. Меликьяном-Ширвани, включившим кундузский сосуд в группу изделий X—XI вв. [Melikian-Chirvani, 1975, с. 202—203, табл. XVII, фиг. 13]. Однако кундузский сосуд в два раза крупнее и узунский фрагмент все же скорее является поддоном небольшого кувшина.

Чернильница. В собрании Эрмитажа имеется такая же, как узунская (№ 19), целая и с крышкой чернильница (ИР-1533). Приклепанные листики аналогичной формы, со стойками для шарнира, на крышке — петли. Другая такая же чернильница (крышка не сохранилась) найдена в Тахта-Базарском районе Туркменской ССР. Ее высота — 5,5 см, диаметры — 8 и 7 см. Орнамент с инкрустацией серебром и красной медью [Ходжагельдыев, 1972, с. 22 и рис. там же].

Совершенно аналогичная узунской чернильница хранится и в Метрополитенском музее. На ее боковой стенке, посередине приклепаны три листика, в каждом из которых есть стоечка для шарнира, в ней ходит колечко. На крышке — три приклепанных кольца. Через них пропускался шнур, которым крепилась крышка [Ваг, 1972, с. 201—203, фиг. 6—8]. Близкие по типу чернильницы имеются и в собрании Британского музея, причем они считаются иранскими, относящимися к XII в. [Barrett, 1949, табл. 5b]. На чернильнице такой же формы из Музея Виктории и Альберта на стенках — три медальона: музыкант, сидящий и пишущий персонаж,

который написал по-персидски слова «для учителя», и третий — ученик (?), обращенный лицом к последнему. Кроме того, выгравированы благопожелания. Черпильница датируется концом XII — началом XIII в. [Melikian-Chirvani, 1982, с. 124, рис. 52A-C].

Черпильницы близкой формы известны также в других собраниях²⁴. Находят их и при раскопках в Афганистане [Scerrato, 1959, с. 39, фиг. 38].

Считается, что производство черпильниц такой формы начинается с сельджукского времени [Ваг. 1972, с. 199].

Другой экземпляр бронзовой черпильницы, также хранящейся в Институте истории им. А. Дониша, происходит из Шаартузского района (табл. 21/3, 4). Приведем ее описание. Цилиндрический, незначительно суживающийся вверх корпус увенчан рельефным кольцевым ребром; над ним четкий вертикальный венчик. Вверху — плоское широкое кольцо вдоль венчика. Дно плоское. Сосуд богато орнаментирован. На верхнем горизонтальном кольце — кольцевая лента, состоящая из двух концентрических валиков, между которыми заключен волнистый побег. От него в обе стороны отходят трилистники.

Боковая стенка сплошь орнаментирована. На ней имеется три одинаковых круглых медальона. Гладкая полоска кольца окружности в верхней и нижней точках переходит в отходящие в противоположные стороны горизонтальные отрезки лент, затем одна из них опускается вниз, а другая поднимается вверх. Четвертьдуги, из которых состоит кольцо, на половине высоты кольца с каждой из двух сторон пересекаются и образуют сложный узел, соединяясь затем после фигурного изгиба с теми, что отходят в стороны вверх и вниз. В результате образуются прямоугольные картуши с фигурными боковыми стенками (размер поля — 2,2 см по высоте и 3,6 см по длине по прямой). В центре картушей находится обведенный гладким кольцом круг (диаметр поля — 2,2 см). Прямоугольные картуши разделены гладкими, обращенными вниз стреловидными фигурами.

В каждом из трех (сохранилось два) кругов — изображение сидящей женской фигуры. Фигуры практически одинаковы. Верхняя часть (выше пояса) почти фронтальна. Лицо чуть-чуть повернуто, нижняя же часть тела дана совсем в ином ракурсе — поджатая нога плотно прижата к телу. Фигура обращена влево (от зрителя). Лицо округлое, с широким подбородком. В одном случае оно дано совершенно фронтально, в другом — изображено в три четверти. Высокий лоб, широко расставленные овальные глаза, обозначены высокие брови, нос, рот. Прическа с прямыми проборами посредине. Голова (включая и подбородок) плотно охвачена гладким головным убором. Предплечья отведены от корпуса, а затем руки вытянуты горизонтально вперед. На шее — гривна. Женщина одета в плотно облегающий фигуру, подпоясанный, сплошной — без разреза — кафтан. На плечи наброшена накидка, спускающаяся вниз двумя полосами, доходящими до пояса. В верхней части тела по два углубления (на обеих фигурах). Хотя они расположены слишком высоко, не исключено, что так показаны груди. Рукава длинные, стянутые обшлагами. Фигурка изображена на фоне двух растительных побегов, подходящих к рукам и заходящих за них. Над рукой они переходят в гребенчатую метелку. Ноги непропорционально тонкие. Пространство между кольцом и прямоугольником, в углах последнего, заполнено мелкими растительными завитками.

На дне черпильницы, в круте (диаметр — 26 мм) — идущий влево (по отношению к зрителю) сфинкс с телом льва и человеческой головой. Голова женская, такая же и в том же головном уборе, что и на боковых изображениях в медальонах. Лапы с раздвинутыми пальцами. На спине, в передней ее части, поднимается нечто вроде полукруглого выступа — основание крыла, от которого вверх, а затем назад отходит стилизованное крыло-завиток. Хвост, загнутый вверх, заканчивается пирамидкой. Короткие штрихи рассекают тело. На задней ноге — полукруг из точек.

Фон — из завитков. Высота чернильницы — 4,1 см, диаметр венчика — 4,5 см, диаметр основания — 5,1 см.

Курильницы. Среди узунских бронз есть курильницы (№ 20—22) на трех ножках, причем они двух типов: с цилиндрическим корпусом и боковой ручкой-держателем и с мискообразным корпусом²⁵.

Курильницы первого типа (узунская курильница № 20) хорошо известны. В качестве примера можно указать на курильницу из собрания Государственного Эрмитажа (ИР-1717), также с шарниром на верхнем ободке корпуса.

Горизонтальные ручки таких курильниц оформлялись по-разному (см., например, [Kühnel, 1920, Abb. 91, 93, 94; Aga-Oglu, 1945, фиг. 3—4, 13; SPA, 1967, XI, табл. 1278/B, C]). Иногда в такие ручки включались и катушкообразные элементы, крепившиеся на одном из концов [Kühnel, 1920, рис. 95; Rice, 1958, с. 236, табл. III/C]. Не исключено поэтому, что некоторые из деталей стволов составных светильников (см. ниже) на самом деле являются частями ручек таких светильников.

Что касается курильниц второго типа (№ 21—22), то близкая к ним (особенно к № 22) по форме и размерам курильница есть в коллекции Государственного Эрмитажа (СА-12780). Она происходит из Ходжепта (коллекция Куна). Боковые выступы на ней совершенно совпадают по очертаниям с выступами на узунской курильнице № 22. Высота курильницы из Эрмитажа — 14,5 см, внешний диаметр ее — 17 см. Совершенно аналогична форма картушей надписи в сочетании с круглыми медальонами между ними — на серебряном блюде из Слудки (Пермская обл.) [Смирнов, 1909, табл. XXIV, № 151], которое датируют XII в. [Маршак, 1973, с. 21] или XII — первой половиной XIII в. [Даркевич, 1976, с. 20]. Узунскую курильницу № 22 А. А. Иванов по эпиграфике относит к числу изделий XII — начала XIII в. (см. Приложение I). Близкие даты могут быть предложены и для двух других курильниц.

Курильницы, как свидетельствуют письменные источники, находили широкое применение в придворном быту, в повседневной жизни городской аристократии, употреблялись во время религиозных церемоний [Aga-Oglu, 1945, с. 28—29].

Подставки составных светильников. Светильники. В узунском собрании есть триподы — основания подставок составных светильников (№ 23—32). Поверхность корпуса одного из них (№ 23) — листовидно-ложчатая. Другие светильники — округло-выпуклой формы. Над основаниями возвышались укрепленные на них стволы, состоящие из квадратной или круглой в поперечном сечении трубки, с катушкообразными деталями (изготавливались отдельно, а затем крепились к трубке) на ее концах (№ 33—45). Стволы были гладкие или с поперечным рифлением (№ 37). В конструкции стволов применялись и трубки с центральным ажурным вздутием (№ 43—45). Не исключено, что ствол мог состоять из нескольких соединенных «катушек». К верху ствола крепилось маленькое блюдце-диск, диаметром 13—18 см (№ 46—52), с гладким, рифленным, фестоичато-ажурным краем (возможно, для этого предназначалось и блюдце № 2 диаметром 5,7 см).

Для соединения этих частей друг с другом иногда применялось склепывание (№ 33, 41), но чаще — пайка и соединение с помощью специального запора, когда на плоскости одной детали имелся выступ в виде вертикальной полуовальной пластинчатой лопасти, укрепленной на цилиндрическом штифте, а на плоскости другой (полый) детали — вырез катушкообразной формы. При вставлении выступа в прорез цилиндрическое основание выступа помещалось в центральной, круглой, части прореза, а крылья овальной лопасти — в боковые крылья выреза. Затем плоскости деталей поджимались и детали поворачивались на 90°. При этом полуовальная форма лопасти была уместна, ибо она не задевала за внутренние края соседней детали. После поворота достигалось полное сцепление (рис. 51—52/1).

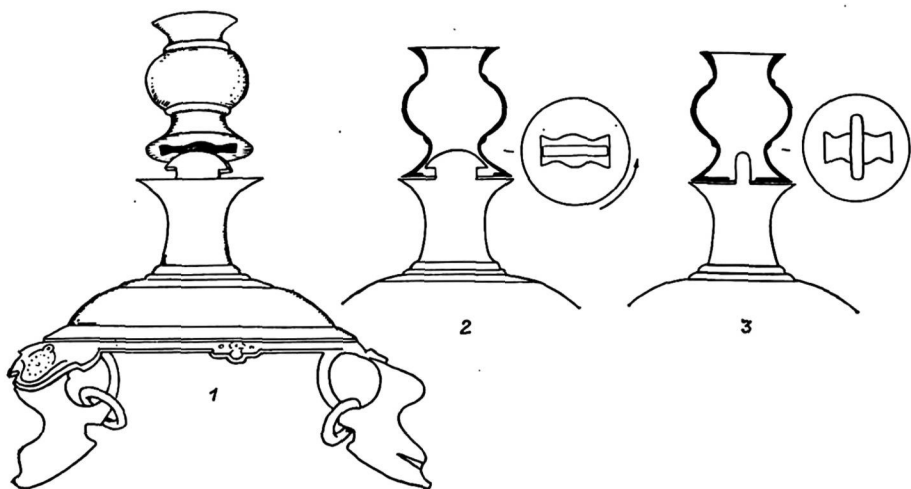

Рис. 51. Городище Лягман. Схема соединения частей составного светильника

Сверху на блюде ставился собственно светильник (№ 53–61). Возможно, в некоторых случаях светильник непосредственно крепился к стволу, к его катушкообразной части — об этом, вероятно, свидетельствует отпечаток на дне светильника № 58.

Подставки составных светильников были широко распространены на всем мусульманском Востоке, но имели в каждой стране свои особенности. Так, в Египте они были грузными и приземистыми²⁶, в Иране и Месопотамии были тоньше и выше. Если в Египте обычными были подставки с гравированным орнаментом, то в Иране наряду с ними были распространены и ажурные. Над триподом возвышался ствол, призматический или цилиндрический, наверху и внизу завершающийся катушкообразными деталями. На стволе крепилось небольшое плоское блюдо, на которое ставился светильник. Были и варианты: ствол состоял из нескольких скрепленных друг с другом и уменьшающихся по величине катушкообразных деталей [Nagari, 1967, с. 2484, фиг. 812; SPA, т. 12, 1967, табл. 1283D, 1284, 1285, 1294; Barrett, 1949, табл. 3; Allan, 1977, фиг. 17; Pore, 1945, табл. 98; Persian Art, 1931, табл. 77-U]²⁷.

В данной связи нет смысла останавливаться на генезисе этих подставок. Отметим лишь, что они находят непосредственные прототипы в сасанидских (вторая половина IV в.) коллекциях Месопотамии, где представлены формы для отливки различных ножек в виде лап животных, а также для отливки катушкообразных элементов стволов [Negro Ponzi, 1967, с. 67–68, фиг. 104–107, 113, 114, 123–126].

По мнению Д. Аллана, подставки на триподах со стволом и горизонтальным блюдом входят в группу бронзовых изделий, изготовлявшихся до 1100 г. [Allan, 1977, с. 9]. Едва ли это мнение можно признать справедливым. На самом деле подставки, состоящие из трипода, ствола и блюда, были особенно распространены в XI–начале XIII в., продолжали они изготовляться и позднее. К XIV в. трипод и вся подставка, при сохранении общей схемы, приобретают несколько иную форму [Arts de l'Islam, 1971, с. 109, табл. 162]. Следует вместе с тем отметить, что в XI–XII вв. существовали и другие конструкции подставок. Так, например, в Хульбуке найдена подставка составного светильника, основание которой имеет вид перевернутой полусферической чаши со штырем, выступающим из ее вершины. К нему прикреплен граненый ствол, внизу заканчивающийся катушкообразным элементом [Искусство, 1980, табл. 64]. Такое же, но более парадное основание у подставки, хранящейся в Бостонском музее изящных искусств [Allan, 1977, фиг. 19]. Этот

тип представлен и в коллекции Эрмитажа. А. А. Иванов рассматривает их как хорасанские [Иванов, 1969, табл. на с. 32]²⁸.

Эти устройства нашли отображение в изобразительном искусстве: плоская диск-тарелочка венчает ствол, установленный на трипode в изображении на известной месопотамской миниатюре 1222 г. [Kühnel, 1922, табл. 4].

В коллекции Ф. Мартина была приобретенная в Бухаре подставка, состоящая из трипода с цилиндрической трубкой, завершающейся катушкообразными элементами на концах [Martin, 1902, табл. 25; Martin, 1897, шкаф 7, полка II].

Целые подставки и детали их имеются в собрании Государственного Эрмитажа [Каталог, 1935, с. 367 (№ 9), 368 (№ 15), 369 (№ 17) и др.].

Серия таких подставок под светильники с базой-триподом с выпуклым корпусом, по-разному оформленному трубчатым стержнем (граненым или цилиндрическим, сплошным или ажурным) и диском-блюдец (иногда поднятым бортиком с рифлением), хранится в Джамбульском музее [Сенигова, 1968, с. 210–212, рис. 2–3; Сенигова, 1972, с. 163, табл. XI, 116]. Известны части таких подставок из Ахсикета (Музей искусства народов Востока). Основание-трипод оформлено как у большинства узунских. К концам одного из стержней припаяно по катушкообразной детали (общая длина стержня — 38 см, диаметр стержня — 4,4 см). Одно из дискообразных блюдец с приподнятым краем оформлено зубчиками. Блюда крепились к вершине стержня (трубки ?) с помощью спайки, от чего на их дне остались следы [Ямпольская, 1972; Воронина, 1977б, с. 143–135, рис. 36–37].

Наряду с находками подставок в Южном Казахстане и Фергане (см. выше) известны многочисленные находки этих изделий, сделанные в Южной Туркмении.

Подставка со светильником была найдена при раскопках на городище Хауз-хан²⁹, трипод аналогичен узунским. Ствол гладкий, в верхней части сохранился катушкообразный элемент. Блюда идентично узунским № 46–48.

Среди бронз Дацданакана имеется основание-трипод, аналогичный узунским № 24 и 27, с укрепленным на нем стволом, состоящим из стержневой трубки, к которой сверху и внизу прикреплены катушкообразные детали [Ершов С. А., 1947, с. 135; Пугаченкова, 1967, табл. 120].

Подставка-трипод с корпусом скорее колоколовидной, чем полусферической формы происходит из Тахта-Базара в Южной Туркмении. Ножки сзади укреплены полукольцами-кронштейнами. Там же найдены многочисленные трубки и катушкообразные элементы стволов [Ходжагельдыев, 1977, с. 85, рис. 1–8, 11–13, 15–17, 21] (см. также [Ходжагельдыев, 1972, с. 21–22]). В Южной Туркмении известны и другие находки таких подставок или их деталей (см. [Юсупов Х., 1971, с. 31 и рис. там же]).

Остановимся на некоторых аналогичных изделиях, обнаруженных в Афганистане. В кладе бронзовых вещей из Меймене (Кабульский музей) есть два трипода со стволами и горизонтальным диском-блюдем. У первой подставки корпус трипода разделен выпуклыми ложками. Стойка (верхняя и нижняя катушки и ствол) каннелирована. Общая высота — 70 см [Scerrato, 1964, с. 678–684, фиг. 1–10]. На верхней плоскости стойки трипода есть полуовальная вертикальная пластика для запора, абсолютно идентичная той, что на узунском трипode № 26. Сверху — диск-блюдец. Его гладкий вертикальный бортик, который идет с отступом от края, незначительно орнаментирован. На обратной стороне блюда — выступ-замок, как на блюде № 51; внешний край на обоих блюдах орнаментирован [Scerrato, 1964, фиг. 5–6]. В Кабульском музее хранятся другие блюда со сложнооформленным бортиком [Scerrato, 1964, с. 680, № 37].

На второй подставке из того же клада трипод очень близок к узунским № 24 и 25. Стойка представляет собой гладкую цилиндрическую трубку, внизу и вверху к ней прикреплены детали в виде катушек. Венчает подставку диск-блюдец. Высота подставки — 55,3 см [Scerrato, 1964, с. 684, фиг. 11–13]. Блюдце абсолютно идентично узунскому блюдцу № 49 по форме и фестончатому оформлению края³⁰. При этом на обратной стороне (на нижней поверхности), судя по фотографии, так же как и на узунских, имеется вдавленный отпечаток кольца подставки [Scerrato, 1964, фиг. 12–13].

Трипод, очень близкий к узунским № 24 и 25, имеется в одной коллекции в Газни [Melikian-Chirvani, 1982, с. 54, рис. 17a].

В Кабульском музее хранится трипод с округло-выпуклым корпусом. Полупальметты над ножками имеют вид птичьих головок с клювом, хо-холком и прочерченным глазом. По заключению А. С. Меликяна-Ширвани, это Хорасан, XII в. [Melikian-Chirvani, 1976b, с. 64, цв. рис. 4].

Подставка из частной коллекции в Иерусалиме состоит из трипода типа узунского № 26 (с дугами-кронштейнами). Полупальметты над ножкой имеют здесь вид птичьей головы с выраженным выступающим клювом и обведенным линией глазом. Стойка состоит из четырех катушек, уменьшающихся снизу вверх, нижняя — ажурная (ее средняя часть), затем следует граненый элемент, над которым помещается диск-тарелочка с вертикальным ажурным фестончатым бортиком, абсолютно аналогичным узунскому № 26. Полагают, что изделие иранское, вероятно XII (или XII–XIII) в. [Rosen-Ayalon, 1972, с. 178–179, фиг. 26–27].

Остановимся на некоторых деталях. Задние полупетли-кронштейны, служившие для придания большей жесткости сочленению ножки с корпусом трипода и сообщавшие корпусу в месте соединения большую прочность, известны на ряде триподов хорасанского, по мнению А. С. Меликяна-Ширвани, происхождения (см., например, [SPA, т. 12, табл. 1283/D; Melikian-Chirvani, 1976a, фиг. 4]). На одном трипode с ажурным корпусом из Государственного Эрмитажа (ТМ-531) на корпусе, у ножек, есть выступы-полупальметты, на верхней плоскости стойки — вертикальная полуовальная пластинка для крепления замка. Ножки снабжены полупетлями-кронштейнами. Другой аналогичный в части кронштейнов трипод из коллекции Государственного Эрмитажа (ИР-2141) куплен в Кубачи. По мнению А. А. Иванова, он, вероятно, иранский по происхождению, X–XI вв. Такого рода ножками в виде стилизованных лап животных, с петлями-кронштейнами, снабжались иногда и котлы [Scerrato, 1964, фиг. 62].

Для ножки № 29, с фигуркой птицы на изгибе ножки, подыскать в изданиях точную аналогию не удалось. Впрочем, нечто похожее (?) видим на трипode из собрания Детройтского музея искусств — Хорасан, XII–XIII вв. [Scerrato, 1966, с. 66, фиг. 28]. На подставке-кольце с тремя ножками из Ахсикета на ножке имеется птичка, но она располагается в самой верхней ее части [Воронина, 19776, рис. 35].

Что касается узунского ложчатого трипода (№ 23), то он находит широкое круг аналогий. Так, по форме на него абсолютно похож экземпляр из Эрмитажа ИР-1545. Опубликовавший его Л. Т. Гюзальян датировал предмет XII–XIII вв. и прочел надпись с именем мастера Пайдара ибн Марзбана ал-Каини — писба указывает на город Каин в Кухистане, на юге Хорасана [Giuzalian, 1968, с. 107–108].

Очень близкую аналогию представляет трипод с городища Шехр-Ислам, на котором есть орнамент. На круглом штыре прикреплены две катушки. Высота вместе с ними — 32 см [Атагарриев, 1973, с. 66, рис. 21]. Аналогичный трипод известен и среди находок в Тахта-Базаре (сообщение А. А. Иванова)³¹.

Близкий к этому экземпляр хранится в Лос-Анджелесе, в Музее искусств. Верхняя часть трипода почти идентична. Предполагается, что он происходит из Восточного Ирана или Афганистана [Pal, 1973, фиг. 278].

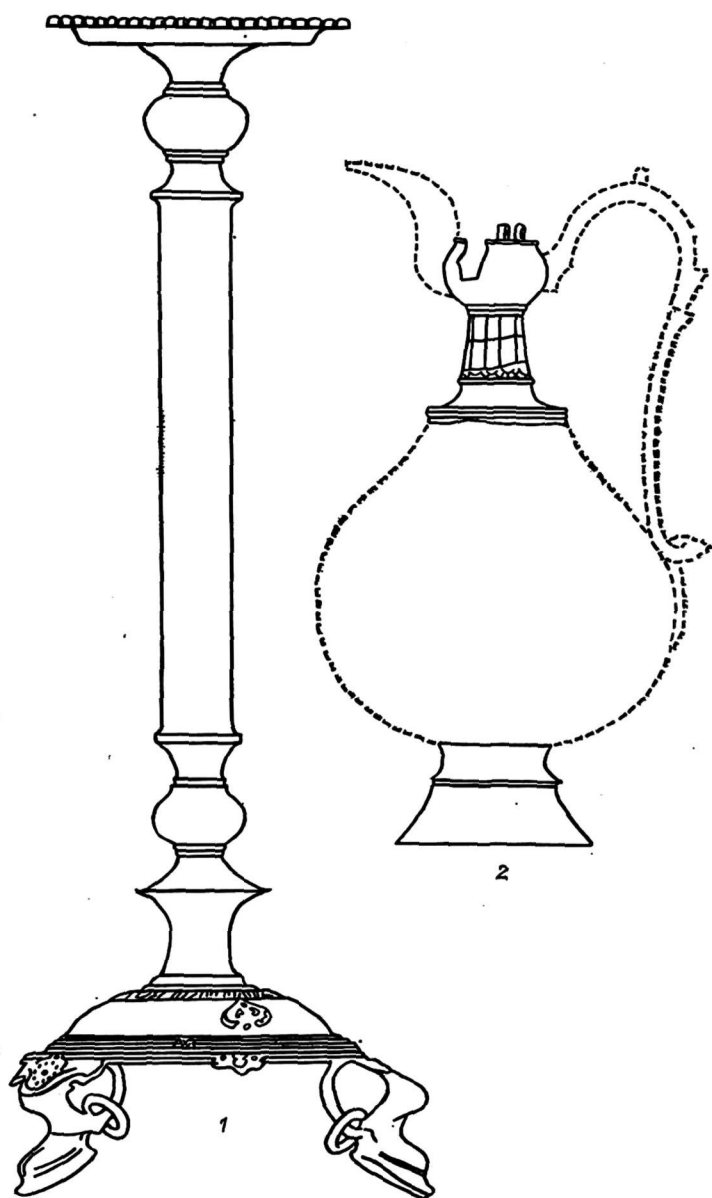

Рис. 52. Городище Лягман. Светильник и кувшин (реконструкция)

Известны и другие находки (например, [Attivita, 1960, № 254, табл. XXXII] — с богатым орнаментом, с ножками, снабженными дугами-кронштейнами). Судя по не вполне ясной фотографии, одна такая подставка была и в собрании Ф. Мартина [Martin, 1897, шкаф 7, полка II].

Целый экземпляр ложчатого трипода, который считается происходящим из Бухары, есть в Британском музее. Наш экземпляр весьма напоминает экземпляр Британского музея — не только желобчатой поверхностью, но и формой ножек и горизонтальных выступов. Подставка из Британского музея украшена орнаментом и датируется Р. Харари XII или XIII в. [Nagari, 1967; SPA, т. 6, с. 2484, т. 12, табл. 1283/d; Barrett, 1949, табл. 3]. Другой столь же или даже более близкий экземпляр, но не с цилиндрической, а граненой в нижней части вертикальной стойкой-

стержнем есть в коллекции Музея Виктории и Альберта. Многие идентичные предметы, по сведениям Меликяна-Ширвани, появлялись на тегеранском антикварном рынке, причем сообщалось, что они из Хорасана. Учитывая также наличие их в афганистанских собраниях (особенно в Кабуле и Газни), куда они попали из ближайших местностей, этот ученый полагает, что их происхождение можно уверенно локализовать в Хорасане [Melikian-Chirvani, 1976a, фиг. 4, с. 6—7, 19; Melikian-Chirvani, 1982, с. 56, рис. 13—15]. Некоторые факты на первый взгляд противостоят этой идее А. С. Меликяна-Ширвани. Так, аналогичная подставка найдена в Фарсе, при раскопках Касри Абу-Наср, она, вероятно, относится ко времени обживания, датированного сельджукской монетой XII в. [Urton, 1973, с. 18, фиг. 16].

Практически точно такая же подставка, совпадающая во всех деталях с узунской, хранится в Британском музее (была получена из Египта). Она имеет ствол, состоящий из длинной цилиндрической трубки (вверху и внизу которой есть по катушкообразному элементу), над которой укреплен трехрожковый чирог. Высота всего предмета — 47 см [Barrett, 1949, табл. 4a].

В обоих случаях вполне логично будет предположить появление таких подставок в результате торговых связей соответственно Фарса и Египта с Хорасаном.

Светильники разных типов были распространены в Средней Азии и соседних странах очень широко. Характерное оформление коща носика в виде уплощенного, почти горизонтального листика довольно обычно на средневековых светильниках³², в частности на светильниках XII в. из Афганистана [Melikian-Chirvani, 1982, с. 56, рис. 17—19].

Узунские светильники № 55—56 находят удивительно близкую аналогию в светильнике из шахристанского клада 1961 г. [Негматов и др., 1966, с. 181, табл. XXIV]. Совпадают буквально все детали. Разница лишь в том, что шахристанский светильник в полтора раза меньше. Кувшин, входящий в состав этого клада, Б. И. Маршак сближает с хорасанскими изделиями XII в. [Маршак, 1972, с. 86].

Эрмитажный светильник ИР-1569, по определению А. А. Иванова, хорасанского (?) происхождения, XI в., аналогичен узунским светильникам № 55 и 56, но он имеет высокий полый поддон. С узунским светильником № 56 светильник из Эрмитажа сближают боковые выступы на корпусе, наличие шарнирных стоек. Носики одинаковы — с ажурной пластинкой сверху у корня и впереди — приостренный расширенный горизонтальный почуoval.

По своей конструкции и форме двухрожковый узунский светильник № 62 очень близок к данденаканскому двухрожковому светильнику [Ершов С. А., 1947, с. 135; Пугаченкова, 1967, табл. 121] и в меньшей степени — к светильнику из Музея Виктории и Альберта [Melikian-Chirvani, 1982, с. 100, рис. 30 — XII в.].

Подставка-кольцо на трех ножках. Можно привести ряд аналогичной подставке в виде кольца с тремя ножками (№ 63). В Государственном Эрмитаже хранится очень близкая подставка (СА-12707), купленная Н. И. Веселовским в Аште. По размерам (высота — 7,6 см, диаметр — 13 см) она мало отличается от узунской. Ножки у нее снабжены полукольцами-кронштейнами, к которым подвешены кольца. Другая такая же подставка (она происходит из Ахсикета) хранится в Музее искусства народов Востока. По своим размерам (диаметр — 14 см, высота — 8 см) она еще более близка к узунскому экземпляру. Что касается формы, то для них также характерна значительная близость. Специфично наличие рельефных головок птиц в верхней части ножек [Воронина, 19776, с. 136, рис. 35г]. Подставка, очень близкая к узунской, входит в состав каракульского клада (Кетменьюбинская долина). Единственное отличие каракульской подставки — наличие колечек, прикрепленных снаружи к верхним частям ножек. Вероятная датировка — XI—XII вв.

Как отмечает А. А. Иванов, типология этих предметов и их хронологическая эволюция не разработаны, существует неясность и в точном определении их назначения [Иванов, Кожомбердиев, 1983, с. 193].

Ручка в виде фигурки человека. Как нам сообщил А. А. Иванов, целых сосудов с такого рода ручками (№ 64) пока не найдено. Сами же ручки в нескольких экземплярах известны. В коллекции Давида (Копенгаген) есть фигурка абсолютно аналогичная (ее высота — 11,5 см). Совпадает во всех деталях поза (единственное отличие — поги копенгагенской фигурки согнуты в коленях сильнее). Головной убор тоже с выступами, но их не три, а пять. Совершенно такие же лицо, костюм, коса. Сзади по подолу кафтана — рельефные точки. На коленях изображены какие-то сложные фигуры (морды зверей?). Орнамент на кафтане несколько иной. В целом же узунская и копенгагенская фигурка — иконографические двойники. Копенгагенская фигурка при издании отпесена к XII—XIII вв., местом изготовления назван Северо-Восточный Иран. Сама фигурка атрибутирована следующим образом: «Вероятно, ручка от крупного сосуда» [The David Collection, 1975, с. 67, № 2, 1964].

В принципе похожая (та же схема, но голова повернута в сторону) ручка из двух спаренных фигурок недавно продавалась на одном из аукционов [Fine Oriental Miniatures, 1979, № 277].

* * *

Изложенное выше позволяет сделать заключение, что в узунское собрание входят разновременные изделия. Они были изготовлены в период с конца X — начала XI в. и до начала XIII в. При этом большинство предметов относятся ко второй половине указанного периода.

МАВЕРАННАХРСКАЯ И ХОРАСАНСКАЯ ШКОЛЫ И УЗУНСКОЕ СОБРАНИЕ

Узунское собрание показывает, что на территории Вахтской долины, шире — Южного Таджикистана, в период, предшествующий монгольскому завоеванию, в городском быту находились в употреблении разнообразные типы бронзовых изделий. Разумеется, эта незначительная выборка не может дать сколько-нибудь полного представления о всем разнообразии типов, форм, орнаментов. Так, например, в Узупе отсутствуют ступки. Представление об этих изделиях дает экземпляр, найденный в Шаартузе (табл. 21/2).

У шаартузской ступки стенка незначительно вогнутая, с более резким отгибом в верхней части. Верхняя плоскость венчика резко скошена внутрь. Дно плоское, с небольшой выпуклостью в центре. На поверхности стенки — два ряда миндалевидных рельефных шишек. В нижнем ряду — четыре шишки приострением вверх, в верхнем — три шишки приострением вниз. Каждая из шишек обведена по стенке, с незначительным отступом, гравированным овалом, завершающимся крестовидной фигурой. Такой гравированный рисунок есть и на том месте в верхнем ряду, где могла бы быть четвертая шишка. Внизу, у основания, идет поясok орнамента, разделенный на четыре картуша, каждый из которых заполнен Г-образными фигурами и более сложными знаками — отдаленной имитацией арабской надписи. На верхней части стенки — полоса надписи (см. Приложение I). На верхней плоскости венчика есть три орнаментальных картуша, в каждом из которых — растительный побег.

Ступка изготовлена небрежно: верхний край не вполне параллелен дну; орнамент выполнен также не очень аккуратно. На дне при литье образовалась каверна. Нижний диаметр — 4,9—5,1 см, верхний диаметр — 5,6—5,8 см, высота 4,5—4,7 см. Согласно А. А. Иванову, надпись должна датироваться второй половиной XI—XII в.

В Термезском музее хранится ступка [Искусство, 1980, табл. 103] почти такой же формы, но с шестью миндалевидными шишками в каждом ряду, причем они не обведены контурной линией. Нижние орнаментальные пояски у термезской и шаартузской ступок близки, почти идентичны.

Ступку из коллекции французского Музея декоративного искусства, аналогичную шаартузской по форме, но в три раза большую по размерам, опубликовал А. С. Меликян-Ширвани. Он относит ее к хорасанской школе и указывает, что близкие по профилю объекты имеются в музее Мазари-Шарифа и еще в одной коллекции, куда этот предмет поступил из Герата [Melikian-Chirvani, 1973, с. 18—19]. Следует вместе с тем отметить, что на ступке из Музея декоративного искусства по шесть шишек в каждом ряду, они не обведены контуром, нижний орнаментальный пояс сделан в виде сплошного растительного побега. Такая же ступка, корпус которой полностью покрыт орнаментом с надписью, происходит из Газни. Дата этой ступки — вторая половина XII—начало XIII в. [Melikian-Chirvani, 1982, с. 67, рис. 34].

На ступке из собрания Ф. Р. Мартина [Martin, 1902, табл. 24] миндалевидные шишки (их здесь в каждом ряду по шесть) также обведены линейным контуром, от которого в заостренной части отходит кружок, заполненный сложным орнаментом с птицей (см. также [Martin, 1897, шкаф 7, полка II]).

Большое количество ступок имеется в коллекции Государственного Эрмитажа [Каталог, 1935, с. 362 (№ 1, 3), 364 (№ 10)]³³. Среди ступок эрмитажного собрания есть экземпляры с вогнутым профилем боковой стенки. Такова ступка СА-12711 (высота — 14,5 см, диаметр — 16,2 см), купленная Н. И. Веселовским в Туркестане³⁴. Другая ступка, СА-4127 (высота — 9 см, диаметр — 11,2 см), происходит из городища Пайкенд (подъемный материал). Аналогичные ступки есть и в других собраниях ([SPA, т. 11, табл. 1280/в] — Берлинский музей; [Rowland, 1971, табл. 180] — Кабульский музей и др.)³⁵. В Тахта-Базарском районе найдена и богато декорированная ступка с резко отгнутой наружу внизу и вверх стенкой [Атагарриев, Ходжагельдыев, 1972, рис. на с. 28].

Большое количество разнообразных бронзовых изделий, среди которых есть и уникальные, обнаружено Э. Гулямовой при раскопках Хульбука и Саёда (подготавливаются к печати Э. Гулямовой), Т. М. Атахановым — при раскопках Гиссара и др. Известны также находки в Сурхандарьинской области. Все это создает необходимый фон при историко-культурном исследовании узупских бронз.

За последнее десятилетие благодаря работам В. П. Даркевича, А. А. Ивапова и Б. И. Маршака³⁶ из множества металлических изделий, которые специалисты неопределенно называли «восточноиранскими» (включая сюда и Среднюю Азию), выделена группа мавераннахрских изделий, мавераннахрская школа среброделия и меднолитейного производства.

Одновременно исследованиями названных советских и зарубежных ученых (особенно А. С. Меликяна-Ширвани и У. Шеррата) было уточнено представление об изделиях хорасанского производства.

Владение Вахш вместе со всем Хутталем, а также Кобаджаном, Термезом, Саганианом и др. находилось на территории Мавераннахра. Вместе с тем в историко-культурном отношении оно включалось в состав Тохаристана, значительная часть которого находилась на левобережье Амударьи и в Мавераннахр не входила. Анализ узупских бронз показывает, что в их составе есть некоторое число форм, специфических для мавераннахрской школы, это прежде всего некоторые типы кувшинов. С другой стороны, очень многое связывает эти бронзы с хорасанской школой, в частности с изделиями из Меймене и других центров Афганистана. Торговые связи приводили, очевидно, к возникновению встречных потоков экспорта бронзовых изделий, что облегчало копирование отдельных форм, орнаментов и т. д. за пределами основных центров их изготовления и распространения,

причем иногда эти формы «приживались» и входили в местный репертуар металлических изделий. Так, конечно, обстояло дело и на территории Тохаристана, где должны были функционировать несколько крупных центров по изготовлению бронзовых сосудов и другой бронзовой утвари. Как будто бы намечается определенный набор специфических для Тохаристана черт в бронзовых сосудах, известных с этой территории. Возможно, существовала восточнохорасанская или тохаристанская (в широком смысле) школа изготовления бронзовой посуды, для репертуара которой отмечается наличие определенного количества мавераннахрских форм и типов,—это был ареал экономических и культурных контактов между Хорасаном и Мавераннахром.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки в Вахшской долине (Кафыркала, Аджинатспа и др.), а также на Калаи-Кафирниган, Балалыктепе, Зангтепе, Джумалактепе и других раннесредневековых памятниках дали реальное представление об облике материальной и духовной культуры раннесредневекового Тохаристана, о степени урбанизации, иерархии поселений, характере и структуре городских поселений и замков, градостроительных принципах и архитектуре. Не менее существенны материалы по денежному хозяйству и денежному обращению, динамике ирригационных систем и сельскому хозяйству, светскому и буддийскому искусству и религиозной ситуации.

Анализ всех этих материалов приводит к заключению, что Тохаристан являлся интегральной частью среднеазиатского ареального этнокоптинума (сокращенно — САЭК) [Гафуров, Литвинский, 1976, с. 7—8].

В лингвистике, как известно, плодотворно разрабатывается представление о так называемых языковых союзах и их ареалах. Это многоязыковые общности, включающие языки, которые относятся к различным группам или даже семьям языков. Так, например, балканский языковой союз включает румынский, болгарский, греческий и албанский языки; в Прибалтике в союз входят латышский, латгальский, ливский и эстонский языки. В Центральной Азии, на территории Гиндукуша, Памира, северо-западных Гималаев лингвисты выделяют центральноазиатский языковой союз (ЦАЯС), в который входят такие различные языки, как памирские, фарси-кабули, белуджский, дардские и даже по некоторым признакам севернодравидийский язык брагуи и некоторые гималайские языки тибето-китайской группы.

Что же объединяет столь различные по характеру языки? В каждом конкретном случае ответ будет различным¹, но это, как правило, «ряд единых черт типологического и даже материального характера» [Эдельман, 1968, с. 66].

Представляется целесообразным раздвинуть рамки этого, чрезвычайно продуктивного понятия. Применительно к Средней Азии (и, вероятно, не только к ней) можно ставить вопрос о возникновении и последующей эволюции иерархически значительно более высокой общности, в данном случае среднеазиатского ареального коптинума этноса, культуры, экономики, при наличии, по-видимому, отдельных черт языкового союза, рассматриваемого в качестве пространственно-временной системы. Как известно, существует представление об историко-этнографических областях. Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров пишут: «Историко-этнографические области, как правило, охватывают группы этносов (народов). Это части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие общие особенности культуры как материальной, так, в известной степени, и духовной. Поэтому судьбы тех или иных историко-этнографических областей всегда связаны с этнической историей народов» [Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 17—24]. Среднюю Азию и Казахстан они считают одной из 16 историко-этнографических областей, существовавших на земном шаре в конце XIX — начале XX в.

Развиваемое представление о среднеазиатском ареальном этнокоптинуме близко к этому понятию, но, кажется, шире и «историчнее» представления об историко-культурной области.

Что касается ряда важнейших элементов духовной и материальной культуры и социально-экономической жизни, то густая сеть изопрагм пронизывает в раннее средневековье весь регион САЭКа. Эти ареальные явления в виде изолиний, соединяющих такие кардинальные «точки», как город, ремесло, архитектура, строительное дело и др., подобно изоглоссам языковых союзов, иногда связывают воедино весь ареал, в других случаях — отдельные его части [Литвинский, 1977а, с. 19]. Особенно тесными были, как показано в настоящей книге, связи и близость с Согдом. Эта близость была порядком выше, чем в кушанское время, а ее возрастание, очевидно, явилось результатом сложных социально-экономических и этнокультурных процессов. Можно предположить «подтягивание» социально-экономических уровней и сопоставимость (адекватность?) социально-экономических моделей. Есть данные о тесных торговых и культурных взаимоотношениях; известны матримониальные связи. Большую роль сыграло вхождение в состав населения обеих областей значительных массивов эфталитского и тюркского этносов, а также объединение Согда и Тохаристана в составе Тюркского каганата. Последнее не только имело значение как факт политической истории, но и содействовало сложению ситуации, способствовавшей названным выше связям.

Весьма значительна степень близости Тохаристана с соседними областями Афганистана и Восточного Ирана. Именно поэтому в САЭК следует включать для этой эпохи (как, впрочем, и для последующей — эпохи IX—XII вв.) и эти области.

Вместе с тем по ряду важных ингредиентов культура Тохаристана имела ярко выраженную специфику, что объясняется культурным субстратом, эколого-географической ситуацией, своеобразием историко-культурных характеристик этнических компонентов тохаристанского населения, иной, чем в Согде, Фергане и Хорезме, направленностью и интенсивностью экономических, политических и культурных связей [Литвинский, 1977а, с. 19]. Так, в частности, Тохаристан испытывал прямое и несравненно более интенсивное влияние сасанидского Ирана, неоднократно оказываясь под его властью. Именно в Тохаристане намного раньше, чем в Согде, распространяется таджикский язык. Значительная часть населения Тохаристана говорила на этом новоиранском языке еще до арабского завоевания [Беленицкий, 1950б, с. 113; Гафуров, 1972, с. 373]. Тохаристан являлся одним из важных очагов, где протекал процесс образования таджикского народа и его культуры. Вместе с тем в Тохаристане, как отмечается в книге, в период раннего средневековья распространяется и тюркский этнос, а вместе с ним — тюркская речь. Широкое же распространение в Тохаристане (в отличие от Согда) буддизма имело далеко идущие последствия. Целый пласт индийских элементов и влияний органически вошел в художественную культуру и идеологию Тохаристана.

В Тохаристане накануне арабского нашествия были выработаны и применялись строительные конструкции и архитектурные типы, сыгравшие исключительно важную роль в дальнейшем развитии, уже в эпоху развитого средневековья, таких ведущих типов общественных сооружений, как медресе и караван-сарай, с одной стороны, центрический мавзолей — с другой (этот тезис получил детальное обоснование в книге). Отсюда следует, что генезис многих форм и конструкций архитектуры «мусульманского» времени лежит в «домусульманской» архитектуре.

Совокупность данных по материальной культуре Тохаристана эпохи раннего и развитого средневековья и других историко-культурных областей, в частности Согда², по духовной культуре (в том числе литературе, религиозным верованиям и др.), ретроспективный анализ этнографических материалов и научных верований таджиков и узбеков убеждают, что домусульманское наследие имело определяющее значение, являясь субстратом для последующего развития. Среднеазиатская цивилизация эпохи средневековья в области материальной и духовной культуры по ряду направлений является закономерным продолжением мира вещей и мира идей

домусульманского времени. Это отнюдь не умаляет роли инноваций, в том числе фундаментальных — они были связаны с развитием социально-экономического базиса и с такими серьезнейшими факторами, как включение Средней Азии в состав халифата, введение и распространение ислама и т. д.

В IX—XII вв. своеобразие Тохаристана во многих областях — от керамики и бронзы до архитектуры — проявилось очень ярко. В области товарно-денежного развития, как выяснила Е. А. Давидович, Тохаристан отличался от центрального Мавераннахра [Давидович, 1979б, с. 69—76]. Вместе с тем изделия ремесленников были обильными и качественными, архитектурные сооружения и художественная культура представлены в этот период серией замечательных шедевров, сеть городов была густой, а городская жизнь интенсивной; поразительных успехов добились уроженцы Тохаристана в области духовной культуры.

Одним словом, Тохаристан сыграл очень важную роль в истории и развитии культуры Средней Азии и — шире — Ближнего и Среднего Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А. А. Иванов

НАДПИСИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

В составе узунского собрания оказалось пять вещей с надписями, которые выполнены разными почерками, хотя и объединяемыми под одним общим названием «куфический». Их можно разделить по особенностям начертания букв на три группы, хотя две первые будут представлены только одним предметом.

I группа. В нее можно включить часть края бронзовой (или латунной) тарелочки (№ 3)¹. Сохранившийся фрагмент имеет утолщенный край и не украшен каким-либо орнаментом. В левой части сохранилась одна строка надписи. Она никак не выделена на поверхности тарелочки, не имеет рамки и на фоне ее нет никакого орнамента. Штрихи относятся к самим буквам.

По своему содержанию — это подпись мастера: عمل عبد ... — «сделал 'Абд...» (рис. 53). Второе слово дошло до нас не полностью, но форма третьей буквы позволяет с уверенностью предполагать, что это «даб», и тогда мы имеем начало составного имени типа «Абдаллах», «Абд ар-Рахман» и т. п.

Другие работы этого мастера пока не обнаружены, и поэтому полное чтение его имени не удастся восстановить.

Особенности начертания некоторых букв — раздвоенные верхние концы «лама» и «ба», дополнительные штрихи над «айном» — находят аналогии среди памятников первой половины XI в. Так, раздвоенные концы букв известны на чашах из Метрополитенского музея и сел. Хунзах, которые по изображениям внутри их и

Рис. 53. Арабская надпись
на бронзовой тарелочке (№ 3)

данным эпиграфики датируют первой половиной XI в. [Ettinghausen, 1957, с. 337—338, фиг. 13; Melikian-Chirvani, 1976b, с. 6—7; Иванов, в. п.]² (правда, на них буквы надписи около края внешней поверхности выполнены гравировкой по контуру, а на нашем фрагменте — только гравировкой). Дополнительные штрихи над «айном» мы видим на прямоугольном серебряном подносе из собрания Государственного Эрмитажа с именем хорезмшаха Аби Ибрахима, правившего в конце 30-х годов XI в. [Маршак, 1976, с. 164—166].

Таким образом, наш фрагмент тарелки следует датировать первой половиной XI в.

Тарелочки такой формы встречаются не очень часто. Видимо, один такой предмет XII — начала XIII в. хранится в Ашхабаде (к сожалению, не указан размер) [Искусство, 1980, № 187].

II группа. Она представлена тоже одним предметом — бронзовой (латунной) чашей (№ 1), которая украшена не только надписями, но и орнаментом (рис. 47/3).

На внешней поверхности надпись (или, точнее, подражание ей) расположена на третьей полосе и фон ее заполнен орнаментом в виде маленьких кружков с точкой в центре (рис. 54). На этой полосе повторяются знаки (или буквы), из которых определенно можно понять только «зав», а другие знаки остаются непонятными.

Вторая надпись находится на внутренней поверхности, на пятой полосе (рис. 55А-Г — 56А-В). Фон ее тоже заполнен орнаментом в виде кружков с точкой

в центре. По своему содержанию это благопожелательная надпись, широко распространенная на металлических изделиях Ирана домонгольского времени, хотя в данном случае она имеет свои особенности.

Можно предположить такое ее чтение:

البركة و [ا] لنعمة و [ا] لسلامة و [ا] لسعادة و [ا] لسرورة و لصاحبه و [ا] لنصرة

«Благословение, и благо, и здравие, и счастье, и радость, и владельцу сего и помощь».

По своему языку это арабская надпись, хотя без ошибок написано одно только слово: «ал-баракат» («благословение»). В остальных пропущен «алиф» в оп-

Рис. 54. Арабская надпись на бронзовой чаше (№ 1)

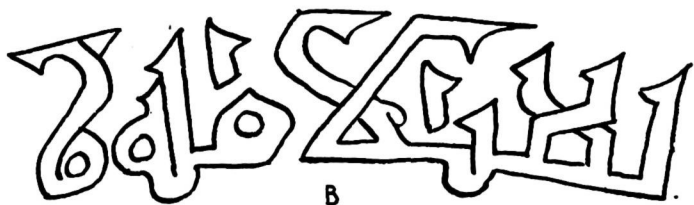

Рис. 55. Арабские надписи на бронзовой чаше (№ 1)

ределенном артикле. В целом надпись производит впечатление копированной, т. е. мастер не понимал полностью смысла надписи, не знал хорошо правил соединения и написания букв куфического почерка и подчинил ее написанию на чаше ритмичности повторения (союз «ва» («и») и окончания слов на «та марбута»). Возможно, что перед нами образец рифмованной прозы.

Поскольку в данной надписи только перед словом «ал-баракат» («благословение») не стоит союз «ва» («и») и только оно одно написано орфографически правильно, то придется считать его началом надписи, тем более что известны десятки

Рис. 56. Арабские надписи на бронзовой чаше (№ 1)

других надписей X—XII вв. с таким началом³. Но, судя также по другим надписям, обычным концом такого благопожелательного текста было речение «ли-сахибиhi» («владельцу сего»). А в данном случае между этим последним и словом «ал-баракат» помещено еще одно благопожелание с союзом «и»: «ва [а]л-нусрат» («и помощь»).

Тогда придется допустить, принимая во внимание копированный характер надписи, что мастер не рассчитал точно расположение данного текста на поверхности чаши и после слов «ли-сахибиhi» («владельцу сего») у него осталось пустое место и он заполнил его еще одним благопожеланием. Со слова «ал-баракат» и следует начать разбор надписи. Верхние концы букв как в этом слове, так и в других имеют заостренные треугольные окончания, буква «ра» чуть опущена под строку и конец ее загнут потом вверх до края полосы крюком; буква «каф» очень невелика по сравнению с «ра», и вертикальный конец ее очень мал; данное ее начертание очень похоже на букву «сад» в словах «нусрат» и «ли-сахибиhi»; последняя буква «та марбута» очень необычна — она имеет дополнительный вертикальный ствол справа — такая форма этой буквы появляется, по мнению А. С. Меликяна-Ширвани, не ранее середины правления Саманидов, т. е. середины X в. [Melikian-Chirvani, 1974, с. 146]. Союз «ва» («и») написан одинаково во всех случаях: закругление его подрезано на строке, конец поднят в виде крюка до верхнего края полосы и имеет треугольное завершение. Такие треугольные завершения букв часто встречаются в надписях XI в. на вещах⁴.

Следующее слово — «[а]л-ни'амат» («благо»). Здесь следует отметить отсутствие «алифа» в определенном артикле (как и в последующих словах)⁵, букву «айн»,

опирающуюся как бы на арочку (такая трактовка этой буквы появляется, по мнению А. С. Меликяна-Ширвани, не ранее начала XI в. [Melikian-Chirvani, 1974, с. 146]), большое дополнительное украшение над «мимом» в виде дужки с отогнутым вправо одним концом. Именно такой формы дужка над «мимом» отмечена на бронзовой чаше из Хунзаха [Иванов, в. п.], а на чаше Метрополитенского музея над этой буквой только дужки [Melikian-Chirvani, 1976b, фиг. 7].

Далее опять следует слово без «алифа» в определенном артикле, и это позволяет читать его как «[а]л-саламат» («здравие»). Конечно, первая корневая буква — «син» изображена достаточно странно: два первых зубца ее сильно вытянуты и перевиты, как «лам-алиф». Аналогичная трактовка «сина» мне неизвестна на других вещах⁸. Остальные буквы этого слова написаны достаточно ясно, поэтому не стоит сомневаться в предложенном чтении.

Следующее благопожелание — «[а]л-са'адат» («счастье») — тоже написано вначале совершенно аналогично, как и «[а]л-саламат» («здравие»), что подтверждает правильность понимания четырех первых знаков как «лам и син». Из особенностей начертания букв этого слова отмечу ненужные соединения «алифа» с «далем» и «дала» с «та марбута».

За ним идет слово «[а]л-сурурат» («радость»), где «син» написан так же, как и в двух предыдущих словах. Следует отметить редкое изображение буквы «ра» как бы перекрученной в средней части. Мне известны только два бронзовых (латунных) предмета с такими «алифами» и «ра»: а) бронзовый кувшин из Метрополитенского музея, который можно датировать второй половиной — концом XI в.⁹; б) бронзовая ступка из музея в Лос-Анджелесе, которую тоже можно отнести к упомянутому периоду⁸.

Вероятно, появление этих «перекруток» на буквах связано с тенденцией уращения надписей второй половины X—XI вв. так называемыми «узлами», особенно известными в надписях на памятниках архитектуры и встречающихся на керамике⁹.

В данном слове буква «вав» написана несколько иначе, чем в союзе «ва» («и»), и соединена с буквой «ра», чего не должно быть. Интересно, что такое расстраивающее благопожелание, как «ал-сурур», в данном тексте встретилось в виде «[а]л-сурурат», т. е. с «та марбута» — окончанием женского рода. Возможно, что мастер добавил «та марбута» для ритма.

После «[а]л-сурурат» написан союз «ва» («и»), что является лишним¹⁰, учитывая последнее слово в надписи (как это обычно бывает), с предлогом «ли-сахихихи» («владельцу сего»).

Если предлог «ли» и конец слова достаточно ясны, то следующие два знака (или буквы) в начале требуют пояснения. Дело в том, что первый знак за «ламом» («ли») является явно лишним и похож на подставку для буквы (типа «ба», «та» и т. п.), но тогда у нас получается четырехбуквенный корень, что очень нехарактерно для арабского языка. А следующий знак может быть понят как буква «сад» (хотя она очень похожа и на «каф» в слове «ал-баракат»). По именно такое написание буквы «сад-зад» известно в надписи 429/1037 г. в г. Йазде [Holod, 1974, с. 285—288, рис. 1]. Правда, в упомянутом случае под этой буквой есть еще и выступ, но верхняя часть над строкой изображена совершенно аналогично.

И последнее слово в надписи будет «[а]л-нурат» («помощь»), присоединенное к данной надписи союзом «ва» («и»), хотя надпись по смыслу должна была кончиться на предшествующем слове. Здесь мы тоже видим «сад», похожий на «каф», перевитое в середине «ра».

Данная надпись по характеру начертания некоторых букв, по своему содержанию (последовательности благопожеланий), заполнению фона орнаментом в виде кружков с точкой имеет много общего с бронзовой (латунной) чашечкой с ручкой, найденной в 1891 г. на Барсовом городке около г. Сургута на Оби¹¹. А. С. Меликян-Ширвани датирует ее на основании палеографии первой половиной XI в. Мои наблюдения над особенностями надписи чаши из узунского собрания позволяют отнести ее тоже к XI в., может быть, к его середине.

Форма чаши из узунского собрания зафиксирована среди бронзовых (латунных) изделий X—XI вв. [Melikian-Chirvani, 1974, фиг. 17, 19, 31, 33]. Эти последние по месту находок связываются с восточными районами Ирана, и в первую очередь Хорасана, хотя более восточные области (Балх, например) тоже не исключаются [Melikian-Chirvani, 1974, с. 143]. Рассматриваемая чаша входит в группу вещей, на которых фон надписей заполнен орнаментом из кружков с точкой в середине (их всего четыре, включая и нашу чашу)¹². В свою очередь, эти четыре вещи включаются в более широкую группу вещей с орнаментом из кружков с точкой — вот именно эта группа и связывается с восточными районами Ирана и территориями, лежащими к востоку от Ирана. Находки подобных изделий в других районах очень незначительны [Иванов, в. п.].

III группа. В нее входят три предмета. 1. Фрагмент бронзового (латунного) кувшина (№ 6) — сохранились горло, верхняя часть тулова и ручка с выступом в форме плода граната (рис. 47/5; табл. 20/2). Кувшин почти не украшен орнаментом; на тулове, вероятно, было два картуша с надписями, разделенных круглым фестончатым медальоном (сохранился только правый картуш и небольшая часть медальона). На фоне надписи — спирально скрученные стебли с двумя пальметками внутри каждой спирали. Сама надпись выполнена тоже почерком «куфи», но отличным от

Рис. 57. Арабская надпись на бронзовом кувшине (№ 6)

разобранных выше, и выглядит как (рис. 57): *باليمن و الجرعة* — «с благополучием и благословением». Стволы «алифа», «кафа», «лама», а также концы «ра», «нуна», «вава», «та марбута» сильно вытянуты вверх и имеют небольшие треугольные выступы слева или справа. Буквы не имеют украшений. Отметим лишний нижний выступ справа у «алифа» во втором слове и несколько сжатые «каф» и «та марбута» — видимо, мастеру не хватило здесь места.

Поскольку буквы надписей не имеют дополнительных украшений и фон заполнен спирально скрученными стеблями с двумя пальметками внутри, можно уверенно говорить, что данный кувшин изготовлен в XII в. (правда, трудно сейчас предложить дату с точностью до пятидесяти лет, ибо в каждом крупном собрании имеются десятки вещей с такого рода надписями, остающиеся до сих пор не изученными и не изданными).

По своей форме — грушевидному тулову и профилю шейки и отчасти ручки — этот кувшин связан с ранней группой памятников IX—X вв., выделенных Б. И. Маршак, хотя такая форма продолжала бытовать и в XII в. [Маршак, 1972, с. 61, 65,

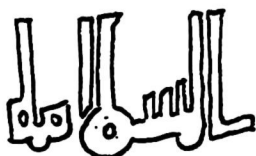

Рис. 58. Арабская надпись на бронзовом кувшине (№ 8)

72, рис. 1, 3, 5, 7]. Плод граната на вершине ручки связывает данный предмет с другими группами кувшинов X—XII вв. [Маршак, 1972, с. 73—76, рис. 8—9]. Возможным местом изготовления рассматриваемого кувшина из узунского клада можно считать Мавераннахр [Маршак, 1972, с. 76 и примеч. 36].

2. Бронзовый (латунный) кувшин (№ 8), сохранившийся практически полностью (рис. 47/7; табл. 20/1) — имеются только утраты на горле и тулове. К сожалению, сохранность орнаментов и надписей, выполненных в очень низком рельефе, плохая и не все слова удается прочесть.

Надписи были помещены на верхней и нижней частях шейки и на второй полосе тулова, на фоне их — спирально свернутые стебли (есть ли внутри спиралей две пальметки — не видно). Почерк всех трех надписей — «куфи» (рис. 58), сейчас удается разобрать следующее: а) *اَلْاَلَامَةُ وَالْاَلَامَةُ وَالْاَلَامَةُ* — «Здравие и здравие и...»; б) *اَلْاَلَامَةُ* — «здравие...»; в) видно слово только в третьем картуше из пяти — *اَلْاَلَامَةُ* — «здравие».

Как мы видим, в надписях повторяется одно и то же благопожелание. Буквы тоже без дополнительных украшений, на их фоне — спирали, как указывалось выше. Все это позволяет относить и данный кувшин к XII в.

Форма таких кувшинов тоже была рассмотрена в статье Б. И. Маршака (первая группа), где была предложена их датировка — XI — начало XII в. — и возможная локализация — Мавераннахр [Маршак, 1972, с. 73—76, рис. 8]. Все это представляется мне справедливым. Однако, учитывая не очень высокое качество изготовления данного кувшина, можно полагать, что он является одним из самых поздних в этой группе, и тогда дату его следует относить к XII или даже началу XIII в.

3. Верхняя часть бронзовой (латунной) курительницы (№ 22), стоявшей когда-то на трех ножках (рис. 47/2; табл. 23/4). Несколько лучше сохранившийся экземпляр имеется в собрании Государственного Эрмитажа (СА-12780). На выпуклом

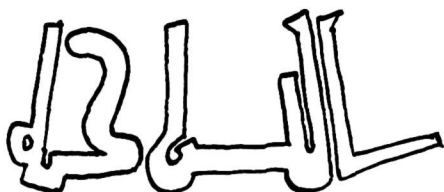

Рис. 59. Арабская надпись на бронзовой курильнице (№ 22)

внешнем крае были помещены три картуша с надписями, из которых сохранились только две. Надписи выполнены почерком «куфи», на их фоне — спирально свернутые стебли с двумя пальметками в середине. Сохранность плохая.

В первом картуше (рис. 59) читается слово: البركة «благословение». Отметим вытянутый горизонтальный конец у «алифа», треугольные концы «алифа» и «лама» (хотя у «лама» этот кончик не ясно выражен), буква «каф» больше похожа на

Рис. 60. Арабская надпись на бронзовой курильнице (№ 22)

«джим» или «ха». Во втором картуше (рис. 60) слово сильно искажено и прочесть его не удастся.

По начертанию букв и заполнению фона надписей и этот предмет может быть датирован XII — началом XIII в.

Все предметы этой группы не имеют инкрустации серебром или медью, так хорошо известной на вещах XII в., изготовленных, очевидно, в разных центрах исторического Хорасана. Отсутствие инкрустации позволяет высказать предположение, что входящие в группу предметы были изготовлены не в хорасанских центрах, а где-то в другом районе. Высказанная Б. И. Маршак [Маршак, 1972, с. 76 и примеч. 36] мысль об изготовлении кувшинов этой группы в Мавераннахре (учитывая ареал находок) представляется весьма вероятной, хотя и не окончательно доказанной.

НАДПИСИ НА БРОНЗОВОЙ СТУПКЕ, НАЙДЕННОЙ В ШААРУЗСКОМ РАЙОНЕ

Надписи находятся в четырех картушах на первой полосе боковой поверхности (описание см. с. 192, табл. 21/2). Почерк — «куфи», в некоторых местах на фоне — спирально скрученные стебли: باليمن و بالبركة و بالسلامة و السعاد[ة] «С благополучием и с (?) благословением, и со (?) здравием, и счастьем». Это вполне обычная благопожелательная надпись XI—XII вв. на бронзовых (латунных) изделиях.

Отметим только необычно вытянутые горизонтальные концы «алифов» в словах «ал-баракат» и «ал-саламат», что делает их похожими на начало первого слова «би-л-йумн», т. е. с предлогом «би». Такое не встречается в других надписях. В конце надписи опущена «та марбута» в слове «ал-са'ада[т]».

По характеру начертания букв и заполнению фона этот предмет можно датировать второй половиной XI—XII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и ниже номера соответствуют номерам в описании бронзовых изделий.

² В надписях на архитектурных памятниках такого рода буквы встречаются в начале XII в. — надпись на пятничной мечети в Гульпаегане, 498—512/1104—1118 гг. [см. SPA, т. 4, фиг. 592].

³ См., например, [Маршак, 1976, с. 154—155; Melikian-Chirvani, 1975, с. 191, 193, 195, 198]. Возможно, что благопожелательные надписи с начальным словом «ал-баракат» появляются на более старых вещах, ибо в XII в. обычным началом является «би-л-йумн (или: ал-йумн) ва-л-баракат», см. [Большаков, 1958, с. 30 и примеч. 21].

⁴ См. чаши из Метрополитенского музея, Кабульского музея и сел. Хунзах [Ettinghausen, 1957, фиг. 14; Melikian-Chirvani, 1976b, фиг. 7; Иванов, в. п., рис.]; бронзовый кувшин X—XI вв. из Национального музея в Дамаске см. [Abu-l-Fağaj al-'Ush, 1972, с. 187—198, фиг. 11—12]; бронзовую чашу работы мастера Абу Насра Мухаммада ибн Али ас-Сиджзи, которую Г. Вьет датировал концом X в., см. [Wiet, 1933, № 7, табл. IV].

⁵ Пропуск «алифа» в определенном артикле известен на бронзовых вещах (например, чернильница XI в., инкрустированная серебром из Британского музея, № 1968-7.22-3, не опубликована). Но такие случаи отмечены не так уж и часто. Значительно чаще встречаются надписи, где слова идут без определенного арабского артикла и непонятно, к какому языку — арабскому или персидскому — относятся такие тексты, поскольку все эти слова (арабские по происхождению) вошли и в основную словарный фонд персидского языка. См. [Melikian-Chirvani, 1975, с. 191, 193, 195, 198; Маршак, 1976, с. 154—155]. В одном случае на серебряной чаше XI в. идут персидские стихи, а за ними — арабские благопожелания без артикла, см. [Маршак, 1976, с. 161—162].

⁶ Возможно, что здесь нашла отражение тенденция усложнения надписей, характерная для XI в.; см., например, надпись на мавзолее Пир-и Аламдар в Дамгане, 418/1027 г. [SPA, т. 4, фиг. 588], где перевиты три зубца «сипа». Может быть, на узунской чаше у мастера тройное переплетение просто не получилось?

⁷ См. [SPA, т. 12, табл. 1293]. Датировка предложена как XII—XIII вв., но форма «айна» и раздвоенные верхние концы букв позволяют предложить более раннее время — XI в. На кувшине изображен звериный гон на фоне спирально скрученных стеблей, и такой же фон у надписи, хотя здесь в центре каждой спирали одна пальметка (или полупальметка), а не две, как мы видели на вещах XII в.

⁸ См. [Pal, 1973, с. 163, № 301]. Дата предложена как XII—XIII вв., но звериный гон здесь разделен, на фоне зверей либо стебель с пальметками, либо спирали с одной пальметкой в центре — это более архаичные признаки. На фоне надписей уже спирали с двумя пальметками в центре, что характерно для XII в. Ступка представляется несколько моложе, чем кувшин.

⁹ См., например, надпись на мавзолее Пир-и Аламдар в Дамгане, 418/1027 г. — [SPA, т. 4, фиг. 588] и тарелку второй половины X в. лишапурско-самаркандской керамики, см. [The Arts of Islam. Hayward Gallery, 1977, № 282]. Правда, фаянсовая тарелка такого же типа с аналогичными начертаниями букв была датирована на другой выставке IX в., см. [Grabar, 1959, № 66]. О. Г. Большаков датирует фрагмент аналогичной тарелки X—XI вв., см. [Большаков, 1963, рис. 8в].

¹⁰ Еще один такой случай отмечен на серебряном кувшине конца XI в., см. [Даркевич, 1976, табл. 32 и с. 30].

¹¹ Чашечка считалась серебряной и потому попала в атлас Я. И. Смирнова, но анализ 1974 г. показал, что она бронзовая с высоким содержанием олова, см. [Смирнов, 1909, № 145; Melikian-Chirvani, 1974, с. 145—146, 148].

¹² Подробнее о них см. [Иванов, в. п.].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

М. С. Шемаханская

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ УЗУНСКОГО СОБРАНИЯ

В секторе металлов Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации изучалась группа металлической средневековой посуды из узунского собрания. Химический состав металла определялся спектральным методом¹, технология изготовления — при помощи металлографического анализа, особенности декоративной отделки — при помощи бинокулярного микроскопа МБС-9. У всех предметов сохранился некорродированный металл, что дало возможность однозначно интерпретировать структуру и с доверием отнестись к результатам количественного спектрального анализа. Результаты спектрального анализа приведены в Таблице III.

Металл, из которого сделана посуда, принадлежит к двум типам сплавов. Сферическая чаша (№ 1), имеющая белесоватый, светло-желтый цвет, сделана из высокооловянистой бронзы, содержащей 22,5% олова, с низким содержанием примесей (примеси в сумме не превышают 0,36%). Применение высокооловянистой бронзы для изготовления посуды простой формы известно в раннекушанское время [Marshall, 1951, т. 2, с. 564—606]. На городище Актепа II Бешкентской долины позднекушанского времени найдены бронзовые сосуды с точно таким же содержанием олова [Шемаханская и др., в. п.]; в таких же пределах содержится олово в раннеисламской посуде Восточного Ирана [Melikian-Chirvani, 1974, с. 92]. Устойчивое содержание олова сопровождается одинаковой технологией изготовления. Несмотря на то что бронза такого состава имеет хорошие литейные свойства, вся упомянутая посуда изготовлена горячей ковкой. Даже при ковке металла в горячем состоянии окончательную форму предмета можно получить лишь из литой заготовки, близкой по форме к окончательному виду предмета. На поверхности чаши, видимо, в результате химической очистки от продуктов коррозии при реставрации выявилась литая дендритная макроструктура. Микроструктура соответствует горячей ковке с небольшой степенью деформации, о чем свидетельствует незначительная вытянутость α -фазы.

Декоративная отделка носит следы использования механических приспособлений. Так, кружочки с центральной точкой, заполняющие фон подписи и центрального медальона с внутренней стороны чаши, нанесены не пупсоном, а фигурным инструментом типа сверла, который вращался при помощи приспособления к механическому приводом. На окружностях имеются следы от вращения инструмента и след входа инструмента в металл; на центральной точке — след выхода инструмента из металла. Эти «хвосты» расположены точно по касательной к окружности, что возможно только при вращательном движении инструмента. Продольные линии по поверхности выглажена до зеркального блеска, отполирована в отличие от шлифованной поверхности всей чаши. Об этом говорят более уплотненный металл и несколько заглубленный рельеф.

Характерно, что рисунок, нанесенный на наружной стороне чаши, при внешней схожести с рисунком на внутренней поверхности нанесен другими инструментами и менее уверенной рукой.

Плоское блюдо (№ 5), большой кувшин (№ 7), маленький кувшин (№ 8) и светильник (№ 57), а также шартузская ступка сделаны из сложного сплава на медной основе, в состав которого в качестве основных легирующих элементов входят олово, свинец и цинк, которые в сумме составляют 20—23%. Металл имеет желтый теплый цвет. Это характерная композиция сплава для всего Среднего Востока. Возникновение его, видимо, связано с богатой и разнообразной рудной базой этой территории. В составе металла маленького кувшина и светильника кроме указанных легирующих элементов присутствуют мышьяк и сурьма. Однако, как нам кажется, нет оснований считать это другой рецептурой сплава, скорее, это результат получения металла из другого рудного месторождения.

Наиболее раннее появление такого сочетания металлов в сплаве наблюдается на территории Западного Ирана, в Луристане [Moorey, 1969, с. 151—153]. В раннекушанских могильниках Бешкентской долины найдены мелкие украшения (бляшки, перстни, пряжки), сделанные из четверного сплава [Богданова-Березовская, 1966,

с. 225—230; Богданова-Березовская, 1975, с. 193—199]. На позднекушанском городище Актепа II [Седов, 1979, с. 62] обнаружены фрагменты посуды и флаконы. В сплаве всех названных предметов нет постоянства соотношения легирующих компонентов и их суммы.

Этот сплав использовался древними мастерами исключительно как литейный, без какой-либо доковки. Интересно, что в XX в. подобный состав был разработан как специальный литейный сплав для полированных деталей [Финке, 1932, с. 7].

Все предметы узунского собрания, за исключением сферической чаши, сделаны литьем. На стенке большого кувшина имеется след от незаполненного металлом во время литья круглого отверстия, которое было залито тем же металлом после того, как готовый сосуд был вынут из формы. Для этого с внутренней стороны была подложена ткань, которая обуглилась и пропиталась металлом, сохранившим ее

Таблица III

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА (В ПРОЦЕНТАХ)

Ана- лиз	Описание предмета	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
544	Сферическая чаша	22,5	0,04	—	0,01	0,04	0,06	0,11	0,01	0,05	0,04	0,0005
543	Ступка	2,9	11	9,33	0,05	0,13	0,43	0,5	0,27	0,05	0,02	0,001
546	Блюдо	6,2	7,9	10,6	0,03	0,130	7	0,66	0,4	0,12	0,01	0,002
547	Большой кувшин	4,9	4,17	11,4	0,01	0,12	0,27	0,3	0,5	0,01	0,01	0,001
548	Малый кув- шин	3,6	5,4	10,4	0,04	0,23	2,1	1,35	0,39	0,12	0,01	0,002
545	Светильник	2,75	5,87	12,2	0,04	0,12	1,7	1,2	0,51	0,09	0,01	0,001

фактуру. На стенке тулова с внешней и внутренней сторон виден след от круглой проволоки диаметром 4 мм, которая удерживала при отливке стержень, формирующий внутренний объем кувшина. У маленького кувшина не сохранилось дно. Оно не было отлито вместе с туловом, а, откованное скорее всего из меди, было припаяно к нижней кромке поддона, на котором сохранились следы механического выравнивания края под пайку. Известно, что при наличии на одном предмете кованных и литых элементов кованный металл сохраняется значительно хуже литого в силу большей подверженности коррозионному разрушению. Это и привело к утрате разрушенного дна или при химической очистке, или при изъятии предмета из почвы. На всех литых предметах видны следы обработки напильником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализы выполнены А. Ф. Дубровиным.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ Репер на цитадели был взят с учетом того, что некоторая толща ее строения была снесена в 1965 г. бульдозерами. Нулевая отметка здесь примерно соответствует бывшей вершине северо-восточной башни, которая сохранилась лучше других, это на 1,25 м выше ее нынешнего верха. Отсчет глубин велся по ярусам, каждый из них равен 0,50 м. Уровень полов помещений КФ-II соответствует XV—XVI ярусам, периода КФ-I — XII — началу XIII яруса.

² Подробнее об оборонительных сооружениях цитадели см. гл. II.

³ См. [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 312, рис. 19].

Глава II

¹ Этот высокий стандарт наиболее строго соблюдался в парадных и культовых сооружениях. В небольших городках полусельского типа вроде Калаи-Кафирниган планы в большинстве случаев разбиты небрежно.

² Личное сообщение В. В. Вертоградовой.

³ См. точку зрения С. Крамриш [Kramrisch, 1969, с. 308].

⁴ См. [Architecture of Mānasāra, 1932, с. 24, 26; Architecture of Mānasāra, 1933, табл. I—II]. В других текстах описываются подобные или несколько отличные способы работы с гномоном [Shukla, 1961, с. 180—182].

⁵ О размерах *aṅgula* см. [Achaṇya, 1927b, с. 5—13].

^{5a} Доклад Б. И. Маршака на заседании Ленинградского отделения Института археологии 31 марта 1984 г.

⁶ Зеркальная и осевая симметрии свойственны и многим другим сооружениям раннесредневековой Средней Азии (см., например, Балалыктене первого периода и др.).

⁷ Прямоугольный кирпич с соотношением сторон 1:2 в раннем средневековье применялся в Согде, Чаче, Уструшане, Тохаристане. В Турфане (Восточный Туркестан) также известен сырцовый кирпич прямоугольной формы (46×23×14 см) [Gabaïn, 1973, т. 1, с. 79].

⁸ В Восточном Туркестане керамическими плитками (32,5×32,5 см) облицовывали основания некоторых стен [Gabaïn, 1973, т. 1, с. 79].

⁹ Похожее устройство имеют парадные залы дворца правителей Пенджикента и Уструшаны (Бунджикат).

¹⁰ О связи схемы святилища Сурх-Котала со схемой храма огня в Сузах см. [Schlumberger, 1960, с. 145]. Детальная публикация и исследование — [Schlumberger, etc., 1983, vol. 1 — texte, с. 97—102, vol. 1 — planches, табл. IX—XII, XXXVI—XXXVIII].

¹¹ Примеры очень многочисленны, см., например, [Ольденбург, 1914, с. 37, рис. 40, план между с. 4 и 5 (A-2, B-8, C-4, Г-5, JI-7a и др.); Klementz, 1899, с. 37; Grünwedel, 1905, с. 41—44, 132, 135, рис. 37—38, 128; Grünwedel, 1912, с. 211—212, рис. 489—491; Le Coq, 1979, с. 2, 14—15; Stein, 1907, т. 1, с. 246, 259, 273, 422—430; т. 2, табл. XI, XII, XXV, XXVI, XXIX; Stein, 1921, т. 1, с. 135—137; т. 3, с. 1186, план 4].

¹² Подробное рассмотрение: [Ghirshman, 1976, с. 185—226].

¹³ Лесовое основание имеют постройки раннесредневекового городища Чоргультепа, также находившегося в Вахшской долине, недалеко от Аджинатепы [Зеймаль Т. И., 1962, с. 43].

¹⁴ Такой вывод следует из работы В. Л. Ворониной [Воронина, 1958a, с. 212—213].

¹⁵ Интересна параллель с Индией. В «Дипаһе» [Cullavagga VI, 4, 10] говорится, что дверные проемы снабжаются «дверными стойками и перемычками с подобными ступке углублениями для того, чтобы дверь вращалась в них, и с выступами, вращающимися в этих углублениях» (см. об этом [Achaṇya, 1927a, с. 12]).

¹⁶ Типы этих арок соответствуют первому и третьему типам арок по классификации В. Л. Ворониной, предложенной ею для Средней Азии доарабского периода [Воронина, 1949, с. 105].

¹⁷ Аналогичная картина наблюдается на Калаи-Кафирниган и Уртабоз II, где при раскопках в помещениях, относящихся к различным периодам жизни, расчищены арки двух типов: клинчатые и выложенные кирпичами, плашмя положенными к архивольту.

¹⁸ Описание не вполне совпадает с чертежами. Согласно чертежу [Кругликова, Пугаченкова, 1977, рис. 54], это помещение было сооружено в III период, в тексте же (с. 83) говорится о II периоде.

¹⁹ Сама идея может восходить к ступенчато-перспективным сводам. В Месопотамии они зарегистрированы уже для первой четверти I тысячелетия до н. э. [Oates, 1967, с. 81, табл. XXXIV]. Были распространены они и в Иране эллинистического времени. В Шахри-Кумис они обнаружены в помещениях, датированных монетами I в. до н. э. [Hansman, Stronach, 1970, с. 42—43, фиг. 6—7]. Традиция таких сводов сохранилась и в парфяно-сасанидское время [Mesquien, 1949, с. 138, фиг. 104]. Известны такие своды и в древней Средней Азии. Так, лестницы в Кой-Крылган-кале перекрыты трехступенчатым сводом [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 35, 290—291, рис. 115]. Спуск в полуподвальное помещение кушанского времени в Айр-таме имел семиступенчатый свод [Тургунов, 1973, с. 57—59]. Аналогичным образом был устроен перекрывающий лестницу свод в одном раскопанном Л. И. Альбаумом помещении кушанского времени в Термезе (личное сообщение Л. И. Альбаума). Авторы вскрыли такой свод на Калаи-Шадмон. Примеры можно продолжить.

²⁰ Подробнее об Афганистане см. [Пугаченкова, 1976, с. 131].

²¹ Похожий прием смыкания свода с торцовой стеной применялся иногда в Пенджикенте [Воронина, 1953а, с. 122].

²² Для Мерва, например, см. [Пилявский, 1950, с. 102].

²³ По общепринятому мнению, ползучие своды играли роль контрфорсов, воспринимая распор внутренних частей здания, они усиливали нагрузку на одну из стен и ослабляли на другую.

²⁴ Зарисовать этот свод не удалось, так как он вскоре после расчистки рухнул.

²⁵ См. о них [Ольденбург, 1914, с. 27—28, рис. 29, табл. XXVI—XXVII; Дудин, 1916, с. 36—37; Grünwedel, 1905, с. 29—31, 52—55, 110—112, фиг. 29—31, 49—54, 99—102, табл. XXI/1—2; Grünwedel, 1912, с. 336, фиг. 669 (a, b, c); Klementz, 1899, с. 32—33, табл. II; Le Coq, 1975a, с. 26—27, табл. C; Le Coq, 1979, с. 9—10; Stein, 1921, т. 3, с. 1186, фиг. 287—288, план 52—53; Stein, 1928, т. 2, с. 591—593, т. 3, план 25].

²⁶ Эта деталь дополняет описание, сделанное в первой публикации данных об этом куполе [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 38].

²⁷ Мнение о том, что этот купол перестраивался [Воронина, 1977а, с. 122], не имеет фактических оснований.

²⁸ Если судить по фотографиям экспедиции С. Ф. Ольденбурга, хранящимся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (инв. 1968/376).

²⁹ См., впрочем, [Reuter, 1967, с. 501—503; Godard, 1964, с. 135—137; Schiprmann, 1971, с. 409—503].

³⁰ См. перекрытие дворца Гардони-Хисара [Якубов, 1977, с. 156—157].

³¹ Личное сообщение А. Исакова.

³² В Акбешиме столбики опирались на каменные базы — обломки жерновов.

³³ Пример графической реконструкции — [Исаков, 1977, рис. 32].

³⁴ В индийском архитектурном трактате говорится: «В постройках, выстроенных целиком из кирпича, кровля (prachchhādāna) должна быть деревянная; в постройках из камня — каменная кровля (tauli) — в этом их особенность» (Mānasāra, XVI, 133—134); см. [Architecture of Mānasāra, 1932, с. 181].

³⁵ О гардони-хисарских алтарях см. также [Якубов, 1966, с. 41]. Очаги близких типов, очевидно, изображены и на более поздних афрасиабских терракотовых плитках [Ремпель, 1953].

³⁶ Фото такой каминной ниши с треугольной арочкой, обрамленной прямоугольной рамкой с перспективным заглублением, см. [Толстов, 1952, рис. 26].

³⁷ На фасадах замков, изображенных на Аниковском блюде и в пенджикентской живописи, подобные диски входят в состав фризов, украшавших их [Орбели, Тревер, 1935, табл. 20; Belenitski, Marshak, 1971, с. 37, фиг. 20]; Л. И. Ремпель относит такие диски к группе линейно-геометрического орнамента [Ремпель, 1961, с. 82—98].

³⁸ В раннесредневековый период на Востоке машикули уже применялись [Creswell, 1958, с. 92].

³⁹ Оборонительные стены шахристана на городище Бабаата в Казахстане сложены из паховых блоков, отделенных по горизонтали друг от друга прослойками утонувшего в глине слоя гальки толщиной 10—20 см [Сенигова, 1966, с. 72].

⁴⁰ Ложные бойницы были на оборонительной стене Пенджикента, которая датируется началом VI в. [Беленицкий и др., 1976, с. 581; Семенов Г. Л., 1977, с. 58; письмо Б. И. Маршака Б. А. Литвинскому от 12.VI.81 г.]. Для Тохаристана см. Куёв-курбан [Аннаев, 1984б, с. 188].

⁴¹ На Зангтепе одна из расчищенных бойниц с наружной стороны имела арочные ступенчатые ниши [Альбаум, 1965, с. 98].

⁴² О соотношении древней и раннесредневековой фортификации Центральной Азии см. [Francfort, 1979, с. 37—39, фиг. 15].

⁴³ См. об этом [Бабаев, 1962, с. 68; Бабаев, 1965, с. 10; Бабаев, 1973, с. 127—128; Бернштам, 1952а, с. 281; Бернштам, 1949, с. 58—59].

^{43а} Доклад Г. П. Семенова на заседании Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 31 марта 1984 г.

⁴⁴ Реконструкция венчающей части крепостных стен кафыркалинской цитадели в виде уступчатых зубцов — наиболее вероятное предположение (рис. 33). Однако не исключено, что бруствер не имел зубцов.

⁴⁵ Ворота были самым слабым местом в оборонительных системах городов, замков и т. д. Поэтому их обороне всегда уделялось особое внимание [Кюи, 1889, с. 6].

⁴⁶ Подобным образом были устроены башни беркуткалинских замков в Хорезме [Неразик, 1959а, с. 98; Неразик, 1966, с. 56, рис. 31].

⁴⁷ В некоторых случаях башни были выше стен и служили для круговой обороны (см., например, [Ташходжаев, 1963, с. 113]).

⁴⁸ Круглые башни лучше противостояли ударам стенобитных машин; четырехугольные башни скорее разрушаются ими. Это знали древние фортификаторы [Витрувий, 1936, с. 33]. В Средней Азии круглые башни сосуществовали с четырехугольными, о преобладании тех или иных говорить пока трудно, хотя преимущества круглых башен, очевидно, были здесь известны.

⁴⁹ Мы признательны В. А. Козловскому, продемонстрировавшему нам на месте, в Термезе, результаты своих раскопок «Кургана», и Л. И. Альбауму — раскопок Фаязтепе.

Глава III

¹ Подробное исследование керамики в данной монографии не дается, так как В. С. Соловьевым готовится отдельная ее публикация.

² КП $\frac{933}{321}$; $\frac{933}{322}$.

³ КП $\frac{933}{325}$.

⁴ В сасанидском стеклоделении представлены также флаконы со сферическим корпусом и (пропорционально) более высоким горлом [Negro Ponzi, 1968—1971, фиг. 154/27].

⁵ Реставрация металлических изделий из Кафыркалы проведена в реставрационно-технологической лаборатории Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР В. Пивоваровой, Р. Фаязовой, Г. Коротаевой.

⁶ В основу классификации легла типологическая схема среднеазиатских железных наконечников стрел, предложенная Б. А. Литвинским [Литвинский, 1965, с. 75—91].

⁷ КП $\frac{933}{123}$; $\frac{7}{683}$; $\frac{437}{683}$; $\frac{276}{99}$; $\frac{276}{100}$.

⁸ КП $\frac{453}{683}$; $\frac{58}{683}$; $\frac{64}{683}$; $\frac{27}{289}$.

⁹ КП $\frac{57}{683}$; $\frac{276}{101}$.

¹⁰ О вильчатых наконечниках европейской части СССР см. сводку [Медведев, 1966].

¹¹ КП $\frac{276}{29}$.

¹² КП $\frac{276}{32}$.

¹³ КП $\frac{208}{683}$; $\frac{423}{683}$; $\frac{297}{683}$; $\frac{8}{683}$; $\frac{276}{42}$; $\frac{276}{140}$.

¹⁴ Детальный обзор см. [Литвинский, 1978а, с. 10—25].

¹⁵ КП $\frac{195}{683}$; $\frac{933}{376}$; $\frac{108}{683}$.

¹⁶ КП $\frac{276}{97}$; $\frac{276}{95}$; $\frac{276}{382}$.

¹⁷ КП $\frac{240}{933}$.

¹⁸ КП $\frac{276}{89}$; $\frac{276}{36}$; $\frac{275}{35}$; $\frac{40}{683}$; $\frac{39}{683}$; $\frac{100}{683}$.

¹⁹ В классификации, предложенной для поясного набора Согда В. И. Распоповой, насчитывается семь типов. В пей учтены и опубликованные ранее бляшки Кафыркалы (тип 1 и 2) [Расопова, 1965, с. 80—89, 91; Распопова, 1980]. В статье и книге дана обширная литература о бляшках. После опубликования этой статьи на Кафыркале были найдены бляшки двух других типов (3 и 4).

²⁰ КП $\frac{46}{683}$.

²¹ КП $\frac{42}{683}$.

²² Детальнее см. [Литвинский, 1973г, с. 48—53].

²³ КП $\frac{4}{683}$.

²⁴ КП $\frac{202}{683}$.

²⁵ КП $\frac{15}{683}$.

²⁶ В статье, специально посвященной сурьматашам, Н. Г. Горбунова пытается доказать, что, по-видимому, в Фергане «возник косметический прибор такого типа» [Горбунова, 1981, с. 180]. При этом Н. Г. Горбунова «тип прибора» отождествляет с материалом, из которого изготовлен стерженок для сурьмления! Наивность этого «ферганцентризма» усиливается стремлением доказать, что дальнейшее распространение данного косметического прибора связано с «контактами скорее каучинской, нежели ферганской культуры» [Горбунова, 1981, с. 182]. Древнеиндийский материал совершенно при этом игнорируется, сведения о распространении сурьмления глаз на всем пространстве Ближнего и Среднего Востока в эпоху средневековья в расчет не принимаются.

²⁷ КП $\frac{276}{108}$.

²⁸ Определение пород камня кафыркалинских изделий сделано ст. научным сотрудником Института геологии АН Таджикской ССР А. Б. Марковым.

²⁹ В полевой обработке кафыркалинской живописи участвовали: зав. реставрационно-технологической лабораторией Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР Л. П. Новикова, мл. научный сотрудник М. П. Страдомская и ст. лаборант Н. В. Турлыгин [Новикова, 1973, с. 247].

³⁰ С. М. Дудин отмечает резкую контрастность красок не только в темных частях, но и на хорошо освещенных стенах памятников Восточного Туркестана. Он объясняет это тем, что краска давалась в помощь контуру рисунка, а контрастность служила для лучшего рассмотрения нарисованного [Дудин, 1917, с. 60—61].

³¹ Ранее на Кафыркале был найден еще один керамический рельеф, но он утерян и поэтому не описывается.

³² Подробное освещение этого вопроса см. [Литвинский, Пичикян, 1981] (там же ссылки на источники и литературу вопроса).

³³ Этой теме посвящены многочисленные публикации. См. специальные работы [Erdmann, 1936; Erdmann, 1943]. Об иранских верованиях, связанных со львом, в X—XI вв. см. [Буссе, 1981, с. 77].

³⁴ См. также изображение на рельефе-диске из Кливлендского музея [Shephard, 1964, с. 67; cover plate and fig. z—s].

³⁵ Некоторых хищников Л. И. Альбаум называет леопардами.

³⁶ Такие розетки на лопатке льва см. также [Смирнов, 1909, табл. XXXIV/63; Ghirshman, 1962, фиг. 404; Беленицкий, 1973, табл. 52].

³⁷ Некоторые аспекты см. [Литвинский, Пичикян, 1981].

Глава IV

¹ См. об этом [Müller, 1918, с. 575].

² О них см. [Мандельштам, 1958; Енокi, 1969; Енокi, 1970].

³ Подробный анализ сообщений письменных источников см. [Гафуров, 1972, с. 225—231] (там же — ссылки на источники и литературу).

⁴ Написание названия этого владения в его труде, согласно Э. Шаванну, должно, собственно, читаться «Нou-cha», а в «Тан шу» — «Oucha» [Chavannes, 1903, с. 276—277].

⁵ Ли, как мера длины, значительно варьировала в разные эпохи. В VI в., согласно расчетам Р. Стейна, ли равнялось 0,4 км [Accounts, 1959, с. 4].

⁶ Вопрос о локализации этого города, несмотря на длительную дискуссию, все еще не решен.

⁷ По мнению К. Енокi, та часть информации «Бэй-ши» о Тохаристане, которая отсутствовала в «Суй-шу» и в «Чжоу-шу», была заимствована из «Вэй-шу». Эта информация попала в Китай в 464—465 гг. [Енокi, 1959, с. 31, примеч. 1].

⁸ Нумизматические материалы из Вахшской долины, относящиеся к дому-сульманскому периоду, изучаются Е. В. Зеймалем и В. А. Лившицем.

⁹ По-видимому, много крупнее была и столица Чаганиана, располагавшаяся на городище Бедрач [Пугаченкова, 1963в, с. 58—61; Ртвеладзе, 1977, с. 90]. Примерно такие же размеры, как вахшская Кафыркала, имело и сурхандарьинское (чаганианское) городище Нованак (Новандак) тепе (его также называют Кафыркалой): 450×450 м, цитадель в центре площади — 150×100 м, высота до 17 м. Это городище было обжито с раннего средневековья до позднего средневековья [Ртвеладзе, 1978, с. 117], размеры и планировка его именно для периода раннего средневековья пока не выяснены.

¹⁰ Для их характеристики использованы опубликованные [Литвинский, 1976, 1977б, 1978б, 1979а, 1979б, 1981; Litvinskij, 1981; Седов, 1977; Литвинский, 1983] и неопубликованные материалы.

См. также перечень небольших средневековых поселений Сурхандарьинской области в работах [Ртвеладзе, 1978, с. 115; Аннаев, 1984а, с. 10—12].

¹¹ В. Л. Воронина ставит вопрос о том, что некрополь раннесредневекового города должен учитываться в качестве его особой части, потому что роль некрополя, по ее мнению, была значительной [Воронина, 1959в, с. 92]. Однако это мнение принципиального значения для характеристики городов VI—VIII вв. не имеет; кроме того, некрополи имелись не только у городов.

¹² Подробно о путях формирования раннесредневекового города Средней Азии см. [Воронина, 1961].

¹³ По своей композиционно-планировочной схеме эта группа помещений почти идентична калаи-кафиринганскому объекту 1.

¹⁴ Армянский историк Себеос в своей «Истории» (составлена около 661 г.) упоминает о «крепкой плетеной кольчуге царя Кушанов», т. е. эфталитов. См. [Тревер, 1954, с. 142—143].

¹⁵ Мы здесь не касаемся вопроса о начальных этапах существования четырехайманной композиции. По нашему убеждению, и эта проблема не может быть решена без привлечения материалов по истории буддийской архитектуры, притом что единичные образцы ее мы встречаем в Средней Азии уже в ахеменидское время [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 144—146, рис. 2], в западнопарфянском зодчестве [SPA, 1967, т. 1, с. 432—434, фиг. 106] и т. д.

¹⁶ См. [Бартольд, 1964б, с. 30]. В настоящее время мнение о восточном происхождении медресе является общепризнанным (см., например, [Frye, 1954, с. 120, примеч. 102]). О ранней истории медресе см. [Pedersen, 1929, с. 525—537; Tritton, 1957, с. 102 и сл.; Makdisi, 1961, с. 1—56; Tibawi, 1962, с. 229—238].

¹⁷ О хутальском медресе см. [Байхаки, 1969, с. 207].

¹⁸ Следовательно, медресе в архитектурном плане представляло не просто комбинацию «индо-буддийского монастыря, с одной стороны, и хорасанского айвана — с другой» [Diez, 1936, с. 421]. Генезис этого типа архитектурного сооружения в действительности был много сложнее. Детальнее о генезисе медресе см. [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 54—56, 131—132].

¹⁹ Мы не собираемся давать здесь обзор обширной литературы, посвященной этой проблеме или затрагивающей ее. Что касается мавзолея Саманидов, см. последнее посвященное ему исследование — монографию М. С. Булатова [Булатов, 1976]. См. также [Пугаченкова, 1950, с. 54—55; Воронина, 1954б, с. 44—47; Пугаченкова, 1963а, с. 69—76; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 44—45; Рапопорт, 1971, с. 62; Булатов, 1978, с. 61—74; Cohn-Wiener, 1930, с. 13; Diez, 1967, с. 923—924; Creswell, 1938, с. 320; Grabar, 1973, с. 128, 140, 201].

²⁰ Описание их см. [Пугаченкова, 1958а, с. 168—179; Пугаченкова, 1963б, с. 239—247; Лунина, 1974; Прибыткова, 1973, с. 60—66].

²¹ Кроме того, такая же композиционная схема выявлена в раннесредневековом здании, расположенном на Актепе близ райцентра Нау (Северный Таджикистан) [Пулатов, 1977, с. 78—80].

²² Л. Р. Кызласов подчеркивает значение сирийского влияния на появление этой схемы в среднеазиатских памятниках.

²³ В литературе высказывалось мнение, что сначала возникают отдельно стоящие купольно-центрические сооружения, «арочные проемы на осях превращаются затем частью в ниши» [Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 175]. Фактически формирование идет параллельно. Широко распространенное представление [Rosenthal, Schroeder, 1967, с. 1253] о том, что ниши между tromпами были введены якобы в послесасанидское время, оказалось ошибочным.

²⁴ Относительно мавзолеев см. особенно [Grabar, 1966, с. 7—13, 39—45; Grabar, 1973, с. 38, 128, 140, 201].

²⁵ Е. В. Зеймаль предположительно возводит одип из топонимов Вахшской долины — Кара-Ланг (название урочища и старого ответвления канала северо-восточнее возвышенности Уртабоз) — к близкому по звучанию бактрийскому термину, означающему «начальник гарнизона», «начальник пограничной области». Он полагает, что это косвенное свидетельство в пользу того, что проведение больших каналов осуществлялось кушанской администрацией [Зеймаль Е. В., 1978, с. 207]. Впрочем, не исключена и тюркская этимология этого топонима.

²⁶ Так по В. Г. Луконину; существуют и другие хронологические определения, согласно которым эти монеты должны датироваться более ранним временем.

²⁷ Мы благодарим В. А. Лившица за любезное разрешение опубликовать его чтение легенды и его соображения об этих монетах.

²⁸ О последнем см. [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 74].

²⁹ Подчеркивая, что существует сходство между искусством Аджинатепи и Фундукистана, Б. Роулэнд писал: «Указывает ли Фундукистан на [исходный] центр этой фазы буддийского искусства, или же стиль этого искусства сложился в религиозных учреждениях к северу от Амударьи — не существует; важно то, что мы теперь можем утверждать, что в VII—VIII вв. этот манерный стиль расцвел в регионе, простирающемся от области Гиндукуша к северу, в Бактрию». Далее он, однако, замечает: «Вторжение трансоксианского стиля и иконографии может быть выявлено в деталях живописи Фундукистана» [Rowland, 1974, с. 115].

³⁰ На самом деле сеть буддийских учреждений была значительно шире. Об этом свидетельствуют, в частности, пахотка в 9 км от райцентра Колхозабад, в колхозе им. В. И. Ленина, во время сельскохозяйственных работ 1978 г. скульптуры Будды из мергелистого известняка. Скульптура при этом была разбита, сохранилась

лишь ее голова, которую В. С. Соловьев доставил в Институт истории им. Дониша. Высота головы с прической и ушной — 12 см, ширина — 7 см. По словам колхозников, здесь раньше был холм («тепа»). Не исключено, что на этом месте располагался монастырь, о датировке которого до проведения раскопок говорить преждевременно (IV—V вв.?).

³¹ См., например, буддийский комплекс Чордннгак с его ступой диаметром 15 м [Ртвеладзе, 1977, с. 90—91].

³² Слово «*vajra*» помимо своих основных значений («дубинка», «удар грома», «оружие Индры») является составной частью имен связанных с буддизмом божеств и названий махаянистских сочинений (например, сутра *Vajracchedikā* [Bareau, 1964, с. 130]).

³³ Среди бактрийских надписей имеется граффити на скале в Джагагу (Афганистан, северо-западнее Газни) с бактрийской транскрипцией формулы триратны, санскритское «*namo Buddha namo dharma namo samgha*» «почтение Будде, почтение дхарме (буддийскому закону), почтение сангхе (буддийской общине)» [Humbach, 1966, с. 104—105; Humbach, 1967, с. 26—27; Лившиц, 1975, с. 48—49]. Упоминание о кафиркалинской надписи см. [Лившиц, 1976, с. 163, примеч. 5].

³⁴ О памятниках этой письменности в Средней Азии и за ее пределами см. [Лившиц, 1967; Лившиц, 1969; Gershevitch, 1967; Nasen, 1951].

³⁵ Существует точка зрения о более позднем подчинении Тохаристана эфталитами [Маршак, 1971, с. 64; Вайнберг, 1972, с. 138]. В пользу мнения о приходе эфталитов в середине V в. свидетельствуют находки монет — наиболее ранних подражаний монетам Пероза [Ртвеладзе, 1977, с. 89].

³⁶ Как показал в своем исследовании А. М. Беленицкий, Хуттал был завоеван арабами между 737—750 гг. [Беленицкий, 1950б, с. 116—118]. Б. Я. Ставиский предлагает более раннюю дату захвата Хуттала арабами, так как Хуэй-чао, побывавший в Тохаристане в 726 г., отмечал, что арабы овладели им. Однако предпочтительнее дата А. М. Беленицкого, потому что в самом Хуттале в 726 г. арабов, видимо, не было.

³⁷ Во второй половине XVI в. область Вахш на правах вилайета входила в Хисарское владение. На территории долины велось ирригационное строительство, ремонт ирригационных сооружений; см. [Абдураимов, 1966, с. 266].

Глава V

¹ Н. А. Маев — известный путешественник и краевед, в круг интересов которого наряду с географией входили история, археология, нумизматика и этнография Туркестана [Лунин, 1974, с. 223—229]. О его археологических наблюдениях в Южном Таджикистане см. [Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., 1962, с. 41—44]. Иногда он писал под псевдонимом «Ф. Жуков» [Литвинский, Седов, 1983, с. 3].

² О работах этого краеведа-археолога, их сильных и слабых сторонах см. [Литвинский, 1954, с. 18, 22].

³ См. об этом [Литвинский, 1954, с. 38].

⁴ Возможно, 4[5] 2/1060 г. (личное сообщение Е. А. Давидович).

⁵ О Бури-тегине см. [Литвинский, 1956в; Давидович, 1970б, с. 88—94].

⁶ Бейхаки сообщает о «множестве бесчинств» и «грабежах», которые Бури-тегин творил в области Вахш [Байхаки, 1969, с. 481]. Не пострадала ли при этом и столица области?

⁷ В этой связи следует упомянуть также маленькую медную гуридскую или хорезмшахскую монету, найденную в 1957 г. на Кафиркале [Давидович, 1959б, с. 158, № 13]. В 1954 г. на северо-западной окраине Колхозабада были найдены золотые предметы и монеты, среди которых были и чекана Мухаммада б. Текеша [Давидович, 1956а, с. 99, № 13].

⁸ Приносим благодарность Э. Г. Гулямовой за информацию об аналогичной керамике Хульбука.

⁹ Выражаем искреннюю благодарность Е. А. Давидович за предоставленное нам определение монет и заключение о монетном обращении в области Вахш в средние века.

¹⁰ На одной из карт, приложенных к труду Пети де ля Крюа [Histoire, 1723, т. 3, карта], *Sali Serai* помещен на северном берегу Амударьи, в стране Хатлан (Catlan).

¹¹ В Имам Сахибе есть городище, с которого происходит материал XV—XVII вв., раскопки не производились [Ball, Gardin, 1982, с. 127].

¹² В начале XX в. эта дорога, как сообщают архивные источники, шла из Туткаула по левому берегу р. Вахш в кишлак Сангтуда, а оттуда — по высокому и довольно узкому карнизу спускалась на равнину и направлялась в Курган-Тюбе [Юсупов Ш. Т., 1975, с. 77].

¹³ Существовали и другие локализации. Уже В. Томашек, приведя сведения о Хелаверде и Левакенде, высказал идею о том, что «один из них явно соответствует современному Курган-Тюбе» [Tomaschek, 1877, с. 45—109]. И. Маркварт считал, что Хелаверд соответствует Курган-Тюбе, а Левакенд он помещал «где-то севернее» [Marquart, 1901, с. 233]; В. В. Бартольд отождествлял Хелаверд с Курган-Тюбе, а Левакенд — с Сангтуда [Бартольд, 1963а, с. 119]; отождествления В. В. Бартольда принял и В. Минорский [Minorsky, 1970, с. 361]. На карте, приложенной к труду Ле Странджа, на севере, если судить по конфигурации реки (современные пункты не

обозначены), в районе современного Сангтуда нанесен Хелаверд, на юге, в районе современного Узун — Левакенд [Le Strange, 1905, карта IX]. На карте, приложенной к работе Г. Фрэнкфорта, Хелаверд обозначен на месте Курган-Тюбе, а Левакенд — южнее, в районе современного Узун или Джиликуля, где ошибочно помещен современный Сангтуда [Bernard, Francfort, 1978, карта 4].

¹⁴ И. Маркварт считал это бесспорным [Marquart, 1901, с. 236, 299].

¹⁵ Об этом, с учетом данных разведок 1947 г., писал уже А. М. Беленицкий [Беленицкий, 1950в, с. 141].

¹⁶ И. Маркварт этимологизирует Хелаверд как Halaw-gerd [Marquart, 1901, с. 233 и сл.]. Однако, как любезно сообщил нам В. А. Лившиц, эта этимология не имеет каких-либо реальных оснований.

¹⁷ Ввиду немногочисленности, фрагментарности керамики и стекла из Лягмана их описание и анализ даются не формализованным, а традиционным способом.

¹⁸ Аналогичные чаши с мраморовидным рисунком имеются в материалах Хульбука. Об этом нам сообщила Э. Г. Гулямова, за что приписываем ей благодарность.

¹⁹ Неоценимую помощь в изучении узунского собрания нам оказал своими советами и указаниями А. А. Иванов. Он же любезно познакомил нас со своей обширной картотекой бронзовых изделий. За все это приносим ему глубокую благодарность.

²⁰ О чашах этой группы из Кабульского музея см. также [Melikian-Chirvani, 1976b, с. 2, рис. 2].

²¹ Высказывалось мнение, что эта чаша должна быть отнесена к Ирану (без более точной локализации) и датироваться XI в. [Маршак, 1973, с. 21]. Предполагалась также датировка IX в. [Даркевич, 1976, с. 45].

²² Для группы серебряных изделий, в которую входит и сургутская чаша, Б. И. Маршак отмечает сохранение «прямых и непосредственных традиций согдийского серебрения» [Маршак, 1973, с. 81].

²³ В Метрополитенском музее есть еще один кувшин, идентичный по форме описанному выше. Его шейка украшена двумя лентами растительного орнамента. М. С. Диманд датировал его «досельджукским временем», примерно X в. [Dimand, 1941, с. 206].

²⁴ См., например, опубликованную Ф. Зарре и Ф. Мартином черпильницу, которая, по их мнению, изготовлена в Восточном Иране в XII в., с надписью «сделано Шах-Маликом» [Sarre, Martin, 1912, табл. 15]. См. также [SPA, XII, 1967, табл. 1311/A, D, F; The Arts of Islam. Hayward Gallery, 1977, с. 172, фиг. 183; Dimand, 1944, с. 141, фиг. 82; Aga-Oglu, 1946, с. 123, фиг. 3; Dimand, 1967, табл. 1503].

²⁵ Среди «мусульманских бронз» представлены курильницы и других типов [Kühnel, 1920; Aga-Oglu, 1945].

²⁶ Такова, например, подставка под светильник с инвентарным № 8483 Каирского музея, датирующаяся XII в. Трипод в плане не круглый, а шестигранный, ножки такие же, как у узунского трипода № 28, между ножками выступы в виде полупальметты. Ствол также имеет сверху и внизу катушкообразные элементы, но его средняя часть, собственно трубка, значительно более короткая, чем у иранских и среднеазиатских экземпляров. *Наверху ствол снабжен плоским диском* [Wiet, 1930, табл. 42] (см. также подставку из Каирского музея, инвентарный № 1522 [Zaky M. Nassan, 1950, табл. 102]. Судя по пропорциям, не египетской (как полагал Э. Кюнель), а иранской или среднеазиатской является подставка из бывшего берлинского Kaiser-Friedrich-Museum [Kühnel, 1925, с. 140, рис. 105].

²⁷ Ствол, состоящий из четырех катушкообразных элементов, укрепленный на бронзовом трипode для лампы (типа узунского № 23), найден в Касри Абу-Наср [Upton, 1973, с. 18, фиг. 16].

²⁸ Ср. с происходящим из Бухары экземпляром, хранящимся в Музее Виктории и Альберта: подставка в виде трипода с ажурной трубкой увенчана чашечкой, которую, правда, считают более поздней (XII в.), чем подставка (X—XII вв.) [Melikian-Shirvani, 1982, с. 53—54, табл. 17].

²⁹ Хранится в Государственном Эрмитаже (СА-15424).

³⁰ Фестончатый сделан и край корпуса подставки светильника, хранящейся в Государственном Эрмитаже (ИР-2141), как сообщил нам А. А. Иванов, возможно иранского происхождения, X—XI вв.

³¹ Иной вариант такой подставки см. [Allemagne, 1911, с. 52].

³² См., например, в коллекции Эрмитажа — СА-12671 (из коллекции Бобринского), СА-12670 (из коллекции Мясникова) и др.

³³ Фотографии некоторых из них см. [Давидович, Литвинский, 1955, рис. 57].

³⁴ Фотография, видимо, именно этой ступки помещена в издании [The Arts of Islam. Hayward Gallery, 1977, с. 171, фиг. 181] — (Мавераннахр или Хорасан, XI—XII вв.).

³⁵ Ср. иную по форме (цилиндрическую, незначительно выпуклую, с одним рядом шишек) ступку Британского музея [Barrett, 1949, табл. 2b] — Иран, X—XI вв.

³⁶ Помимо цитировавшихся выше работ этого исследователя см. также [Маршак, 1976; Маршак, 1980].

Заключение

¹ См., например, [Топоров, 1965; Эдельман, 1968, с. 63—66; Бернштейн, 1972; Общее языкознание, 1973, с. 153—155; Славянское и балканское языкознание, 1975].

² См. об этом [Абдуллаев, 1980].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, 1980.— Абдуллаев Д. К вопросу о согдийском наследии в материальной культуре IX—XI вв.— Абуали ибн Сино и его эпоха. Душ., 1980.
- Абдуллаев, Гуревич, 1979.— Абдуллаев Д., Гуревич Л. Л. Чертежи строителей древнего Пенджикента.— УСА. Вып. 4, 1979.
- Абдуразаков, Безбородов, 1966.— Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Таш., 1966.
- Абдуразаков и др., 1963.— Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Таш., 1963.
- Абдуразаков и др., 1971.— Абдуразаков А. А., Камбаров М. А., Ильхамов Ш. И. Консервация алтаря огня на Афрасиабе.— ОНУ. 1971, № 4.
- Абдураимов, 1966.— Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX в. Т. 1. Таш., 1966.
- Агеева, 1962.— Агеева Е. И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата).— Археологические исследования на северных склонах Каратау.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14, 1962.
- Агеева, 1970.— Агеева Е. И. Средневековое стекло из Тараза. По следам древних культур Казахстана А.-А., 1970.
- Алаев, 1981.— Алаев Л. Б. Сельская община в Индии. М., 1981.
- Альбаум, 1960.— Альбаум Л. И. Балалык-тепа. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.
- Альбаум, 1963.— Альбаум Л. И. Раскопки замка Занг-тепа.— ИМКУ. Вып. 4, 1963.
- Альбаум, 1964.— Альбаум Л. И. Новые раскопки Занг-тепа и индийские документы.— Индия в древности. М., 1964.
- Альбаум, 1965.— Альбаум Л. И. Занг-тепа (раскопки 1962 г.).— ИМКУ. Вып. 6, 1965.
- Альбаум, 1975.— Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Таш., 1975.
- Аминджанова, 1962а.— Аминджанова А. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.— ИМКУ. Вып. 3, 1962.
- Аминджанова, 1962б.— Аминджанова А. Средневековое стекло Мавераннахра. Таш., 1962.
- Андрианов, Чебоксаров, 1975.— Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ. 1975, № 3.
- Аннаев, 1977.— Аннаев Т. Д. К характеристике раннесредневековых памятников правобережного Тохаристана (по материалам Сурхандарьинской области).— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Аннаев, 1984а.— Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. АҚД. Л., 1984.
- Аннаев, 1984б.— Аннаев Т. Д. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурған в Северном Тохаристане.— СА. 1984, № 2.
- Арсланова, 1968.— Арсланова Ф. Х. Памятники павлодарского Прииртышья.— Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968.
- Арсланова, 1970.— Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. А.-А., 1970.
- Арсланова, 1972.— Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в верховьях Прииртышья.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Асанов, 1971.— Асанов А. Памятники архитектуры средневекового Хорезма.— Проблемы прочности и обеспечения дальнейшей сохранности. Таш., 1971.
- Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982.— Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарья. Таш., 1982.
- Атагарриев, 1973.— Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Аш., 1973.
- Атагарриев, Ходжагельдыев, 1972.— Атагарриев Е., Ходжагельдыев А. Искусство звонкого металла.— «Памятники Туркменистана». Аш., 1972, № 2 (4).
- Атаханов, 1968а.— Атаханов Т. М. Уникальные находки.— «Коммунист Таджикистана», 28.IV.1968.
- Атлас, 1968.— Атлас Таджикской Советской Социалистической Республики. Душ.— М., 1968.

- Ахмедов, 1982.— А х м е д о в Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Таш., 1982.
- Ашрафян, 1977.— А ш р а ф я н К. З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977.
- Бабаев, 1962.— Бабаев А. Д. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г.— АРТ. Вып. 8, 1962.
- Бабаев, 1965.— Бабаев А. Д. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана. АКД. Душ., 1965.
- Бабаев, 1973.— Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душ., 1973.
- Бадер, 1952.— Бадер О. Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье.— На Западном Урале. Пермь, 1952.
- Бадер, Смирнов, 1954.— Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. М., 1954.
- Байпаков, 1972.— Байпаков К. П. Керамика средневекового Кулана.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Байхаки, 1969.— Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030—1041). Пер. с перс., введ., коммент. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969.
- Бартольд, 1963а.— Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963б.— Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2(1). М., 1963.
- Бартольд, 1964а.— Бартольд В. В. К вопросу об языках согдийском и тохарском.— Сочинения. Т. 2(2). М., 1964.
- Бартольд, 1964б.— Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Сочинения. Т. 2(2). М., 1964.
- Бартольд, 1965.— Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама».— Сочинения. Т. 3. М., 1965.
- Бартольд, 1966.— Бартольд В. В. К истории Мерва.— Сочинения. Т. 4. М., 1966.
- Бартольд, 1968.— Бартольд В. В. Карлуки.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Баруздин, Брыкина, 1962.— Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
- Бачинский, 1949.— Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949.
- Беленицкий, 1950а.— Беленицкий А. М. Раскопки здания № 1 в Пянджикенте.— МИА. № 15, 1950.
- Беленицкий, 1950б.— Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хуттали с древнейших времен до Х в. н. э.— МИА. № 15, 1950.
- Беленицкий, 1950в.— Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.— МИА. № 15, 1950.
- Беленицкий, 1950г.— Беленицкий А. М. Мавзолей у селения Саят.— МИА. № 15, 1950.
- Беленицкий, 1954.— Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1953 г.— ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Беленицкий, 1956.— Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г.— АРТ. [Вып. 2], 1956.
- Беленицкий, 1958.— Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента.— МИА. № 66, 1958.
- Беленицкий, 1959.— Беленицкий А. М. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г.— АРТ. Вып. 4, 1959.
- Беленицкий, 1961.— Беленицкий А. М. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г.— АРТ. Вып. 8, 1961.
- Беленицкий, 1967.— Беленицкий А. М. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Доклад, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1967.
- Беленицкий, 1973.— Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
- Беленицкий и др., 1973.— Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий и др., 1976.— Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки в Пенджикенте.— АО-75, 1976.
- Беленицкий и др., 1977.— Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г.— АРТ. Вып. 13 (1973), 1977.
- Беленицкий и др., 1979.— Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г.— АРТ. Вып. 14 (1974), 1979.
- Беленицкий, Маршак, 1976а.— Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Беленицкий, Маршак, 1976б.— Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Опыт сравнительной характеристики памятников среднеазиатской живописи.— Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Реферативный сборник. М., 1976.

- Беленицкий, Маршак, 1979.—Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда.—УСА. Вып. 4, 1979.
- Бентович, 1973.—Бентович И. Б. Городские ремесла и торговля.—Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бернштам, 1949.—Бернштам А. Н. Из итогов археологических работ на Тяньшане и Памиро-Алае.—КСИИМК. Вып. 28, 1949.
- Бернштам, 1950.—Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции: «Чуйская долина». М.—Л., 1950 (МИА. № 14).
- Бернштам, 1952а.—Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА. № 26).
- Бернштам, 1952б.—Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726).—ВДИ. 1952, № 1.
- Бернштейн, 1972.—Бернштейн С. Б. Проблемы карпатского языкознания.—Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
- Беруни, 1973.—Абу Райхан Беруни. Канон Мас'уда.—Избранные произведения. Т. 5. Ч. 1. Таш., 1973.
- Бетехтин, 1951.—Бетехтин А. Г. Курс минералогии. М., 1951.
- Бичурин, 1950.—Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2. Т. 2. М.—Л., 1950.
- Блаватский, 1954.—Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Богданова-Березовская, 1966.—Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Тулхурского могильника.—Мапдельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.—Л., 1966 (МИА, № 136).
- Богданова-Березовская, 1975.—Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Аруктауского, Коккумского и Бабаповского могильников.—Мапдельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии.—Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 7. Л., 1975.
- Большаков, 1958.—Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.—ЭВ. 12, 1958.
- Большаков, 1963.—Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.—ЭВ. 15, 1963.
- Большаков, Негматов, 1958.—Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.—МИА. № 66, 1958.
- Бонгард-Левин и др., 1965.—Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н. Фрагменты санскритских рукописей из Зангтепе (предварительное сообщение).—ВДИ. 1965, № 1.
- Борисов, Лукониц, 1963.—Борисов А. Я., Лукониц В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Брусенко, 1976.—Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бипкета.—Древности Ташкента. Таш., 1976.
- Брыкина, 1974.—Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
- Буддийские пещеры, 1969.—Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Булатов, 1953.—Булатов М. С. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии.—ИОАН АН ТаджССР. 1953, № 3.
- Булатов, 1974.—Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. АДД. Таш., 1974.
- Булатов, 1976.—Булатов М. [С.] Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Таш., 1976.
- Булатов, 1978.—Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. М., 1978.
- Булатова, 1966.—Булатова В. А. Жилой комплекс VII в. в Куве (результаты работ 1964 г.).—ИМКУ. Вып. 7. 1966.
- Булатова, 1972.—Булатова В. А. Древняя Кува. Таш., 1972.
- Булатова и др., 1973.—Булатова В. А. и др. Древний Ташкент. Таш., 1973.
- Бурхануддин Кушкеки, 1926.—Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан Пер. с перс. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левицкого. Под ред., с предисл. и примеч. А. А. Семенова. Таш., 1926.
- Буряков, 1977.—Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан.—ИМКУ. Вып. 13, 1977.
- Буссе, 1981.—Буссе Г. Возрождение персидской монархии при Буидах.—Мусульманский мир (950—1150). М., 1981.
- Вайнберг, 1972.—Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-тепе).—Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
- Вактурская, 1959.—Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).—ТХАЭЭ. Т. 4, 1959.
- Васильев, 1934.—Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг (предварительный отчет).—Согдийский сборник. Л., 1934.

- Вертоградова, 1975.— Вертоградова В. В. Архитектура.— Культура Древней Индии. М., 1975.
- Винник, 1967.— Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины.— Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Витрувий, 1936.— Витрувий М. Десять книг по архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М., 1936.
- Володарский, 1977.— Володарский А. И. Очерки истории средневековой индийской математики. М., 1977.
- Воробьева, 1952.— Воробьева М. Г. К вопросу о технике отделки помещений дворца Топрак-кала.— ТХАЭЭ. Т. 1, 1952.
- Воробьева и др., 1963.— Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе.— МХЭ. Вып. 6, 1963.
- Воробьева-Десятовская, 1963.— Воробьева-Десятовская М. И. Находка санскритских текстов в Средней Азии.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 3.
- Воробьева-Десятовская, 1968.— Воробьева-Десятовская М. И. Отчет о дешифровке надписей из Кафыркалы. (Рук.; хранится в секторе археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.)
- Воробьева-Десятовская, 1979.— Воробьева-Десятовская М. И. Находки санскритских рукописей брахми на территории советской Средней Азии.— Санскритская и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979.
- Воробьева-Десятовская, 1983.— Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письменности кхароштки и брахми из советской Средней Азии.— История и культура Центральной Азии. М., 1983.
- Воропеев, 1951.— Воропеев М. Э. Отчет музея Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревской в 1947 г.— Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Таш., 1951.
- Воронин, 1939.— Воронин Л. Н. Кирпичная фактура стен.— ТСАИИ. Вып. 4, 1939.
- Воронин, 1950.— Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии.— Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. 1. Таш., 1950.
- Воропина, 1948.— Воропина В. Л. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г.— ТИИА АН УзССР. Т. 1, 1948.
- Воропина, 1949.— Воропина В. Л. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии.— КСИИМК. Вып. 28, 1949.
- Воропина, 1950.— Воропина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента.— МИА. № 15, 1950.
- Воропина, 1951.— Воропина В. Л. Жилище Ванча и Язгулема.— Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.
- Воропина, 1952.— Воропина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 1, 1952.
- Воропина, 1953а.— Воропина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента.— МИА. № 37, 1953.
- Воропина, 1953б.— Воропина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии.— «Архитектурное наследство». Вып. 3. М., 1953.
- Воропина, 1954а.— Воропина В. Л. К вопросу о древней метрологии Средней Азии.— КСИИМК. Вып. 39, 1954.
- Воропина, 1954б.— Воропина В. Л. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов.— ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад, 1954.
- Воропина, 1955.— Воропина В. Л. Элементы архитектуры замка Актепе близ Ташкента по данным археологических работ в 1941 г.— ТИИА АН УзССР. Т. 7, 1955.
- Воропина, 1957а.— Воропина В. Л. Тип общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии.— СА. 1957, № 4.
- Воропина, 1957б.— Воропина В. Л. Городище Древнего Пенджикента как источник для истории зодчества.— «Архитектурное наследство». Вып. 8. М., 1957.
- Воропина, 1958а.— Воропина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (итоги работ 1952—1953 гг.).— МИА. № 66, 1958.
- Воропина, 1958б.— Воропина В. Л. Формы и детали деревянного ордера Средней Азии.— Вопросы теории архитектурной композиции. Вып. 2. М., 1958.
- Воропина, 1959а.— Воропина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959.
- Воропина, 1959б.— Воропина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента.— Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- Воропина, 1959в.— Воропина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии (по данным археологии и письменных источников).— СА. 1959, № 1.
- Воропина, 1961.— Воропина В. Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии). АДД. М., 1961.
- Воропина, 1963.— Воропина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ. 1963, № 6.
- Воропина, 1964а.— Воропина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента.— МИА. № 124, 1964.

- Воронина, 1964б.— Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА. 1964, № 2.
- Воронина, 1969.— Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии.— Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969.
- Воронина, 1972.— Воронина В. Л. Эллинистический ордер на территории Таджикистана.— «Архитектурное наследство». Вып. 20. М., 1972.
- Воронина, 1973.— Воронина В. Л. Народная архитектура юга Таджикистана.— «Архитектурное наследство». Вып. 21. М., 1973.
- Воронина, 1977а.— Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1977.
- Воронина, 1977б.— Воронина В. Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А. Н. Смирнова.— Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Гаевский, 1924.— Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство.— ИРГО. Т. 55. Вып. 2. 1919—1923. 1924.
- Гайдукевич, 1947.— Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.— КСИИМК. Вып. 14, 1947.
- Гафуров, 1972.— Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гафуров, Литвинский, 1976.— Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы. М., 1976.
- Горбунова, 1981.— Горбунова Н. Г. Древний ферганский косметический прибор.— Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Грабовская, 1957.— Грабовская О. А. Почвы Вахшской долины.— Почвы Вахшской долины и их мелиорация. Сталинабад, 1957.
- Грек, Пчелина, Ставиский, 1964.— Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
- Грипевич, 1952.— Грипевич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3. Южная и западная линии обороны.— Херсонесский сборник. Вып. 4. Симферополь, 1952.
- Грюнведель, 1908.— Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане.— «Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества». Т. 18. СПб., 1908.
- Губаев, Кошеленко, 1970.— Губаев А., Кошеленко Г. А. Исследование парфянского святилища Мансур-депе.— Каракумские древности. Вып. 3. Аш., 1970.
- Гудкова, 1964.— Гудкова А. В. Ток-кала. Таш., 1964.
- Гудкова, 1968.— Гудкова А. В. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм).— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Гулямова, 1961а.— Гулямова Э. Г. Стекло с городища Хульбук.— ИООН АН ТаджССР. 1961. Вып. 1(24).
- Гулямова, 1961б.— Гулямова Э. Г. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г.— АРТ. Вып. 6, 1961.
- Гулямова, 1961в.— Гулямова Э. Г. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г.— АРТ. Вып. 7, 1961.
- Гулямова, 1962.— Гулямова Э. Г. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г.— АРТ. Вып. 8, 1962.
- Гулямова, 1969.— Гулямова Э. Г. Хульбук — столица Хутталя. Душ., 1969.
- Гулямова, Зеймаль Т. И., 1956.— Гулямова Э. Г., Зеймаль Т. И. Находки в районе Перепадной ГЭС.— АРТ. [Вып. 3] (1955), 1956.
- Гуревич, 1977.— Гуревич Л. Л. Архитектура Пенджикента в свете новых открытий.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы). Душ., 1977.
- Гуревич, 1979.— Гуревич Л. Л. Анализ городского пространства древнего Пенджикента.— УСА. Вып. 4, 1979.
- Давидович, 1949.— Давидович Е. А. Стекло из Нисы.— ТЮТАКЭ. Т. 1. Аш., 1949.
- Давидович, 1953.— Давидович Е. А. Средневековое оконное стекло из Таджикистана.— ДАН ТаджССР. Вып. 7, 1953.
- Давидович, 1954.— Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г.— ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Давидович, 1956а.— Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.— АРТ. [Вып. 2], 1956.
- Давидович, 1956б.— Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г.— АРТ. [Вып. 3] (1955), 1956.
- Давидович, 1958.— Давидович Е. А. Раскопки замка Калаи-Боло.— МИА. № 66, 1958.
- Давидович, 1959а.— Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г.— АРТ. Вып. 4, 1959.
- Давидович, 1959б.— Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г.— АРТ. Вып. 5, 1959.
- Давидович, 1965а.— Давидович Е. А. Новые нумизматические материалы для ха-

- рактические товарно-денежные отношения на территории Южного Казахстана в XV в.—Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество. Душ., 1965.
- Давидович, 1965б.—Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в.—НЭ. Т. 5, 1965.
- Давидович, 1970а.—Давидович Е. А. Вахш: новое о старом.—«Коммунист Таджикистана», 6.VIII.1970, № 181 (12054).
- Давидович, 1970б.—Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник.—Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968. М., 1970.
- Давидович, 1973.—Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г.—АРТ. Вып. 10, 1973.
- Давидович, 1979а.—Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
- Давидович, 1979б.—Давидович Е. А. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX—XVI вв. (на примере Южного Таджикистана).—Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
- Давидович, Зеймаль Е. В., 1980.—Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма).—Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
- Давидович, Литвинский, 1955.—Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955 (ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. 35).
- Даркевич, 1976.—Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
- Денисов, 1977.—Денисов Е. П. Материалы к изучению домусульманского Хутталя.—Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Джалилов, 1973.—Джалилов А. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем средневековье. Душ., 1973.
- Джалилов, 1975.—Джалилов А. Согд и Тохаристан в эпоху возникновения и утверждения феодальных отношений. АДД. Душ., 1975.
- Джемшид Гиясэдин Каши, 1954.—Джемшид Гиясэдин Каши. Ключ арифметики. Пер. Б. А. Розенфельда.—Историко-математические исследования. Т. 7. М., 1954.
- Дудин, 1916.—Дудин С. М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых заметок). Пг., 1916 (отд. отт. из жур. «Архитектурно-художественный ежегодник». 1916, № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31).
- Дудин, 1917.—Дудин С. М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая.—Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 2. Пг., 1917.
- Дьяконов, 1951.—Дьяконов М. М. Перспективы археологического изучения Таджикистана.—Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. 29. Сталинабад, 1951.
- Ершов Н. Н., 1952.—Ершов Н. Н. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков.—ДАН ТаджССР. Вып. 3, 1952.
- Ершов Н. Н., 1956.—Ершов Н. Н. Ремесла таджиков Дарваза (по материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.).—ИООН АН ТаджССР. 1956. Вып. 10—11.
- Ершов С. А., 1947.—Ершов С. А. Данденакан (Археологические работы у Таш-Рабада в 1942 г.).—КСИИМК. Вып. 15, 1947.
- Екубов, 1968.—Екубов Ю. Хозинаи асбобҳои рӯзгор дар ҳорабати Золи Зард.—«Маориф ва маданият», 23.VII.1968.
- Жуков В. А., 1978.—Жуков В. А. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане.—МКТ. Вып. 3, 1978.
- Жуков В. Д., 1940а.—Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза.—ТАКЭ. 1936 г. Таш., 1940. (Труды Узбекского филиала АН СССР. Сер. 1. История, археология. Вып. 2.)
- Жуков В. Д., 1940б.—Жуков В. Д. Стекланные «медалионы» из дворца термезских правителей.—Изв. УзФАН СССР. 1940, № 4—5.
- Жуков В. Д., 1945.—Жуков В. Д. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей.—ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945 (Труды АН УзССР. Сер. 1. История, археология).
- Жуков Ф., 1880.—Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи.—«Туркестанские ведомости», 18.III.1880.
- Засыпкин, 1928.—Засыпкин Б. Памятники архитектуры Термезского района.—Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. Вып. 2. М., 1928.
- Засыпкин, 1931.—Засыпкин Б. Монументальное искусство советского Востока.—Художественная культура советского Востока. М.—Л., 1931.
- Засыпкин, 1948.—Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948.

- Засыпкин, 1961.— Засыпкин Б. Н. Своды в архитектуре Узбекистана.— «Архитектурное наследство». Вып. 13. М., 1961.
- Заурова, 1962.— Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва.— ТЮТАКЭ. Т. X, 1962.
- Згура, 1927.— Згура В. Развалины дворца около Термеза.— Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. [Вып. 1]. М., 1927.
- Зеймаль Е. В., 1960.— Зеймаль Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР.— ИООН АН ТаджССР. 1960. Вып. 1 (22).
- Зеймаль Е. В., 1961.— Зеймаль Е. В. Археологические разведки в Гиссарской долине.— АРТ. Вып. 6 (1958), 1961.
- Зеймаль Е. В., 1964.— Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956—1957 гг.).— МИА. № 124, 1964.
- Зеймаль Е. В., 1978.— Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по пумизматическим данным.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Зеймаль Е. В., 1979.— Зеймаль Е. В. Разведочные работы Гиссаро-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г.— АРТ. Вып. 14 (1974), 1979.
- Зеймаль Е. В., 1983.— Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983.
- Зеймаль Т. И., 1959а.— Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г.— АРТ. Вып. 5, 1959.
- Зеймаль Т. И., 1959б.— Зеймаль Т. И. Из прошлого Вахшской долины.— Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.
- Зеймаль Т. И., 1961.— Зеймаль Т. И. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г.— АРТ. Вып. 7, 1961.
- Зеймаль Т. И., 1962.— Зеймаль Т. И. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г.— АРТ. Вып. 8, 1962.
- Зеймаль Т. И., 1969.— Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. АКД. Л., 1969.
- Зеймаль Т. И., 1971а.— Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдайтепе.— МКТ. Вып. 2, 1971.
- Зеймаль Т. И., 1971б.— Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины.— СНВ. Вып. 10, 1971.
- Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., 1962.— Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада.— ИООН АН ТаджССР. 1962. Вып. 1 (28).
- Зеймаль Т. И., Соловьев, 1983.— Зеймаль Т. И., Соловьев В. С. Работы Уртабозского отряда.— АРТ. Вып. 17, 1983.
- Зильпер, 1973.— Зильпер Д. Г. Ташкент в древности и в средние века.— Древний Ташкент. Таш., 1973.
- Зяблин, 1961.— Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.
- Иванов, 1969.— Иванов А. А. Художественная бронза Ближнего и Среднего Востока (VII—XX вв.).— «Сообщения Государственного Эрмитажа». 30. Л., 1969.
- Иванов, 1970.— Иванов А. А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время.— КСИА. Вып. 122, 1970.
- Иванов, в. п.— Иванов А. А. Бронзовая чаша из Хунхаза.— Сборник памяти А. Я. Смирнова (в печати).
- Иванов, Кожомбердиев, 1983.— Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмен-тюбе.— Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.
- Иерусалимская, 1972.— Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Исаков, 1971.— Исаков А. Дворец правителей древнего Пенджикента.— СНВ. Вып. 10, 1971.
- Исаков, 1977.— Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душ., 1977.
- Искусство, 1980.— Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Сост. Л. Айни. Душ., 1980.
- История Киргизии, 1963.— История Киргизии. Фрунзе, 1963.
- История народов Узбекистана, 1950.— История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., 1950.
- История Узбекской ССР, 1955.— История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1955.
- История Узбекской ССР, 1967.— История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1967.
- Кабанов, 1958.— Кabanов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья (Узбекистан).— СА. 1958, № 3.
- Кабанов, 1959.— Кabanов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.— ИМКУ. Вып. 1, 1959.
- Кармышева, 1960.— Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрок» в составе узбеков.— СЭ. 1960, № 1.
- Кармышева, 1963.— Кармышева Б. Х. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным).— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 3. М., 1963.
- Кармышева, 1976.— Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
- Карта Гиссарского края, 1876.— Карта Гиссарского края и Кулябского бекства, составленная подпоручиком [Д. М.] Вишневым по астрономическим пунктам,

- определенным Г. Шварцем под начальством майора [Н. А.] Маева в 1875 г.— ИРГО. Т. 12. Вып. 4, 1876.
- Каталог, 1935.— Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж. Л., 1935.
- Керзум, 1957.— Керзум П. А. Геологическое строение, рельеф, поверхностные и грунтовые воды Вахшской долины.— Почвы Вахшской долины и их мелiorация. Сталинабад, 1957.
- Киселев, 1951.— Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кисляков, 1939.— Кисляков Н. А. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу.— СЭ. 1939, № 2.
- Кляшторный, 1964.— Кляшторный С. Г. Древнетюркские рупические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Книпович, 1949.— Книпович Т. Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода.— КСИИМК. Вып. 28, 1949.
- Ковычев, 1981.— Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточно-забайкальских племен I тысячелетия н. э.— Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Кожемяко, 1959.— Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- Кожемяко, 1963.— Кожемяко П. Н. Оседлые памятники Таласской долины.— Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Кожемяко, 1970.— Кожемяко П. Н. Изучение памятников средневековья в Киргизии.— Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы. М., 1970.
- Кой-Крылган-кала, 1967.— Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967 (ТХАЭЭ. Т. 5).
- Комарова, 1952.— Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА. № 124, 1952.
- Костенко и др., 1961.— Костенко Н. П., Несмеянов С. А., Ранов В. А. О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар (Южный Таджикистан).— ДАН ТаджССР. Т. 4, № 6, 1961.
- Костров, 1954.— Костров П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента.— Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Костров, 1959.— Костров П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервации живописи древнего Пенджикента.— Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- Косяков, 1884.— [Косяков П. Е.]. Путевые заметки военного топографа Косякова П. по Каратегину и Дарвазу в 1882 г.— ИРГО. Т. 30. Вып. 6, 1884.
- Кошеленко, Лелеков, 1972.— Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А. Мансур-депе — новый памятник парфянского зодчества.— «Архитектурное наследие». Вып. 20. М., 1972.
- Кошеленко, Пилипко, 1968.— Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы.— Каракумские древности. Вып. 2. Аш., 1968.
- Кошеленко, Усманова, 1964.— Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений древнего Мерва.— Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Вып. 1. Аш., 1964.
- Кругликова, 1974.— Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. 1. М., 1974.
- Кругликова, 1979.— Кругликова И. Т.— Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина.— Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979.
- Кругликова, Пугаченкова, 1977.— Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). Ч. 2. М., 1977.
- Крюков, 1964.— Крюков К. С. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества.— «Архитектурное наследие». Вып. 17. М., 1964.
- Культура, 1968.— Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Душ., 1968.
- Кураева, 1969.— Кураева Л. А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы.— ТЮТАКЭ. Т. 14, 1969.
- Куренной, 1970.— Куренной В. Н. Рабады в свете общей проблематики среднеазиатского города VII—XII вв. Тезисы. Л., 1970.
- Куренной, 1973.— Куренной В. Н. Градостроительство в Средней Азии в VII—XII вв. Анализ градостроительных структур. АКД. Л., 1973.
- Кызласов, 1958.— Кызласов Л. Р. Остатки замка VII—VIII вв. на городище Ак-Бешим.— СА. 1958, № 3.
- Кызласов, 1959.— Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— ТКАЭЭ. Т. 2. М., 1959.
- Кызласов, 1969.— Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов, 1979.— Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Кюи, 1889.— Кюи, Ц. Очерк истории долговременной фортификации. СПб., 1889.
- Лавров, 1950.— Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
- Левина В. А., 1949.— Левина В. А. Стена и башня «Старой Нисы».— ТЮТАКЭ. Т. 1, 1949.

- Лелеков, 1975.— Лелеков Л. А. История монументальной живописи древней и раннесредневековой Средней Азии. АҚД. М., 1975.
- Леммлейн, 1950.— Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус.— КСИИМК. Вып. 32, 1950.
- Леухина, Семенова, 1963.— Леухина Г. Н., Семенова О. А. Климатическое описание равнин и предгорий Южного Таджикистана. Л., 1963.
- Лившиц, 1962.— [Лившиц В. А.]. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг. 2).
- Лившиц, 1965.— Лившиц В. А. Надписи на фресках из Афрасиаба.— Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л., 1965.
- Лившиц, 1967.— Лившиц В. А. Cusano-Indica.— Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
- Лившиц, 1968.— Лившиц В. А. Кафыркала (Колхозабад), раскопки 1968 г. Эпиграфика. (Рук., хранится в секторе археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.)
- Лившиц, 1969.— Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Лившиц, 1975.— Лившиц В. А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе.— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.
- Лившиц, 1976.— Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
- Лившиц, 1979.— Лившиц В. А. Клад медных анэпиграфных монет последней четверти VII — первой четверти VIII в.— Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
- Лившиц, Луконин, 1964.— Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.— ВДИ. 1964, № 3.
- Литвинский, 1953.— Литвинский Б. А. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран.— Труды АН ТаджССР. Т. 17. Сталинабад, 1953.
- Литвинский, 1954.— Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад, 1954.
- Литвинский, 1956а.— Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК. Вып. 64, 1956.
- Литвинский, 1956б.— Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутальского отряда в 1954 г.— АРТ. [Вып. 2], 1956.
- Литвинский, 1956в.— Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики).— КСИИМК. Вып. 61, 1956.
- Литвинский, 1959.— Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г.— АРТ. Вып. 5 (1957), 1959.
- Литвинский, 1964.— Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— Индия в древности. М., 1964.
- Литвинский, 1965.— Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА. 1965, № 2.
- Литвинский, 1967а.— Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1967, № 4.
- Литвинский, 1967б.— Литвинский Б. А. Археология Таджикистана за годы Советской власти.— СА. 1967, № 3.
- Литвинский, 1968а.— Литвинский Б. А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Литвинский, 1968б.— Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душ., 1968.
- Литвинский, 1972.— Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский, 1973а.— Литвинский Б. А. Древний город (местные традиции и гипотетические модели).— Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
- Литвинский, 1973б.— Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы).— АРТ. Вып. 10, 1973.
- Литвинский, 1973в.— Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Литвинский, 1973г.— Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Литвинский, 1976.— Литвинский Б. А. Токкуз-кала.— АО-75, 1976.
- Литвинский, 1977а.— Литвинский Б. А. Проблемы культуры Средней Азии в свете исследований памятников Северного Тохаристана.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Литвинский, 1977б.— Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган.— АО-76, 1977.
- Литвинский, 1978а.— Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

- Литвинский, 1978б.—Литвинский Б. А. Древний и раннесредневековый Калаи Кафирниган.—АО-77, 1978.
- Литвинский, 1979а.—Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.).—АРТ. Вып. 14 (1974), 1979.
- Литвинский, 1979б.—Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса.—Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Литвинский, 1981.—Литвинский Б. А. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана.—Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
- Литвинский, 1983.—Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии.—История и культура Центральной Азии. М., 1983.
- Литвинский, Давидович, 1954.—Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г.—ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Литвинский, Денисов, 1973.—Литвинский Б. А., Денисов Е. П. Буддийская часовня на Кафыр-кале.—АРТ. Вып. 10 (1970), 1973.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1960.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Каменные базы колонн из Вахшской долины.—ИООН АН ТаджССР. Вып. 1 (22), 1960.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г.—АРТ. Вып. 9 (1961), 1964.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1968.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии.—СЭ, 1968, № 3.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. М., 1971.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1973.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-тепа и Кафыркале в 1970 г.—АРТ. Вып. 10 (1970), 1973.
- Литвинский, Зеймаль Т. И., 1975.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопочные работы на Аджинатепа.—АРТ. Вып. 11 (1971), 1975.
- Литвинский и др., 1959.—Литвинский Б. А., Гулямова Э. Г., Зеймаль Т. И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.).—АРТ. Вып. 4 (1956), 1959.
- Литвинский и др., 1977.—Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г.—АРТ. Вып. 13 (1973), 1977.
- Литвинский, Мухитдинов, 1969.—Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксан Охур (Южный Таджикистан).—СА. 1969, № 2.
- Литвинский, Пичикян, 1980.—Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана.—«Вестник АН СССР». 1980, № 7.
- Литвинский, Пичикян, 1981.—Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Ножны акинака из Бактрии.—ВДИ. 1981, № 3.
- Литвинский, Ранов, 1961.—Литвинский Б. А., Ранов В. А. Раскопки навеса Ак-Танги.—АРТ. Вып. 7 (1959), 1961.
- Литвинский, Седов, 1983.—Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский, Соловьев, 1972.—Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане.—УСА. Вып. 1, 1972.
- Литвинский, Шеркова, 1977.—Литвинский Б. А., Шеркова Т. А. Раннесредневековый среднеазиатский купол как архитектурный и идеологический феномен.—Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. (Тезисы). Душ., 1977.
- Логофет, 1909.—Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3. Бухарско-афганская граница. СПб., 1909.
- Логофет, 1913.—Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. СПб., 1913.
- Луконин, 1961.—Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961.
- Луконин, 1967.—Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты.—ЭВ. Т. 18, 1967.
- Лунин, 1974.—Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Таш., 1974.
- Лунина, 1962.—Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве в X—начале XIII в.—ТЮТАКЭ. Т. 11, 1962.
- Лунина, 1974.—Лунина С. Б. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва.—ТЮТАКЭ. Т. 14, 1974.
- Маев, 1876.—Маев Н. [А.]. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства.—ИРГО. Т. 12. Вып. 4, 1876.
- Маев, 1879.—Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Гиссарский край, Куляб и правобережье Аму-Дарьи.—Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб., 1879.
- Максимова, 1968.—Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья.—Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968.
- Максимова и др., 1968.—Максимова А. Г. и др. Древности Чардары. А.-А., 1968.
- Мандельштам, 1954.—Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г.—ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Мандельштам, 1957.—Мандельштам А. М. Материалы к историко-географиче-

- скому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957 (ТГИИАЭ ТаджССР. Т. 53).
- Мандельштам, 1958.— Мандельштам А. М. К вопросу о кидаритах.— КСИЭ. Вып. 30, 1958.
- Мандельштам, 1964.— Мандельштам А. М. Средняя Азия в VI—VIII вв. Социально-экономический строй земледельческих областей Средней Азии.— ИТН. Т. 2 (1), 1964.
- Мандельштам, Певзнер, 1958.— Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА. № 66, 1958.
- Маршак, 1971.— Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана V в.— СНВ. Вып. 10, 1971.
- Маршак, 1972.— Маршак Б. И. Бронзовый кувшин из Самарканда.— Средняя Азия и Иран. Сборник статей. Л., 1972.
- Маршак, 1973.— Маршак Б. И. Серебряные сосуды X—XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии. Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1973.
- Маршак, 1976.— Маршак Б. И. Серебряные сосуды X—XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии.— Искусство и археология Ирана. Т. 2. М., 1976.
- Маршак, 1980.— Маршак Б. И. Гурганская чаша и антиохийский ларец. Художественные связи Хорасана и Сирии в XI в.— Абу Али ибн Сина и его эпоха. (К 1000-летию со дня рождения.) Душ., 1980.
- Маршак, Крикис, 1969.— Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши.— ТГЭ. Т. 10, 1969.
- Масальский, 1913.— Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 19).
- Массон В. М., 1961.— Массон В. М. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана.— «Известия АН ТуркмССР». Серия общественных наук, № 2, 1961.
- Массон В. М., 1978.— Массон В. М. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана.— АО-77, 1978.
- Массон М. Е., 1940.— Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение.— ТАКЭ 1936 г. Таш., 1940 (Труды Узбекского филиала АН СССР. Сер. 1. История, археология. Вып. 2).
- Массон М. Е., 1945.— Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.— ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945 (Труды АН УзССР. Сер. 1. История, археология).
- Массон М. Е., 1951.— Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики.— Труды САГУ. Новая серия. Вып. 23. Гуманитарные науки. Кн. 4. Таш., 1951.
- Массон М. Е., 1955.— Массон М. Е. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби.— ТГИА АН УзССР. Вып. 7. 1955.
- Медведев, 1966.— Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук, стрелы, са-мострел). М., 1966.
- Мережин, 1956.— Мережин Л. К характеристике средневекового стекла из Мерва.— Сборник студенческих работ САГУ им. В. И. Ленина. Вып. 15. Таш., 1956.
- Минаев, 1879.— Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
- Мишулин, 1940.— Мишулин А. Греческие полиоркеттики об искусстве осады городов.— ВДИ. 1940, № 3—4.
- Мухитдинов, 1974.— Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. АКД. Душ., 1974.
- Негматов, 1954.— Негматов Н. Н. Усрушана в борьбе с арабским нашествием (конец VII — первая половина IX в.) — ИООН АН ТаджССР. Вып. 5, 1954.
- Негматов, 1968.— Негматов Н. Н. Ходжент и Усрушана в древности и средневековье. АДД. М., 1968.
- Негматов, 1973.— Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Усрушаны (предварительное сообщение).— СА. 1973, № 3.
- Негматов и др., 1966.— Негматов и др. Средневековый Шахристоп. Душ., 1966.
- Негматов и др., 1973.— Негматов и др. Уртакуртан и Тирмизактепа. Душ., 1973.
- Немцева, 1969а.— Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Ма-шад в Саяте на юге Таджикистана.— СА. 1969, № 3.
- Немцева, 1969б.— Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Аф-расаб.— ИМКУ. Вып. 1, 1969.
- Неразик, 1958.— Неразик Е. Е. Археологическое обследование городища Куя-Уаз.— ТХАЭЭ. Т. 2, 1958.
- Неразик, 1959а.— Неразик Е. Е. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг.— МХЭ. Вып. 1, 1959.
- Неразик, 1963.— Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана.— МХЭ. Вып. 2, 1963.
- Неразик, 1966.— Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Нечаева, 1966.— Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тол-Арты.— Труды КААЭ. Т. 2. М.—Л., 1966.

- Николаев, 1957.— Николаев А. В. Климат Вахшской долины.— Почвы Вахшской долины и их мелиорация. Сталинабад, 1957.
- Нильсен, 1956а.— Нильсен В. А. Варахшская цитадель.— ТИИА АН УзССР. Вып. 8, 1956.
- Нильсен, 1956б.— Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Таш., 1956.
- Нильсен, 1966.— Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Таш., 1966.
- Новикова, 1973.— Новикова Л. П. Работа реставрационно-технологической лаборатории.— АРТ. Вып. 10 (1970), 1973.
- Новые находки, 1975.— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. М., 1975.
- Нурмухамбетов, 1970а.— Нурмухамбетов Б. Некоторые итоги раскопок Боржарского могильника.— По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.
- Нусов, 1971.— Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971.
- Общее языкознание, 1973.— Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
- Окладников, 1958.— Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана (Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг.).— МИА. № 66, 1958.
- Ольденбург, 1914.— Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.
- Орбели, 1924.— Орбели И. А. Сасанидское искусство.— Извлечение из IV книги журнала «Восток». Л., 1924.
- Орбели, 1938.— Орбели И. А. Бани и скоморох XII в.— Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
- Орбели, Тревер, 1935.— Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.— Л., 1935.
- Пилипко, 1974.— Пилипко В. Н. Керамика Асадабада (Лаукара).— Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Аш., 1974.
- Пилявский, 1950.— Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва.— Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института. Вып. 10. Л., 1950.
- Писарчик, 1954.— Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в.— Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1954. (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 21.)
- Писарчик, 1970.— Писарчик А. К. Жилище.— Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душ., 1970.
- Писарчик, 1974.— Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда (по материалам 1938—1941 гг.). Душ., 1974.
- Прибыткова, 1961.— Прибыткова А. М. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники IX в.— «Архитектурное наследство». Вып. 13. М., 1961.
- Прибыткова, 1973.— Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М., 1973.
- Пугаченкова, 1949.— Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы.— ТЮТАКЭ. Т. 1, 1949.
- Пугаченкова, 1950.— Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах.— ТИИА АН УзССР. Т. 2, 1950.
- Пугаченкова, 1958а.— Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958 (ТЮТАКЭ. Т. 6).
- Пугаченкова, 1958б.— Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана.— ТЮТАКЭ. Т. 8, 1958.
- Пугаченкова, 1963а.— Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахр IX—X вв.). Таш., 1963 (Искусство зодчих Узбекистана. 2).
- Пугаченкова, 1963б.— Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре средневекового Мерва.— ТЮТАКЭ. Т. 12, 1963.
- Пугаченкова, 1963в.— Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана.— Научные труды Ташкентского гос. университета. Нов. сер. Вып. 200. Исторические науки. Кн. 41. Археология Средней Азии. Вып. 6. Таш., 1963.
- Пугаченкова, 1966.— Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Бактрии. Таш., 1966.
- Пугаченкова, 1967.— Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Пугаченкова, 1973.— Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— ВДИ. 1973, № 1.
- Пугаченкова, 1976.— Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1963—1973 гг. М., 1976.
- Пугаченкова и др., 1978.— Пугаченкова Г. А. и др. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
- Пугаченкова, Ремпель, 1965.— Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История

- искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.
- Пугаченкова, Тургунов, 1974.— Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследование Дальверзинтепе в 1972 г.— Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Пулатов, 1975.— Пулатов У. П. Чильхуджра. Душ., 1975.
- Пулатов, 1977.— Пулатов У. П. «Дом огня» в Уструшане.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Пьянков, 1973.— Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов.— Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
- Пьянкова, 1974.— Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка.— СА. 1974, № 3.
- Пьянкова, 1981.— Пьянкова Л. [Т.]. Юго-западный Таджикистан в эпоху бронзы.— Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 1. М., 1981.
- Разгонов, 1910.— Разгонов А. К. По восточной Бухаре и Памиру. Таш., 1910.
- Ранов, 1959.— Ранов В. А. Результаты разведок каменного века в 1957 г.— АРТ. Вып. 5, 1959.
- Ранов, 1961.— Ранов В. А. Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г.— АРТ. Вып. 7, 1961.
- Ранов, 1965.— Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душ., 1965.
- Рапопорт, 1971.— Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссурин). М., 1971.
- Рапопорт, 1981.— Рапопорт Ю. А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала.— Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963.— Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалыгыр I в 1958 г.— МХЭ. Вып. 6, 1963.
- Рапопорт, Трудновская, 1958.— Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала.— ТХАЭЭ. Т. 2. 1958.
- Распопова, 1960.— Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины.— Труды КАЭЭ. Т. 4. М., 1960.
- Распопова, 1965.— Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА. 1965, № 4.
- Распопова, 1969а.— Распопова В. И. Квартал жилищ горожан Пенджикента.— СА. 1969, № 1.
- Распопова, 1969б.— Распопова В. И. Бронзовые серьги Пенджикента.— КСИА. Вып. 20, 1969.
- Распопова, 1972.— Распопова В. И. Типы строений и социальная дифференциация Пенджикента (к постановке вопроса). Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. М., 1972.
- Распопова, 1980.— Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Рашид ад-дин, 1952.— Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.—Л., 1952.
- Ремпель, 1953.— Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасхаба.— ДАН ТаджССР. Вып. 9, 1953.
- Ремпель, 1961.— Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Таш., 1961.
- Рожанская, 1976.— Рожанская М. М. Механика на средневековом Востоке. М., 1976.
- Ртвеладзе, 1977.— Ртвеладзе Э. В. К периодизации раннесредневекового Чаганиана.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Ртвеладзе, 1978.— Ртвеладзе Э. В. Обнаружение средневекового селения Наванд в области Саганиан.— ИМКУ. Вып. 14, 1978.
- Ртвеладзе, 1983.— Ртвеладзе Э. В. К истории Южного Узбекистана в эфталитское время.— Бактрия—Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.
- Рудо, 1952.— Рудо К. Г. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв.— «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР». Вып. 1, 1952.
- Седов, 1977.— Седов А. [В.]. Буддийский храм на городище Калаи Кафирниган.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Седов, 1979.— Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике.— Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
- Семенов А. А., 1925.— Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии.— Таджикистан. Таш., 1925.
- Семенов Г. Л., 1977.— Семенов Г. Л. Оборонительные стены Пенджикента в V—VIII вв.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.

- Сенигова, 1966.— Сенигова Т. Н. Основные пути формирования топографии Тараза (V—IX вв.).— «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. № 5, 1966.
- Сенигова, 1968.— Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья.— Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968.
- Сенигова, 1972.— Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. А.-А., 1972.
- Сергин, 1966.— Сергин В. Я. Раскопки на городище Хакхаха I.— «Сообщения Государственного республиканского объединенного историко-краеведческого и изобразительных искусств музея». Вып. 4. Душ., 1966.
- Славянское и балканское языкознание, 1975.— Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.
- Смирнов, 1909.— [Смирнов Я. И.]. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
- Смирнова, 1939а.— Смирнова О. И. О трех согдийских монетах.— ВДИ. 1939, № 1.
- Смирнова, 1939б.— Смирнова О. И. Новые данные по истории Согда VIII в.— ВДИ. 1939, № 4.
- Смирнова, 1963.— Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
- Смирнова, 1967.— Смирнова О. И. Нумизматические заметки.— ЭВ. Т. 18, 1967.
- Смирнова, 1970.— Смирнова О. И. Очерки истории Согда. М., 1970.
- Снесарев, 1906.— Снесарев [А. Е.]. Восточная Бухара.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 29. СПб., 1906.
- Соловьев, 1973.— Соловьев В. С. Керамика Кафыр-калы (раскопки 1969—1970 гг.).— АРТ. Вып. 10, 1973.
- Соловьев, 1974а.— Соловьев В. С. Раннесредневековое городище Кафыр-кала — древний центр Вахшской долины.— Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов. Тезисы докладов АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1974.
- Соловьев, 1974б.— Соловьев В. С. Раскопки Кафыр-калы в Южном Таджикистане.— АО-73, 1974.
- Соловьев, 1975а.— Соловьев В. С. Археологическое изучение городища Кафыр-Кала.— Республиканская конференция молодых ученых и специалистов ТаджССР. Тезисы докладов. Душ., 1975.
- Соловьев, 1975б.— Соловьев В. С. Исследования на городище Кафыр-Кала.— АО-74, 1975.
- Соловьев, 1976.— Соловьев В. С. Настенная живопись городища Кафыркала.— Материалы конференций молодых ученых АН ТаджССР. Душ., 1976.
- Соловьев, 1977а.— Соловьев В. С. Оборонительные сооружения городища Кафыр-кала.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душ., 1977.
- Соловьев, 1977б.— Соловьев В. С. Городище Кафыркала — раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение). АКД. М., 1977.
- Соловьев, 1979.— Соловьев В. С. Городище Кафыр-кала. (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана).— УСА. Вып. 4, 1979.
- Сорокин, 1961.— Сорокин С. С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох).— ТГЭ. Т. 5, 1961.
- Ставиский, 1950.— Ставиский Б. Я. Раскопки жилой башни в кухендизе пенджикентского владетеля.— МИА. № 15, 1950.
- Ставиский, 1957.— Ставиский Б. Я. Хуталь в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзана и Хой Чао.— ИООН АН ТаджССР. Вып. 14, 1957.
- Ставиский, 1964.— Ставиский Б. Я. Раскопки квартала знати Пенджикентского городища.— МИА. № 124, 1964.
- Ставиский, 1965.— Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. Из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе.— Доклады по этнографии. Вып. 1 (4). JL., 1965.
- Ставиский, 1972.— Ставиский Б. Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.— Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965—1971 гг. М., 1972.
- Ставиский, 1977.— Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953.— Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь.— МИА. № 37, 1953.
- Ташходжаев, 1963.— Ташходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-Калы.— ТЮТАКЭ. Т. 12. 1963.
- Тереножкин, 1948.— Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.).— ТИИА АН УзССР. Т. 1, 1948.
- Тереножкин, 1950а.— Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента.— МИА. № 15, 1950.
- Тереножкин, 1950б.— Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК. Вып. 33, 1950.
- Толстов, 1948.— Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Толстов, 1949.— Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии.— КСИИМК. Вып. 28, 1949.

- Толстов, 1952.— Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.).— ТХАЭЭ. Т. 1, 1952.
- Толстов, 1958.— Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2, 1958.
- Толстов, 1962.— Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов и др., 1963.— Толстов С. П., Жданко М. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1962 гг.— МХЭ. Вып. 6, 1963.
- Топоров, 1965.— Топоров В. Н. Несколько замечаний к фонологической характеристике центрально-азиатского языкового союза (ЦАЯС).— *Symbolae linguisticae in honorem G. Kuri'owicz*. Wrocław, 1965.
- Тревер, 1954.— Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии).— СА. Т. 24, 1954.
- Трудновская, 1958.— Трудновская С. А. Стекло с городища Шах-Сенем.— ТХАЭЭ. Т. 2, 1958.
- Тургунов, 1973.— Тургунов Б. А. К изучению Айртама.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Усманова, Кабанов, 1975.— Усманова З. И., Кабанов С. К. К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкуртанского водохранилища.— ИМКУ. Вып. 12, 1975.
- Ферсман, 1920.— Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России. Т. 1. Пг., 1920.
- Финке, 1932.— Финке Г. Антикоррозионные свойства медно-оловянных сплавов. М.— Л., 1932.
- Фрицлер и др., 1965.— Фрицлер Л. Х., Мартынова Р. И., Теплякова Т. Д. Справочник по сырьевым ресурсам для производства керамических изделий и искусственных пористых заполнителей бетона. Душ., 1965.
- Ходжагельдыев, 1972.— Ходжагельдыев А. Старинные изделия из бронзы.— «Памятники Туркменистана». Аш., 1972, № 1 (3).
- Ходжагельдыев, 1977.— Ходжагельдыев А. Коллекция бронзовых изделий XI—XIII вв. из Тахта Базара.— «Каракумские древности». Вып. 5. Аш., 1977.
- Худуд ал-алем, 1930.— Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. [В.] Бартольда. Л., 1930.
- Чейлытко, 1936.— Чейлытко В. [Р.]. Древний город Лягман (К археологическому обследованию долины Вахша).— «Коммунист Таджикистана». 23.V.1936.
- Чейлытко, 1945.— Чейлытко В. [Р.]. Таджикистан в памятниках истории.— «Коммунист Таджикистана», 1.X.1945.
- Чейлытко, 1946.— Чейлытко В. [Р.]. Из истории Вахшской долины.— «Коммунист Таджикистана», 30.I.1946.
- Чейлытко, 1947.— Чейлытко В. [Р.]. Археологические находки.— «Коммунист Таджикистана», 18.III.1947.
- Шаниязов, 1964.— Шаниязов К. Узбеки-карлуки. (Историко-этнографический очерк.) Таш., 1964.
- Шемаханская и др., в. п.— Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В. Опыт технологического исследования позднекушанских бронз (в печати).
- Шефер, 1981.— Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.
- Шишкин, 1940.— Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе.— «Изв. УзФАН СССР». № 12, 1940.
- Шишкин, 1945.— Шишкин В. А.— «Курган» и мечеть Чор-сутуп в развалинах Старого Термеза.— Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. Таш., 1945 (Труды АН УзССР. Сер. 1. История, археология).
- Шишкин, 1961.— Шишкин В. А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР. (Полевые работы 1956—1959 гг.)— ИМКУ. Вып. 2, 1961.
- Шишкин, 1963.— Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Шишкина, 1979.— Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Таш., 1979.
- Шперк, 1940.— Шперк В. Ф. Фортификация. Очерки истории и развития. М., 1940.
- Шуаз, 1935.— Шуаз О. История архитектуры. Т. 1. М., 1935.
- Шульц, 1965.— Шульц В. Л. Реки Средней Азии. Л., 1965.
- Эдельман, 1968.— Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.
- Юсупов Х., 1971.— Юсупов Х. Серахские клады.— «Памятники Туркменистана». Аш., 1971, № 1 (11).
- Юсупов Ш. Т., 1975.— Юсупов Ш. Т. Вахшская долина накануне установления Советской власти. Душ., 1975.
- Якубов, 1966.— Якубов Ю. Археологические раскопки Гардани Хисор (в сел. Мадм) в 1964—1965 гг.— ИООН АН ТаджССР. Вып. 4 (46), 1966.
- Якубов, 1975.— Якубов Ю. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор.— АРТ. Вып. 13 (1973), 1977.
- Якубов, 1977.— Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. нашей эры. Душ., 1979.
- Якубов, 1983.— Якубов Ю. О работе Верхнезеравшанского отряда в 1977 г.— АРТ. Вып. 17 (1977 г.). Душ., 1983.

- Якубовский, 1950.— Якубовский А. Ю. Переход от рабовладельческого к феодальному строю (IV—X вв.) — История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., 1950.
- Якубовский, 1951.— Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов в Средней Азии. — Труды ТаджФАН СССР. Т. 29, 1951.
- Якубовский, 1955.— Якубовский А. Ю. Раннефеодальное общество (VI—IX вв.) — История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Таш., 1955.
- Ямпольская, 1972.— Ямпольская Н. М. Металлические подставки под светильники из коллекции А. Н. Смирнова в собрании ГМИНВ. — Сообщения ГМИНВ. Вып. 5, 1972.
- Abu-l-Faraj al-'Ush, 1972.— Abu-l-Faraj al-'Ush M. A. Bronze Ewer with a High Spout in the Metropolitan Museum of Art.— Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1972.
- Accounts, 1959.— Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty. Transl. by R. A. Miller. Berkeley and Los Angeles, 1959.
- Acharya, 1927a.— Acharya P. K. Indian Architecture According to Mānasāra — Silpaśāstra. London — New York — Bombay — Calcutta — Madras, 1927.
- Acharya, 1927b.— Acharya P. K. A Dictionary of Hindu Architecture. London — New York — Bombay — Calcutta — Madras, 1927.
- Aga-Oglu, 1945.— Aga-Oglu M. About Type of Islamic Incense Burner.— «The Art Bulletin». Vol. 27, № 1. N. Y., 1945.
- Aga-Oglu, 1946.— Aga-Oglu M. A Preliminary Note On Two Artists from Nishapur.— «Bulletin of the Iranian Institute». Vol. 6/1—4. N. Y., 1946.
- Allan, 1977.— Allan J. W. Silver: the Key to Bronze in Early Islamic Iran.— Kunst des Orients. 11/1—2. Wiesbaden, 1977.
- Allemagne, 1911.— D'Allemagne H.-R. Du Khorassan au pays des Bakhtiaris. T. 2. P., 1911.
- Altheim, Stiehl, 1954.— Altheim F., Stiehl R. Ein asiatischer Staat. Wiesbaden, 1954.
- Ancient Art, 1968.— Ancient Art from Afghanistan at the Royal Academy of Arts. 6 December to 28 January 1968. [L., 1968].
- Antonini, 1972.— Antonini Ch. S. Le pitture murali di Balalyk Tepe.— «Annali dell' Istituto Orientali di Napoli». Vol. 32 (N. S., 22), 1972.
- The Archaeology of Afghanistan, 1978.— The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period. Ed. by F. R. Allchin and N. Hammond. London — New York — San Francisco, 1978.
- Architecture of Mānasāra, 1932.— Architecture of Mānasāra. Transl. by P. K. Acharya. London — New York — Bombay — Calcutta — Madras, 1932 (Hindu Architecture. Vol. 4).
- Architecture of Mānasāra, 1933.— Architecture of Mānasāra. Illustration of Architectural and Sculptural Objects with Synopsis by P. K. Acharya. London — New York — Bombay — Calcutta — Madras, 1933 (Hindu Architecture. Vol. 5).
- Arts de l'Islam, 1971.— Arts de l'Islam des origines à 1700 dans les collections publiques françaises. Orangerie des tuileries. 22 Juin 30 août 1971. P., 1971.
- The Arts of Islam. Hayward Gallery, 1977.— The Arts of Islam. Hayward Gallery. 8 April — 7 July 1976. L., 1977.
- Attivita, 1960.— Attivita archeologica Italiana in Asia. Mostra dei risultati delle Missioni in Pakistan e in Afghanistan. Roma — Torino, 1960.
- Baer, 1972.— Baer E. An Islamic Inkwell in the Metropolitan Museum of Art.— Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art. Ed. by R. Ettinghausen. N. Y., 1972.
- Bag, 1971.— Bag A. K. The Knowledge of Geometrical Figures, Instruments and Units in the Sulbasutras.— EW. Vol. 21/1—2, 1971.
- Baltrusaitis, 1967.— Baltrusaitis J. Sasanian Stucco. A ornamental.— SPA. Vol. 2. L., 1967.
- Bareau, 1964.— Bareau A. Der indische Buddhismus.— Die Religionen Indiens. 3. Stuttgart, 1964.
- Barnett, 1957.— Barnett A. D. Catalogue of the Nimrud Ivories with Other Examples of Ancient Near Eastern Ivories. L., 1957.
- Barrett, 1949.— Barrett D. Islamic Metalwork in the British Museum. L., 1949.
- Barthoux, 1933.— Barthoux J. Les fouilles de Hadda. 1. P., 1933 (MDAFA, 4).
- Beal, 1906.— Beal S. Buddhist Records of the Western World. Vol. 1. L., 1906.
- Beck, 1928.— Beck H. C. Classification and Nomenclature of Beads and Pendants.— «Archaeologia or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity». Ser. 2. Vol. 27(77). L., 1928.
- Beck, 1933.— Beck H. C. Etched Carnelian Beads.— «The Antiquaries Journal». Vol. 13, 1933, № 4.
- Bel'ami, 1869. Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami... par H. Zotenberg. T. 2. P., 1869.
- Belenitski, Marshak, 1971.— Belenitski A. M., Marshak B. I. L'art de Piandji-

- kent a la lumière des dernières fouilles (1958—1968).—«Arts asiatiques». T. 23. P., 1971.
- Bernard, 1973.—Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum. 1. P., 1973 (MDAFA. T. 21).
- Bernard, Francfort, 1978.—Bernard P., Francfort H.-P. Etudes de géographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan). P., 1978.
- Bivar, 1969.—Bivar A. D. H. Catalogue of Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamps Seals II: The Sasanian Dynasty. L., 1969.
- Bivar, 1974.—Bivar A. D. H. A Mongol Invasion Hoard from Eastern Afghanistan.—Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honor of George C. Miles. Beirut, 1974.
- Bose, Sen, Subbarayappa, 1971.—Bose D. M., Sen S. N., Subbarayappa B. Y. A Concise History of Science in India. New Delhi, 1971.
- Brunner, 1978.—Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1978.
- Bulletino, 1974.—Bulletino d'arte. Ser. 5. Anno 59. 1974, № 3—4.
- Bussagli, 1963.—Bussagli M. Die Malerei in Zentralasien. Genève, 1963.
- Chavannes, 1903.—Dokuments sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par E. Chavannes. St.-Pbg. (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6).
- Cohn-Wiener, 1930.—Cohn-Wiener E. Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien. B., 1930.
- Combaz, 1937a.—Combaz G. L'Inde et l'Orient classique. Texte. P., 1937.
- Combaz, 1937b.—Combaz G. L'Inde et l'Orient classique. Planches. P., 1937.
- Creswell, 1940.—Creswell K. A. C. Early Muslim Architecture. Pt. 2. L., 1940.
- Creswell, 1952.—Creswell K. A. C. Fortification in Islam before A. D. 1250.—Proceedings of the British Academy. L., 1952.
- Creswell, 1958.—Creswell K. A. C. A Short Account of Early Muslim Architecture. Harmondsworth, 1958.
- Cumont, 1956.—Cumont F. The Mysteries of Mithra. N. Y., 1956.
- Dalton, 1964.—Dalton O. M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. Ed. 3. L., 1964.
- The David Collection, 1975.—The David Collection. Islamic Art. København, 1975.
- Daya Ram Sahni, 1911.—Daya Ram Sahni. Sahéth.—Annual Report (Archaeological Survey of India). 1907—8, Calcutta, 1911.
- Dhavalikar, 1969.—Dhavalikar M. K. Sri Yagadhara — a Master-Artist of Ajanta.—«Artibus Asiae». Vol. 31/4. Ascona, 1969.
- Diez, 1936.—Diez E. Masjid.—EI. 3, 1936.
- Diez, 1967.—Diez E. [Islamic Architecture]. The Principles and Types.—SPA. Vol. 3, 1967 (reprint).
- Dikshit, 1949.—Dikshit M. G. Etched Beads in India.—Deccan College Monograph Series. Vol. 4. Poona, 1949.
- Dimand, 1941.—Dimand M. S. A Review of Sasanian and Islamic Metalwork in «A survey of Persian art».—Ars Islamica. Vol. 8. Ann Arbor, 1941.
- Dimand, 1944.—Dimand M. S. A Handbook of Muhammadan Art. Ed. 2. N. Y., 1944.
- Dimand, 1967.—Dimand M. S. Seljuk Metalwork Recently Acquired by the Metropolitan Museum.—SPA. Vol. 14, 1967.
- Duchesne-Guillemin, 1961.—Duchesne-Guillemin J. Symbolik des Parsismus. Stuttgart, 1961 (Symbolik der Religionen. 8).
- Enoki, 1955.—Enoki K. The origin of the White Huns or Hepthalites.—EW. Vol. 6, № 3, 1955.
- Enoki, 1959.—Enoki K. On the Nationality of the Ephthalites.—MRDTB. № 18, 1959.
- Enoki, 1969.—Enoki K. On the Date of the Kidarites.—MRDTB. № 27, Tokyo, 1969.
- Enoki, 1970.—Enoki K. On the Date of the Kidarites (2).—MRDTB. № 28, 1970.
- Erdmann, 1936.—Erdmann K. Die sasanidischen Jagdschalen. Untersuchung zur Entwicklungsgeschichte der iranischen Edelmetallekunst unter den Sassaniden.—«Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen». Vol. 75, 1936.
- Erdmann, 1943.—Erdmann K. Zur Chronologie der sassanidischen Jagdschalen.—ZDMG, Bd. 27, 1943.
- Erdmann, 1951.—Erdmann K. Die Entwicklung der sassanidischen Krone.—«Ars Islamica». Vol. 15—16. Michigan, 1951.
- Ettinghausen, 1957.—Ettinghausen R. The «Wade Cup» in the Cleveland Museum of Art, its Origin and Decorations.—«Ars Orientalis». 2, 1957.
- Fine Oriental Miniatures, 1979.—Fine Oriental Miniatures, MSS, Islamic Works of Art... Public Auction, June 15, 1979. Sotheby Parke Bernet. N. Y., 1979.
- Finster, Schmidt, 1977.—Finster B., Schmidt J. Sasanidische und frühislamische Ruinen im Iraq. B. 1977 (Bagdader Mitteilungen. Bd 8. 1976).
- Fischer, 1973.—Fischer K. Archäologische Landesaufnahme in afghanischen Sistan.—«Indologen Tagung. 1971». Wiesbaden, 1973.
- Fischer, 1974.—Fischer K. Dächer, Decken und Gewölbe indischer Kultstätten. Wiesbaden, 1974.
- Fischer, 1976.—Fischer K. Nimruz. Geländebegehungen in Sistan 1955—1973 und die Aufnahme von Dewal-i Khodaydod 1970. Bd 1—2. Bonn, 1976.
- Francfort, 1979.—Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. P., 1979 (Travaux de l'URA, № 10).

- Frumkin, 1970.—Frumkin G. *Archaeology in Soviet Central Asia*. Leiden — Köln, 1970.
- Frye, 1954.—Frye R. N. *The History of Bukhara*. Translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi. Cambridge, Mass., 1954.
- Frye, 1971.—Frye R. N. *Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi*. L., 1971 (*Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Pt. 3. Pahlavi Inscriptions. Vol. 6: Seals and Coins).
- Fuad Safar, 1953.—Fuad Safar. *Inscriptions of Hatra*.—«Sumer». Vol. 9, № 1, 1953.
- Fuchs, 1938.—Fuchs W. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwesten Indien und Zentral-Asien um 726.—SPAW. 1938. Phil.-hist. Kl. B., 1938.
- Fukai, 1977.—Fukai Sh. *Persian Glass*. New York — Tokyo — Kyoto, 1977.
- Fukai, Horiuchi, 1969.—Fukai Sh., Horiuchi K. *Taq-i-Bustan*. 1. Plates. Tokyo, 1969 (The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report 10).
- Fussman, Le Berre, 1976.—Fussman G., Le Berre M. *Monuments bouddhiques de la région de Caboul*. I. Le monastère de Gul Dara. P., 1976 (MDAFA, t. 22).
- Gabain, 1973.—Gabain A. *Das Leben in uigurischen Königreich von Qocho* (850—1250). Bd 1—2. Wiesbaden, 1973 (Veröffentlichung der Societas Uralo-Altaica. Bd 6).
- Gardin, 1957.—Gardin J.-C. *Céramiques de Bactres*. P., 1957 (MDAFA. T. 15).
- Gardin, 1963.—Gardin J.-C. *Céramiques et monnaies de Lashkari Bazar et de Bust*. P., 1963 (MDAFA. T. 18).
- Gardin, Gentelle, 1976.—Gardin J.-C., Gentelle P. *Irrigation et peuplement la plaine d'Ai Khanoum, de l'époque Achéménide à l'époque musulmane*.—BEFEO. Vol. 63. P., 1976.
- Geiger B., 1938.—Geiger B. *Aus mittelpersischen Materialien*.—«Archiv Orientalní». Vol. 10, № 1—2. Praha, 1938.
- Geiger W., 1960.—Geiger W. *Culture of Ceylon in Mediaeval Times*. Wiesbaden, 1960.
- Gentelle, 1978.—Gentelle P. *Etude géographique d'Ai Khanoum et de son irrigation depuis des temps antiques*. P., 1978 (Publication de l'URA. № 10. Mémoires, № 2).
- Gershevitch, 1967.—Gershevitch I. *Bactrian Inscriptions and Manuscripts*.—«Indogermanischen Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft». Bd 72, H. 1/2. B., 1967.
- Chirshman, 1946.—Chirshman R. *Bégram*. Le Caire, 1946 (MDAFA. T. 12).
- Ghirshman, 1962.—Ghirshman R. *Iran. Parthians and Sassanians*. Thames and Hudson, 1962.
- Ghirshman, 1976.—Ghirshman R. *Terrasses sacrées de Bard à Néchandeh et Masjid-i Soleiman*.—L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ère. Vol. I. Texte. P., 1976 (MDAI. T. 45).
- Giuzalian, 1968.—Giuzalian L. T. *The Bronze Qalamdan (Pen-Case) 542/1148 from the Hermitage Collection (1936—1965)*.—«Ars Orientalis». Vol. 7, 1968.
- Godard, 1964.—Godard A. *Kunst des Iran*. B., 1964.
- Goldman, 1964.—Goldman B. *Early Iranian Art in the Cincinnati Art Museum*.—«The Art Quarterly». Vol. 27, № 3. Detroit, 1964.
- Göbl, 1969.—Göbl R. *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Bd 1—4. Wiesbaden, 1969.
- Göbl, 1971.—Göbl R. *Sasanian Numismatics*. Braunschweig — Würzburg, 1971 (Manuals Middle Asian Numismatics. Vol. 1).
- Göbl, 1973.—Göbl R. *Der Sasanidische Siegelkanon*. Braunschweig, 1973. (Handbücher der mittelasiatischen Numismatik. Bd 4).
- Grabar, 1959.—Grabar O. *Persian Art before and after Mongol Conquest*. Ann Arbor, 1959.
- Grabar, 1966.—Grabar O. *The Earliest Islamic Commemorative Structures. Notes and documents*.—«Ars Orientalis». Vol. 6. Michigan, 1966.
- Grabar, 1967.—Grabar O. *An Introduction to the Art of Sasanian Silver*.—Sasanian Silver. Late Antique and Early Mediaeval Arts of Luxury from Iran. Michigan, 1967.
- Grabar, 1973.—Grabar O. *The Formation of Islamic Art*. New Haven — London, 1973.
- Grünwedel, 1905.—Grünwedel A. *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903*. München, 1905 (ABAW. Kl. 1, Bd 24, Abt. 1).
- Grünwedel, 1912.—Grünwedel A. *Altbuddhistische Kultstätten*. B., 1912.
- Grünwedel, 1920.—Grünwedel A. *Alt-Kutscha*. B., 1920.
- Grünwedel, 1970.—Grünwedel A. *Mythologie des Buddhismus in Tibet und Mongolei*. Osnabrück, 1970 (Nachdruck).
- Gullini, 1964.—Gullini G. *Architettura Iranica dagli Achemenidi ai Sasanidi*. II «palazzo» di Kuh-i Khwagia (Seistan). Torino, 1964.
- Hackin, 1959.—Hackin J. *Le monastère bouddhique de Fondukistân*.—MDAFA. T. 8, 1959.
- Hambis, 1964.—Hambis A. *Sités en monuments de la région de Kachgar et de Toumchouq*.—«Toumchouq», édité sous la direction de L. Hambis. P., 1964 (Mission P. Pelliot. 3).

- Hansen, 1951.—Hansen O. Die Berliner Hephtaliten-Fragmente.—F. Altheim. Aus Spätantike und Christentum. Tübingen, 1951.
- Hansman, Stronach, 1970.—Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahri-Qumis, 1967.—JRAS. 1970, № 1.
- Harari, 1967.—Harari R. Metalwork after the Early Islamic Period.—SPA. Vol. 6, 1967 (reprint).
- Harper, 1978.—Harper P. O. The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. N. Y., 1978.
- Heikel, 1918.—Heikel H. I. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918.
- Herzfeld, 1941.—Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L.—N. Y., 1941.
- Histoire, 1723.—Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares. Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd. Traduite en Français par feu M. Petis de la Croix. T. 1—4. Delf, 1723.
- Holod, 1974.—Holod R. The Monument of Duvāzdah Imām in Yazd and its Inscriptions of Foundation.—Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in honor of George C. Miles. Beirut, 1974.
- Hopkins, 1942.—Hopkins C. The Parthian Temple.—«Berytus». 7/1, 1942.
- Hui-li, 1959.—Hui-li. The Life of Hsuan-Tsang. Translated by Li Yung-hsi. Peking, 1959.
- Humbach, 1966.—Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. T. 1. Wiesbaden, 1966.
- Humbach, 1967.—Humbach H. Two Inscriptions in Graeco-Bactrian Cursiv Script from Afghanistan.—EW. Vol. 17/1—2, 1967.
- Klementz, 1899.—Klementz D. Turfan und seine Altertümer.—Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899.
- Klinkott, 1982.—Klinkott M. Islamische Baukunst im Afganisch-Sistān. B., 1982 (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband, 8).
- Kramrich, 1969.—Kramrich S. Editor Note.—«Artibus Asiae». Vol. 31/4. Ascona, 1969.
- Kühnel, 1920.—Kühnel [E.]. Islamische Räuchergerät.—«Berliner Museen. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen». Jg. 41, № 6. B., 1920.
- Kühnel, 1922.—Kühnel E. Miniaturmalerei im islamischen Orient. B., 1922.
- Kühnel, 1925.—Kühnel E. Islamische Kleinkunst. B., 1925 (Bibliothek für Kunst- und Antiquitäten-Sammler. Bd 25).
- Lamm, 1923.—Lamm C. J. Das Glass von Samarra. B., 1923.
- Lamm, 1935.—Lamm C. J. Glass from Iran in the National Museum. Stockholm, 1935.
- Lamm, 1939.—Lamm C. J. Glass and Hard Stone Vessels.—SPA. Vol. 3. L., 1939.
- Le Coq, 1974a.—Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 3. Graz, 1974 (Nachdruck).
- Le Coq, 1974b.—Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 4. Graz, 1974 (Nachdruck).
- Le Coq, 1975a.—Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 5. Graz, 1975 (Nachdruck).
- Le Coq, 1975b.—Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 7. Neue Bildwerke III. Ausgewählt und bearbeitet von E. Waldschmidt. Graz, 1975 (Nachdruck).
- Le Coq, 1977.—Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasien. Graz, 1977 (Nachdruck).
- Le Coq, 1979.—Le Coq A. Chotscho. Graz, 1979 (Nachdruck).
- Le Strange, 1905.—Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.
- Lévi, 1915.—Lévi S. Le catalogue géographique des Yaksa dans le Mahāmāyūri.—JA. Ser. 11, T. 5. 1915, Janvier—Février.
- Litvinsky, 1968a.—Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.
- Litvinsky, 1968b.—Litvinsky B. A. Archaeology in Tadžikistan under Soviet Rule.—EA. N. S. Vol. 18, № 1—2. Roma, 1968.
- Litvinskij, 1981.—Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan.—EW. Vol. 30. 1981.
- Litvinskiy, Pichikiyan, 1981.—Litvinskiy B. A., Pichikiyan I. R. The Temple of the Oxus.—JRAS. 1981, № 2.
- Lukonin, 1967.—Lukonin V. G. Iran. 2. Des Séleucides aux Sassanides. Paris—Genève—Munich, 1967.
- Makdisi, 1961.—Makdisi G. Muslim Institutions of Learning in Eleventh Century Baghdad.—BSOAS. Vol. 24. Pt 1, 1961.
- Marquart, 1901.—Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Korenaci. B., 1901. (AKGWG. N. F., Bd 3, № 2).
- Marquart, 1938.—Marquart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
- Marshall, 1951.—Marshall J. Taxila. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.
- Martin, 1897.—Martin F. R. Sammlungen aus dem Orient in der allgemeinen Kunst- und Industrie Ausstellung zu Stockholm 1897. Stockholm, 1897.
- Martin, 1902.—[Martin F. R.] Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient gesammelt von F. R. Martin. Stockholm, 1902.

- Mecquenem, 1949.—Mecquenem R. Fouilles de Suse, 1933—1939.—«Mémoires de la Mission archéologique en Iran». T. 29, 1949.
- Melikian-Chirvani, 1973.—Melikian-Chirvani A. S. Le bronze iranien. P., 1973.
- Melikian-Chirvani, 1974.—Melikian-Chirvani A. S. The White Bronzes of Early Islamic Iran.—«Metropolitan Museum Journal». Vol. 9, 1974.
- Melikian-Chirvani, 1975.—Melikian-Chirvani A. S. Les bronzes du Khorâssân 3. Bronzes inédits du Xe et du XIe siècles.—Studia Iranica. T. 4. Fasc. 2. Leiden, 1975.
- Melikian-Chirvani, 1976a.—Melikian-Chirvani A. S. Islamic Metalwork from Iranian Lands (8th—18th Centures). Victoria and Albert Musseum. Exhibition April—May 1976.
- Melikian-Chirvani, 1976b.—Melikian-Chirvani A. S. Bronzes Iraniens dernières découvertes.—«L'Oeil». № 249, 1976, Avril.
- Melikian-Chirvani, 1982.—Melikian-Chirvani A. S. Islamic Metalwork from the Iranian World 8th—18th Centuries. L., 1982 (Victoria and Albert Museum Catalogue).
- Minorsky, 1970. Hudūd al-'Ālam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.—82 A. D. Transl. and expl. by V. Minorsky. Ed. 2. L., 1970 (GMS. N. S. Vol. 11).
- Mizuno, 1970.—Mizuno S. Chagalaq Tepe. Fortified Village in North Afghanistan. Excavated in 1964—1967. Kyoto, 1970.
- Moorey, 1969.—Moorey P. R. S. Prehistoric Copper and Bronze Metallurgy in Western Iran.—«Iran Journal of Persian Studies». 1969, vol. 7.
- Müller, 1918.—Müller F. W. K. Toxri und Kuisan (Kūsān).—SPAW. Phil. hist. Kl., 27, 1918.
- Naumann, 1977.—Naumann R. Die Ruinen von Tacht-e Suleiman und Zendan-e Suleiman und Umgebung. B., 1977 (Führer zu archäologischen Plätzen in Iran. Bd 2).
- Negro Ponzi, 1967.—Negro Ponzi M. M. Some Sasanian Moulds.—Mesopotamia. 2. Torino, 1967.
- Negro Ponzi, 1968—1971.—Negro Ponzi M. Tell Mahuz. Sasanian Objects from North Mesopotamia.—Estraitti da «Mesopotamia». III—IV—VI. Torino, 1968—1971.
- Oates, 1967.—Oates D. The Excavations at Tell al Rimah, 1966.—«Iraq». 29, 1967.
- Orbeli, 1967.—Orbeli I. Sasanian and Early Islamic Metalwork.—SPA. Vol. 2, 1967 (reprint).
- Pal, 1973.—[Pal P. J.] The Nasli M. Heermaneck Collection. Los Angeles County Museum of Art. Ed. by P. Pal. Los Angeles, 1973.
- Pedersen, 1929.—Pedersen J. Some Aspects of the History of the Madrasa.—Islamic Culture. The Hyderabad Quarterly Review. Vol. 3, № 4, 1929.
- Pelliot, 1934.—Pelliot P. Tokharien ou Koutchéen.—JA. T. 224, 1934.
- Persian Art, 1931.—Persian Art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House London 1931. Ed. 2. L., [1931].
- Pope, 1945.—Pope A. U. Masterpieces of Persian Art. N. Y., 1945.
- Qataghan et Badakhshân, 1979.—Qataghan et Badakhshân. Description du pays d'après l'inspection d'un ministre afghan en 1922 par Mawlawi Borhân al-din Khân Koshkaki. Trad. par M. Reut. T. 1—2. P., 1979 (Publications de l'URA, № 10. Mémoire, № 3. Travaux de l'Institut d'Etudes Iraniennes de l'Université de la Sorbonne Nouvelle, 10/2).
- Reuter, 1967.—Reuter O. Sasanian Architecture.—SPA. Vol. 2, 1967.
- Rice, 1958.—Rice D. S. Studies in Islamic Metal work. 6.—BSOAS. Vol. 21/2, 1958.
- Rosen-Ayalon, 1972.—Rosen-Ayalon M. Four Iranian Bracelets Seen in the Light of Early Islamic Art.—«Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art». Ed. by R. E. Ettinghausen. N. Y., 1972.
- Rosen-Ayalon, 1974.—Rosen Ayalon M. La poterie islamique.—Mémoires Délégation Archéologique en Iran. T. 50. P., 1974.
- Rosintal, Schroeder, 1967.—Rosintal J., Schroeder E. Squinches, Pendants and Stalactites.—SPA. Vol. 3, 1967 (Reprint).
- Rowland, 1971.—Rowland B. Art in Afghanistan. Objects from the Kabul Museum. L., 1971.
- Rowland, 1974.—Rowland B. The Art of Central Asia. N. Y., 1974.
- Sarre, 1923.—Sarre F. Zuwachs der islamischen Abteilung.—«Berliner Museen. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen». Jg. 44. H. 5—6. B., 1923.
- Sarre, 1925.—Sarre F. Die Kunst des alten Persien. B., 1923.
- Sarre, Martin, 1912.—Sarre F., Martin F. Die Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischen Kunst in München 1910. Bd 2. München, 1912.
- Sasanian Silver, 1967.—Sasanian Silver. Late Antique and Early Mediaeval Arts of Luxury from Iran. Ann Arbor, 1967.
- Scerrato, 1959.—Scerrato U. Summary Report on the Italian Archaeological Mission in Afghanistan. 2. The Two First Excavation Campaigns at Ghazni, 1957—8.—EW. Vol. 10, № 1—2, 1959.
- Scerrato, 1964.—Scerrato U. Oggetti metallici di età islamica in Afghanistan. 2. Ripostiglio di Maimana.—Istituto Universario Orientali di Napoli. Annali. Nuova serie. Vol. 14. Napoli, 1964.

- Scerrato, 1966.—Scerrato U. *Metalli islamici*. Milano, 1966.
- Schafer, 1963.—Schafer E. H. *The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics*. Berkeley — Los Angeles, 1963.
- Schippmann, 1971.—Schippmann K. *Die iranische Feuerheiligtümer*. B.—N. Y., 1971 (*Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten*. Bd 31).
- Schlumberger, 1960.—Schlumberger D. *Descendants non-méditerranéens de l'art grec.—«Syria»*. T. 37, 1960.
- Schlumberger, 1964.—Schlumberger D. *Le temple de Surkh Kotal en Bactriane*. 4.—JA. T. 252, 1964.
- Schlumberger, 1969.—Schlumberger D. *Die hellenisierte Orient*. Baden-Baden, 1969.
- Schlumberger etc., 1983.—Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. *Surkh Kotal en Bactriane*. Vol. 1. Texte, vol. 2. Planches. P., 1983 (MDAFA. T. 25).
- Shephard, 1964.—Shephard D. C. *Sasanian Art in Cleveland.—«The Bulletin of the Cleveland Museum of Art»*. Vol. 51, № 4. Cleveland, 1964.
- Shukla, 1961.—Shukla D. N. *Vāstu-śāstra*. Vol. 1. *Hindu Science of Architecture*. Chandigarh, 1961 (*Bhāratīya vastu-śāstra series*. Vol. 8).
- Smith, 1971.—Smith V. A. *A History of Fine Art in India and Ceylon*. Bombay, 1971.
- Stein, 1907.—Stein M. A. *Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan*. Vol. 1—2. Ox., 1907.
- Stein, 1921.—Stein A. *Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 1—5. Ox., 1921.
- Stein, 1928.—Stein A. *Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran*. Vol. 1—4. Ox., 1928.
- Tabari, 1973.—*Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. von Th. Nöldeke. Leyden, 1973 (Nachdruck).
- Tafazzoli, 1975.—Tafazzoli A. *A List of Trades and Crafts in the Sassanian Period*.—AMI. Bd 7 (1974), 1975.
- The Tarikh-i-Rashidi, 1895.—*The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlāt. A History of the Moghuls of Central Asia. An English Version Ed., with Commentary, Notes, and Map by N. Elias. The Translation by E. Denison Ross*. L., 1895.
- Tarzi, 1973.—Tarzi Z. *Les vases d'abondance de la grotte I de Bamyan.—«Afghanistan»*, № 2 (Vol. 26), 1973.
- Tarzi, 1977.—Tarzi Z. *L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bāmiyān*. T. 1—2. P., 1977.
- Tibawi, 1962.—Tibawi A. L. *Origin and Character of al-madrasah*.—BSOAS. Vol. 25. Pt. 2, 1962.
- Tomaschek, 1877.—Tomaschek W. *Centralasiatische Studien*. 1. *Sogdiana*. Wien, 1877.
- Tritton, 1957.—Tritton A. S. *Materials on Muslim Education in the Middle Ages*. L., 1957.
- Upton, 1973.—Upton J. M. *The Site of Qasr-i Abu Nasr and a Description of the Sealings.—Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings and Coins*. Ed. by R. N. Frye. Cambridge, Mass., 1973 (*Harvard Iranian Series*. Vol. 1).
- Vermaseren, 1960.—Vermaseren M. J. *Corpus Inscriptionum et Monumentorum Religionis Mithriacae*. The Hague, 1960.
- Vinaya texts, 1885.—*Vinaya Texts* transl. from the Pāli by T. W. Rys Davids and H. Oldenberg. Pt. 3. Ox., 1885 (SBE. 20).
- Waldschmidt, 1975.—Waldschmidt E. *Beschreibender Text.—Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*. 7. Graz, 1975 (Nachdruck).
- Whitehouse, 1969.—Whitehouse D. *Excavations at Sirāf. Second interim report*.—Iran. 7. L., 1969.
- Widengren, 1965.—Widengren G. *Die Religionen Irans*. Stuttgart, 1965.
- Wiedemann, 1907.—Wiedemann E. *Technik bei den Arabern.—Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften*. T. 10. Erlangen, 1907 (*Sitzungsberichte der Physikalisch-medizinischen Sozietät in Erlangen*. Bd 38).
- Wiet, 1930.—Wiet G. *Album de Musée arabe du Caire*. Le Caire, 1930.
- Wiet, 1933.—Wiet G. *L'exposition persane de 1931*. Le Caire, 1933.
- Wilkinson, 1963.—Wilkinson Ch. *Iranian Ceramics*. N. Y., 1963.
- Zaky M. Hassan, 1950.—Zaky M. Hassan. *Moslem Art in the Fouad University Museum*. Vol. 1. Cairo, 1950.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДД — Автореферат докторской диссертации.
 АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
 АО — «Археологические открытия». М.
 АРТ — «Археологические работы в Таджикистане». Душ.
 ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока (Москва).
 ДАН ТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР.
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры». М.— Л.
 Изв. УзФАН СССР — «Известия Узбекского филиала Академии наук СССР».
 ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана». Таш.
 ИООН АН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук». Душ.
 ИРГО — «Известия Русского географического общества». СПб., М.— Л.
 ИТН — История таджикского народа. Т. 1—2. М., 1963—1964.
 КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.
 КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М.— Л., М.
 КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
 МКТ — «Материальная культура Таджикистана». Душ.
 МХЭ — «Материалы Хорезмской экспедиции». М.
 НЭ — «Нумизматика и эпиграфика». М.
 ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане». Таш.
 СА — «Советская археология». М.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент).
 СНВ — «Страны и народы Востока». М.
 СЭ — «Советская этнография». М.— Л., М.
 ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
 ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа». Л.
 ТИИАЭ АН КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». А.-А.
 ТИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии АН УзССР». Таш.
 ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР». Душ.
 ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
 ТОВГЭ — Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
 ТСАИИ — «Труды Среднеазиатского индустриального института». Таш.
 ТССР, 1974 — Таджикская Советская Социалистическая Республика. Гл. ред. М. С. Асимов. Душ., 1974.
 ТТКЭАН — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР».
 ТХАЭЭ — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». М.
 ТЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Аш., М.
 УСА — «Успехи среднеазиатской археологии». М., Л.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока». М.— Л.

- ЭСТ — Таджикская Советская Социалистическая Республика. Душ., 1979.
- ABAW — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». München.
- AKGWG — «Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl». B.
- AMI — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran». Neue Folge. B.
- BEFEO — «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient». P.
- BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London Institution (University of London)».
- EI — Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischer Völker. Bd 1—4. Leiden — Leipzig.
- EA — «Eastern Art». Philadelphia.
- EW — «East and West». New Series. Roma.
- GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
- JA — «Journal asiatique». P.
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland».
- MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan». P.
- MDAI — «Mémoires de la Délégation Archéologique française en Iran». P.
- MRDTB — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library)». Tokyo.
- SBE — «Sacred Books of the East». Ox.
- SPA — «A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present». Vol. 1—14. Tehran — London — New York — Tokyo, 1967 (reprint).
- SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften». B.
- URA — L'Unité de recherches archéologiques.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, Wiesbaden.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Абдуллы ибн Бурейды мавзолей 133
Аджанта 50
Аджинатепе 4, 46, 49, 52, 54, 65, 66, 70,
75, 79—81, 101, 102, 108, 112, 113,
117, 125, 128—133, 136, 139—141,
195, 207, 211
Айртам 208
Ай-Ханум 84, 138
Акбешим 77, 86, 104, 113, 208
Акгазинское плато 125
Актепа II (в Кобадиянском оазисе) 205
Актепе (близ Нау) 211
Актепе (близ Ташкента) 55, 63, 72, 75,
86, 101, 102
Актобе-2 75
Алтай 101
Амударья р. 119, 132, 135, 137, 156, 157,
193, 211, 212
Ангорский оазис 121
Андиджараг р. 156
Аруктау хр. 3
Архен (Арханг) 156, 157
Архенская переправа 156, 157
Ассирия 115
Аултепа 55
Афганистан Северный 4
Афрасиаб 75, 77, 84, 112, 117
Ахсикет 188, 189, 191
Ашт 191
Ашхабад 198

Бабаата 208
Багх-Гаи 56
Бадахшан 116, 157, 182
Бадахшан Афганский 181
Бактрия Южная 56
Бактрия Северная 78, 84
Балалыктепе 6, 49, 78, 113, 117, 126,
128—130, 139—141, 195, 207
Баланды-2 72
Балх 120, 121, 132, 182
Бамиан 67, 78, 87, 140
Барбан р. 156
Барсов городок 182, 201
Бахшу р. 156
Беграм III 84
Бедрач 210
Безымянное городище 128, 131
Беркуткала 92, 104
Бешкапа 121
Бешкентская долина 128, 205
Бишапур 56
Ближний Восток 68, 134, 197, 210
Болдайтепа 135
Борижарский могильник 102
Будрач 121
Бунджикат 122, 207
Бухара 132, 188, 190, 213

Варахша 57, 63, 88, 101, 117, 122, 131
Вахш, владение, обл. 118—121, 137, 146,
147, 153, 155—158, 193, 212
Вахшская долина 3, 4, 6, 8, 46, 47, 113,
120, 121, 125, 128, 135, 137, 142, 146,
195, 207, 210, 211
Вашгирд 144
Восточный Туркестан 56, 67, 72, 75, 78,
83, 112, 139, 140, 207, 210

Газни 189, 191, 193, 212
Гамбербаба, мавзолей 133
Гандхара 56, 57
Гаравкала 135
Гардони-Хисар 61, 83, 208
Герат 182, 193
Гильгит 143
Гималаи 195
Гиндукуш 195, 211
Гиссар 193
Гиссарская долина 4
Гулак 157
Гульдара 66
Гульпаегане 204
Гяуркала 84, 93

Дальверзинтепе 77, 78, 138
Дамаск 204
Дамган 204
Данданакан 188
Дарваз 78
Джабартепе 67
Джагагу 212
Джандиал 56
Джарьяб-Пяндж 156
Джиликуль 213
Джуйбар 125, 126
Джумалактепе 126, 130, 141, 195
Дильберджин 56, 66, 139
Диоскуров храм 56
Древний Египет 115

Европа Западная 124
Египет 187, 191

Зангтепе 6, 55, 63, 92, 98, 121, 128, 143,
144, 195, 208
Заргартепе 125
Зартепа 127
Зеваликский могильник 102
Земм 145
Зеравшана долина 136

Идикутшари 75, 76
Иерусалим 189
Имам Сахиб 157, 212
Имамбаба, мавзолей 133
Индия 56, 124, 138, 207
Индия Северная 106, 144

Иран 66, 77, 87, 115—117, 130, 161, 187, 196, 199, 202, 205, 208, 213
Иран Восточный 56, 182, 189, 196, 205, 213
Исфара 92
Кабул 191
Казахстан 63, 94, 101, 102, 118, 123, 195, 208
Казахстан Южный 188
Каип 189
Каир 184
Кала Ваба 66
Калаиболо 57, 92, 98, 161
Калан-Кафирниган 6, 54, 55, 61, 63, 65, 66, 74, 80, 83, 86, 100, 108, 112, 113, 117, 121, 123, 124, 128—134, 139—142, 195, 207
Калан-Какхаха I 122
Калаимир 130
Калан-Шадмон 113, 140, 208
Калалыгыр 84
Калининабад 125
Карабагтепа 90
Кара-Бура 135
Кара-Ланг 125, 211
Каратегин 78
Каратепе 56, 138, 142, 144
Касри Абу-Наср 191, 213
Каунтепа 125
Кафирниган р. 4, 47, 137
Кафыр, канал 120, 125
Кафыртепа 125
Какхаха 92
Какхаха I 86
Кейкобадшах 84, 90
Кетменьтюбинская долина 191
Кзыл-Кайнарский могильник 102
Кзыл-Тумшук 125
Кзыл-тумшукская горловина 120
Кизыл 83, 139
Кизылсу 6, 128, 156
Киргизия 63, 123
Киргизия Южная 86
им. Кирова совхоз 4
Китай 128, 129, 138, 210
Киш 87
Кишм 181
Кобаднан 109, 119, 135, 145, 193
Кобаднанский оазис 136
Кой-Крылгап-кала 208
Кокуль 156
Кокульская переправа 157
Колхозабад 8, 135, 147, 212
Копенгаген 192
Красная Поляна 116
Кубачи 189
Кува 53, 105, 108
Куёвкурбан 70, 127, 139, 140, 208
Кулаглытепе 121
Кум 83
Кумтепа 4, 55
Кундуз 184
Курбаншаид 157
«Курган» 6, 209
Курган-Тюбе 148, 157, 158, 212, 213
Курган-тюбинское городище 125
Кухистан 189
Кухи-Ходжа 55, 133
Кухнакала 4, 55, 90, 135
Кухнашахр 125
Куча 112
Кчик-Уртабоз 125

Кызбиби, мавзолей 133
Левакенд 146, 157, 158, 212, 213
Лос-Анджелес 189, 201
Луристан 205
Мавераннахр 131, 133, 156, 182, 184, 193, 202, 213
Мазари-Шариф 193
Мансур-депе 56
Мардат 125
Меймене 188, 193
Мерв 98, 109, 121, 132, 208
Месопотамия 98, 100, 187, 208
Мингой 83
Миран 72, 75
Муткала 92
Мунк 158
Мунчактепа (в Кобаднанском оазисе) 47, 65, 75, 102, 109, 128, 129
Низамийе, медресе 131
Нишапур 132, 181, 182, 183
Нованак (Новандак) тепе 210
Нурек 157
Обикийская долина 146
Обь р. 182, 201
Орловский могильник 102
Отуз-Адыр 86
Пайкенд 193
Памир 92, 181, 195
Паргар р. 156
Парфия 56
Парфия Западная 100
Пенджикент 51, 54, 56, 60, 61, 70, 78, 81, 85, 88, 92, 98, 101—103, 108, 113, 117, 121, 122, 124, 125, 133, 135, 141, 207, 208
Передний Восток 51, 115
Пир-и Аламдар 204
Прибалтика 195
Прииртышье 102
Пяндж р. 156
Рим 182
Россия 3
Саёд 7, 193
Саксанохур 55, 138
Сали-Сарай 157
Саманидов мавзолей 211
Самарканд 98, 121, 144, 161
Самарра 98
Сангтуда 212, 213
Сарайская переправа 157
Сарай-Файзабад 156
Сари 116, 117
Сахетх 56
Саят 131
Сват р. 117
Сеистап 66
Селевкия на Тигре 55
Сенгимауз 75
Сибирь 101, 118
Сибирь Южная 102, 103
Сираф 182
Систан 182
Слудки 186
Согд 57, 65, 66, 81, 84, 92, 118, 121, 122, 131, 138, 144, 182, 196, 207, 209
Средиземноморье 134
Средний Восток 132, 197, 210

Средняя Азия 3, 49—57, 61, 63, 65, 67,
70, 72, 75, 77, 78, 86, 90—93, 98, 100—
105, 108, 109, 113, 118, 120, 123, 129,
131, 132, 134, 138, 139, 144, 145, 146,
160, 161, 163, 164, 191, 195, 197, 207—
209, 211, 212

Старая Ниса 72, 81

Сузы 55, 207

Сургут 182, 201

Сурхандарьинская обл. 6, 119, 121, 126,
128, 130, 137, 193

Сурх-Котал 56, 207

Таджикистан 81, 161, 181

Таджикистан Северный 106

Таджикистан Юго-Западный 3

Таджикистан Южный 3, 4

Таки-Бустан 87

Таласская долина 101, 105

Таликан 157

Тараз 86, 98, 122

Тахта-Базар 188, 189

Тахта-Базарский р-н 184, 193

Тахти-Сангин 56

Тахти-Сулейман 56

Ташкент 98, 101

Тепан-Зохах 72

Терекли хр. 3

Термез 6, 95, 119, 121, 135, 137, 145, 161,
163, 193, 208, 209

Тешиккала 101, 130

Тешкан 181

Тирмизактепе 65

Токкала 101

Топраккала 84

Тохаристан Северный 70, 88, 153

Тулул ал-Ухайдир 98, 100

Туркестан 183, 193, 212

Туркмения Южная 66, 133, 188

Турфан 207

Туткаул 212

Узбекистан 92, 119

Узбекистан Южный 4

Узун 4, 147, 148, 151, 157, 158, 213

Ура-Гюбе 78

Уртабоз I 120, 125

Уртабоз II 125, 127, 130, 207

Урта-Тугай 156

Уструшана 66, 122, 207

Файзабад 146

Файзабадкала 156

Фарс 191

Фаязтепе 138, 209

Фергана 51, 57, 66, 78, 188, 196, 210

Фергана Западная 105

Фрунзе 123

Фундукистан 140, 141, 211

Хадда 140, 141

Хазрет-Имам 157

Халкаджар 135

Халчаян 138

Харджирд 131

Хатлан 212

Хатра 51, 55

Хау-хан 188

Хелаверд 4, 121, 146, 149, 155—158, 212,
213

Херсонес 95

Хирмантепа 84

Хисарское владение 212

Хишттепа 157

Ходжент 122, 186

Хорасан 182, 189, 202, 203, 213

Хорасан Северный 131, 134

Хорезм 57, 70, 72, 84, 90, 93, 101, 108, 113,
121, 123, 193

Хульбук 7, 98, 155—158, 187, 193, 213

Хунзах 198, 201, 204

Хутгаль 119, 120, 132, 146, 153, 158, 212

Центральная Азия 87, 141, 144, 195

Цинциннати 116

Чаганиан 7, 137, 138, 144—146, 210

Чач 57, 65, 138, 146, 207

Чильхуджра 55, 65

Чоргультепа 125, 136, 207

Чордингак 212

Шаартузский р-н 131, 185, 203

Шахри-Кумис 208

Шахристан 55, 88, 113, 141, 184, 192

Шерабаддарья 137

Шехр-Ислам 189

Шикшин 75

Шри Ланка 143

Шорттепа 125

Шугнан 138

Яванская долина 135

Яванское городище 135

Якке-Парсан 101, 102

Ялшибайтепа 128, 130

SUMMARY

B. A. Litvinsky, V. S. Solovjev. *History and Culture of Medieval Tokharistan in the Light of Excavations in the Vakhsh Valley*. The book deals with the history, culture and contacts of medieval Tokharistan. The analysis is primarily based on the results of excavations in the Vakhsh Valley (Tadjik SSR) carried out by the authors as well as a variety of materials from other regions of Tokharistan. Written sources, architectural monuments, works of art, finds of coins and other materials are analysed along with the archaeological ones. The above data have suggested a comprehensive picture of Tokharistan's culture and history.

The book offers a minute description of the results of excavations of the Vakhsh Valley's early medieval capital which was situated on the spot of the Kafyr-kala site in what is now the town of Kolkhozabad. Excavated were the whole of a citadel and its palace complex as well as the fortification which suggested three chronological periods (the 4th, mid-6th to mid-7th, and mid-7th to mid-8th centuries). In addition, excavations were made of the city proper. Special chapters feature the routine of excavations at Kafyr-kala as well as architecture, material culture and works of art (including those found in a Buddhist shrine).

Excavations at Kafyr-kala have given the idea about the structural pattern of Tokharistan's medieval city. It consisted of three parts: the citadel, the city proper (shahristan) and the suburb. The planning of the capital is studied in detail. The excavations at the site of Kalai-Kafirnigan provided data on the lay out of a shahristan incorporating big houses of the aristocracy, a Buddhist shrine and houses of the urban poor. The Adzhina-tera excavations showed in detail the planning of a large Buddhist monastery. The book summarizes the results of excavations both in Southern Tadjikistan and in Southern Uzbekistan (Balalyk-tepe, Dzhumalak-tepe and others).

A large chapter entitled "The Economy, Ethnic Pattern, Trade and Cultural Ties" looks into the general problems of the 5th-8th century history and culture of Tokharistan. It also outlines the structural pattern of towns, castles and rural settlements from the viewpoint of their architecture, planning and social economy as well as the role and place of pre-Islamic culture of Tokharistan and the whole of Central Asia in the development of a subsequent culture of the Islamic period.

The second part of the book deals with the materials associated with the medieval capital of the Vakhsh Valley, the city of Helaverd, which was situated on the spot of what is now known as the site of Lyagman (Kolkhozabad District). The authors describe the site itself and its excavations, which have given some 70 bronze items (ewers, bowls, lamps etc.) mainly dated by the 11th-early 13th centuries (their complete list is made).

The Conclusion assesses the role of Tokharistan among the historical and cultural regions of Central Asia.

Табл. 1. Кафыркала. Северный фасад

Табл. 2. Кафыркала. Цитадель. Общий вид помещения V

Табл. 3. Кафыркала. Цитадель. Общий вид помещения 3

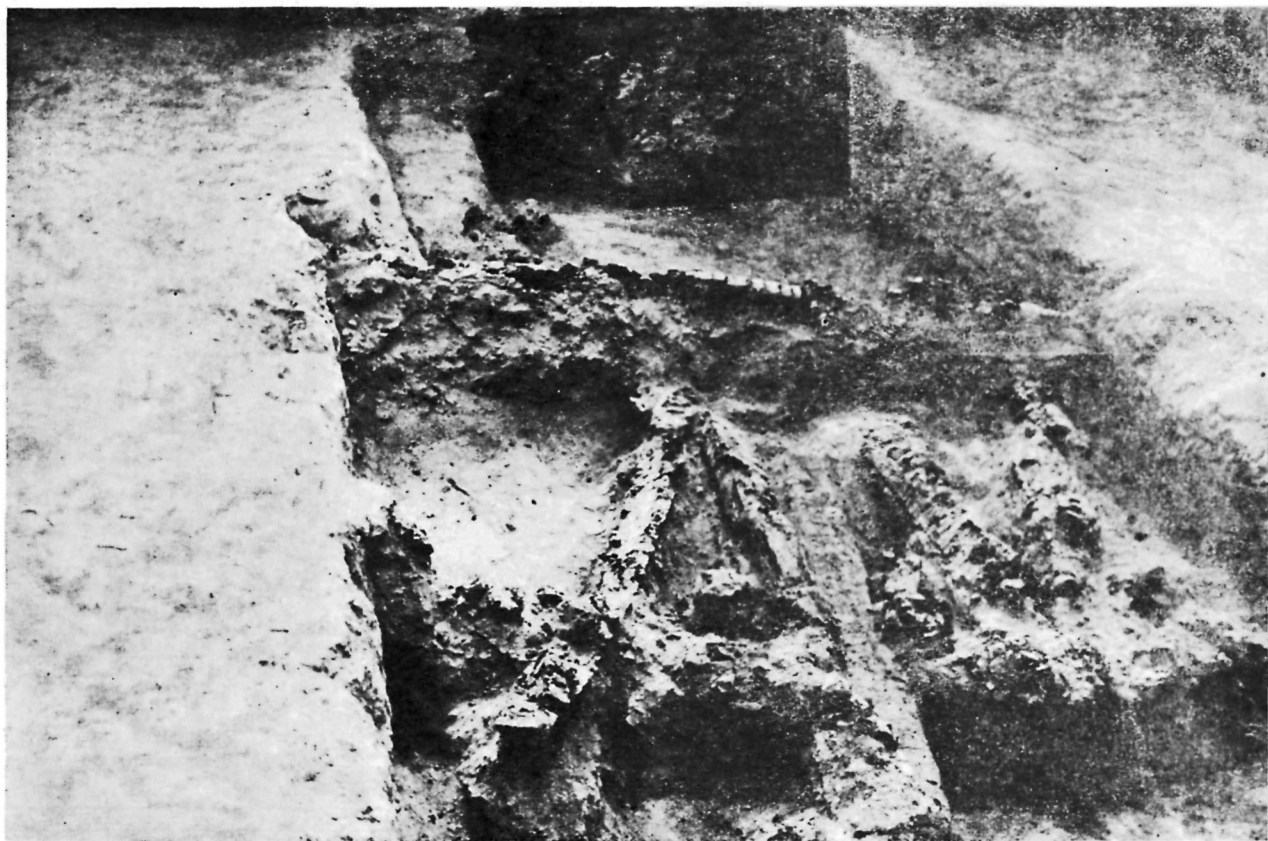

Табл. 4. Кафыркала. Цитадель. Помещение 14. Обгоревшие детали перекрытия

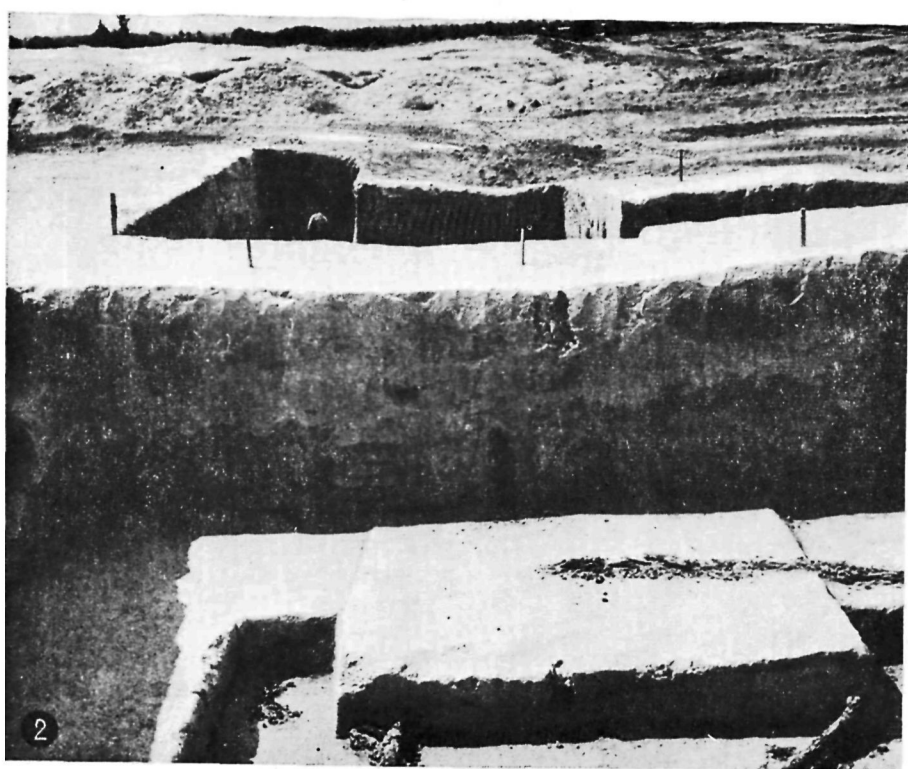
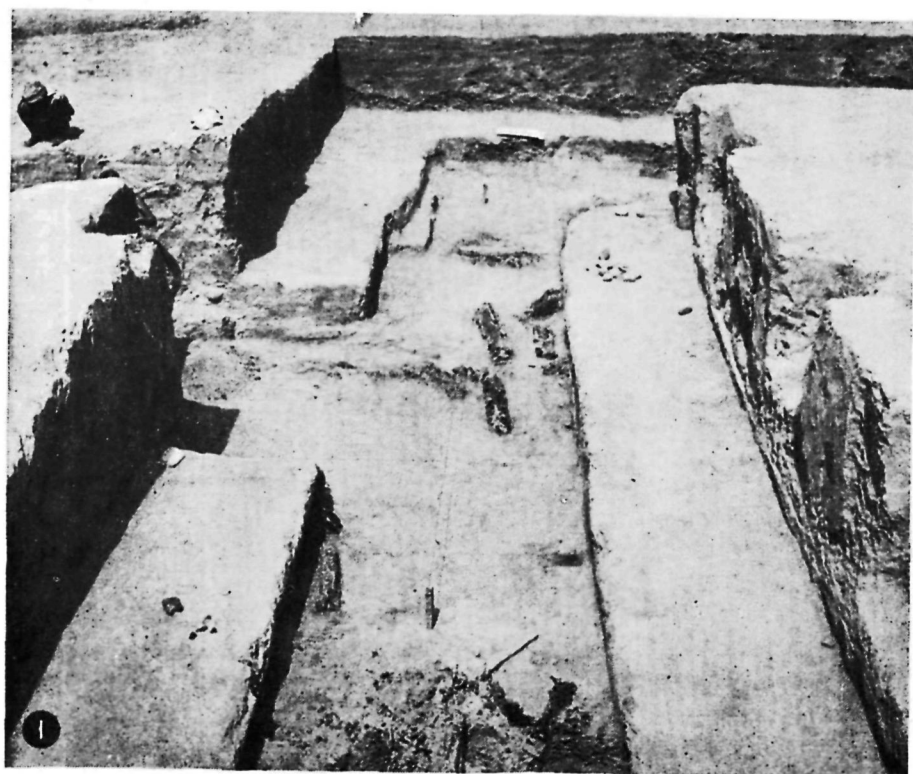

Табл. 5. Кафыркала. Цитадель:
1 — общий вид помещения 14; 2 — общий вид помещения 11

Табл. 6. Кафыркала. Цитадель. Северная анфилада помещений

Табл. 7. Кафыркала. Цитадель. Помещение 19

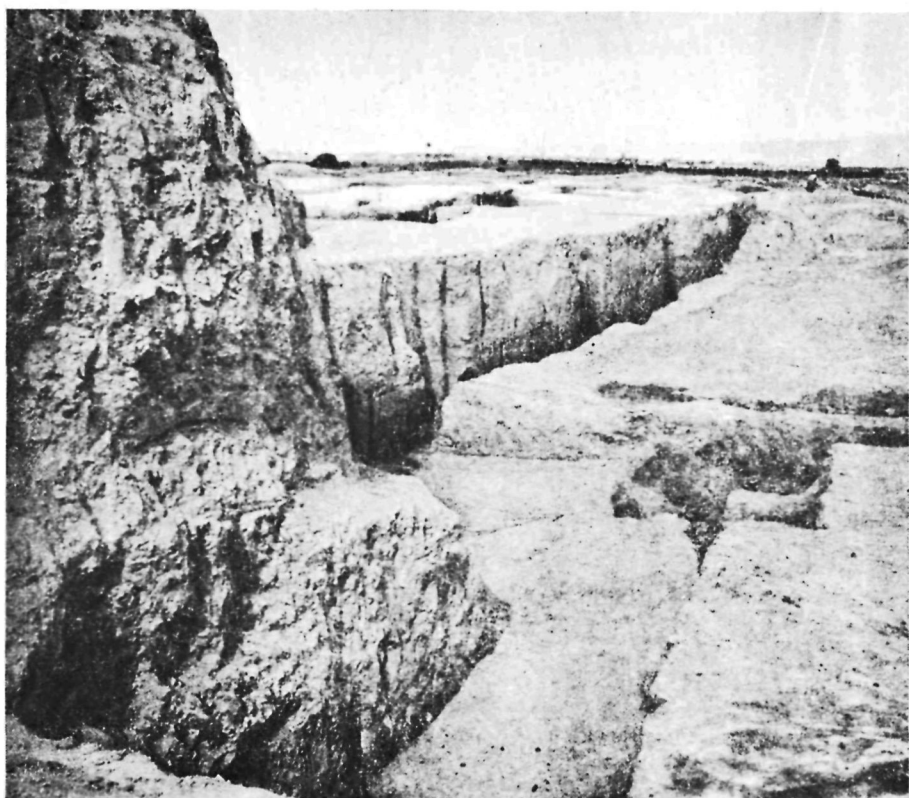

Табл. 8. Кафыркала. Цитадель. Раскоп вдоль северного фаса

Табл. 9. Кафыркала. Пахсовая стена, прорезанная швами

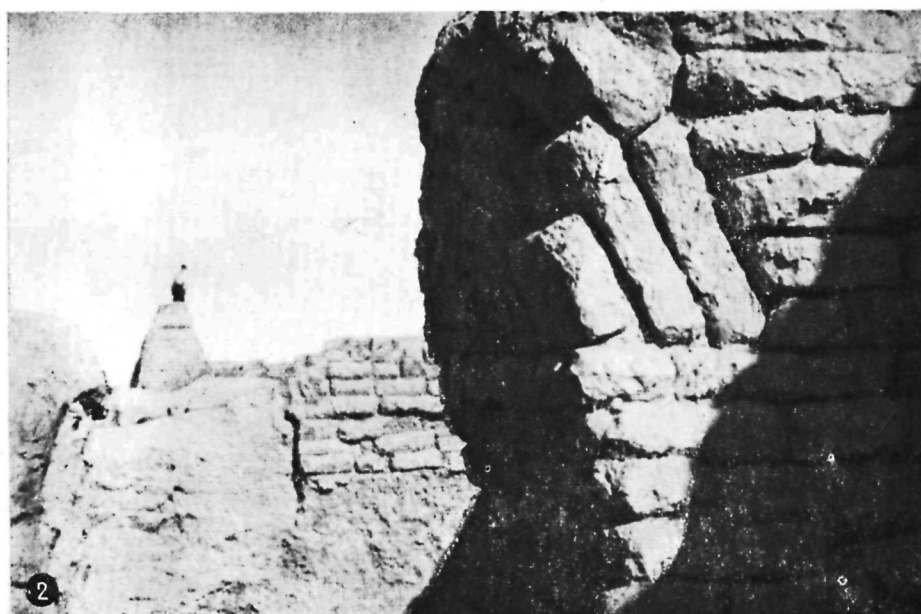

Табл. 10. Кафыркала. Цитадель:

1 — арочная ниша в помещении 6 (период КФ-I); 2 — арка входа в помещение 9 (период КФ-I)

Табл. 11. Кафыркала. Арка входа, соединявшего северный коридор и помещение II.
Вид со стороны коридора (период КФ-II)

Табл. 12. Кафыркала. Цитадель. Тромп в помещении I

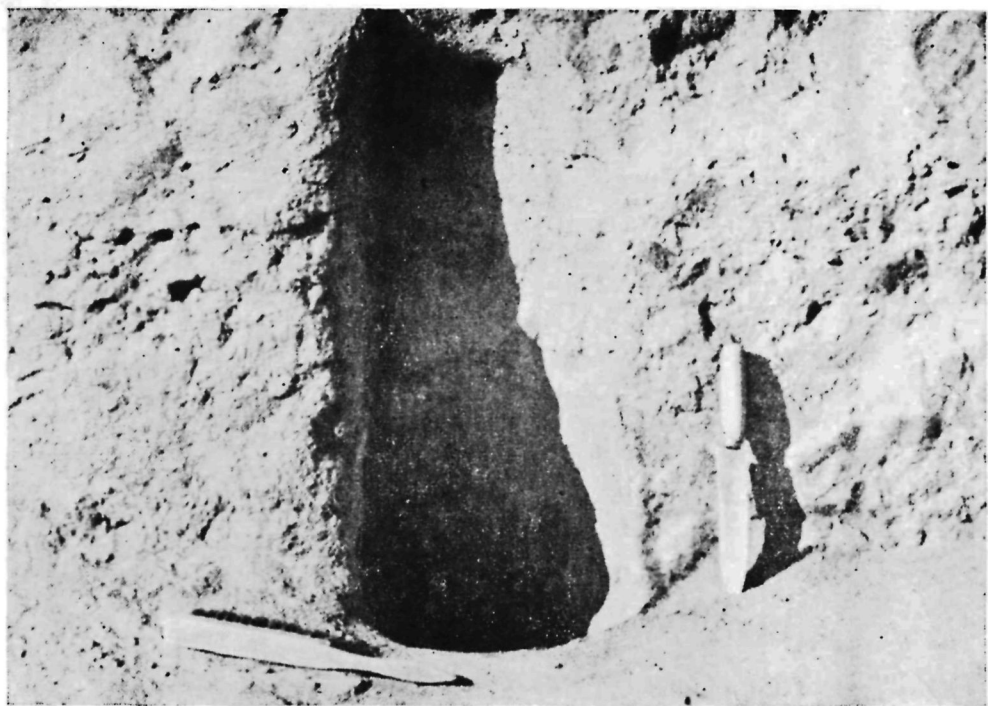

Табл. 13. Кафыркала. Цитадель. Помещение 3. Гнезда деревянных разгрузочных колонн

Табл. 14. Кафыркала. Цитадель. Свод помещения 2

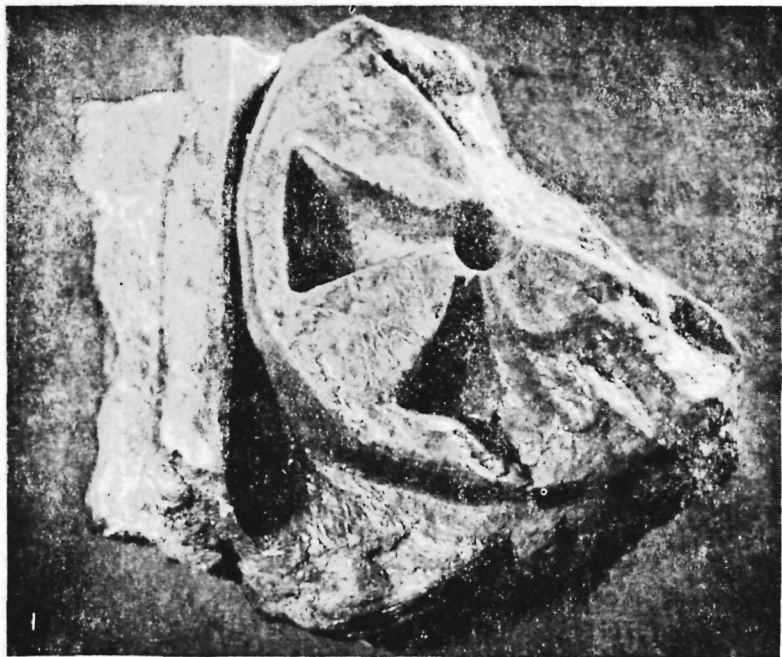

Табл. 15. Кафыркала. Цитадель. Фрагменты глиняных рельефов

Табл. 16. Кафыркала. Цитадель. Верх декоративной бойницы в нише восточного фаса

Табл. 17. Кафыркала. Цитадель. Участок оборонительной стены

Табл. 18. Кафыркала. Каменный сосуд

Табл. 19. Кафыркала. Керамический рельеф со сценой охоты

Табл. 20. Городище Лягман. 1—3. Бронзовые кувшины

Табл. 21. Находки

1 — чернильница (городище Лягман); 2 — ступка (случайная находка; Шаартуз); 3 — медальон чернильницы (случайная находка; Шаартуз); 4 — чернильница (случайная находка; Шаартуз)

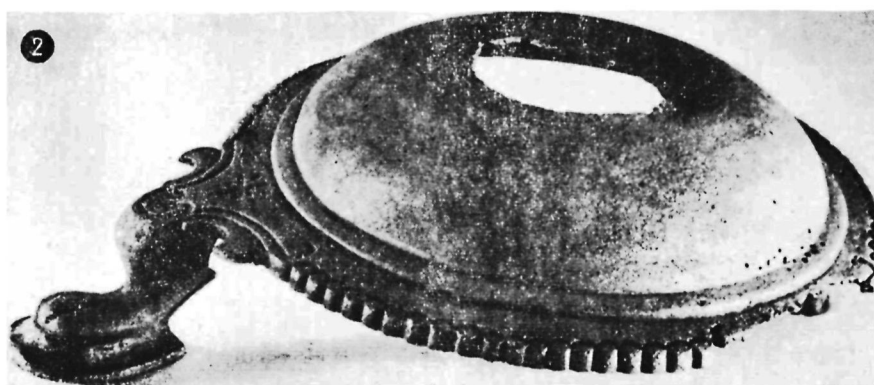
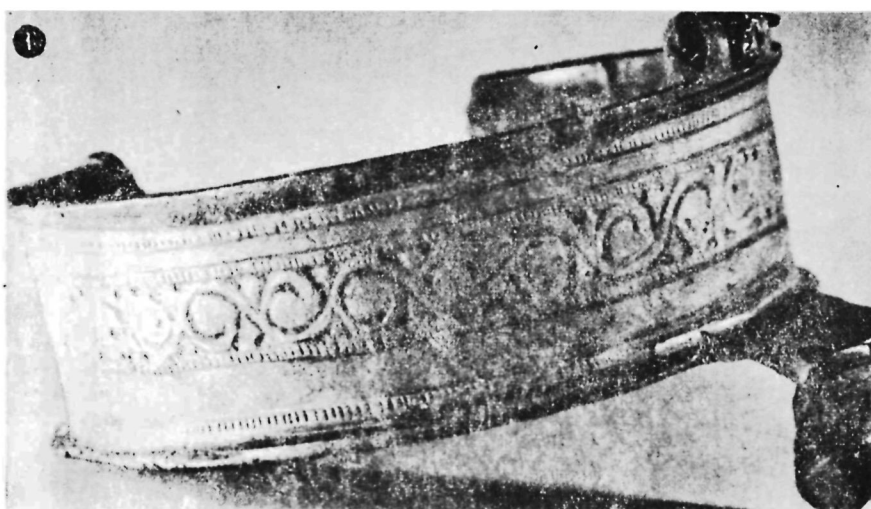

Табл. 22. Городище Лягман:
1, 3 — курильницы; 2 — подставка светильника

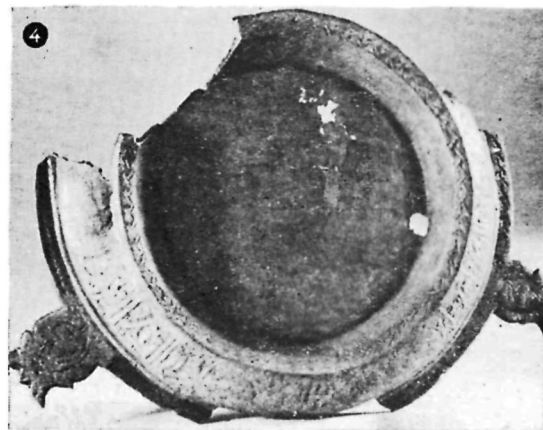
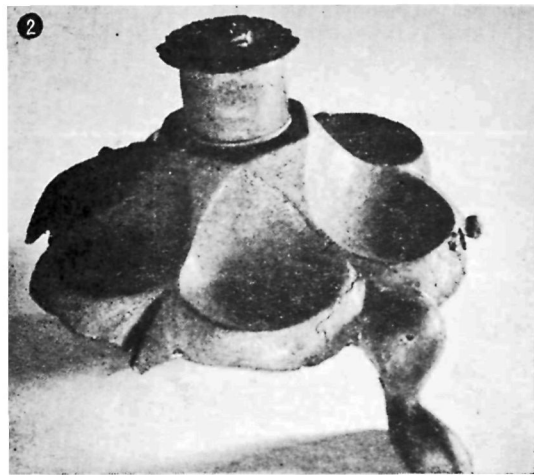

Табл. 23. Городище Лягман:
1, 2, 3 — подставки светильников; 4 — курильница

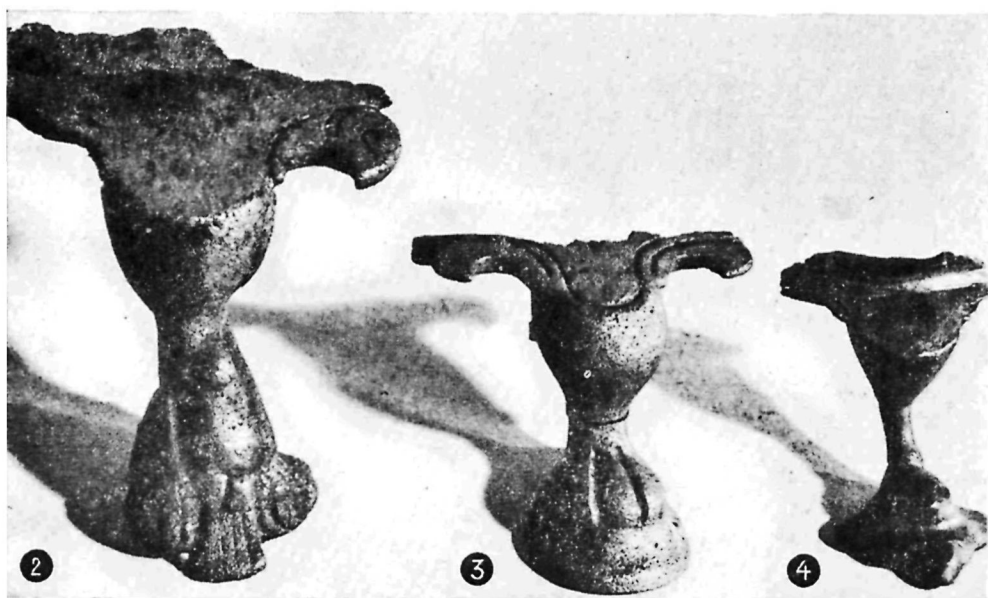
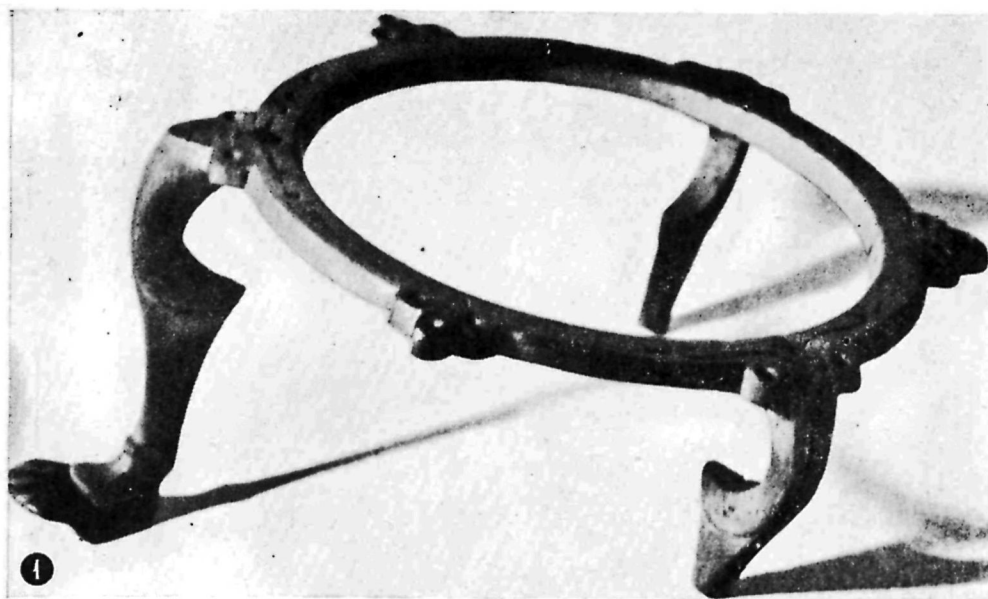

Табл. 24. Городище Лягман:
1 — подставка-кольцо на трех ножках; 2, 3, 4 — фрагменты ножек светильников

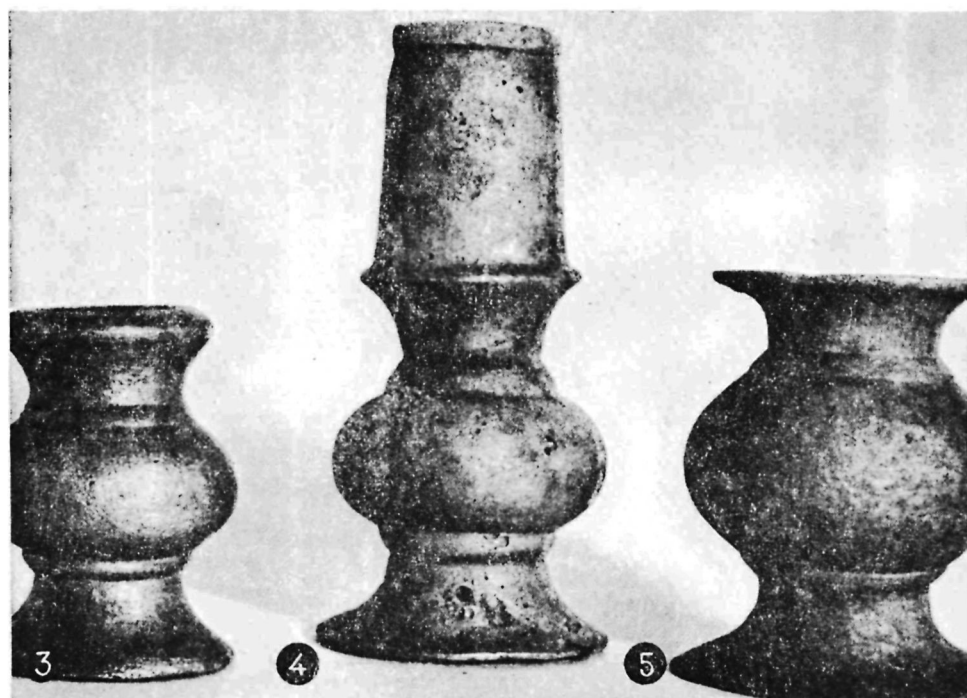
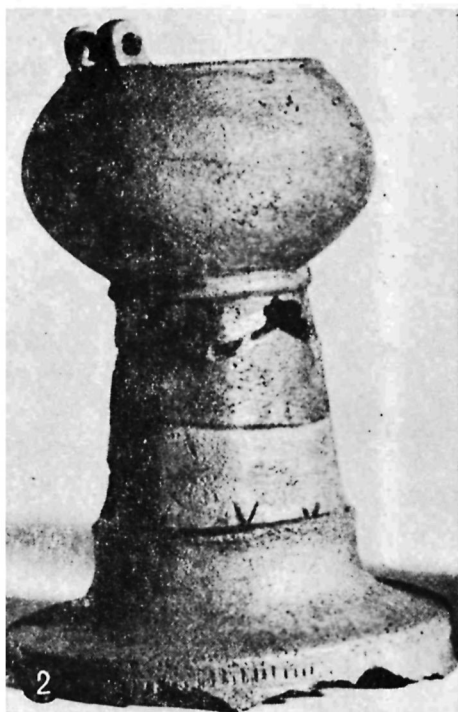

Табл. 25. Городище Лягман. Детали ножек светильников

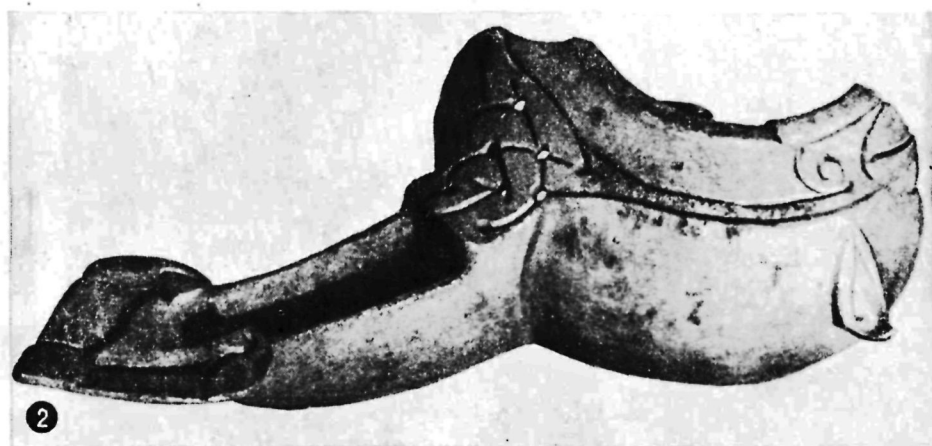

Табл. 26. Городище Лягман. Святильники

Табл. 27. Городище Лягман. Детали металлических изделий:
1 — горло и носик кувшина; 2 — ножка подставки светильника

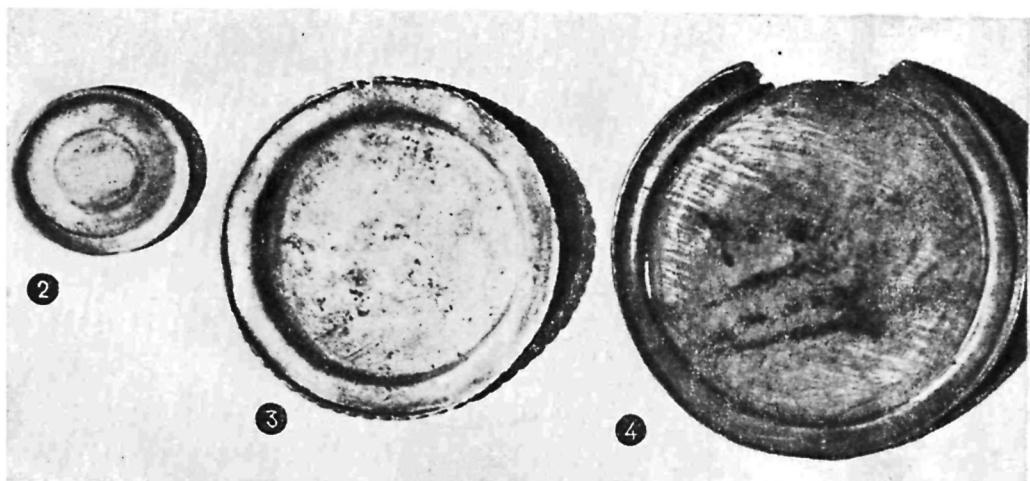
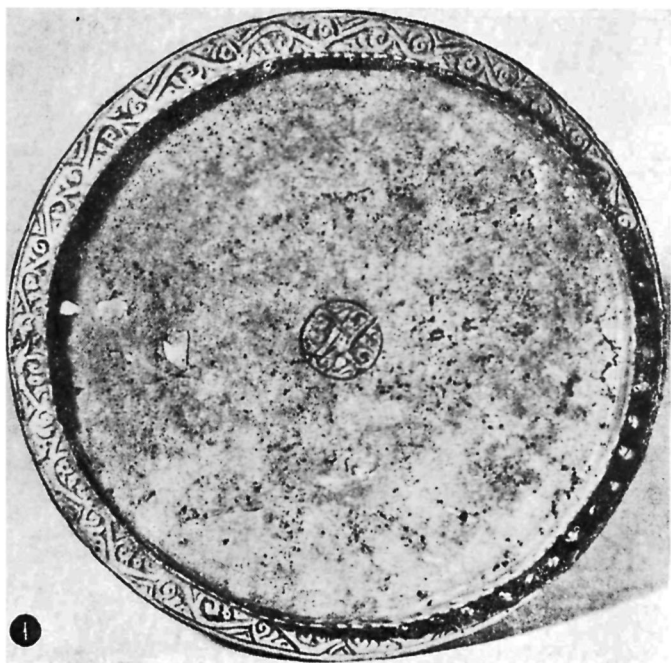

Табл. 28. Городище Лягман. 1—4. Металлические блюда

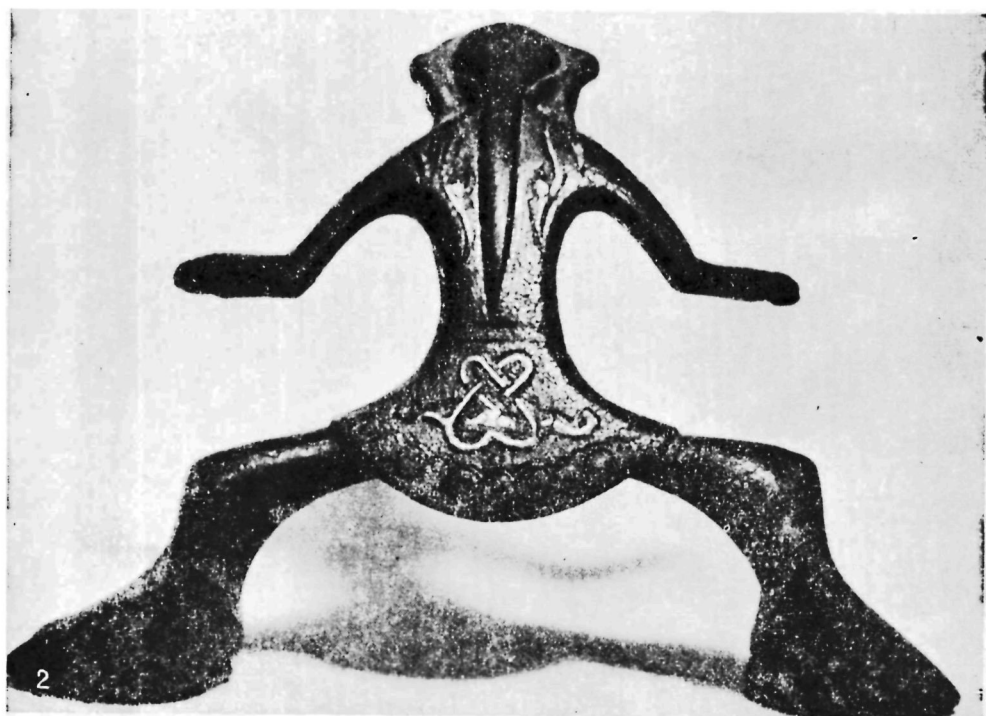
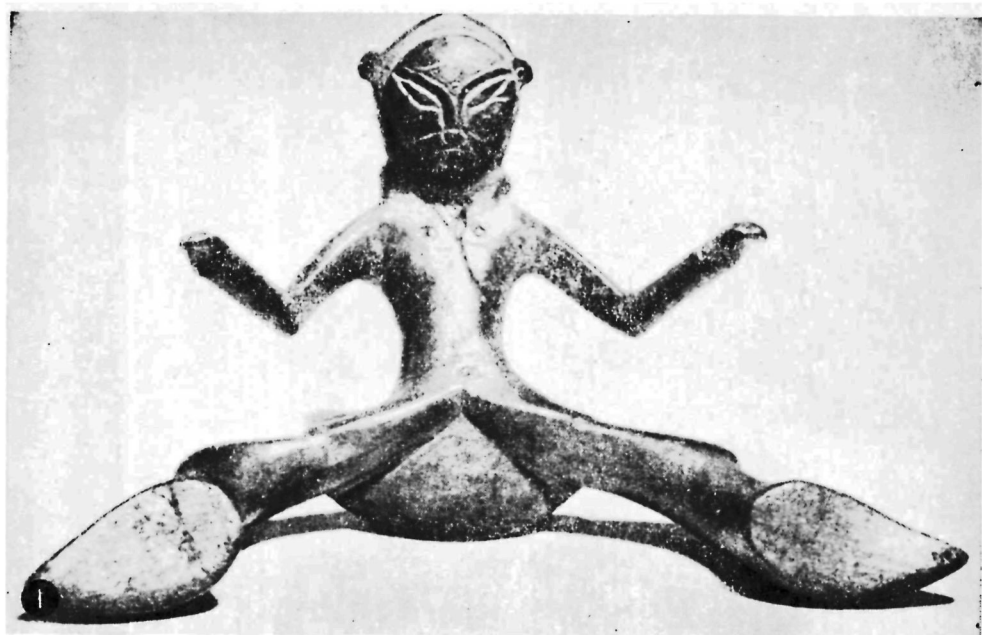

Табл. 29. Городище Лягман. Ручка в виде человеческой фигурки

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Городище Кафыркала (Раскопки. Стратиграфия. Датировка) . . .	8
Глава II. Архитектура и фортификация Кафыркалы	49
Глава III. Материальная культура и памятники искусства Кафыркалы . .	96
Глава IV. История, культура и связи Тохаристана в раннем средневековье	119
Глава V. Городище Лягман (Раскопки. Стратиграфия. Датировка. Идентификация. Материальная культура)	148
Заключение	195
Приложение I. А. А. Иванов. Надписи на средневековых бронзовых изделиях из Южного Таджикистана	198
Приложение II. М. С. Шемазанская. Химико-технологическое исследование бронзовых изделий из узунского собрания	205
Примечания	207
Цитированная литература	214
Список сокращений	235
Указатель географических названий и археологических памятников . . .	237
Summary	240
Иллюстрации	241

*Борис Анатольевич Литвинский,
Виктор Степанович Соловьев*

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА
ТОХАРИСТАНА
(в свете раскопок в Вахшской долине)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младший редактор *Н. О. Хотинская*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Повоскина*
Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 15238

Сдано в набор 05.10.84. Подписано к печати
20.05.85. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать
высокая. Усл. п. л. 23,10. Усл. кр.-отт. 23,10.
Уч.-изд. л. 25,27. Тираж 1450 экз. Изд. № 5564.
Зак. 700. Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

4p. 2016.